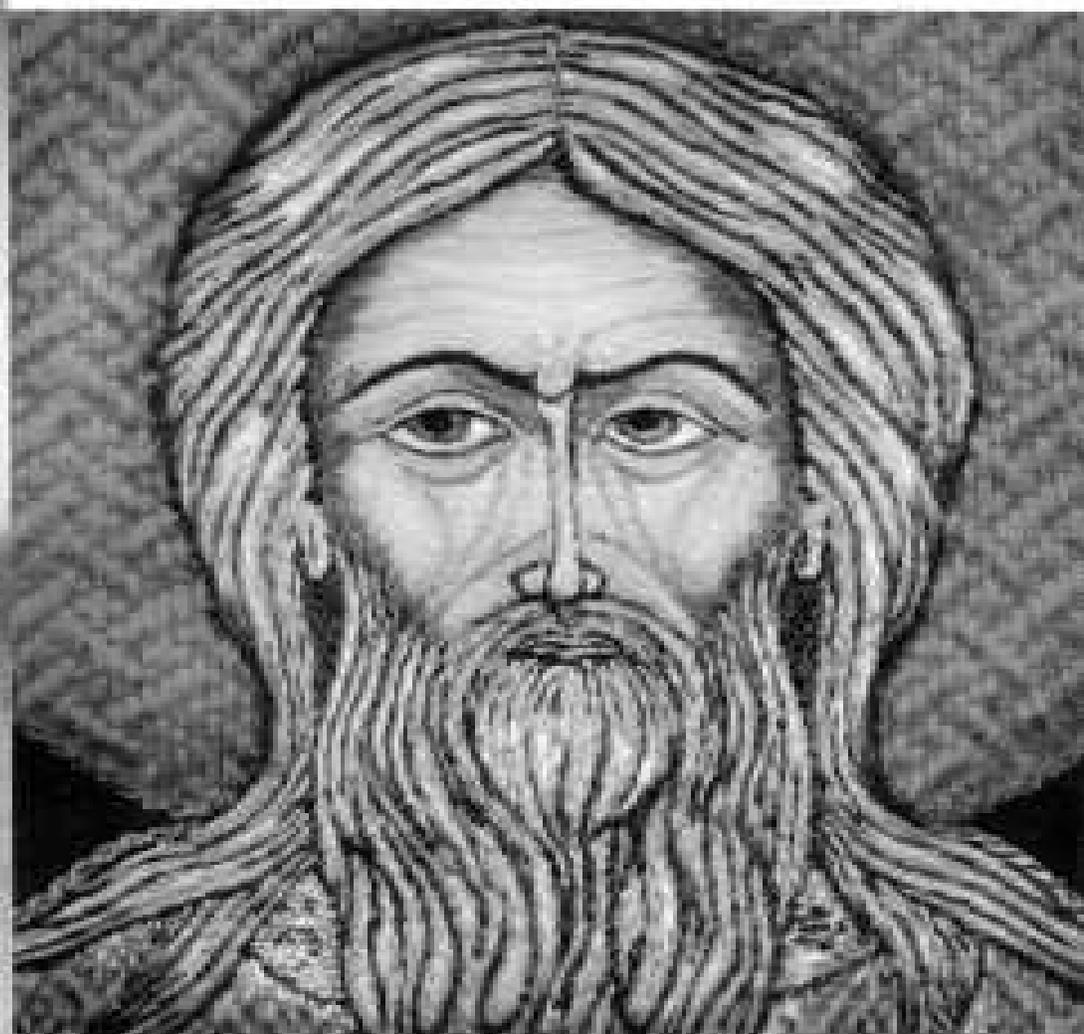

ПРОТОПОП АВВАКУМ

Кирилл
Кожурин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Протопоп Аввакум Петров (или Аввакум Петрович, 1620–1682) принадлежит к числу наиболее ярких фигур русской истории. С необыкновенной мощью явил он миру те качества, в которых отразился русский человек во всём многообразии его характера, — несокрушимую волю, силу духа, страстность, готовность к самопожертвованию во имя великой идеи. Помимо прочего, Аввакум — несомненно, гениальный писатель, на столетия опередивший своё время. Написанное им в пустозёрском заточении автобиографическое «Житие» — жанр прежде немыслимый в отечественной литературе! — одно из самых сильных произведений не только русской, но и мировой словесности. Представленная в серии «ЖЗЛ» книга о нём во многих отношениях необычна. Прежде всего потому, что она принадлежит перу старообрядческого историка и даёт именно старообрядческий, во многом непривычный и неожиданный для неподготовленного читателя взгляд и на биографию «огнепального» протопопа, и на церковный раскол второй половины XVII века, и на всю русскую историю этого и последующего времени.

- [Кирилл Кожурин](#)
- [От издательства](#)
- [От автора](#)
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвёртая](#)
 - [Святая Русь на пороге Апокалипсиса](#)
 - [Русский путь по сценарию иезуитов](#)
 - [Смерть патриарха](#)
- [Глава пятая](#)
 - [Начало никоновской реформации](#)
 - [Первые жертвы инквизиции](#)
- [Глава шестая](#)
 - [В столице Сибири](#)
 - [Экспедиция Пашкова](#)
 - [«Велено ехать на Русь...»](#)

- [Глава седьмая](#)
 - [«Воистинно смущенна церковь ныне...»](#)
 - [Мезенская ссылка](#)
 - [1666-й](#)
 - [«Разбойничий собор»](#)
- [Глава восьмая](#)
 - [В темнице пустозёрской](#)
 - [«Писано моею рукою грешною»](#)
 - [«Рассвирепела буря никониянская...»](#)
 - [«Соловецкое сидение»](#)
 - [Несбывшиеся надежды](#)
 - [Пустозёрский костёр](#)
- [Эпилог](#)
- [Краткая библиография](#)
- [Основные даты жизни и деятельности протопопа Аввакума Петрова \[77\]](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
-

Кирилл Кожурин
Протопоп Аввакум
Жизнь за веру

От издательства

Издательство «Молодая гвардия» не впервые обращается к личности протопопа Аввакума. Ранее очерк о нем уже выходил в серии «Жизнь замечательных людей» — в сборнике «Русские писатели XVII века». Но данная книга — совсем иного рода. Во многих отношениях она необычна. И в первую очередь тем, что в ней представлен именно старообрядческий взгляд и на биографию «огнепального» протопопа, и на церковный раскол второй половины XVII века, и на всю русскую историю этого и последующего времени.

Автор книги, петербургский историк и публицист Кирилл Яковлевич Кожурин, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, член Российского философского общества, сам является приверженцем старой веры, принадлежа к Древлеправославной Поморской Церкви — крупнейшему религиозному объединению староверов так называемого поморского (беспоповского) согласия. В последние годы наряду со светской работой он преподаёт на Духовных курсах при Невской Старообрядческой Поморской общине; в мае 2006 года на Третьем Всероссийском соборе Древлеправославной Поморской Церкви он был избран членом Российского Совета ДПЦ, с июня 2006 года является ответственным редактором Календаря Древлеправославной Поморской Церкви. Всё это всецело определяет его отношение к описываемым в книге событиям и его общую мировоззренческую позицию.

В настоящее время, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что церковный раскол второй половины XVII века — одна из наиболее трагических и кровавых страниц русской истории, в полном смысле этого слова общенациональная катастрофа. Вполне осознаются и масштабы произошедшей трагедии, приведшей к расколу не одной только Церкви, но всего русского народа, значительная (и во многих отношениях лучшая!) часть которого либо была уничтожена физически, либо оказалась вынуждена бежать в леса и укрываться вне досягаемости царских войск в глухих уголках Российского государства или за его пределами. (Автор книги использует применительно к событиям XVII века даже такое понятие, как «геноцид русского народа».) С другой стороны, уже давно доказано и признано, в том числе и официальной Церковью, что вопрос о неправильности древнерусского богослужебного обряда, ставший

причиной раскола, является не более чем недоразумением, что старый русский обряд не был отступлением от греческого, а взгляд на него как на ересь был навязан на Большом Московском соборе 1666/67 года греческими патриархами, отменившими решения Стоглавого и других древних поместных соборов (обо всём этом подробно рассказывается в книге). Клятвы против старого обряда были окончательно отменены Поместным собором Русской Православной Церкви в 1971 году. Тем не менее до примирения и даже до какого-либо взаимопонимания, самой возможности диалога между официальной Церковью и отдельными, наиболее последовательными и радикальными старообрядческими согласиями ещё очень и очень далеко, и это отчетливо ощущается и в настоящей книге.

Вероятно, можно спорить о том, на ком лежит ответственность за произошедшую катастрофу: исключительно ли на тех, кто инициировал, а затем столь бездумно и безжалостно провёл церковную реформу, или же, вместе с ними, ещё и на тех, кто воспринял её как нарушение церковного предания и извращение сути христианского учения, позволившее разорвать всякое общение не только с инициаторами реформы, но и с Церковью в целом. Если официальная Церковь исходит из того, что обрядовые расхождения, послужившие причиной раскола (форма крестного знамения, порядок каждения храмов и т. п.), ничтожны по своей сути и не затрагивают догматов вероучения, то для автора настоящей книги, как и для большинства приверженцев старой веры, речь идёт об изменении именно догматов веры, ибо, как пишет К. Я. Кожурин, *«в корне неверно выделять в таинствах внешнее, якобы неважное, несущественное, и внутреннее — существенное»*. Но при таком взгляде никакое примирение с официальной, «новообрядческой» Церковью и существующей церковной иерархией и даже признание последней оказываются в принципе невозможными. И это, конечно, весьма печально.

Вероятно, можно спорить и о неизбежности церковной реформы, её роли и значении в истории страны. Автор, несомненно, прав, утверждая, что никоновские реформы предвосхитили последующие петровские преобразования, в корне изменившие жизнь русского человека и приведшие к десакрализации (обмирщению) культуры, падению роли Православия в жизни общества, отказу от многих прежних духовных ценностей и идеалов «Святой Руси». Применительно к тем процессам, которые начались в стране с никоновских преобразований, в книге используется термин «раскрещивание Руси» — термин очень сильный и, возможно, шокирующий читателя, но, очевидно, имеющий право на

существование, особенно в свете того, что произошло со страной в XX столетии. Однако оценка тех процессов, начало которым было положено в XVII и начале XVIII века, кажется всё же излишне категоричной. Как представляется, в её основе лежит, с одной стороны, явная идеализация «Святой Руси» — то есть в данном случае Руси дониконовской, а с другой — оценка любого влияния с Запада как тлетворного, разлагающего, несущего в себе заведомое зло для русской самобытности. Западный, а точнее, иезуитский след автор видит и в самой церковной реформе середины XVII века. Но всё ли здесь столь однозначно? Чудовищная по своей жестокости петровская модернизация страны проходила при несомненном влиянии западного, в значительной степени десакрализованного и враждебного Православию мира. Но можно ли назвать её безусловным злом для России? Позволительно, наверное, задаться вопросом: смогла бы Россия ответить на вызовы времени, не будучи «поднята на дыбы» гением Петра? А с другой стороны, смог бы Пётр провести свои преобразования, если бы его потенциальные противники не были бы столь безжалостно и безвинно разгромлены и уничтожены в царствование его отца, «тишайшего» Алексея Михайловича?

Подобные вопросы по большей части не имеют чётких и однозначных ответов. Так что не станем и мы углубляться в дебри мировоззренческих споров, предоставив их читателю, — благо настоящая книга даёт для этого хорошую возможность. Скажем лишь о том, что, не разделяя полностью взгляды, изложенные в книге, мы всё же сочли возможным издать её. Ибо биография Аввакума — человека, ставшего ярчайшим символом борьбы за старую веру в эпоху великих церковных потрясений, — несомненно, заслуживает того, чтобы быть представленной в серии «ЖЗЛ» автором, близким ему по воззрениям, принадлежащим к тому направлению в старообрядчестве, приверженцы которого в наибольшей степени могут быть названы прямыми продолжателями его дела.

От автора

В истории русского старообрядчества что ни человек — то яркая личность. Но даже на фоне других выдающихся деятелей старообрядческого движения протопоп Аввакум выделяется своей поистине исполинской фигурой, по силе проповеди приближающейся к новозаветным апостолам, а в «огнепальной ревности» по вере — к ветхозаветным пророкам. Вся его многострадальная жизнь, прошедшая в беспрестанной борьбе за истину, была мученическим и исповедническим подвигом за Христа. Не только словом, но и всей своей жизнью доказал «богатырь-протопоп» преданность вере Христовой и заветам своих благочестивых предков. Жизнь его исключительна, слово его — гениально, вера его — невероятна.

13 января 2006 года мне посчастливилось впервые посетить место, святое для каждого русского человека, место, которое одним названием своим как будто говорит о том, что здесь край земли, а дальше уже ничего нет... Легендарный Пустозёрск, бывший город Пустозёрск... Бывший — потому что города здесь давно не существует. Словно легендарный Китеж, словно некогда Святая Русь, исчез он с лица земли. Но, как известно, свято место пусто не бывает, и ушедший на дно беспощадного океана Истории Пустозёрск продолжает притягивать к себе всех, для кого имя огнепального протопопа Аввакума — не пустой звук, всех, в чьей душе его страстная проповедь до сих пор находит живой отклик.

Накануне в столице Ненецкого автономного округа Нарьян-Маре стояли тридцатиградусные морозы. Однако наша группа паломников в составе пяти человек решила поездку не откладывать, ведь зимой добраться до «городища Пустозёрска» (таково теперь его официальное наименование) не так-то легко, а тогдашним главой округа А.В. Баринным специально для нас был выделен катер на воздушной подушке. Катер этот был настоящим «чудом техники». На нём «плыть» 26 километров по Печоре, а затем — по одному из её рукавов. Ехали не «по воде, аки по суху», а «по суху, аки по воде» — по снегу да льду мчались на катере! Путь наш до Пустозёрска занял не более часа. Мимо проплывали однообразные заснеженные берега Печоры с невысокими деревьями и кустарниками, тусклое зимнее солнце едва поднималось над линией горизонта. Время от времени попадались одинокие любители подлёдного лова. Наконец добрались — вдали показались восьмиконечные кресты — остатки

пустозёрского кладбища. Вышли из катера — снега по колено. Добрели, проваливаясь в снег, до предполагаемого места сожжения пустозёрских мучеников: Аввакумов крест и памятный знак стоят на возвышенном, открытом всем ветрам холме — здесь уже почва под ногами твёрдая. Можно немного передохнуть...

Глазам открылась картина неопишуемая: лиственничный восьмиконечный крест среди снежной равнины, а по двум сторонам его, почти друг напротив друга, солнце и полная луна, как на древних старообрядческих распятиях... К кресту прибили деревянную полочку, поставили привезённые с собою меднолитые («вольяшные», как сказал бы соузник и духовный отец Аввакума инок Епифаний) створы с Деисусом. Настоятель Нарьян-Марской старообрядческой общины отец Пётр на пронизывающем до костей ледяном ветру едва разжёл старинное кадило с деревянной ручкой, покадил крест, иконы, невысокий могильный холм... Летом нарьян-марские староверы обычно служат продолжительную панихиду по пустозёрским мученикам, мы же из-за суровых погодных условий ограничились краткой заупокойной литией. Отзвучала последняя «Вечная память»... Читается заупокойный тропарь, звучат имена пустозёрских страдальцев — *«Покой, Господи, душа усопших раб Своих, священнопротопопа Аввакума, священноиерея Лазаря, священнодиякона Феодора и инока Епифания. И елико в житии сем яко человецы согрешиша, Ты же, яко Человеколюбец Бог, прости их и помилуй. И вечныя муки избави. Небесному Царствию причастники учини. И душам нашим полезная сотвори»* ...

Невозможно описать всех чувств, какие испытываешь на этом священном месте. В безбрежной заснеженной пустыне всё мирское, суетное как-то само собой забывается, и ты предстоишь Богу один на один. С другой стороны, ощущаешь незримую связь с теми, чей прах покоится на этой земле, их молитвенное предстательство пред Престолом Божиим. Может быть, и наш мир ещё продолжает стоять благодаря их неустанному заступничеству и молитвам?.. Благодаря тому, что когда-то выдержали, не испугались, пошли до конца?.. Бог весть... И словно в подтверждение этих моих чувств и мыслей по окончании литии необыкновенное явление, небесное знамение — столп огня, пробивающийся ввысь из-за туч, вырастающий из закатного солнца, словно зримая связь между землёю и Небом. Как здесь не вспомнишь Аввакума: *«И виде в вашу пред собою темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненны к небесам стоят простерты»*; и ещё: *«Распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша*

и ноги велики, потом и весь широк и пространен, под небесем по всей земли разпространился, а потом Бог вместил в меня небо и землю, и всю тварь»? Да, прах Аввакума и его союзников, заживо сожжённых в Пустозёрске, был развеян по ветру — палачи боялись, что могилы мучеников станут местом для поклонения сторонников старой веры, но отсюда, с заполярного края земли, особенно ясно видно, что могилой их действительно стала вся земля — *«под небесем по всей земли разпространился»* ... Мы уже далеко отъехали от Пустозёрска, а огненное зарево ещё долго стояло над городищем...

Глава первая

«РОЖДЕНИЕ ЖЕ МОЕ В НИЖЕГОРОЦКИХ ПРЕДЕЛАХ...»

А правдивый Мой от веры жив будет.

Книга пророка Аввакума, гл. 2, ст. 4

25 ноября 1620 года у священника села Григорова Закудемского стана Нижегородского уезда ^[1] Петра Кондратьева родился сын, который, согласно православной традиции, на восьмой день (2 декабря) наречён был Аввакумом, поскольку именно на этот день по святцам приходилась память ветхозаветного пророка Аввакума.

Образ святого покровителя будущего протопопа не мог не оказывать на него определённого влияния на протяжении всей его жизни. Сидя в Пустозёрске, в земляной яме, Аввакум вспоминал и своего тезоименитого покровителя: *«Человек бысть пророк Аввакум, его же принесе ангел от Иеросалима с пищею в Вавилон, в ров, к Даниилу. Но не я, окаянный Аввакум: я и сам сижу в рове, душею и телом обнажився, сам пят, с нагими же»*.

Ветхозаветный Аввакум (Хаваккук), чьё имя в переводе с древнееврейского означает «любовь Божия», или «обнимающий», «сильный борец», «подвижник», был восьмым из двенадцати так называемых малых пророков, происходил из Иудеи и жил во времена Вавилонского плена (VII век до Р. Х.). Зная, что вавилонский царь Навуходоносор с многочисленным войском приближается к Иерусалиму, Аввакум покинул город и поселился в небольшом городке Остракине на границе Палестины и Аравии. После того как Навуходоносор разрушил Иерусалим и покинул Иудею, Аввакум вернулся на родину и занялся возделыванием земли. Ему принадлежит Книга пророка Аввакума, которая вошла в состав Библии и впоследствии, несомненно, повлияла на жизнь и литературное творчество тезоименитого ему проповедника и защитника старой веры. Небольшая по объёму (всего три главы), она является настоящей жемчужиной Священного Писания как по глубине выраженных в ней мыслей, так и по красоте их выражения. Основная мысль Книги пророка Аввакума — о страдании невинных, о тайне зла и о спасении

праведных верой. В своей книге пророк Аввакум предсказал и будущее явление в мир Христа, рождение Его от Девы («Бог от юга приидет, и Святыи от горы присенныя часты»). По этой причине христианская Церковь называет пророка Аввакума «Богоглаголивым», а воспетая им молитвенная песнь служит источником для текстов ирмосов 4-й песни церковных канонов, так что имя ветхозаветного пророка можно услышать почти на каждой утрене.

В Прологе, одной из любимейших книг Древней Руси, в составе краткого жития пророка Аввакума говорится ещё об одном важном пророчестве, мимо которого внимательный к таким вещам протопоп уж никак пройти не мог: *«Сей даст знамение во Июдеи, яко узрети имут в церкви свет. И потом узрят славу Божию. И о скончании церковнем прорече, яко от языка западного будет и простертие рече Давириово, в далняя раздрания раздеретя, и никтоже познает камо дешася. Они же ангелом будут пренесены в пустыню, идеже изначала водружена бысть сень свидения. И о сих познается в свершении Господь, и просветит гонимыя змием изначала»* [2]. Осуществление этих апокалипсических пророчеств Аввакуму довелось увидеть воочию...

Мальчику Аввакуму, родившемуся в семье простого деревенского священника на Нижегородчине, суждено будет сыграть выдающуюся роль в истории Русской Церкви и государства Российского, стать новым пророком и апостолом того религиозного движения, которое получит у историков собирательное название «русское старообрядчество», и навсегда войти в память народную неустрашимым борцом за высшую правду.

*

Год 1620-й от Рождества Христова во многом и для многих стал судьбоносным. В Европе уже третий год шла Тридцатилетняя война — последняя религиозная война между католиками и протестантами, которая стала первой общеевропейской войной в истории человечества. 8 ноября 1620 года в сражении у Белой Горы полководец Католической лиги граф Иоганн фон Тилли одержал победу над Протестантской унией, возглавляемой чешским королем Фридрихом V Пфальцским. Полторы тысячи протестантов были убиты в сражении, многие утонули при отступлении во Влтаве. Началось подавление протестантизма в Чехии: кальвинисты и лютеране изгонялись из страны, в Праге были казнены 27 членов правительства («директории»), конфискованы земли

протестантского дворянства, запрещалось не католическое богослужение.

На юге Османская империя объявила войну Польше и направила свою армию в Приднестровье. 7 октября 1620 года под Цецорой польский коронный гетман Жолкевский потерпел сокрушительное поражение от турок. Тысячи поляков во главе с самим Жолкевским погибли на поле битвы, многие были взяты в плен (в том числе тогда ещё юный Богдан Хмельницкий). В ответ запорожские казаки на своих лодках-чайках опустошили болгарское побережье, разграбили и сожгли Варну и даже угрожали Стамбулу, так что турки вынуждены были перекрыть цепью вход в столичную гавань.

В Китае правила династия Мин, которая к этому времени уже потеряла былое величие. При дворе хозяйничали временщики-евнухи. Придворная камарилья жадно расхищала государственные богатства. В стране возникла нетерпимая атмосфера. Социальная напряжённость накалилась до предела. Как раз в 1620 году умер император Шэньцзун и активизировалась группировка «Дуньлиньдин» — сторонников просвещения и реформ, попавших под влияние европейцев. Они посадили на престол своего ставленника — Гуацзуна и начали реформы. Однако придворные евнухи отравили нового императора и возвели на престол другого. Начались репрессии против реформаторов. Школы «Дуньлиньдин» закрывались, реформаторов и сочувствующих им ловили и казнили вместе с семьями самым жестоким образом.

1620 год стал судьбоносным и для Нового Света. Группа английских переселенцев-пуритан — «отцов-пилигримов», как назовут их впоследствии, на корабле «Мейфлауэр» («Майский цветок») пересекла Атлантический океан и 21 ноября достигла берегов Северной Америки. Высадившиеся возле мыса Код пуритане основали поселение Плимут — первую британскую колонию в Новой Англии. Перед высадкой 41 мужчина-переселенец подписал так называемое Мейфлауэрское соглашение — подготовленный лидером пуритан Уильямом Брадфордом документ, согласно которому взаимоотношения между переселенцами регулировались церковным уставом. Мейфлауэрское соглашение стало основой для формирования органов власти в колонии.

Россия в восьмое лето царствования царя Михаила Феодоровича Романова постепенно приходила в себя после потрясений Смутного времени, когда под угрозой оказалось само её существование в качестве независимого государства. Оправившись от иностранной интервенции и внутренних распрей, от хаоса, разрухи и нищеты, она переживала бурный рост ремесленных сёл, сельских торжков, рядков и ярмарок. В одной только

Москве к этому времени насчитывалось 1368 торговых мест, в Нижнем Новгороде — 574, в Туле — 386. В Туринске — центре русской колонизации Сибири — был основан первый в России «железный завод». В царствование Михаила Феодоровича Русское государство не только отстояло своё право на существование, но и значительно расширило свои пределы — дойдя на востоке до Тихого океана и границ Китайской империи, а на юге — до пределов Северного Кавказа.

С правлением царя Михаила Феодоровича и его отца-соправителя патриарха Филарета связано и культурное возрождение Русского государства. Широко развернулось градостроительство, возводились величественные храмы, великолепные дворцы и палаты, расцвело творчество иконописцев, был создан ряд оригинальных литературных произведений, призванных осмыслить недавнее прошлое, события Смуты и историческое предназначение России, — такие как «Сказание» Авраамия Палицына, «Временник» Ивана Тимофеева, «Повесть известно сказуемо на память великомученика благоверного царевича Димитрия» и «Повесть о некоем мнисе, како послася от Бога на царя Бориса» Семена Шаховского, «Повесть книга сея от прежних лет; о начале царствующего града Москвы» Ивана Катырева-Ростовского, «Повесть о победах Московского государства», «Новая повесть о преславном царстве и великом государстве Московском» и другие. В 1620 году был восстановлен разрушенный «цивилизованными» польскими оккупантами Московский Печатный двор и сожжённая ими же богатейшая царская библиотека. В дальние монастыри отправлялись указы присылать в Москву книги, имеющиеся в нескольких экземплярах, а с уникальных рукописей — делать списки. Как только наладилась работа Печатного двора, стали издавать большими для того времени тиражами богослужебную и святоотеческую литературу. В ней нуждались в первую очередь. Патриарх Филарет привлёк целый штат образованных справщиков, выверявших тексты первоисточников и редактировавших издания, и лично следил за тем, чтобы книги исправлялись в соответствии с текстами древних славянских и греческих рукописей. Главными справщиками были старцы Троице-Сергиева монастыря Антоний Крылов и Арсений Глухой, а для надзора над ними были поставлены игумен Илия и священник Иван Наседка. Типографией были отпечатаны 12 Месячных Миней, Псалтырь, Большой Катехизис, Потребник и множество других необходимых для богослужения и просвещения книг. Если с 1601 по 1620 год в России вышло всего 23 издания, то с 1620 по 1630 год — вдвое больше, уже 45 изданий различных богослужебных и богословских книг.

Ещё Стоглавый собор 1551 года указывал на необходимость «грамоте учиться». Иностранцы Маржерет, Ченслер, Масса и Олеарий, посещавшие в XVI–XVII веках Россию, сообщают в своих записках о школах, которые были не только в Москве, но и в провинции. *«В школах обучают письму и чтению... У них нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью».* В царствование Михаила Феодоровича для подготовки образованных священнослужителей были открыты первые в России постоянные школы. Главная школа находилась при Чудовом монастыре в Московском Кремле. Здесь было введено в том числе и обучение греческому и латинскому языкам. Вообще пресловутое «невежество» русских людей XVII века сильно преувеличено. Согласно данным академика А. И. Соболевского, подтверждаемым и другими авторитетными историками, грамотность среди белого духовенства в то время была практически поголовной, монашество было грамотно на 75 процентов. Среди купцов уровень грамотности колебался от 75 до 96 процентов, а среди дворянства он составил 65 процентов. На пятом месте шло посадское население — от 23 до 52 процентов. Среди крестьян грамотных было порядка 15 процентов. Нередко крестьяне собственноручно составляли и подписывали челобитные, оставляли свои пометы на принадлежавших им книгах.

Но, пожалуй, наиболее важными в 1620 году для дальнейшей судьбы России и для судьбы героя нашего повествования стали события церковной жизни. Горький опыт Смуты в очередной раз наглядно показал, что только в верности заветам предков, в верности православию — залог сохранения единства Российского государства. Сама Смута многими русскими людьми была воспринята как наказание Божие за отступление народа и его правителей от христианских заповедей. Эту мысль ярко и образно выразил современник событий Смутного времени келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын, чье «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах», кстати, тоже было закончено в 1620 году:

«От лет убо святого Владимира, крестившаго Русскую землю, даже и до днесь, змий всепагубный, вознездившийся в костеле Италийском ^[3], всегда небесныя звезды отторгаа, не токмо во Европии, четвертой части вселенныя, но и на востоце и юге и севере не почиваа гонит. И леств того от много лет протязуется на Росии, и искус его в посланиих благоверным князем Александром Невским обличен бысть, такожде и святыми архиепископы великого Новаграда злый совет его разорися. И надежнаа

засылка, оболченный во овчью кожу, шествовавший на осмый собор Исидор митрополит погиге же. И Антоном Посевусом ^[4] надевися прельстити царя Ивана Васильевича всея Руси, и той осрамоти же ся. И еже многими деньми иский не може обрести, и то неначаемо (неожиданно. — К.К.) диавол восхитив к поглащению того насыщения самовольне приведе. И уже чааше конец злобе изблеван видети. Но не у еще время времен и полвремени исполнися, по откровению Иоанна Богослова. Тем же и Господь не отверже еще нас. Того ради и нам зрящим подобаше внимати и за неизмерную владычню милость благодарити Его. Мы же душевное око несмотрительно имуще и паче волов упрямы обычаем, — тии бо ясли господина своего разумеют и питающему их повинуются, — мы же промышляющаго нами не брежем и того ради болии грех на ся влечем. И вскоре безумству нашему возмездие даровася».

Вполне естественно, что под влиянием событий Смутного времени, сопровождавшихся насильственными попытками насадить на Руси чуждую ей католическую религию, развилось резко отрицательное отношение к католичеству. 16 октября 1620 года в Москве состоялся церковный собор, на котором присутствовали практически все русские архиереи: патриарх Московский и всея Руси Филарет, митрополиты Макарий Новгородский, Варлаам Ростовский, Иона Крутицкий, архиепископы Корнилий Вологодский, Арсений Суздальский, Пафнутий Тверской и епископ Рафаил Коломенский. Поводом к собору послужил следующий факт. Два московских священника церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Столешниках, Иван и Евфимий, известили патриарха о том, что митрополит Крутицкий Иона не велел им крестить поляков-католиков Яна Слободского и Матвея Светицкого, пожелавших принять православие, а велел только миропомазать и допустить к святому причастию. Это было грубым нарушением всей существовавшей на Руси с древнейших времён церковной практики, особенно если учесть, что митрополит Иона был не рядовым иерархом Русской Церкви, но в период с 1614 по 1619 год фактически её возглавлял, являясь местоблюстителем патриаршего престола. Филарет приказал священников Ивана и Евфимия поставить с Крутицким митрополитом «с очей на очи». Иван и Евфимий повторили при нём то же самое, что прежде сказали патриарху.

Патриарх заметил Ионе, что тот вводит новое. Но Иона не покорился и утверждал, что латинян крестить не следует, ибо так якобы писано в правилах Шестого Вселенского собора, да и везде писано в Божественном Писании. Тогда патриарх начал объяснять Ионе от правил святых апостолов и святых отцов, что еретическое крещение «*несть крещение, но*

паче осквернение», ссылаясь на 46-е и 50-е правила апостольские и на 19-е Первого Вселенского собора. Затем Филарет напомнил митрополиту Ионе об изверженном патриархе Игнатии, как он, угождая «еретиком латыньския веры», ввел католичку Марину Мнишек в Успенский собор, не крестив её совершенным крещением, а только миропомазав, и потом обвенчал её с расстригой Гришкой Отрепьевым, и удостоил обоих святого причащения. За это Игнатий низринут был русскими архиереями от престола и от святительства [5]. Напомнил и о том, что умученный поляками патриарх Ермоген настоятельно требовал крещения королевича польского Владислава, избранного боярами на престол государства Московского. Да и сам Филарет, будучи ещё митрополитом Ростовским, по приказанию Ермогена изучал правила святых апостолов и отцов и пришёл к убеждению, что все еретики различных еретических вер не имеют истинного крещения и потому от всех еретических вер приходящих к православию должно вновь крестить совершенным крещением. *«Всех же убо еретических вер, по святым правилом святых отец, сквернейшии и лютейшии есть латыняне папезницы, понеже всех древних еллинских, и жидовских и агарянских, и еретических вер ереси проклятыя в закон прияша, и со всеми с погаными языки, и с проклятыми со всеми же еретиками обще все и действуют и мудрствуют».* Об этом патриарх Филарет мог судить и по богатому личному опыту, наблюдая за жизнью «братьев-католиков» во время своего десятилетнего пребывания в польском плену.

Московский собор 1620 года осудил Крутицкого митрополита Иону, который, впрочем, покался и был прощён. На соборе было сформулировано 27 пунктов догматических и канонических нарушений, существовавших на тот момент в католической церкви, а само латинство было названо «лютейшей и сквернейшей из всех ересей». Постановлено было вновь крестить всех, переходящих в православие из католицизма, лютеранства, кальвинизма, униатства, равно как и православных выходцев из Юго-Западной Руси и Белоруссии, где во время унии распространилась практика обливательного крещения. При этом особое внимание обращалось на того, кто совершал таинство крещения. Если оказывалось, что крещение, пусть даже и с троекратным погружением, совершал поп, который «молит Бога за папу», то крещённого им «белорусца» полагалось крестить вновь и он должен был говорить «латинское еретическое отрицание», то есть отрицание от латинской ереси. Тем самым был дан решительный отпор начавшемуся давлению иноверных веяний Запада.

Для успехов распространения православной веры в Сибири, где

положение России к этому времени уже достаточно укрепилось, патриарх Филарет в том же 1620 году учредил новую епископскую кафедру в Тобольске. 8 сентября первым архиереем на сибирскую кафедру с титулом архиепископа был посвящён Киприан (Старорусенков), игумен новгородского Хутынского монастыря, пострадавший в годы шведской интервенции за преданность родине и «истинной православной христианской вере». Киприан много заботился об обращении язычников и первый собрал и записал известия об обстоятельствах прихода русских в Сибирь, а имена убитых казаков внёс в синодик для поминания.

Наконец, для православных Юго-Западной Руси, входившей тогда в состав Речи Посполитой, 1620 год тоже ознаменовался очень важными событиями. Иерусалимский патриарх Феофан IV, возвращаясь из Москвы после посвящения патриарха Филарета, прибыл Великим постом в Киев. Здесь он воочию убедился, в каком плачевном состоянии пребывает православная паства на Украине, подвергавшаяся жесточайшим гонениям со стороны польских католиков и своих же изменников-униатов. Православные храмы опечатывались польскими властями и передавались униатам, которые уничтожали в них древние иконостасы и ставили органы; монастыри опустели; дети умирали без крещения, покойников вывозили из города без отпевания, как падаль; ни браков, ни таинств православных не совершалось... Дошло до того, что во всей Украине не осталось ни одного православного епископа, поскольку все они уклонились в унию с католиками, признав над собою главенство Рима. В связи со сложившейся ситуацией патриарх Константинопольский Иеремия в своём послании к жителям Малороссии ещё в конце XVI века писал: *«Спасайтесь, братия моя, сами, а пастырьми спастися не можете. Спасайтесь, братия моя возлюбленная, верное стадо Христово, роде избранный, язык святой, царское освящение, людие обновлены, русский благочестивый народе, спасайтесь заповедьми евангельскими, спасайтесь законом отеческим, спасайтесь честным и целомудренным житием»*.

Простые верующие, оставшиеся преданными православию, во главе с гетманом Запорожского войска Петром Конашевичем-Сагайдачным стали упрашивать Иерусалимского патриарха Феофана срочно поставить им епископов. Ночью 6 октября 1620 года в Киевском Братском монастыре, в полнейшей тайне, патриарх Феофан посвятил во епископа Перемышльского Исаию Копинского. Таинство рукоположения происходило при тихом пении одного патриаршего монаха. 9 октября таким же образом был поставлен в Киевские митрополиты Иов Борецкий, затем в Белой Церкви и других местах — епископы Полоцкий, Владимирский,

Луцкий и Холмский. Тем самым православная церковная иерархия на Украине была восстановлена.

*

Не только дата, но и место рождения было по-своему знаменательно в судьбе будущего протопопа Аввакума. *«Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою...»* — писал он в своём «Житии». В начале XVII века именно нижегородцам суждено было вписать одну из славнейших страниц в историю России. Всенародно собранное ополчение под предводительством нижегородского гражданина Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского положило конец Смутному времени, изгнав из Москвы польских интервентов. И далеко не случайно, что основные деятели движения ревнителей благочестия, не оставшиеся равнодушными к судьбам Русской Церкви и сыгравшие в её истории выдающуюся роль, тоже были нижегородцами, земляками Аввакума.

Родиной самого Аввакума, как уже говорилось выше, было большое село Григорово, принадлежавшее воеводе Фёдору Васильевичу Волынскому. В 15 верстах от Григорова находилось село Вельдеманово, в 1613 году пожалованное царём окольному Алексею Ивановичу Зюзину. Именно здесь в 1605 году у крестьянина-мордвина Мины родился сын Никита — будущий патриарх Никон. В другом близлежащем сельце, Колычеве, входившем в округу крупного торгового села Лысково, родился будущий епископ Павел Коломенский. Его отец впоследствии перебрался в расположенное неподалеку село Кириково, где служил вторым священником. Первым священником в Кирилове был Анания — белый поп девического Зачатьевского монастыря в Нижнем Новгороде. В 1620-х годах в Кирилове у отца Анании, известного своим праведным житием и образованностью, долгое время жил и обучался священническому служению недавно рукоположенный священник Иоанн Неронов. Младший сын Анании Иван в 1648 году женился на Ксении, сестре Павла Коломенского, но через год овдовел и позже принял иночество с именем Илларион. Впоследствии он перейдёт на сторону новообрядцев-реформаторов и дослужится до сана митрополита Суздальского.

Большую роль в жизни будущих «ревнителей благочестия» сыграл Макарьев Желтоводский монастырь, расположенный на другом берегу Волги, «в лесах». Сюда бежал от злой мачехи Никита Минов. Здесь он некоторое время жил и даже пел на клиросе, пока не был возвращён отцом

в родной дом. В 1647–1649 годах игуменом Макарьева монастыря был Корнилий — будущий митрополит Казанский и Свияжский и один из кандидатов на патриарший престол в 1652 году. С 1649 по 1656 год в монастыре игуменствовал вдовый священник из Лыскова Иларион. Впоследствии он будет играть важную роль в событиях церковного раскола в сане архиепископа Рязанского. Иноческий постриг в Макарьевом монастыре принял Симеон, ставший в 1651 году архиепископом Тобольским и Сибирским и деятельно помогавший Аввакуму в его первой ссылке, а также Павел, рукоположенный в 1652 году в епископы на коломенскую и каширскую кафедру. Наконец, сам Аввакум в одном из своих посланий вспоминает, как в юности бывал в Макарьевом монастыре на богомолье, а возможно, даже и жил там некоторое время. Обращаясь к товарищу своих юных лет, архиепископу Рязанскому Илариону, он пишет: *«А ты хто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок!.. Недостоин суть век твой весь Макарьевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарах тех стояно на молитве?»*

О детских и юношеских годах Аввакума мы практически ничего не знаем. Родители его являли собой полную противоположность друг другу. В своём «Житии» Аввакум не осуждает своего отца — священника Петра Кондратьева, — но вместе с тем, вспоминая о нём, находит не много слов: *«Отец мой жизнь жил слабую, прилежаше пития хмельнаго...»* Как отмечали иностранцы, приезжавшие в XVII веке на Русь, пьянство было достаточно распространённым пороком среди священнослужителей. Детские впечатления — самые яркие. Видимо, пришлось Аввакуму с детства насмотреться всякого, так что впоследствии в одном из своих богословских сочинений, написанном в Пустозёрске, он сравнит грехопадение прародителей Адама и Евы с упившимся допьяна человеком: *«Она же (Евва. — К. К.), послушав змии, приступи ко древу: взем грезнь и озоба (съела) его, и Адаму даде, понеже древо красно видением и добро в снеть, смоковь красная, ягоды сладкие, слова междо собою льстивые: оне упиваются, а дьявол смеется в то время. Увы, невоздержания, увы небрежения Господни заповеди! Оттоле и донесь творится также леть в слабоумных человеках. Потчивают друг друга зелием неразворенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочими питии и сладкими брашны. А опосле и посмегают друг друга, упившагося до пьяна, — слово в слово что в раю бывает при дьяволе и при Адаме. Бытие паки: “и вкусиста Адам и Евва от древа, от него же Бог заповеда, и обнажистася”. О миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется*

на улице, ограблен, а никто не помилует. Увы! Безумия и тогдашнева и нынешнева! Паки Библия: “Адам же и Ева сшиста себе листвие смоковничное от древа”, от него же вкусиста, прикрывста срамоту свою и скрывста, под деревом возлегоста. Проспалися бедные с похмелья, ано и самим себя сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в говнех, со здоровных чаш голова кругом идет».

И ещё, в послании к Александре Григорьевне (инокине Меланье), рассуждая о пагубности пьянства, он напишет: «Григорьевна, стараго нашего православия чадо, и винца перестань пить, ино пей квасок и воду, так в голове ум не мутится, и очи с похмелья не кружат, и руке и ноге не упадают, чревеса и утроба здрава, паче же греха меньше. Лоту и праведнику запят пьянство, и Ное от того же поруган бысть. Сампсон и смерть прият от пьянства. Али мы крепчайше такова исполина? Некогда восторже врата градская, сиречь башню, вознесе на гору високу. И путем ему идушу, нападоша на нь иноплеменницы 1000 человек, хотяху его убити: Он же восхитив ослию щоку и всех побил костью тою, и, поймав триста лисиц, ввязал в ошпи их по свеци горячей, и пустил в нивы их. И пожже вся нивы. Чтец да чтея в бытийстей книги. А после погиб от пьянства. Окаянно таково то пьянство: ни юность блюдет, ни седин милует, ни святаго почитает, ни честна мужа хранит, но всех без ума творит и во грехи поощряет. Богатым скудость наводит, убогим — раны, женам — бесчестие, юнотам — поползновение, девам — срамота, а попам и чернцам всех злейши препретається. Яко богомольцы то есть, всегда жрут жертву пьяному Дионису. Нас то мимо о Христе Исусе».

Пётр Кондратьев был потомственным приходским священником, вероятно, уроженцем Нижегородчины. Он обосновался в селе Григорове незадолго до рождения Аввакума, поскольку в 1620 году здесь находился и другой священник — Артамон (или Афтамон) Иванов. Согласно писцовой книге XVII века, Григорово выглядело так: «Село стоит на трех усадах, а между усадов ключь; а в селе церковь... Бориса и Глеба древяна». В григоровской церкви Святых Бориса и Глеба отец Пётр прослужил 15 лет. После Аввакума у него было ещё четверо сыновей — Герасим, Козьма, Евфимий и Григорий. Этот-то последний вместе с Евфимием скончался в Москве во время чумы 1654 года. Герасим и Козьма были ещё живы в 1666 году.

Воспитанием детей в семье приходилось заниматься матери — Марии. Большая постница и молитвенница, она сумела передать детям свою горячую веру во Христа, всегда уча их «страху Божию». Под её влиянием у Аввакума с юных лет развивается стремление к аскетической жизни. Мать

строго соблюдала не только традиционно постные дни — среду и пятницу, но ещё и понедельник — по иноческому примеру.

Жизнь человека в Московской Руси была подчинена определённому, некогда в незапамятные времена заданному ритму. Люди жили в атмосфере религиозности, монастырский уклад жизни был принят в каждой благочестивой семье. Часы отсчитывали по церковным службам: вечерня, павечерница, полунощница, заутреня, обедня.

Вот как описывает обычный распорядок дня русского человека в XVI–XVII веках историк Н.И. Костомаров: *«Предки наши, как знатные, так и простые, вставали рано: летом с восходом солнца, осенью и зимою за несколько часов до света. В старину счёт часов был восточный, заимствованный из Византии вместе с церковными книгами. Сутки делились на дневные и ночные часы; час солнечного восхода был первым часом дня; час заката — первым часом ночи... На исходе ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третий, шестой и девятый знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня — окончание дня. Русские согласовали свой домашний образ жизни с богослужебным порядком и в этом отношении делали его похожим на монашеский...»*

Вставая от сна, русский тотчас искал глазами образа, чтоб перекреститься и взглянуть на него; сделать крестное знамение считалось приличнее, смотря на образ; в дороге, когда русский ночевал в поле, он, вставая от сна, крестился, обращаясь на восток... После омовений и умываний одевались и приступали к молению.

Если день был праздничный, тогда шли к заутрене, и благочестие требовало, чтоб встать ещё ранее и прийти в церковь со звоном ещё до начала служения утрени. Если же день был простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяин совершал должное богослужение по книге, когда умел грамоте (или молился поклонами по лестовке ^[6], когда не умел. — К.К.).

В комнате, назначенной для моления, — крестовой — или когда её не было в доме, то в той, где стояло побольше образов, собиралась вся семья и прислуга: зажигались лампы и свечи; курили ладаном. Хозяин, как домовладыка, читал пред всеми вслух утренние молитвы; иногда читались таким образом заутреня и часы, смотря по степени досуга, уменья и благочестия; умевшие петь, пели. У знатных особ, у которых были свои домашние церкви и домовые священнослужители, семья сходилась в церковь, где молитвы, заутреню и часы служил священник, а пел дьячок, смотревший за церковью или часовнею, и после утреннего богослужения священник кропил святою водою.

Окончив молитвословие, погашали свечи, задёргивали пелены на образах, и все расходились к домашним занятиям...

Приступая к началу дневного занятия, будь то приказное писательство или чёрная работа, русский считал приличным вымыть руки, сделать пред образом три крестных знамения с земными поклонами, а если предстоит случай или возможность, то принять благословение священника...

После ужина благочестивый хозяин отправлял вечернее моление. Снова затепливались лампы, зажигались свечи пред образами; домочадцы и прислуга собирались на моление. После такого молитвословия считалось уже непозволительным есть и пить; все скоро ложились спать. Сколько-нибудь зажиточные супруги имели всегда особые покои с тою целью, чтоб не спать вместе в ночи пред господскими праздниками, воскресеньями, средами и пятками и в посты. В эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились пред образами в спальнях; ночная молитва считалась приятнее Богу, чем дневная...»

Так размеренно, неспешно протекала повседневная жизнь русского человека в дониконовской Руси. Во всем царили чин, благочиние и благолепие. Иностранец-современник пишет: «Войдя в комнату, русский ни слова не скажет присутствующим, сколько бы их тут ни было, но обращается к иконам, крестится, делает три поклона и только потом обращается к присутствующим». «Домострой» учил, дабы походка у человека была кроткая, голос умеренный, слово благочинное; пред старшими надо было сохранять молчание; к премудрым — послушание; перед сильными — повиновение; лучше мало говорить, а более слушать; не быть дерзким на словах, не слишком увлекаться беседой, не быть склонным к смеху, украшаться стыдливостью, зрение иметь долу, а душу — горе; избегать возражений, не гнаться за почестями...

Свободное от работы время посвящали молитве или чтению духовных книг — Житий святых, Прологов, Златоустов и Маргаритов. Грамоте учились по Часовнику и Псалтырю — этому поистине неисчерпаемому «кладезю премудрости» и «общедоступной лечебнице». Идеалом древнерусского человека были подвиги аскетов-пустынников, с которыми он знакомился из Прологов и Патериков. Со времен Крещения Руси и до конца XVII века Пролог, заключающий в себе краткие жития святых и избранные поучения на каждый день года, был любимым чтением русских людей от царя до крестьянина. На старости лет, выполнив свои мирские обязанности и вырастив детей, многие принимали иноческий постриг. Не были исключением и лица знатные, в том числе даже члены

царского дома.

Матери Аввакум был обязан и своей любовью к чтению книг. С детских лет перечитал он все книги, которые имелись в доме его отца и в григоровской церкви. Он изучил Священное Писание, творения Отцов Церкви, практически всю литературу, которая была доступна в то время грамотному русскому человеку. Обладая прекрасной памятью, он мог целыми страницами цитировать полюбившиеся ему места из Писания — из Псалтыря и Песни песней, из Евангелия и Апостола. Ссылался он и на выдержки из исторических и святоотеческих сочинений — «Хронограф», «Четьи минеи», «История Иудейской войны», «Маргарит», «Повесть о Белом клобуке», «Великое зеркало» и многие другие.

Но не только Книга Божественного Откровения привлекала пытливым ум Аввакума. С любопытством и восхищением всматривался он в страницы другой книги, написанной Всевышним, — Книги Природы, в которой, словно в прозрачных водах, отражался порою лик Самого Творца... Не раз на страницах произведений Аввакума будут возникать описания природы, диких животных и растений тех мест, где оказывался он по Воле Божией. Эти описания — словно воспоминания об утраченном некогда Рае, где дикие животные мирно уживались рядом с человеком, дававшим им имена. Образ Райского сада, насаждённого «во Едеме на востоце», должен был напоминать христианину об истинном его отечестве...

«Гранограф толкует: во второй день землю красил Господь... И израстиша былия прекрасная, травы цветныя разными процветении: червонныя, лазоревыя, зеленыя, белыя, голубыя и иныя многия цветы пестры и пепелесы, по Господню глаголу, яко ни Соломан премудрый возмог себе таковыя цветныя одежды устроить; оне же и благоуханием благовонным облагоухают. Также и дресеса израстоша: кипариси, и певги, и кедри, мирьсины и черничие, смокви и финики, и виноградие, и иное садовие, — множество много различные плодовиые дреса из земли изыдоша. И реки посреде гор протекоша, и источники водныя. Также от земли сотворил Бог скоты и зверие дубравнии, а от воды птицы небесныя, парящая по аеру; от воды же и вся летающая по аеру: мухи и прочая гады, пресмыкающиеся по земле. Посем насадил рай во Едеме, на востоце, дреса и крины райския, по 12 плодов в году приносят; дреса не гниющая, травы не ветшающая, цветы не увядаемыя, плоды неистлеваемыя; аще и на земле рай, но посреде плотнаго и духовнаго жития устроен». Божие творение во всём его многообразии вызывает у Аввакума чувство священного трепета. С неизъяснимой любовью перечисляет он, казалось

бы, даже самых «ничтожных», недостойных высокого богословского ума тварей.

«Колицы суть на земли, роди травы сельныя и древа дубравныя, по них же суть одушевленный живот: зверие и скоты, и птицы пернаты. Овы кормятся от земли, а инныя живот животом. Их же родов несведомое множество есть: птицы зерноберные есть, друзии плотоядцы суть, а инии травую и дровом питаются. Тако ж и зверие: ови мясоядцы суть, еже же и плижущеи по земли, и по воздуху паряще, и мухи большие и малые, и комарие от тины ся ражающе. Вся бо та увиди и настрой Благий Божия нас ради человеки нашего ради спасения... Елико суть живота на земли, толико и в водах и множае суть. Есть в мори во Алантичесей стране лежаги, сиречь киты велицыи, жируют. Егда воспловут, подобны суть горам великим или яко грады велицыи. Туды корабли не заходят. Но на удивление и на страх нам таковой живот сотворил хитрец. По них же и инии мнози велицыи животи есть в море: пси велицы, и изугени, и приони, и дельфины, селахи же, и фоки, и ин живот дробный, его же родов несть числа, токмо Той весть, Иже я (их. — К.К.) сотворил, рыбы и гады, и вся ныряющая и плавающая. Ови ся ражают птицами, ови яйца несут, и инии своим образом. Рыбы же икру пуцают, и от того бывает живот, животна малая с великими».

Аввакум рос впечатлительным ребёнком. Очень любил животных, особенно голубей («...я их смолода держал, поповичь я, голубятник был»). Как-то раз, увидев у соседа на дворе умершую скотину, он был настолько поражён зрелищем смерти, что с тех пор жизнь его решительно изменилась. Глубоко потрясённый увиденным, Аввакум встал среди ночи перед образами и долго плакал, помышляя о своей собственной душе и о предстоящей с неизбежностью смерти. Знакомые сыздетства слова звучали совсем по-новому: *«Се Жених грядет в полунощи: и блажен раб, его же обрящет бдяща, недостоин же паки его же обрящет лентяся. Блюди убо душе моя, да не сном отяготишия, и да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишия...»*

Мысли о конце своего существования, об исчезновении из земной жизни навсегда и о том, что произойти это может в любой момент, не покидали отрока и находили выход лишь в горячей, живой вере в Бога, Своею смертью победившего смерть и даровавшего людям жизнь вечную.

С тех пор Аввакум привык к ночной молитве — самой благодатной, по словам святого Иоанна Златоуста: *«Тогда бо нощию ум ти есть легчае к Богу и могут тя убо на покаяние обратити нощныя молитвы паче твоих дневных молеб... и паче дневных молеб приклонит ухо Свое Господь в*

нощныя молитвы».

Молитва будет занимать главное место в жизни Аввакума. О важности и необходимости молитвы в жизни православного христианина он напишет впоследствии, в один из тяжелейших моментов своей жизни, из темницы Николо-Угрешского монастыря в письме своим родным: *«Не обленись, жена, детей тех понуждати к молитве, паче же сами молитесь. Молитва бо Петра из темницы избави, молитва Иону из чрева китова изведе, молитва трех отроков от огня свободы, молитвою Анна Самойла породу, молитвами вси святии спасошася, молитва прилежна паче огня на небо возлетает. Добро молитва! Ей же помогает пост и милостыня. Не ленитесь молиться, да не бесплодии будете».*

*

В 1636 году священник Пётр Кондратьев скончался. В осиротевшей семье пятнадцатилетний Аввакум оказался старшим мужчиной. Надо было кормить семью — как-никак шесть человек! К этому времени будущее призвание уже ясно определилось для него — Аввакум хотел посвятить свою жизнь служению Богу. Однако оставить семью и уйти в монастырь он не мог. Был другой путь — не удаляться в иночество от суетного мира, но идти в мир и бороться с его соблазнами, проповедуя Слово Божие и помогая слабым спасаться. Для того чтобы служить Богу в миру, стать белым священником, по церковным правилам требовалось сначала жениться, тем более и помощница в доме была нужна... В 1638 году, семнадцати лет от роду, Аввакум по настоянию своей матери женится. Ещё до женитьбы он не раз молился в ночи, чтобы даровал ему Бог жену «помощницу ко спасению». И молитвы его были услышаны: выбор пал на скромную, набожную односельчанку Анастасию, которой было тогда всего четырнадцать лет. Отец её — кузнец Марко — был «богат гораздо», однако после его смерти всё имущество пошло прахом, и юная Настя «в скудости живяше». Потом она признавалась: часто видя в церкви Аввакума, молилась по ночам, чтобы он стал её мужем. *«И бысть по воли Божии тако».* «Марковна» станет верной помощницей и соратницей Аввакума, поддерживая его в самые тяжёлые минуты жизни и безропотно разделяя все выпавшие на их долю лишения. Она родит ему пятерых сыновей (Ивана, Прокопия, Корнилия, Афанасия и ещё одного, родившегося и умершего в Сибири, имя которого осталось неизвестным) и трёх дочерей (Агриппину, Акулину и Аксинию). Ей суждено будет пережить своего мужа

на 28 лет...

Вскоре умерла мать Аввакума, «в подвизе велице», перед смертью приняв иночество с именем Марфы. Не поладив по каким-то оставшимся для нас неизвестными причинам со своими односельчанами, Аввакум был изгнан из Григорова и переселился в село Лопатищи (Лопатицы) Нижегородского уезда, являвшееся вотчиной боярина Василия Петровича Шереметева, а впоследствии — его сына Петра Васильевича Большого. В 1642 году, на двадцать первом году жизни, Аввакум был рукоположён в диаконы. Прослужив два года в диаконском сане, он был поставлен в 1644 году в попы к местной церкви Рождества Христова.

Глава вторая

СВЯЩЕНСТВО

*Доколе Господи воззову и не услышиши,
возопию к Тебе обидим, и не избавиши?
Вскую мне указа труды и болезни,
усмотрити страсти и бесчестие?..*

Книга пророка Аввакума, гл.1,ст.2–3

В Древней Руси сам приход избирал кандидата в священнослужители, а епископ лишь утверждал и рукополагал его. Стоглавый собор 1551 года так говорит об этом: «По всем святым церквам в митрополии и в архиепископьях и в епископьях избирают прихожане священников, и дьяконов, и дьяков». При этом нравственные и канонические требования, предъявляемые к священникам в дониконовской Руси, были весьма высокими. Согласно поучениям XIII века, кандидат в священнослужители должен был быть кротким и целомудренным, удерживаться от соблазнов, вести трезвый образ жизни, не играть в азартные игры, не быть гордым, заносчивым, подверженным гневу и ярости, а также знать грамоту. Священник именовался врачом, вождём, наставником и учителем, сторожем, пастухом, воеводой и судьёй своих прихожан. В священники ставили только свободных людей, а не холопов. Если избранный приходом кандидат был из холопов, то его требовалось сначала освободить от всякой зависимости. Правилами запрещалось ставить в священники убийц, разбойников и задолжавших деньги. В священники ставили не моложе тридцати лет, в диаконы — в 25 лет, хотя на практике, «по нужде», допускались отступления (Аввакум, как видим, и в диаконы, и в священники был поставлен раньше предписанного церковными правилами возраста). Ставленник должен был обязательно состоять в церковном браке и только единожды. Если он соответствовал всем этим требованиям, то его ставили в священники не сразу, но только после экзамена на церковную грамотность, состоявшего из двух частей. Сперва кандидата «осматривал и изведывал» особый человек, а затем уже сам епископ слушал, как экзаменуемый читает Псалтырь, Евангелие и Апостол. Выше уже говорилось, что в XVII веке белое духовенство отличалось практически

стопроцентной грамотностью. Действительно, чтобы провести богослужение в соответствии с церковным уставом, мало было затвердить наизусть ряд положенных молитв. Надо было обладать хорошей памятью, разбираться в богослужебном уставе, уметь составить последовательность ведения службы, тем более — уметь читать. Помимо правильности произношения, неспешности, внятности церковное чтение должно было духовно вразумлять и внушать, быть величественным по своему характеру. Все эти особенности находили своё отражение в интонации — в мелодии чтения. В церковной традиции во все века для каждого вида литургического чтения существовала своя интонация, так называемая погласица. Погласица представляла собой своего рода напев, имевший определённое эмоциональное и духовное значение и организованный по определённым правилам. Например, одной погласицей читались псалмы, другой — каноны и тропари, третьей — ексапсалмы, четвёртой — паремии (отрывки из книг Ветхого Завета), пятой — Апостол, шестой — Евангелие, седьмой — поучения, восьмой — Великий канон святого Андрея Критского, девятой — заупокойный Псалтырь.

Кроме того, кандидат в священники должен был обладать определёнными певческими навыками и достаточно развитым слухом. Церковное пение на Руси занимало очень важное место в ткани богослужения. Достаточно вспомнить, что предпочтение, отданное послами князя Владимира православию («выбор веры»), древнерусские летописцы связывали с эстетическим впечатлением от «ангелоподобного» византийского пения: *«Мы не можем забыть той красоты, которую видели в Константинополе; всякий человек, как отведаёт раз сладкого, уже не будет после принимать горького; так и мы здесь в Киеве больше не останемся»*, — говорили послы. После принятия христианства на Руси в 988 году были восприняты и певческие традиции Византии, в основе которых лежала система осмогласия. «Столповое пение», или «изрядное осмогласие», было введено в богослужение Русской Церкви при великом князе Ярославе Мудром, когда в 1051 году на Русь прибыли три искусных греческих певца. Однако впоследствии древнерусское церковное пение (знаменный распев) разрабатывалось уже на почве национальных традиций и достигло вершины своего развития в Московском государстве в конце XVI — начале XVII века. В Москве из лучших певчих был организован придворный хор — хор государевых певчих дьяков, который стал своего рода общерусской академией церковного пения. Большим знатоком знаменного пения был сам царь Иван IV, сочинивший стихеры памяти митрополита Петра, Сретению Владимирской иконы Богоматери и «Канон

Ангелу Грозному воеводе». Выдающимися распевщиками были приближённые к царю певчие Иван Нос и Фёдор Крестьянин (или Христианин), который возглавил одну из крупнейших школ знаменного пения. Плодами творчества отечественных мастеров-распевщиков были «переводы», то есть различные варианты богослужебных песнопений: «ин переводы», «ин роспевы», «большой роспев», «большое знамя», «малое знамя», «путь» (усольский, соловецкий) и др.

Знаменный распев отличали величественная простота, спокойствие движения, чёткий чеканный ритм, законченность построения... Песнопения знаменного распева представляли собой прежде всего распетые богослужебные тексты, где на первый план выступало Слово. Особенностью древнерусского знаменного пения было то, что оно исполнялось в строгий унисон, то есть не допускалось одновременное звучание разных по высоте звуков. Согласно древнему Иерусалимскому уставу, принятому на Руси, церковное пение должно быть единоголосным, проповедуя согласие и единство. Состав хора изначально был чисто мужским (за исключением женских монастырей, где он, естественно, был чисто женским), то есть не допускалось существование смешанных хоров. Неприличным и изнеживающим считалось высокогласие, поэтому в древних песнопениях XV–XVI веков преобладал низкий регистр. Пение осуществлялось антифонно, то есть попеременно двумя клиросами, или ликами (хорами). Во главе каждого клироса стоял головщик — первый певец. Он должен был в совершенстве знать церковное пение и обладать твёрдым голосом. Головщик начинал и вёл своим голосом каждое песнопение. Очень важна была однородность звучания, чтобы ни один голос не выдавался из общего хора.

Особо следует сказать о системе записи песнопений в древнерусской традиции. Со временем на Руси выработалась совершенно оригинальная система записи — так называемое крюковое письмо, нигде больше не встречавшееся и до сих пор сохраняющееся у старообрядцев. «Крюковым» оно называется по одному из самых распространённых знамен — «крюку». Название других знамен: «параклит», «палка», «статья», «змеица», «столица», «голубчик», «стрела», «скамеица», «подчашие», «чашка» и т. д. «Каждое знамя — это целое духовно-музыкальное понятие, имеющее свое название и лицо — начертание, облик. В отличие от нот светской музыки оно не показывает наглядно звуки, их высоту и длительность, а только указывает, как должен звучать данный слог песнопения. Поэтому само музыкальное значение каждого знамени должно хорошо быть известно певцу заранее, знамена лишь подсказывают его. Система знамен сложна и

многообразна: тут и самые простые знаки, заключающие только один звук, и многозвучные, изменяющие значение в зависимости от своего положения, и целые построения, охватывающие слова и даже предложения текста». Известно, что Аввакум обладал прекрасной памятью и слухом и многие богослужебные тексты (в том числе, например, весь Псалтырь) и церковные песнопения знал наизусть.

Успешно сдав экзамен по церковному чтению и пению, кандидат в священники отправлялся к своему духовному отцу для исповеди. Согласно правилам Владимирского собора 1273 года, кроме поручительства духовного отца требовалось поручительство ещё семи других священников, а с XV века в число поручителей входили шесть священников и духовный отец поставляемого.

Право рукоположения в священный сан принадлежало исключительно местному епископу. Нижегородская земля до конца XVII века входила в состав Патриаршей области ^[7], так что, возможно, как в диаконы, так и в священники Аввакума рукополагал сам патриарх Иосиф. Рукоположение совершалось в торжественной обстановке — во время литургии, в соборе, в присутствии духовного отца поставляемого и иных поручителей. *«При этой инвеституре, — пишет Олеарий, — ему надевают священнические ризы, которые не особенно отличаются от светского костюма; волосы вверху на голове у него состригаются и надевается шапочка, именуемая “скуфьею” (подобно нашей калотте, она держит плотно на коже), вокруг которой остальные волосы длинно свисают на плечи, как у женщины. Эту шапочку они в течение дня никогда не снимают, разве чтобы дать себе постричь голову».*

После рукоположения новопоставленный священник или диакон должен был приобрести необходимые богослужебные навыки — на практике освоить все тонкости ведения церковной службы в соборной церкви под руководством опытного священника или диакона. Срок обучения ограничивался шестью неделями, причём обучение было платным. По окончании установленного срока наставник докладывал епископу о том, что *«новопоставленный весь ряд церковный и священническое действо гораздо умеет».* Затем молодой священник служил в течение целого года в какой-либо церкви под началом более опытного священника и сдавал второй экзамен епископу. По результатам этого экзамена епископ принимал окончательное решение о готовности священника к служению и только тогда вручал ему ставленную грамоту за собственной подписью.

Итак, в 1644 году двадцатитрёхлетний Аввакум стал священником при храме Рождества Христова в Лопатищах. В этом же году у них с Анастасией Марковной родился старший сын Иван. В 1645 году родилась дочь Агриппина. Видимо, тяжёлые жизненные обстоятельства подтолкнули Аввакума к тому, что он едва не последовал по накатанному пути своего покойного отца — об этом вскользь говорится в Прянишниковском списке его «Жития». Однако всё та же «память смертная», перевернувшая его сознание в детстве, заставила его вовремя одуматься. *«И воспомянух день смертный, престал от виннаго пития и начах книги почитати и люди учити к пути спасения».*

Вступив на путь служения Богу, Аввакум очень ответственно относится к своим пастырским обязанностям и к строгому соблюдению церковного благочиния. Впоследствии в «Книге бесед» он ёмко и афористично сформулирует своё жизненное кредо: *«Коли же кто изволил Богу служить, о себе ему не подобает тужить. Не токмо за именование святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опришину Филипп (то есть за опричину московский митрополит Филипп. — К.К.). Кольми же за церковной изврат, — всяк правоверный много не рассуждай, поиди в огонь. Бог благословит, и наше благословение да есть с тобою во веки!»*

Аввакум служит в лопатищинской церкви, активно проповедует Слово Божие, поучает свою паству. Его голос звучит властно, но понятно и проникает в сердца простых людей. Аввакум не просто жил Словом Божиим. Он буквально дышал им. Для него это было действительно Слово Божие, голос Самого Бога. В «Книге о вере» говорилось: *«Богу бо воистину беседуем во время молитвы, якоже святыи Исидор глаголет; Аще кто хочет всегда с Господем быти на всяк час да молится и чтет. Да егда молимся, с Господем беседуем. А егда чтет, Господь к нам беседует».* Все произведения Аввакума пронизаны образами, аллюзиями и цитатами из Библии и творений святых отцов. Это знание, подпитывавшее его веру и, в свою очередь, подпитываемое ею, давало ему силы для выживания в тех нечеловеческих условиях, в которых нередко оказывался он — в сибирской ссылке и в Пустозёрье, в монастырских тюрьмах и дворцовых застенках, среди «немирных» иноземцев и диких зверей. *«Аз есмь ни ритор, ни философ, дидакалства и логофетства неискусен, прстец человек и зело*

исполнен неведения. Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз... У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаии пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошел, да и вам даю, жителям в дому Бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду. Я опять побреду собирать по окошкам, еще мне надают, добры до меня люди те, — помогают моей нищете. А я и паки вам, бедненьким, поделюсь, сколько Бог дает».

При этом Аввакум начинает вести поистине подвижнический образ жизни. Вся его жизнь превращается практически в непрерывное богослужение [8]. «Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутьях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча Слову Божию...» Перед тем как служить Божественную литургию, Аввакум почти не спал, проводя время за чтением. Когда подходило время заутрени, он шёл благовестить в колокол, а когда на звонницу прибежал проснувшийся пономарь, передавал колокол ему и сам шёл в церковь читать полунощницу. Пока читалась полунощница, в церковь сходились крылошане, и начиналась достаточно продолжительная заутреня, во время которой читались четыре поучения (а в воскресенье даже шесть) с толкованиями самого Аввакума («по данной мне благодати толкую, чтучи»). Проводимая таким образом повседневная утреня длилась обычно 4 часа, праздничная («полиелеос») — 5 часов, а всенощное бдение под воскресенье или под великий праздник — 10 часов.

Утреня сменялась правилом ко Святому причастию, которое Аввакум также вычитывал сам. Затем только начиналась литургия, или обедня. На службе Аввакум учил прихожан стоять с благоговением и до самого отпуска не выходить из храма. «А обедню... плачючи служу, всякую речь в молитвах разумно говорил, а иную молитву и дважды проговорю, не спешил из церкви бежать, — после всех волоксь». По окончании обедни ещё в течение часа читалось душеполезное поучение.

Пообедав и отдохнув два часа, Аввакум снова брался за книгу и читал до вечерни. Затем служилась вечерня, а после ужина — павечерница и ещё читались дополнительные каноны и молитвы («Четвертый канон Иисусу и акафист с кондаки и икосы: “Воду прошед” и “Ангелу”, и тропари канонов и молитвы, таж “Достойно”, “Трисвятое” и “Нескверную”, и еще

“Трисвятое” и “Даждь нам”, и рядом “Боже вечный”, и все молитвы спальные и отпуст, и “Ослаби, остави” вместо прошения, и “Ненавидящих”; таж 50 поклон за живыя и за мертвыя. Благословлю да и роспушу черемош (домочадцев. — К. К.). Паки начинаю начало правилу поклонному: “Боже, очисти мя” и молитвы; и проговоря “Верую” и огонь погасим». С наступлением ночи, уже в потёмках Аввакум клал земные поклоны: сам делал 300 поклонов, говорил 600 молитв Исусовых и 100 молитв Богородице; супруге же, которая была такой же строгой подвижницей с юных лет, делал снисхождение: «понеже робятка у нее пицат» — 200 поклонов и 400 молитв.

Столь добросовестное и ревностное исполнение своих священнических обязанностей и строгость нравственных требований к себе и к своей пастве привлекали к Аввакуму множество людей, желавших быть его духовными чадами («духовных детей учинилося сот до седми и больши»), причём не все они были прихожанами лопатищинской церкви Рождества Христова. В XVI–XVII веках церковный приход был далеко не единственной формой религиозного общения мирян. В постановлениях Стоглавого собора упоминаются ещё две более древние, чем приход, структуры — покаяльная семья и соборные церкви (центральные городские храмы). «Древняя Русь была одновременно сообществом семей кровных и семей “покаяльных”. Каждый, включая царя и митрополита (а потом патриарха) всея Руси, выбирал себе духовного отца. Для мирянина это был белый священник. Между духовным чадом и духовным отцом устанавливались отношения учащегося и учащего. Количество духовных детей говорило о популярности, об авторитетности пастыря» (Панченко). До печально знаменитого Большого Московского собора 1666–1667 годов, осудившего всю прежнюю древнерусскую церковную традицию, на Руси действовал принцип «покаяние вольно есть», то есть каждый мирянин волен был сам избирать себе духовного отца — не обязательно это был приходской священник. После Большого собора власти ограничили право свободного выбора мирянином своего духовного отца и попытались поставить институт покаяльной семьи под свой жёсткий контроль. Впоследствии, уже при Петре I, этот институт был окончательно ликвидирован, исповедь стала частью исключительной компетенции именно приходского священника, а духовничество превратилось в приходской институт. При этом тайну исповеди стали нарушать сперва в интересах уголовного расследования, а затем и политического, что прямо предписывалось царскими указами.

Аввакум очень гордился своей большой духовной семьёй. Более

тридцати своих духовных детей он называет по именам. В их числе люди самого разного общественного положения: боярыни и княгини, воеводы и священники, диаконы и иноки, юродивые и простые люди, девицы и вдовицы, наконец, собственные его дети.

Начав исполнять свои духовнические обязанности, молодой священник сразу же столкнулся с искушениями, которые привели его к тяжёлым раздумьям и сомнениям. Об одном из таких искушений он рассказывает в «Житии».

«Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица многими грехми обремененна, блудному делу и малакии ^[9] всякой повинна; нача мне, плакашеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложя ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед в свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. И падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа...»

И здесь Аввакума посетило чудесное видение, рассеявшее его сомнения и ободрившее его дух (впоследствии подобные утешения Свыше не раз будут ему являться в минуты тяжелейших жизненных испытаний, которые, казалось бы, не по силам выдержать ни одному смертному):

«Не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормицику на них сидельцов. И я спросил: “чье корабли?” И оне отвецали: “Лукин и Лаврентиев”. Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. Асе потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелосо, — его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал — “чей корабль?” И сидяй на нем отвецал: “твой корабль! да плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!” И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?»

Встречались и другого рода духовные искушения в жизни молодого лопатищинского священника, «бесовские страхования», о которых неоднократно упоминается в житиях различных святых:

«А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися

стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь ноци глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действием скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действием верхняя раскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, Богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помолясь и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступая, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, из церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам!»

Вместе с тем ревностная пастырская деятельность Аввакума нажила ему не только множество духовных детей, но и немало врагов, негодовавших на его суровые обличения и строгие нравственные требования. Аввакум смело обличал недостатки и нравственную распущенность прихожан, невзирая на их богатство и знатность. *«Нищим подати не хочет, — говорил Аввакум про одного своего прихожанина, — а что и подает, ино смеху достойно — денешку и полденешку или кусок корки сухие, а имеет тысящи сребра и злата и на псах ожерелки шелковые и кольца серебряные».*

Первый конфликт в Лопатищах произошёл из-за обличения власть имущих. Местный начальник отнял у вдовы дочь, а когда Аввакум стал его умолять, чтобы он возвратил сиротину матери, начальник пришёл в ярость и, придя вместе со своими людьми к церкви, избил священника до полусмерти. Более получаса пролежал Аввакум без чувств. Наконец «Божиим мановением» пришёл в себя, и тогда утращённый начальник «отступился девицы». Однако через некоторое время передумал и, «по науцению диаволу», вновь пришел в церковь. Он стал избивать Аввакума и волочить по земле за ноги прямо в священнических ризах. При этом обессиленный Аввакум даже не мог сопротивляться, а только творил Иисусову молитву.

Этот случай для XVII века не был каким-то вопиющим исключением. По свидетельству Олеария, на Руси довольно-таки часто били священников, *«так как обыкновенно это люди более пропившиеся и негодные, чем все остальные. Чтобы при этом пощадить святую шапочку (священническую скуфью. — К. К.), её сначала снимают, потом хорошенько колотят попа и снова аккуратно надевают ему шапку.*

Подобным делам потом не очень удивляются».

В другой раз (было это летом 1647 года) другой начальник — некто Иван Родионович — «рассвирепел» на Аввакума за то, что тот пел церковную службу «по уставу, не борзо», то есть не торопясь, прибежал к нему в дом и, избив, «у руки отгрыз персты, яко пес, зубами». «И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой». Но этого ему показалось мало. Когда Аввакум с перевязанной рукой шёл в церковь служить вечерню, начальник снова напал на него «со двема малыми пищальми» и пытался застрелить. «И, близ меня быв, запалил из пистоли, и Божию волю на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а ему рекл: “благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!”»

Тогда разгневанный начальник отнял у Аввакума двор, всё имущество и выгнал из села, не дав даже хлеба на дорогу. Пришлось Аввакуму вместе со всеми домочадцами и только что родившимся сыном идти искать защиты в Москву. Но даже в этой ситуации Аввакум не унывал, продолжая уповать на Бога. «Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, а сами, пошед, запели божественные песни, евангельскую стихеру большим распевом. “На гору учеником идущим за земное вознесение предста Господь и поклонишася Ему” [\[10\]](#), всю до конца; а перед нами образ несли. Певцов в дому моем было много; поюще со слезами, на небо взираем; а провозждающи жители того места, мужи, и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провозжали в поле. Аз же, на обычном месте став и хвалу Богу воздав, поучение прочет и, благословя, насили в дом их возвратил, а с домашними впредь побрели». Новорожденного младенца Прокопия пришлось крестить в дороге...

*

В Москве Аввакум знакомится с двумя влиятельными московскими священниками, вождями «боголюбческого» движения — протопопом Благовещенского собора, царским духовником Стефаном Внифантьевым [\[11\]](#) и протопопом Казанского собора Иоанном Нероновым — и находит у них покровительство. Он был представлен самому царю Алексею

Михайловичу и с царской грамотой возвратился в сентябре 1647 года в Лопатищи. С этого времени Аввакум начинает поддерживать активные связи с кружком «боголюбцев», или «ревнителей благочестия», и последовательно осуществлять их программу по исправлению нравов, что зачастую приводило его к конфликтам как со своей паствой, так и с местными властями.

Вернувшись в Лопатищи, Аввакум нашел своё жилище разорённым — *«ано и стены разорены моих храмин»*, так что пришлось восстанавливать всё домашнее хозяйство заново. Но он не сдавался. Вскоре представился случай на деле доказать свою ревность по православной вере. Летом 1648 года *«прийдоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а друга отпустил в поле»*.

Скоморохи были известны на Руси с древних времен. Но особую популярность они получили в XV–XVII веках. Скоморохи были участниками, а иногда и главными действующими лицами различных народных праздников, играли на домрах, сопелях (разновидность свирели), исполняли песни, жанровые сценки, кукольные комедии, рядились «в личины» и водили медведей. При этом ещё со времён Крещения Руси Православная Церковь относилась к скоморохам сугубо отрицательно, поскольку в их представлениях видела языческое веселье и соблазн. Однако в народном быту православие нередко уживалось с остатками самого дикого язычества. По свидетельству Стоглавого собора, скоморохи ходят *«ватагами до 60, 70 и до 100 человек и по деревням у христиан сильно (т. е. насильно) едят и пьют и из клетей животных грабят, а по дорогам людей разбивают»*.

Борьба с остатками язычества особенно усилилась после событий Смутного времени, поставивших под угрозу само существование последнего православного царства. Так, в 1627 году патриарх Филарет издал указ о запрете ряженья, колядования и прочих обрядовых игр. В 1636 году патриарх Иосиф вменил в обязанность попам и церковным старостам бороться со скоморохами и играми. Царь Алексей Михайлович в 1648 году (думается, не без влияния своего духовного отца и других «боголюбцев») издал особый указ, запрещающий под угрозой батога и даже ссылки в окраинные города игрища, увеселения, пение «бесовских песен», приём в дома скоморохов и медвежьих поводырей: *«а где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие чудесные бесовские сосуды, и те бы вынимать и, изломав, жечь»*. Несмотря на запреты, некоторые бояре имели

своих скоморохов и отправляли их «на промысел» — зарабатывать деньги своим искусством. Скоморошья зрелища собирали толпы простых людей.

О разгоне Аввакумом скоморохов местный начальник не преминул донести боярину Василию Петровичу Шереметеву, как раз проплывавшему в это время мимо своей семейной вотчины по Волге в Казань на воеводство. Аввакума привели на воеводское судно, и Шереметев долго бранил его за содеянное. Наконец, позвав сына своего Матвея, любимого стольника и товарища по охотничьим забавам царя Алексея Михайловича, велел Аввакуму благословить того. Но, увидев «блудолюбный образ» боярского сына-брадобритца, Аввакум не только отказался его благословить, но и «от Писания порицал», за что снова был обруган сильно осерчавшим боярином и брошен с судна в Волгу.

В дониконовской Руси к брадобритию относились резко отрицательно, хотя мода эта пришла на Русь с Запада ещё в XVI веке. Современник великого князя Василия III московский митрополит Даниил в своих проповедях активно выступал против этого новшества, главным образом по мотивам нравственного характера, поскольку бритьё бороды имело эротический привкус и стояло в связи с довольно распространённым пороком мужеложства. Митрополит в своём двенадцатом поучении сурово осуждал женоподобных молодых людей: *«Женам позавидев, мужеское свое лице на женское претворяеши. Или весь хочещи жена быти? Оли омрачения сластей плотских! О безумиа конечнаго! Свободное оставив, к работному течеть: не хошу, рече, жена быти, но мужь, яков же и есть. Да аще еси муж и не хочещи жена быти, почто брады твоя или ланит твоих власы щиплеши и ис корене исторзати не срамляеши? Лице же твое многоумываеши и натрываеши, ланиты червлены, красны, светлы твориши, якоже некая брашна дивно сътворено на снесь готовиши. Устне же светлы, чисты и червлены зело дивно уставив, якоже неким женам обычай есть кознию некоею ухитряти себе красоту, сице же подобно им ты украсив, натер, умызгав, благоуханием помазав, мягцы зело уставляеши, якоже сими возможи многих прельстити».*

Вместе с тем о брадобритии писали ещё святые отцы и учителя древней Церкви — Епифаний Кипрский, Кирилл Александрийский, Киприан Карфагенский, Никон Черногорец, Исидор Пелусиот, Феодорит Кирский, Иероним Стридонский. Все они считали брадобритие грехом, осквернявшим в человеке Образ Божий, и видели в нём действие против вложенной Богом природы. Из русских церковных авторов брадобритие обличали преподобный Максим Грек, митрополит Московский Макарий, патриарх Филарет. В постановлениях Стоглавого собора 1551 года прямо

говорилося: «Священна правила православным христианом возбраняют не брити брад, и усов не подстригати, таковая бо несть православным, но латинская ересь, и отеческая правила вельми запрещают и отрицают. Правило святых Апостол сице глаголет: аще кто браду бриет, и преставится таковой, недостойт над ним служити ни сорокоустия пети, ни просвиры, ни свечи по нем в Церковь, с неверными да причтется, от еретик бо се навикоша. О том же правило первоенадесять шестаго собора, в Труле полатнем. О том же о пострижении брад, написано в Законе се: не пострижайте брад ваших, се бо женам лепо, мужем неподобно, создавый Бог судил есть, Моисеови бо рече: постризало да не взыдет на браду вашу, се бо мерзско есть пред Богом. Ибо от Константина царя Кавалина еретика, на том вси знаху яко еретическия слуги, есть брады постризань. Вы же сотворяюще человеческого ради угождения противящися законом, ненавидими будите от Бога создавшего нас по образу Своему. Аще убо хотите угодити Богу, отступите от зла, и о том Сам Бог Моисеови рече, и святые Апостолы запретиша, а Святыя Отцы проклята, и от Церкви таковых отлучиша, того ради страшнаго прещения Православным такового не подобает творити».

В 1646 году в Москве был издан Служебник, в приложении к которому содержалось объяснение, почему именно православным христианам не следует брить бороду: «Не вем, в сицевый народ православия, в кое время в велицей России еретический недуг привниде. Якоже по летописным книгам реши, предание царя греческаго, паче же врага и отступника веры христианския и законопреступника Константина Ковалина и еретика, еже постригати брады, или брити, якоже реши богосозданную доброту (красоту. — К.К.) растлевати, или паки реци по летописным книгам подтверждению сея злыя ереси новаго сатанина сына диаволя, предотечи антихристово, врага и отступника веры христианския, римскаго папы Петра Гугниваго, яко и тому сию ересь подкрепившу, и римским народом, паче же и чином их священным сицевая творити повелевшу, иже брады подстригати и брити. Епифанию архиепископу Кипрскому евхитскою сию ересь нарекушу. Ибо Константина царя Ковалина и еретика се узаконено есть, на том вси знают, яко еретическия слуги суть, иже брады им пострижены». Так что, отказываясь благословить и обличая воеводского сынка, Аввакум, как и в случае со скоморохами-медвежатниками, действовал в соответствии со своим пастырским долгом.

За праведную жизнь и ревностное исполнение пастырских обязанностей Аввакуму был послан Свыше дар исцеления больных и бесноватых. Впервые дар исцеления одержимых «бесом нечистым»

проявился следующим чудесным образом. Когда Аввакум уезжал в 1647 году из Москвы, царский духовник, протопоп Стефан Внифантьев благословил его в дорогу образом святого Филиппа, митрополита Московского, и книгой поучений преподобного Ефрема Сирина, недавно напечатанной в Москве, — «себе пользоваться, прочитая, и людей». Далее произошло следующее:

«А я, окаянной, презрев благословление отеческое и приказ, ту книгу брату двоюродному, по доуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте был горазд и о церкви велико прилежание имел, напоследок взят был к большой царевне в Веръх, а в мор и з женою преставился. Сей Евфимей лошедь сию поил, и кормил, и гораздо об ней прилежал, презирая и правило (молитвенное правило. — К.К.) многожды.

И виде Бог неправду з братом в нас, яко неправо ходим поистинне: я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал, — изволил нас Владыко сице наказать. Лошедь ту по ночам и в день в конюшне стали беси мучить: всегда заезжена, мокра и еле стала жива. Я недоумеюся, коея ради вины бес озлобляет нас так. И в день недельный после ужины, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму “Непорочную” и завопил высоким гласом: “Призри на мя и помилуй мя!” и, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов бысть поражен, начал неудобно кричать и вопить, понеже беси жестоко мучиша его.

В дому же моем иные родные два брата, Козьма и Герасим, больши ево, а не смогли ево держать. И всех домашних, человек с тридцеть, держа ево, плачут пред Христом и, моляся, кричат: “Господи, помилуй! Согрешили пред Тобою, прогневали благодать Твою! За молитв святых отец наших помилуй юношу сего!” А он пуци бесится, и бьется, и кричит, и дрожит.

Аз же помощию Божию в то время не смутился от голки (мятеж, шум, сумятица. — К. К.) бесовския тоя, — кончавше правило обычное, паки начах Христу и Богородице молиться со слезами, глаголя: “Всегосподованная госпоже Владычице моя пресвятая Богородице! Покажи ми, за которое мое согрешение таковое быст ми наказание, да уразумею, каяся пред Сыном Твоим и пред Тобою, впредь тово не стану делать!” И плачючи, послал во церковь по Потребник и по святую воду сына моего духовного Симеона, юношу лет в четырнатцеть, таков же, что и Евфимей; дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящися, оба в подвиге живуще

крепко, в посте и молитве.

Той же Симеон, по друге своем плакав, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. И начах аз действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия. Он мне, Симеон, кадило и свечи подносил и воду святую; а прочии беснующагося держали. И егда в молитве дошла речь: “Аз ти о имени Господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо Бог призывает”, бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь вдругоряд, и бес еще не слушает, пуци мучит брата.

Ох, горе, как молыть! И сором, и не смею! Но по повелению старца Епифания говорю, коли уж о сем он приказал написать. Сице было. Взял я кадило и покадил образы и беснова, и потом ударилъся о лавку, рыдав на мног час. Возставше, в третьие ту же Василиеву речь закричал к бесу: “Изыди от создания сего!” Бес же скорчил в кольцо брата и, пружався, изыде и сел на окошке. Брат же быв яко мертв.

Аз же покропил ево святою водою, он же, очхнясь, перъстом мне на окошко, на беса сидящаго, указывает, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко — и бес сошел в жерновый угол. Брат же паки за ним перъстом указывает. Аз же и там покропил водою — бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там ево указывает — аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам прекрестился. И я не пошел за бесом, но напоил брата во имя Господне святою водою.

Он же, вздохня из глубины сердца, ко мне проглагола сице: “Спаси Бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и у двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Бог, которой ходил во церковь по книгу и по воду ту святую, пособлял тебе с ними битца, подобием он что и Симеон, друг мой. Подле реки Сундовика ^[12] меня водили и били, а сами говорят: Нам-де ты отдан за то, что брат твой на лошадь променял книгу, а ты ея любишь; так-де мне надобе поговорить Аввакуму-брату, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату”.

И я ему говорю: “Я, реку, свет, брат твой Аввакум!” И он отвещал: “Какой ты мне брат? Ты мне батько! Отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатицах живет, будет тебе бить челом”. Вот, в ызбе с нами же, на Лопатицах, а кажется ему подле реки Сундовика. А Сундовик верст с пятнатцетъ от нас под Мурашкиным да под Лысковым течет. Аз же паки ему дал святые воды. Он же и судно у меня отнимает и съестъ хочет: сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал, — он и не стал пить.

Ночь всю зимнюю с ним простряпал. Маленько полежав с ним, пошел во церковь заутреню петь. И без меня паки беси на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, освятил его маслом, и паки беси отидоша, и ум цел стал, но дряхл бысть, от бесов изломан. На печь поглядывает и оттоле боится. Егда куды отлучюся, а беси и наветовать станут. Бился я з бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, дондеже книгу взял и деньги за нея дал. И ездил ко другу своему, Илариону-игумну, он просвиру вынял за брата, тогда добро жил, что ныне архиепископ Резаньской, мучитель стал христианской. И иным друзьям духовным бил челом о брате. И умолили о нас Бога».

«Таково-то зло преступление заповеди отеческой! — заканчивает свой рассказ Аввакум. — Что же будет за преступление заповеди Господни? Ох, да только, огонь да мука!» При этом посылаемые Свыше чудесные знамения он принимает с удивительным христианским смирением, всячески подчеркивая свою личную греховность и недостойность.

«Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бешаными и больными не творит благодатию Божию! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но Имени Своему славу Господь дает. А я, грязь, что могу сделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Иуда чудотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысяч пятьсот лет во аде осужден. Посем всяк, мняйся стояти, да блюдетя, да ся не падет. Держись за Христовы ноги и Богородице молись и всем святым, так будет хорошо...»

Вместе с тем, рассказывая о своих злоключениях и о своих обидчиках, Аввакум никогда не забывает о главном враге рода человеческого, в борьбе с которым он видел одну из основных задач своей жизни. Он осуждает не самих людей, причинявших ему зло, по-христиански прощая им содеянное, но постоянно указывает на конечную причину, на того, по чьему внушению эти люди действовали: «бесы адовы» преследовали его в лице различных «начальников», «научил ево дьявол» (о лопатищинском начальнике, отнявшем дочь у вдовы), «а дьявол и паки воздвиг на мя бурю» (о пришествии скоморохов в Лопатищи), «дьявол научил попов, и мужиков, и баб» (избиение в Юрьеве-Повольском). Наконец, «бесовские нападения» на лопатищинского священника привели к тому, что снова местный начальник, на этот раз некто Евфимий Стефанович, «рассвирепел» на его обличения и даже пытался убить.

«Приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пицалей с

приступом. А аз в то время, запершиися молился с воплем ко Владыке: “Господи, укроти ево и примири, имиже веси судьбами!” И побежал от двора, гоним Святым Духом. Также в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: “Батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: дайте мне батька Аввакума! за него Бог меня наказует!” И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил Бога сице: “Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея, и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и Ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским; аще зарежут, и Ты причти мя с Захариєю пророком; а буде в воду посадят, и ты, яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!” И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: “Подит-ко, государь наш батюшко, подит-ко, свет наш кормилец!” И я сопротив тово: “Чюдно! Давеча был блядин сын ^[13], а топерва — батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та; скоро повинился муж твой!” Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: “Прости, государь, согрешил пред Богом и пред тобою!” А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: “Хочещи ли впредь цел быти?” Он же лежа, отвеща: “Ей, честный отче!” И я рек: “Востани! Бог простит тя!” Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой, и с женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то Господь гордым противится, смиренным же дает благодать».

Жизнь Аввакума в Лопатицах продолжалась до начала 1652 года, когда он вновь был изгнан оттуда местными властями и вновь был вынужден искать правды в Москве. Как он сам мимоходом говорит об этом в «Житии», «помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве...». Находясь в столице, Аввакум будет принимать непосредственное участие в кружке «ревнителей благочестия», пик активности которого приходится как раз на это время.

Глава третья

«РЕВНИТЕЛИ БЛАГОЧЕСТИЯ»

*На стражбе своей стану, и возлезу на камык,
да смотрю яко видети что солаголет во мне,
и что отвещаю до обличения моего.*

Книга пророка Аввакума, гл. 2, ст. 5

За то время, пока Аввакум служил священником в Лопатищах, в России произошли серьезные перемены. В 1645 году преставился царь Михаил Феодорович, и на престол вступил его шестнадцатилетний сын Алексей. На личности царя Алексея Михайловича стоит остановиться отдельно, поскольку его пристрастия и политические идеалы сыграют роковую роль — и в судьбе протопопа Аввакума, и в судьбе Русской Церкви, и в судьбе всего русского народа.

В Житии преподобного Корнилия Выговского, который долгие годы был келейником патриарха Филарета, рассказывается о поразительном пророчестве, услышанном преподобным Корнилием за девять лет до рождения царя-реформатора: *«В та же времена и лета 7120 (1620) при царе Михаиле Феодоровиче бывый на Москве с восточных стран, ис Палестины и святого града Иеросалима, святейший патриарх Феофан, иже и рукоположивый на Москве патриарха Филарета Московскаго... Некогда же собору бывшу о неких нужных церковных вещех, святейший патриарх Феофан Иеросалимский, и святейший патриарх Филарет Московский, и мнози быша соборнии митрополиты, архиепископы и епископы; и глаголаху кождо полезная. И по мнозей беседе глаголя святейший патриарх Феофан во услышание всем ту бывшим, и мне, грешному, сия слышавшу: “Воистину глаголю вам, отцы и братия: ныне во всей поднебесной едино солнце сияет, — тако и в Московском государстве благочестием православная вера просвещается и светится. И когда будет у вас в России царь с первыя литеры, — при том пременятся законы, обычаи и предания церковная, и будет гонение велие и мучительство на Церковь Христову”. Слышаще же сие от патриарха, и вси во ужас впадоша. И во ум прияша, глаголаху: “Буди воля Господня! Яко же Богу благоизволившу, тако и будет”».*

И вот, 10 марта 1629 года в царской семье родился долгожданный наследник. На восьмой день от рождения царственного младенца приходилась память двух святых: *«преподобнаго отца нашего Алексия, человека Божия, и преподобнаго отца нашего игумена Макария, Колязинского чудотворца»*. Для новорожденного было выбрано имя на «первую литеру»...

Соратник и соузник Аввакума по пустозёрскому заточению диакон Феодор впоследствии вспомнит ещё об одном пророчестве относительно нового царя: *«В Суздальском уезде был некто пустынник, Михаил именем, свят муж, до мору еще преставился (то есть до 1654 года. — К. К.); ныне тут и пустыня заведена над мощми его; и тот глаголаше о нем пророчески до отступления еще задолго и до Никона. Егда седе на царство он, и пришедши неции христолюбцы в пустыню ко святому Михаилу, рабу Божию, и возвестиша ему: “Иной царь государь воцарился ныне после отца своего” — и Михаил рече им: “Несть царь, братие, но рожок антихристов”. Еже и бысть ныне — видим брань его на Церковь Христову»*. Впоследствии и эти пророчества святого пустынника сбылись...

По существовавшему правилу, после смерти царя Михаила Феодоровича шестнадцатилетний Алексей Михайлович формально был избран на царство Земским собором из представителей духовенства, бояр, служилых, торговых «и всяких чинов людей». Интересно, что при избрании молодой царь не взял на себя никаких письменных обязательств, «что прежние цари выдавали», да с него их *«и не спрашивали, потому что разумели его горздо тихим»*. По иронии судьбы царь, при котором и по вине которого произошла одна из страшнейших катастроф в русской истории — церковный раскол и последовавшие за ним кровавые гонения на старообрядцев, — у историков получит наименование «Тишайшего». Однако не следует забывать, что эпитет «тишайший» был лишь одним из официальных титулов монарха. Отец Алексея Михайловича Михаил Феодорович и даже его сын Пётр I, назвать которого «тишайшим» ни у одного историка язык не повернётся, тоже титуловались «тишайшими» в официальных документах.

В первые годы царствования Алексея Михайловича властью фактически распоряжался его «дядька», то есть воспитатель, ближний боярин Борис Иванович Морозов (1590–1661). Человек умный, ловкий, достаточно образованный и известный своей привязанностью к иностранцам и иностранным обычаям, Морозов неотлучно находился при царевице в течение тринадцати лет, а впоследствии даже стал его свояком,

женившись в 1648 году на А.И. Милославской, родной сестре царицы Марии Ильиничны, брак которой с царём незадолго до того сам и устроил. Именно Морозов познакомил своего воспитанника с Западом, обучал его космографии, географии, привил привычку носить западную одежду и вкус к хозяйственной деятельности. К несчастью, посеянная и взращённая в царевиче его воспитателем любовь ко всему заграничному сопровождалась пренебрежением к своему, отечественному, пренебрежением, которое впоследствии вырастет в отторжение, а у его сына Петра приобретёт формы поистине чудовищные, перерастая в лютую ненависть к старой Московской Руси. Даже такой благожелательно настроенный к Алексею Михайловичу историк, как В.О. Ключевский, писал: *«Царь во многом отступал от старозаветного порядка жизни, ездил в немецкой карете, брал с собой жену на охоту, водил её и детей на иноземную потеху, “комедийные действия” с музыкой и танцами, поил допьяна вельмож и духовника на вечерних пирушках, причём немчин в трубы трубил и в органы играл; дал детям западнорусского ученого монаха (Симеона Полоцкого), который учил царевичей латинскому и польскому».*

Существует ещё один миф, всячески поддерживаемый историками, — миф об особой набожности и благочестии царя Алексея Михайловича, о его невмешательстве в церковные дела и благоговейном отношении к церковной службе. Однако, по словам того же В.О. Ключевского, на проверку оказывается, что *«ни мысль о достоинстве сана, ни усилия быть набожным и порядочным ни на вершок не поднимали царя выше грубейшего из его подданных. Религиозно-нравственное чувство разбивалось о неблаговоспитанный темперамент, и даже добрые движения души получали непристойное выражение».*

В этом смысле характерно свидетельство архидиакона Павла Алеппского о поведении царя Алексея во время всеобщего бдения, которое проходило в Саввино-Сторожевском монастыре в присутствии патриарха Антиохийского Макария. *«Кончили службу, — пишет Павел, — и чтец начал первое чтение из жития святого, сказав по обычном начале: “Благослови, отче”, как обыкновенно говорят настоятелю. В это время царь сидел в кресле, а наш учитель на другом. Вдруг царь вскакивает на ноги и с бранью говорит чтецу: “Что ты говоришь, мужик, блядин сын, ‘благослови, отче’? Тут патриарх. Скажи: ‘благослови, владыко!’” Чтец затрепетал и, пав в ноги царю, сказал: “Государь мой, прости меня!” Царь отвечал: “Бог простит тебя”. Тогда чтец встал и повторил те же слова, а наш учитель произнес: “Молитвами святых отец”... Когда началось чтение, царь велел всем присутствующим сесть. От начала до конца*

службы он учил монахов обрядам и говорил, обходя их: “Читайте то-то, пойте такой-то канон, такой-то ирмос, такой-то тропарь таким-то гласом”. Если они ошибались, он поправлял их с бранью, не желая, чтобы они ошибались в присутствии нашего владыки патриарха. Словом, он был как бы типикарием, то есть учителем типикона (уставщиком), обходя и уча монахов. Он зажигал и тушил свечи и снимал с них нагар... С начала службы до конца царь не переставал вести с патриархом беседу и разговаривать».

В другой раз, уже в пору своих натянутых отношений с Никоном, царь, возмущённый высокомерием патриарха, поссорился с ним из-за церковного обряда прямо в церкви в Великую пятницу и выбрал его обычной тогда бранью, обозвав Никона «мужиком, блядиным сыном».

О самодурстве Алексея Михайловича свидетельствуют и другие факты. *«Страдая тучностью, царь позвал немецкого “дохтура” открыть себе кровь. Почувствовав облегчение, он по привычке делиться всяким удовольствием с другими предложил и своим вельможам сделать ту же операцию. Не согласился на это один боярин Стрешнев, родственник царя по матери, ссылаясь на свою старость. Царь вспылил и прибил старика, приговаривая: “Твоя кровь дороже что ли моей? или ты считаешь себя лучше всех? ”».* В 1660 году, когда князь Хованский был разбит в Литве и потерял почти всю свою двадцатитысячную армию, царь спрашивал в Думе бояр, что делать. Боярин И.Д. Милославский, тесть царя, не бывавший в походах, неожиданно заявил, что если государь пожалует его, даст ему начальство над войском, то он скоро приведёт пленником самого короля Польского. *«Как ты смеешь, — закричал на него царь, — ты, страдник, худой человечиска, хвастаться своим искусством в деле ратном! Когда ты ходил с полками, какие победы показал над неприятелем?»* Говоря это, царь вскочил, дал старику пощёчину, надрал ему бороду и, пинками вытолкнув его из палаты, с силой захлопнул за ним двери.

В первые годы своего царствования Алексей Михайлович не проявлял особого интереса к управлению вверенным ему государством, предпочитая проводить большую часть своего времени в развлечениях и удовольствиях. Знаменитое выражение «делу время, и потехе — час» было придумано именно им. Он даже изобрёл особую тактику с целью избавляться от докучавших ему челобитчиков: *«Да ныне государь все в походех и на мало живет (в Москве. — К.К.), как и воцарился; а се будет поход в Можайск; а где поход ни скажут государев, и он, государь, не в ту сторону пойдет».*

Как известно, любимым развлечением царя была соколиная охота, которой он посвятил даже целый трактат. Ещё одним увлечением было

садоводство и огородничество, причём в этой области Алексей Михайлович доходил до крайностей. «Царь, имея склонность к экспериментаторству и по-детски любя всё “диковинное”, пытается завести в подмосковном хозяйстве многие южные растения, в том числе даже виноград, даже хлопчатник и даже тутовое дерево. Разумеется, затеи эти провалились — не желали расти в Подмосковье такие культуры, как арбузы шемахинские и астраханские, финиковое дерево, миндаль и дули венгерские. Однако царь был на редкость упрям в своих начинаниях и до конца жизни мучил подчиненных своими “проектами”. Всё это весьма похоже на затеи капризного избалованного барчука-“недоросля”, которому ни в чём не отказывают. Мысль завести шелководство под Москвой не даёт царю покоя, и он наказывает, кроме “шёлковых” заводчиков, “которые б умели червей кормить и шолк делать... такова мастера сыскать, хотя дорого дать, хто б умел завести и червей кормить таким кормом, который был бы подобен туту, или ис тутового дерева бить масло и, в то масло иных дерев лист или траву обмакивая, кормить червей”... Садовнику-немцу Индрику царь предлагает совершить “дело наутайнейшее” — привить на яблоне “все плоды, какие у Бога есть”. Озадаченный садовник врать не стал: “Все плоды, государь, невозможно привить”. Но царь был, как известно, упрям и приказал приступить к тайному эксперименту» (Кутузов).

*

Кроме любви ко всему иностранному, царского дядьку Бориса Ивановича Морозова отличала необыкновенная страсть к стяжанию и накопительству. Австрийский путешественник А. Мейерберг отмечал, что у него была «такая же жадность к золоту, как обыкновенно жажда пить». Будучи бездетным, Морозов до последнего дня своей жизни был озабочен расширением хозяйства. Вотчины его представляли собой настоящее государство в государстве. Если в 20-е годы XVII века ему принадлежал 151 крестьянский двор, то к началу 1660-х годов — уже около 9 тысяч крестьянских и бобыльских дворов, то есть приблизительно 55 тысяч человек обоего пола.

Чтобы поправить расстроенные финансы, правительство боярина Морозова увеличило прямые и косвенные налоги. В 1646 году были введены пошлины на соль, в результате чего продукты значительно поднялись в цене, стали недоступными населению, а у торговцев гнил

залежавшийся товар. В 1647 году налог отменили, но, чтобы возместить потери, решили сократить жалованье служилым людям. Покровительство недостойным родственникам, введение новых податей и откупов вызвали среди жителей Москвы возмущение против Морозова и привели к Соляному бунту 1648 года, во время которого погибли его ближайшие помощники — Л.С. Плещеев и П.Т. Траханиотов. Сам Морозов едва спасся в царском дворце и был отправлен царём в Кирилло-Белозёрский монастырь (1648). Городские восстания, вызванные ростом косвенных налогов, в 1648–1650 годах прокатились по всей стране, затронув и Сибирь. Правительство вынуждено было пойти на уступки, взимание недоимок было прекращено.

События Соляного бунта оставили неизгладимый отпечаток в памяти молодого царя и повлекли за собой серьёзные изменения в его политике и в его отношении к народу. *«Московские события заставили Алексея Михайловича задуматься о своей роли и месте в управлении государством, — пишет современный историк. — Отныне не одно чистосердечное покаяние, но и благочестивые монаршие дела, которые никому нельзя передоверять, станут всё более занимать Тишайшего. Оказалось, что для того, чтобы повзростеть, чтобы начать править, а не царствовать, нужны не женитьба и не рождение сына-наследника, а сильное потрясение, способное разрушить непоколебимое благодушие. Это было первое, самое явное следствие московских событий для Алексея Михайловича»* (Андреев). Как сообщал шведский агент Поммерининг своему правительству, теперь царь стал посвящать один час перед обедом для разбора челобитных своих подданных. Подумать только, целый час!

По приговору царя с Боярской думой в июле 1648 года особой комиссией из пяти лиц во главе с князем Н.И. Одоевским было поручено составить проект нового уложения. 1 сентября 1648 года в Москве собрался Земский собор из *«выборных людей разных чинов государства»*, который в 1649 году принял знаменитое Соборное уложение.

Соборное уложение 1649 года представляло собой новый для России уровень законодательной практики. Оно включало специальные статьи, регулировавшие правовое положение отдельных социальных групп населения. Был увеличен поместный оклад служилых людей, введены дополнительные надёлы оскудевшим помещикам. Крепостное состояние крестьян по Уложению утверждалось наследственным. Если раньше помещику было предоставлено лишь 10 лет на розыск беглых крестьян, так что те из них, кому удавалось укрыться в течение этого срока от жестокого и несправедливого господина, могли спокойно доживать свой век у другого

помещика, то теперь сыск беглых крестьян объявлялся бессрочным. Таким образом, был завершён процесс законодательного оформления крепостного права. Для укрепления власти и авторитета самодержца в Уложение были введены статьи, по которым даже «умысел» на здоровье, жизнь и честь государя был возведён в ранг тягчайшего государственного преступления. В дальнейшем Соборное уложение пополнялось «новоуказными статьями» — «о татебных, разбойных и убийственных делах», «о вотчинах и поместьях», о смертной казни за самовольный выход тяглых людей из посада и др.

В главе «О богохульниках и о церковных мятежах» Уложение ужесточило кары против еретиков — вплоть до сожжения. Хотя сожжение богохульников и еретиков на деле уже употреблялось ранее и в Новгороде, и в Москве, в государственные законы оно до Уложения не вносилось, то есть было всё-таки мерой экстраординарной. Вместе с тем Уложение поставило духовенство под юрисдикцию светского суда по гражданским делам. Тем самым ограничивалась компетенция церковного суда. Судебные дела духовных лиц (исключая собственно церковные дела) были переданы светским судебным учреждениям и созданному в 1650 году Монастырскому приказу, который занимался также определёнными административными вопросами жизни Церкви. Статьи Уложения 1649 года не распространялись лишь на патриарха и находящихся в его вотчинах людей, которых судил сам патриарх.

В целом в царствование Алексея Михайловича продолжалось дальнейшее укрепление самодержавной, ничем не ограниченной власти царя. После 1653 года Земские соборы уже не созывались, зато достигла расцвета приказная система управления, интенсивно шёл процесс его бюрократизации. Особую роль играл учреждённый в 1654 году Тайный приказ, подчинённый непосредственно Алексею Михайловичу и позволявший ему руководить другими центральными и местными учреждениями. Во главе этого приказа становится некий дьяк Дементий Башмаков, которого Аввакум назовет «от тайных дел шишом антихриста» ...

*

В 1645 году, после вступления молодого царя на престол, в Москве образовался кружок ревнителей церковного благочестия — так называемых боголюбцев. Возможно, что московскому кружку ревнителей благочестия

предшествовал нижегородский, образовавшийся ещё в 1630-е годы и состоявший из священников и светских лиц. Деятели кружка стремились к упорядочению церковной жизни, богослужения, распространению евангельской проповеди. Боголюбцы понимали необходимость определённых церковных реформ, призывали к соблюдению христианской морали, много внимания уделяли проповеди, устраивали центры христианского просвещения, стремились поднять авторитет Церкви в глазах народа.

Смутное время оставило свой печальный след не только в хозяйственной и политической жизни Русского государства, но и в душе русского народа. Ещё в 1636 году девять нижегородских протопопов и священников во главе с Иоанном Нероновым обратились к патриарху Иоасафу с «памятью», в которой ярко обрисовали весьма печальную картину русских церковных нравов и просили принять неотложные меры для поднятия благочестия и спасения гибнущего православия. В храмах царят, указывалось в «Памяти», *«мятеж церковный и ложь христианская»* — непорядки и несоблюдение духа веры. Причина этого кроется прежде всего в поведении самого духовенства, пребывающего в *«лености и нерадении»*. По вине церковнослужителей, спешащих поскорее отбыть богослужение, в церквях водворилось пагубное «многогласие», то есть одновременное чтение молитв и пение песнопений: *«В церквях, государь, зело поскорю пение, не по правилом Святых Отец, ни наказанию вас, государей, говорят голосов в пять и шесть и более, со всяким небрежением, поскорю. Ексапсалмы, государь, также говорят с небрежением не во един же голос, и в туж пору и псалтырь и каноны говорят, и в туж пору и поклоны творят невозбранно»*.

Постановление о «единогласии» было принято ещё Стоглавым собором: *«А вдруг бы псалмов и псалтыри не говорили, также бы и канонов вдруг не канархали и по два вместе не говорили бы, занеже то в нашем Православии великое бесчинство и грех, и Святыми Отцы тако творити отречено бысть»*. Однако «многогласие» в богослужении продолжало существовать и даже распространялось, службы совершались быстро и «со всяким небрежением», сразу несколькими голосами: один пел, другой в это время читал, третий говорил ектении или возгласы, или читали сразу в несколько голосов — и каждый своё особое, не обращая внимания на других и даже стараясь их перекричать. В результате всякая чинность, стройность и назидательность богослужения терялись окончательно. *«Церковная общественная служба при таких порядках не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящих,*

но напротив: приучала их относиться к богослужению чисто механически, бессмысленно, только внешним образом, без всякого участия мысли и чувства, — писал историк Н.Ф. Каптерев. — Многие из народа стали смотреть на посещение церкви как на одну формальность, и не только во время богослужения держали себя крайне непристойно, что чуть ли не сделалось общим правилом, но и старались ходить в те именно церкви, где служба, ради многогласия, совершалась с особою скоростию. С своей стороны духовенство, желая заманить в свои храмы побольше народу, доводило скорость церковных служб до крайности, дозволяя в храме читать одновременно голосов в шесть и больше».

Вместе с тем и нравственное состояние населения оставалось крайне печальным: процветали пьянство и разврат, широко распространилась самая грубая ругань — как среди молодёжи, так и среди стариков, даже дети нередко относились без должного почтения к своим родителям и *«бесстыдной, самой позорной нечистотой языка и души оскверняют»*. По праздникам молодёжь и старики сходятся и устраивают между жителями разных деревень *«бои кулачные великие»*, в которых *«многие умирают без покаяния»*.

Одновременно с падением христианской нравственности возрождались пережитки язычества. В четверг после Пасхи *«собираются девки и жены под березы и приносят, яко жертвы, пироги и каши и яичницы, и, поклоняясь березкам, ходят, распевая сатанинские песни, и всплескивают руками»*. В День Святого Духа они плетут венки из берёзы и возлагают их себе на головы, а на Рождество Иоанна Крестителя устраивают костры и *«всю ночь до солнечного восхода играют, и через те огни скачут жонки и девки»*. В поддержании этих языческих суеверий большую роль играли скоморохи, которые ходили по городам и деревням с *«медведями, с плясовыми псицами... с позорными блудными орудиями; с бубнами и сурнами и всякими сатанинскими прелестями»*. Во время этих скоморошьих представлений население пляшет, пьянствует и предаётся неистовому разврату...

Итак, против всех этих безобразий выступили боголюбцы. Это был новый тип религиозных деятелей, порождённый той исторической реальностью, в которой оказалась Россия в трагический период Смутного времени. *«В первую половину XVII века выдвигался особый тип носителей благоверия — редкий для Древней Руси, а теперь получивший историческую важность, — пишет современная исследовательница. — Само благоверие в этих ревнителях было традиционным, новым было в них сознание собственной полной ответственности за спасение как себя, так и*

окружающих, недоверие к церковной дисциплине, своеволие. Стремление заменить равнодушие обыденной жизни горением жизни религиозной было в них непреодолимо... В XVII веке среди священников и иноков в большом числе появляются люди с качествами прежде редкими и не столь нужными для духовенства — “воины Христовы”, как их позже называли в старообрядческой литературе. Вероятно, их воспитало Смутное время, когда распалось всякое единство и каждый должен был бороться в одиночку за спасение и жизни и души» (Плюханова).

Возглавил московский кружок ревнителей церковного благочестия знаменитый благовещенский протопоп Стефан Внифантьев. Нам практически ничего не известно о его жизни и служении до 1645 года. Мы даже не знаем даты и места его рождения. Судя по всему, как и другие видные деятели боголюбческого движения, Стефан Внифантьев был выходцем из Нижегородской земли (в Макарьевом Желтоводском монастыре хранился синодик с записью его рода). По отзывам современников, «поп Стефан» был учёным и книжным человеком, «*муж благоразумен и житием добродетелен, слово учительное во устах имеяй*», по-видимому, владел греческим, латинским и польским языками. Ему приписывают четыре сочинения в сборнике «Златоуст» (Слова о правде, суевериях, корчмах и пьянстве, церковном строении), перевод с польского языка полемического сочинения «О образех, како поклоняются образом», «Послание о единогласии священника Агафоника суздальскому архиепископу Серапиону» и другие сочинения.

В 1645 году Стефан Внифантьев был поставлен в протопопы Благовещенского собора в Кремле, «что у государя на сенех», и в этом качестве присутствовал 28 сентября на венчании Алексея Михайловича на царство. Тогда же он стал духовником нового царя. Являясь организатором и руководителем кружка ревнителей благочестия, Стефан Внифантьев поддерживал отношения со многими боголюбцами — Иоанном Нероновым, Федором Ртищевым, Никоном, Аввакумом. По его инициативе переехал в Москву из Нижнего Новгорода Иоанн Неронов, он принимал у себя в доме и поддерживал Аввакума во время его приездов в Москву.

Стефан Внифантьев как духовник имел достаточно сильное влияние на Алексея Михайловича, «*всегда, входя в покои царские, глаголаша от книг словеса полезная, увещевая со слезами царя ко всякому доброму делу и врачуя его царскую душу от всяких злых начинаний*». Царь приходил к своему духовнику даже ночью, чтобы принять от него благословение и побеседовать наедине. Часто Стефан Внифантьев в целях воспитания и нравственного воздействия на царя сам читал перед ним или давал ему

читать те или иные назидательные и учительные книги. Так, Иоанн Неронов в письме к Стефану из Вологды от 13 июля 1654 года писал: *«Преподобнаго отца Феодора Исповедника, игумена Студийскаго, жития к тебе послах, моля, да часто почитаеши его пред благочестивым царем, чтоб ему, государю, вестно было. Паче же и великаго светильника и вселенней учителя воистинну и покаянию проповедника, Иоанна Златоустаго житие почитати молих тя»*. Когда в 1648 году Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской, *«честный оный протопоп Стефан и молением, и запрещением устрои не быти в оно брачное время смеху никаковому, ниже кощунном, ни бесовским играниям, ни песнем студним, ни сопельному, ни трубному козлогласованию»*. Несомненно, это свидетельствует о сильнейшем влиянии Стефана Внифантьева на своего духовного сына, поскольку подобное требование шло вразрез с вековыми свадебными обычаями. И действительно, царская свадьба совершилась *«в тишине и страхе Божию, и в пениих и песнях духовных»*. Вместо «студных песней» на ней пели *«строчные и демественные большие стихи, также и триодей драгия вещи»*, то есть различные церковные песнопения. Не без влияния царского духовника Алексей Михайлович в начале своего царствования издал ряд указов и постановлений о соблюдении постов, о посещении храмов, об уничтожении непристойных игрищ.

Своими поучениями царский духовник старался действовать не только на царя, но и на его окружение — *«и бояр увещеваше со слезами непрестанно, да имут суд правый без мзды, и не на лица зряще да судят, яко да не внидет от некоторых обиденных и до конца разорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваофа»*. Став человеком влиятельным у царя и его окружения, Стефан Внифантьев сблизился с другим известным ревнителем благочестия и просвещения — любимцем и доверенным лицом царя, постельничим, а впоследствии дворецким и воспитателем (дядькой) старшего царевича Алексея Фёдором Михайловичем Ртищевым (1626–1673), который *«во многия ноци в доме его (Стефана) приходя, беседовал с ним»*. *«Во время этих бесед оба ревнителя благочестия обратили своё особенное внимание на различные пороки и недостатки, господствовавшие тогда в народе и в самом духовенстве, на различные беспорядки в церковной жизни, на отсутствие у нас церковной проповеди и под., и решились изыскать средства возвысить религиозно-нравственную жизнь народа и уничтожить наличные церковные беспорядки»* (Каптерев). Одним из таких средств, предлагаемых Стефаном Внифантьевым и Фёдором Ртищевым, было привлечение киевских учёных. Ртищев устроил близ

Москвы, на Воробьёвых горах, Андреевский монастырь и заселил его специально вызванными для этой цели южнорусскими монахами. С благословения царского духовника Ртищевым в 1649–1650 годах были вызваны в Москву «для справки Библии греческие на славянскую речь» известные учёные киевляне Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий и Елифаный Славинецкий ^[14]. В 1652 году Ртищев приглашает из Киева 11 певчих для внедрения в Москве партесного пения на украинско-польский манер.

Вызов южнорусских справщиков по-своему показателен. После восстановления в 1620 году православной иерархии на Украине там произошёл ряд существенных изменений, связанных с реформаторской деятельностью киевского митрополита Петра Могилы. Прежде всего резко изменился сам характер южнорусского православия. *«Молдаванин Пётр Могила становится митрополитом на смену Иову Борецкому. Он православен по вероисповеданию, но по культуре — скорее католик. Сношения с Москвой прекращаются. Создаются хорошие школы, но — западного образца, с польским и латинским языком. Богословие начинают изучать по католическим богословским книгам. Система школ была практически скопирована с иезуитских школ в Польше. Студенты ездили учиться туда, для этого переходили в католичество, потом, возвращаясь, обращались снова в православие. Это было своеобразное православие: православное по догме, но католическое по культуре, по стилю, по духу. Под этими влияниями западнорусское дворянство утрачивает свой православный дух и ополячивается»* (Глинчикова). Таких-то вот учителей и справщиков приглашали в Москву Стефан Внифантьев и Фёдор Ртищев. И недаром по Москве поползли слухи: *«Учится у киевлян Федор Ртищев греческой грамоте, а в той грамоте и еретичество есть»*.

Сближала обоих ревнителей благочестия и их ярко выраженная грекофильская ориентация. Ртищев учился «греческой грамоте» у киевских «недобрых старцев», изучал греческий язык и протопоп Стефан, который являлся убеждённым грекофилом. В этом он был единоклубен со своим венценосным духовным сыном. Оба они считали необходимым тесное единение Русской Церкви с Греческой, признавая, что греческие патриархи и современные греки строго православны, что у них церковный чин и обряд сохранился в его древнем неискажённом виде и что если он в чём-то несходен с современным русским церковным чином и обрядом, то это лишь потому, что русские церковные книги, чины и обряды подверглись порче и изменению. *«Но особенно ярко грекофильство Стефана Вонифатьевича сказалось в той деятельности, какую он и его духовный сын — царь*

Алексей Михайлович проявили под конец патриаршества Иосифа, а также в избрании и поставлении в патриархи Никона и в деятельной поддержке его грекофильской реформы...» — пишет Н.Ф. Каптерев.

Протопоп Стефан Внифантьев отличался особой преданностью царю, поддерживая его в самые тяжёлые минуты жизни. Во время Соляного бунта 1648 года не столько патриарх и митрополиты, сколько царский духовник вёл с Лобного места переговоры с восставшими. Именно он был тем «калугером», который, по сообщению парижской газеты «La Gazette» от 8 октября 1648 года, «укротил ярость народа своими убеждениями». Со Стефаном советовался царь перед выдачей народу «головой» Плещеева. По свидетельству Жития Иоанна Неронова, Стефан Внифантьев *«зело пекийся о спасении души благочестивого царя, млада суца, да не совертится ум его в некая злая»*, и в то же время *«со слезами непрестанно»* увещевал бояр-мздоимцев, обличал иерархов на церковном соборе 1649 года, пользовался политическим авторитетом в правительстве. *«Поучения и назидания кроткого и миролюбивого царского духовника не только никого не раздражали и не возбуждали против него, но царь и бояре “в сладость послушаше его и любяше всею душею, яко истаго си отца”*. Протопоп Аввакум в одном случае замечает, что при царском духовнике Стефане *“вся быша тихо и немятежно ради его слез и рыдания и негордаго учения”*».

25 декабря 1651 года царским указом протопопу Стефану была дарована «властелинская шапка», по-видимому, наподобие архиерейской, которую в дониконовской Руси имели право носить только епископы. Однако после восшествия Никона на патриарший престол царский духовник сходит с политической сцены. Шведский резидент Иоганн де Родес сообщал своему правительству, что между Стефаном и патриархом произошло серьёзное столкновение. Тем не менее после 1653 года Стефан Внифантьев ни разу не выступил против инициированных царём реформ Церкви, хотя и сожалел о расхождении со старыми друзьями, с которыми по возможности продолжал поддерживать отношения. В 1653 году он основал Зосимо-Савватиевскую пустынь в Москве у Красного холма, где постригся под именем Савватия. По другим сведениям, он постригся в Покровском монастыре *«на убогих домех»* в Москве, который построил в 1655 году на средства царя. Именно там Стефан Внифантьев был погребён после смерти, которая произошла в основанном Никоном Иверском монастыре на Валдае 11 ноября 1656 года.

Настоящим вдохновителем кружка ревнителей благочестия был отец Иоанн Неронов, выходец из района знаменитых заволжских старцев. В его жизни мы встретим немало общего с жизнью протопопа Аввакума. Иоанн (в крещении Гавриил) родился в 1591 году в семье священника отца Мирона (в просторечии Нерона), и детство его пришлось на Смутное время. Отчий дом был разграблен и сожжён, и тогда молодой Иоанн в сопровождении некоего отрока Евфимия ушёл в Вологду, где начал свою проповедническую деятельность. Уже в те годы Неронов исповедовал идею «оцерковления» человека и стал обличать вологодского архиерея, пригласившего во время святок в свой дом ряженных и скоморохов. За что и был «бит немилостиво».

Из Вологды Иоанн перебрался в Устюг. Там он приобщился к книжному чтению, которое поначалу давалось ему нелегко. *«Учаешься зело медленно, яко един букварь учае лето и месяцев шесть»*. Затем он оказался в Никольском, пригородном селе Юрьевца-Повольского, и женился здесь на дочери местного священника Евдокии. Живя в Никольском и будучи церковным чтецом, Неронов неоднократно наблюдал «развращённое житие» здешнего духовенства. Обличаемые им попы написали на него ложный донос самому патриарху Филарету, так что молодому чтецу пришлось тайно, ночью бежать в Троице-Сергиев монастырь, где Неронов нашёл покровителя в лице просвещённого архимандрита монастыря Дионисия Зобниновского, много заботившегося о его просвещении. Когда обнаружилось, что донос на Неронова является откровенной клеветой, то по просьбе Дионисия патриарх рукоположил Иоанна сначала в диаконы, а через год — в иереи.

Молодой боголюбец, поставленный в священники, возвращается в село Никольское, но здесь его ожидают лишь новые распри с местным духовенством. Тогда он уезжает учиться в нижегородскую деревню Лысково у пользовавшегося в то время широкой известностью священника Анании, который *«зело искусен бе в Божественном писании»*, а затем переселяется в Нижний Новгород. Здесь, облюбовав ветхую, много лет пустовавшую церковь Воскресения Христова, Иоанн Неронов становится при ней священником. На новом месте он продолжает свою горячую проповедь благочестия среди клира и мирян. Именно Неронову принадлежит заслуга возрождения личной проповеди, которой уже несколько столетий не знало русское православие. При нём всегда была

книга Маргарит — собрание проповедей святого Иоанна Златоустого, по которой отец Иоанн Неронов учил русских людей, *«на стогнах града и на торжищах... возвещая всем путь спасения»*. *«Егда прочитавше народу святые книги, тогда бываху от очию его слезы, яко струя, и едва в хлипании своем проглагольваше слово Божественного писания, сказоваше же всякую речь с толкованием, дабы разумно было всем христианом»*. Вслед за Иоанном Нероновым с устными проповедями стали выступать многие нижегородские священники, а другой представитель боголюбцев — протопоп Логин Муромский — впоследствии приобрёл своими проповедями всеобщую любовь прихожан.

Всей своей жизнью Неронов, невзирая на «дух времени», пытался следовать христианским заповедям. Он открывал школы, богадельни, смело вмешивался в дела светских властей как в провинции, так впоследствии и в столице. В 1632 году, когда царь Михаил Феодорович собирался в Смоленский поход на поляков, Неронов требовал не проливать кровь христианскую и предрекал неудачу в походе. За *«гордость и высокую мысль»* его сослали на два года на дальний север — в Николо-Карельский монастырь. В сопроводительной грамоте патриарх Филарет писал о нём: *«Во иступлении ума бысть, и ныне не в совершенном разуме. И в людех многую смуту чинил, а людей учил без нашего благословения, и священников лаял и еретиками называл от своего безумства»*.

После смерти патриарха Филарета отец Иоанн Неронов был освобождён. Он возвращается в Нижний Новгород, а затем поселяется в Москве, где по ходатайству царского духовника Стефана Внифантьева и Ф.М. Ртищева становится в 1645 году протопопом Казанского собора, что «на Пожаре», то есть на Красной площади. Этот храм был возведён ещё князем Д.М. Пожарским в память освобождения Москвы в 1612 году от польских интервентов. Деревянная церковь сгорела в 1632 году, а на её месте была в 1636 году построена новая, каменная. По распоряжению царя Михаила Феодоровича сюда дважды в год — 8 июля, в день явления образа Богородицы в Казани в 1579 году, и 22 октября — на праздник святого Аверкия Иерапольского, когда штурмом был взят Китай-город, — стали совершаться большие крестные ходы из Кремлёвского Успенского собора, причём в этих крестных ходах участвовал сам царь. Последний праздник особенно стал почитаться царём Алексеем Михайловичем после рождения 22 октября 1648 года его первенца, царевича Димитрия Алексеевича.

Годы служения в Казанском соборе были «звёздным часом» Неронова. Послушать его приходила вся Москва во главе с царём и царицей. Стены Казанского собора не могли вместить всех желающих послушать его

проповеди, так что порой приходилось писать текст проповедей на специальных досках, размещаемых прямо на стенах собора...

*

В 1646 году с кружком боголюбцев сблизился Никон, тогда ещё безвестный игумен северной Кожеозёрской пустыни. Никон (в миру Никита Минов) родился в 1605 году в селе Вельдеманове Нижегородского уезда в семье крестьянина-мордвина. Его земляк протопоп Аввакум в письме к отцу Ионе делится интересными подробностями ранней биографии будущего патриарха Никона: *«Я Никона знаю: недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а матери русалка (вероятно, следует читать “русачка”. — К.К.), Минка да Манька; а он, Никитка, колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводие с книгою поводился, да выше, да выше, да и к чертям попал в атаманы. А ныне, яко Кинопс ^[15], волхвуй, ужжо пропадет скоро, и память его с шумом погибнет. Потряс церковь-тою не хуже последнего чорта-антихриста, и часть его с ним во огни негасимом».*

В позднейших старообрядческих «антижитиях» Никона, которые начали появляться ещё в конце XVII века и продолжали создаваться вплоть до начала XX века, личность шестого московского патриарха всячески демонизировалась, обрастая всё новыми, порой невероятными фактами. Но, как говорится, дыма без огня не бывает, и подобные произведения подчас включали в себя записанные ещё при жизни Никона и широко распространённые в народе устные рассказы о нём. А потому небезынтересно будет привести некоторые свидетельства этих «антижитий» для выяснения природы никоновских амбиций.

«Отец его Мина был росту великаго и сильный, а мать Никона была Мариамия. Роди Мариамия младенца паче меры большаго и зело пострада в его рождении. Егда родися сей детищь, прииде к Мине в дом мордовский шаман язычник, знающий волшебное ремество. Мине же шаман сей и ранее сего был другом, а потому и пожелал видеть шаман новорожденнаго детища, обещая ему сказать его переднее (то есть будущее — К. К.). И егда же Мариамия открыла шаману детища, тогда шаман стал читать по мордовски какое-то волшебное призывание, посмотрел на детища и затрепетал, опустил на колени и глаголя: “Будет он царь не царь, а выше царей, князей и бояр, и будет он и богат и нищ, и построит он или города или монастыри, и будут туда приезжати

и цари и бояре и князи, будут за него молиться и будут на него злоствовать и проклинать, занеже царь и великий дух его снискал, и землю он прославит, где родися и где будет погребен". И с этими словами шаман сорва со своего ожерелия златицу, кладя младенцу в пелены, рече: "Пусть сие злато умастит тебе дорогу, какую уготовал тебе сам великий дух". Родителие же детища сия восторженность шаманова привела в великое смущение и боязнь. Рече Мина шаману: "Мы люди грешныя и не имеем никаких добродетелей и живем в бедности, к чему ты возвещаеши странная нашему детищу". И не повериша шаману».

Никита рано потерял мать и много претерпел от злой мачехи. Научившись грамоте, мальчик тайно ушёл из дому в Макарьев Желтоводский монастырь, где продолжил своё обучение и со временем был принят на клирос как «*умеющий грамоте и обладающий звучным гласом*». В это время произошла одна встреча, оставившая заметный след в его жизни.

«И некогда случися Никите идти в другой монастырь с двумя клириками и случися на пути обнощевати у некоего татарина, ремесвом колдуна, подобнаго преждеописанному шаману, такожде и сему умевшему предсказывать будущее, волхвуй скверною своею бесовскою книгою и палицею. Татарин предсказал Никите быть государем великим, но Никита, хотя и не поверил словам татарина, но крепко запала сия мысль в его настойчивом характере».

Отец, узнав о месте пребывания Никиты, хитростью вызвал его из монастыря в родной дом. Через некоторое время отец умер, а Никита женился и в 1625 году был рукоположён в священники церкви одного из соседних сёл. Здесь он пробыл совсем недолго и вскоре переселился в Москву, куда его пригласили на место священника приезжавшие на Макарьевскую ярмарку московские купцы. В Москве Никита пробыл около десяти лет.

Смерть в малолетстве всех трёх детей священника Никиты сильно потрясла его и была принята им за указание Свыше. В 1630 году он принудил свою жену согласиться принять иночество и уйти в девичий Алексеевский монастырь в Москве, а сам ушёл на Белое море. Согласно официальной версии, он принял монашество с именем Никона в Анзерском скиту, руководимом суровым отшельником преподобным Елеазаром Анзерским. Однако епископ Александр Вятский в своем «Обличении» на патриарха Никона (1662) излагает иную версию начального периода его служения: *«Еще бо в царствующем граде Москве белцем быв, священноиноческую благословенную грамоту взял, оболгав преосвященнаго*

Аффония, митрополита Новгородскаго, и Никона себе нарек прежде пострижения своею волею. И едучи во Анзерскую пустынь, на Вологде, на паперти церковней ильиньским игуменом Павлом пострижен, а не в церкви. И приедучи в пустыню, абие священноиноческая действовал, а под началом не бывал. Аще всю жизнь ево кто известно ведал и прежде проклятия чести и власти вправду бы рек, яко и на праг церковный несть достоин взяти».

Преподобный Елеазар (ум. 1656), в обитель которого прибыл будущий патриарх всея Руси, в 1612 году с благословения игумена удалился из Соловецкого монастыря на безлюдный Анзерский остров и поселился на горе Голгофе близ озера Круглого, пребывая в постоянной молитве и богомыслии. Со временем молва о подвижнике распространилась по всему Поморью, и к нему начали стекаться желающие подвизаться в безмолвии и уединении. Всех приходящих преподобный Елеазар принимал с кротостью и любовью и не запрещал им селиться подле себя. Господь наделил Своего угодника даром прозрения и чудотворения. Царь Михаил Феодорович, сильно скорбевший, что не имеет наследника, узнав о подвижнической жизни святого, вызвал его в Москву, надеясь получить помощь по его молитвам. Преподобный Елеазар утешил царя и предрёк ему рождение сына. По исполнении этого предсказания в 1629 году царь щедро одарил преподобного и помог начать на острове строительство каменного храма во имя Пресвятой Троицы.

Прибыв на остров Анзер, новопостриженный священноинок Никон становится одним из двенадцати учеников преподобного Елеазара. Вместе с анзерским игуменом он ездил в Москву за «милостыней», предназначавшейся для постройки каменного храма на Анзере, занимался перепиской книг. Однако вскоре после поездки между Никоном и преподобным Елеазаром возникли трения. «С сего времени нача Никон самовольно входити в хозяйственныя управления скитскими делами, якобы приобретох на сие некую власть за участие в сборе пожертвований. По неколицем же времени нача нечто изменяти в церковной службе, и с старшими клириками нача спиратися, и нача приводити старца Елиазара в немалое сомнение. И некогда Елиазару во время божественной службы, егда же Никону чтущу божественную литургию, виде Елиазар около выи (шеи. — К.К.) Никона змия черна и зело велика оплетшися, и вельми ужасесея, и глаголяше отай братии: “О, какова смутителя и мятежника Россия в себе питает. Сей убо смутит тоя пределы и многих трясеней и бед наполнит”. И прирече: “Аще бы кто убил сего чернца, то умолил бы аз за того Бога”. И с сего времени начаша Елиазар и вси братия не любити

Никона и не допускати его до чтения и пения в божественной службе».

Как видим, приняв иночество, Никон не особенно стремился к затворничеству и иноческому деланию. Его амбициозная натура требовала власти. В 1634 году, видимо, из-за очередных столкновений с братией Анзерского скита, он вынужден был покинуть остров, бежав на рыбацкой лодке. Буря, разыгравшаяся на море, прибила лодку к каменистому Кий-острову, около устья реки Онеги. Здесь в честь своего спасения Никон поставил крест, а позже основал монастырь, названный Крестным. Затем он перешёл на жительство в Кожеозёрский монастырь (в Каргопольских пределах), также находившийся на уединённом острове. Здесь он был в 1643 году выбран в игумены немногочисленной братией монастыря.

В 1646 году Никон отправился в Москву по делам монастыря и, согласно обычаю, явился с поклоном к молодому царю Алексею Михайловичу. Кожеозёрский игумен сумел уловить сокровенные мысли, занимавшие царя Алексея Михайловича и его ближайшее окружение, и вскоре сделал головокружительную карьеру. Представленный царю, он произвёл на него столь благоприятное впечатление, что тут же получил сан архимандрита московского Новоспасского монастыря, в котором находилась родовая усыпальница Романовых. Именно в этот период Никон сблизился с кружком ревнителей древлецерковного благочестия. Царь часто ездил в Новоспасский монастырь молиться за упокой своих предков и потому ещё более сблизился с Никоном, которому приказал ездить к нему во дворец на беседы каждую пятницу. *«Угадав внутреннюю неуверенность, мнительность Алексея Михайловича, Никон внушил государю, что его пастырское радение и молитва — надёжная защита во всех государственных и семейных начинаниях. Авторитет Никона среди родных царя был столь высок, что даже после того, как он разошёлся с Тишайшим, государевы сёстры осмеливались поддерживать с ним отношения. Несомненно, в этой семейной симпатии к Никону сокрыт один из самых действенных рычагов его влияния на царя».*

При этом религиозные взгляды Никона менялись в соответствии со стремительно менявшейся «генеральной линией». Если в 1646 году Никон выступает ещё как сторонник древнерусского благочестия, то к 1648 году он уже становится ярким грекофилом. Иоанн Неронов впоследствии не преминёт ему об этом напомнить: *«Иноземцев ты законоположение хвалишь и обычаи тех приемлешь, благоверны и благочестнии тех родители нарицаешь, а прежде сего от тебя же слышали, что многажды ты говаривал: гречане де и Малые Росии потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой де и честь тех прельстила, и своим де*

нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия ни мало».

Завоевав царские симпатии, Никон вскоре занял исключительное положение в Москве. В 1649 году он уже рукоположён в митрополиты Новгородские и Великолуцкие, на одну из крупнейших архиерейских кафедр, — на место ещё живого, отправленного на покой в нарушение церковных правил митрополита Аффония. Скорее всего, патриарх Иосиф был против этого вопиющего поступка, поэтому епископскую хиротонию 11 марта 1649 года в Успенском соборе Кремля совершил сам Иерусалимский патриарх Паисий, находившийся тогда в Москве и всячески расхваливавший Новоспасского архимандрита. При хиротонии Паисий пожаловал Никону право носить мантию «с червлеными источниками».

Обычно удаление человека от двора, от «светлых государевых очей» влечёт за собой ослабление его позиций. Однако с Никоном этого не произошло. *«Оказалось, что чем он дальше, тем сильнее его притяжение. Царь нуждался в постоянном общении с “собинным другом”.* На станциях — ямах — между Москвой и Новгородом не успевали менять лошадей: столь часты были пересылки между царём и митрополитом. Сам Никон пребывал в постоянном движении, почасту наезжая в Москву. Влияние его возросло настолько, что уже ни одно мало-мальски серьёзное дело не обходилось без его совета и благословения» (Андреев).

Добившись архиерейской власти, Никон принялся за введение новшеств в доверенной ему Новгородской земле. Фактически Новгородская епархия превратилась в «испытательный полигон» реформаторов. Никон единолично вершит суд и расправу на Софийском дворе, а вскоре по царскому повелению начинает рассматривать и уголовные дела, причем жестоко расправляется с новгородцами, попробовавшими жаловаться на него царю. *«И тако Никон поупущением Божиим седе на престоле премудрости Божии, обладаем же властолюбием, надхненною дияволом гордостию, нача умышляти, еже бы что необычное святому уставу и новое вводити, нача древнее церковное пение презирати».* Никон запретил в Новгородской епархии распространённое в Русской Церкви «многогласие» и начал борьбу с древним, так называемым хомовым пением. Вместо древнего унисонного пения он завёл в Новгороде партесное — по западному образцу. Впоследствии Никон перенёс это пение и в Москву, выписав польских певцов, певших «согласием органным», а для своего хора — композиции знаменитого в своё время директора капеллы рорантистов в Кракове — Мартина Мильчевского. Царь

Алексей Михайлович, услышав певчих митрополита Никона, с которыми тот приезжал в Москву, тотчас завёл такое пение и в своей придворной церкви. Как некогда принятию православия на Руси при великом князе Владимире предшествовало эстетическое впечатление от «ангелоподобного» древневизантийского пения, так и никоновскую «псевдоморфозу» православия предваряло увлечение пением, только уже пением западным, католическим. *«И законы и уставы у них латинские, руками машут и главами кивают и ногами топчут, как де обыкли у латинников по органом»,* — скажет впоследствии о подобном пении протопоп Аввакум.

Подражая духовному лидеру кружка боголюбцев Иоанну Неронову, который *«изношаше от соковищ сердца своего, яже положи в нем Дух Святой, умудрив сеяти семя учения Господня во всем народе несумненно»,* Никон стал произносить устные проповеди перед своей паствой. Основательно забытая к концу XVI — началу XVII века на Руси, устная проповедь воспринималась в то время как несомненное «новшество».

Так и не сумев завоевать любовь новгородцев, Никон пытался прибегать к популистским мерам: на испрашиваемые у царя средства устраивал богадельни, во время голода организовывал раздачу пищи бедным. *«В окно из палаты нищим деньги бросает, едучи по пути нищим золотые мечет! — вспоминал Аввакум. — А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленькой, не бывал такой от веку!»* Но и это не помогало: подначальные духовные люди невзлюбили Никона за его чрезмерную строгость и взыскательность, миряне же не питали к нему расположения за его крутой властолюбивый нрав. Особенно требователен он был к окружавшим его людям. Характерен отзыв дворянина Василия Отяева о Никоне: *«Лутче бы, де, нам на Новой Земле за Сибирью с князь Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели, де, с Новгородским митрополитом, как, де, так, что силою заставляет говеть, никого, де, силою не заставит Богу веровать».*

Отправляя Никона на Новгородскую митрополию, царь поручил ему наблюдать не только за духовным, но и за мирским управлением, доносить ему обо всём и давать советы. Результат не замедлил себя ждать: 1 марта 1650 года в Пскове и Новгороде начались народные волнения, переросшие к 15 марта в открытое восстание. Поводом для волнений явился резкий подъём цен на хлеб, вызванный тем, что купец Фёдор Емельянов по поручению правительства произвёл закупки хлеба по высоким ценам для передачи Швеции — в качестве компенсации за уход населения с отошедших к шведам русских земель. 17 марта, в день царских именин,

Никон предал проклятию главу восставших новгородцев Ивана Жеглова и всех восставших и укрыл у себя воеводу князя Ф.А. Хилкова, за что был восставшими нещадно избит.

События в Великом Новгороде ещё более расположили царя к Никону. Получив взаимные жалобы митрополита и новгородцев, Алексей Михайлович принял сторону Никона, которого называл в своих письмах не иначе как *«великим Солнцем сияющим»*, *«избранным крепкостоятельным пастырем»*, *«возлюбленником своим и содружебником»*. При этом, прекрасно понимая, что строгостью нельзя добиться прекращения мятежа, Никон сам советовал царю простить виновных.

*

В 1647 году к кружку ревнителей благочестия наконец примкнул и сам царь Алексей Михайлович, что придало кружку невиданную до того силу. Под влиянием боголюбцев царь издал ряд указов, направленных на исправление нравов. В марте 1647 года вышел указ, запрещающий православным работать в воскресные и праздничные дни, которые предназначались для молитвы и пребывания в церкви. В декабре следующего, 1648 года по городам была разослана грамота, в которой говорилось о том, что православные христиане к *«церквам Божиим не ходят и умножилось в людех во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумления и скоморошество со всякими бесовскими играми и от тех сатанинских учеников в православных крестьянех учинилось многое неистовство»*. Осуждались также азартные игры — зернь, карты, а заодно и шахматы.

Вместе с тем, заручившись царской поддержкой, боголюбцы во главе со Стефаном Внифантьевым повели решительную борьбу за исправление церковных чинов и обрядов. На этой почве они столкнулись с патриархом Иосифом. Подобное столкновение было неизбежным, поскольку *«в выступлениях против непорядков церкви и нравственного упадка духовенства постоянно сказываются антииерархические, противоепископские настроения низшего духовенства. Правда, эти обвинители епископата всегда говорят на конкретные темы и никогда не сомневаются в канонической необходимости епископов как носителей церковной преемственности. Редко встречаются обвинения епископов в личной недостойной жизни, но в этой критике всё сильнее звучат голоса, обвиняющие иерархов в ответственности за церковный упадок, указывая,*

что все члены церкви имеют право и даже обязаны следить за положением церкви на Руси» (Зеньковский).

Пятый патриарх Московский и всея Руси Иосиф был единственным патриархом за всю историю Русской Церкви, избранным не из числа епископов, а из игуменов. О его жизни до патриаршества практически ничего не известно. О его патриаршестве и кончине особую повесть сочинил вступивший при нём на престол царь Алексей Михайлович. Однако повесть эта отличается тенденциозностью — царь не любил престарелого патриарха, стоявшего на пути его авантюрных планов. По некоторым данным, Иосиф был родом из Владимира, где его родной брат служил соборным протопопом. В 1639 году Иосиф становится архимандритом московского Симонова монастыря. После полуторалетнего вдовства патриаршего престола он был избран в патриархи 20 марта 1649 года. Впервые при выборах использовался жребий: царь Михаил Феодорович выбрал шестерых кандидатов на патриарший престол и передал опечатанные жребии церковному собору для определения будущего патриарха. Выбор пал на архимандрита Иосифа. 27 марта 1642 года состоялось торжественное наставление Иосифа на московский первосвятительский престол. Новый патриарх был лично скромнен, задачи свои определял как пастырские, властью во главе Церкви не отличался. Издал печатное «Патриаршее поучение» к архиереям, священникам и мирянам, написал также ряд других посланий — два антилютеранских послания к датскому королевичу Вальдемару, «Моление» к мощам патриарха Иова, перенесённым из Старицы в Успенский собор Кремля.

Святительство Иосифа было ознаменовано интенсивной издательской деятельностью и оживлением церковной мысли. Наиболее важным событием патриаршества Иосифа было издание богослужебных и церковноучительных книг в таком количестве, в каком они не издавались ранее. Если при его предшественнике патриархе Иоасафе было издано до 23 исправленных изданий, то при Иосифе — до 38 названий (а всего — 92 издания), причём многие книги вышли несколькими изданиями. По благословению патриарха Иосифа вышло немало новых, никогда прежде не печатавшихся в Москве книг. Это прежде всего целая серия сборников «уставных чтений»: «Паренесис» Ефрема Сирина, поучения аввы Дорофея, «Лествица» Иоанна Лествичника с толкованиями, Большой Соборник из 71 слова, «Благовестник» (Толковое Евангелие) Феофилакты Болгарского. Вышел также ряд изданий, предназначавшихся для полемики с иноверными: Соборник о почитании икон, Кириллова книга, Книга о вере, Краткий катехизис. Главными справщиками при патриархе Иосифе были

грамотнейшие люди того времени — протопоп Михаил Рогов, ключарь Успенского собора Иоанн Наседка (в иночестве — старец Иосиф), старец Савватий и миряне Шестой Мартемьянов и Захарий Афанасьев, к которым в 1651 году прибавились архимандрит Сильвестр, а затем Захарий Новиков и Сила Григорьев ^[16]. Церковные книги, изданные при Иосифе, были последними, отражающими дониконовские редакции текстов и обрядность. Поэтому книги «иосифовой печати» впоследствии высоко ценились и многократно переиздавались старообрядцами.

При патриархе Иосифе было канонизировано множество святых, в том числе произошло открытие мощей преподобного Александра Свирского (1643), благоверного князя Георгия Всеволодовича (1645), преподобного Кирилла Новоезерского (1648), благоверной княгини Анны Кашинской (1649), преподобного Саввы Сторожевского (19 января 1652 года), перенесение в Успенский собор Московского Кремля мощей патриарха Ермогена и патриарха Иова, готовилось торжественное перенесение с Соловков в Москву мощей митрополита Филиппа...

Основной спор между боголюбцами и патриархом Иосифом был вызван проблемой единогласия. Выше уже говорилось, что в богослужебной практике того времени широкое распространение получил принцип многогласия, то есть одновременного отправления различных частей службы с целью сокращения времени богослужения. Часто это приводило к злоупотреблениям, когда смысл читаемых одновременно богослужебных текстов просто не доходил до сознания молящихся. Боголюбцы во главе со Стефаном Внифантьевым решительно выступили за введение в церквах единогласного пения и чтения. Иоанн Неронов ввёл единогласное пение и чтение у себя в Казанском соборе, вслед за ним подобную практику начали вводить в своих приходах новоспасский архимандрит Никон, провинциальные священники Аввакум, Лазарь и другие. Аввакум обличал практику многогласия в своём письме неизвестному в следующих словах: *«Последнее напредь поют, а преднее позади. Лесть сию молитву я пред Богом вменяю... Того ради так говорят, чтобы из церкви скорее выйти»*. В письме к московскому священнику Стефану он писал: *«Но токмо, отче, имею мало на тя, яко держиши учение не по преданию отеческому и гнушаешия единогласнаго пения. Се бо есть не православно, но и зело богопротивно. Златоуст нас понуждает единогласно пети во церкви: ищи ево Нравоучение в Беседах Апостолских, по главам найдешь, и егда прочтешь, тогда и сам себе постыдишися... И единогласно пел лет двадцать, и ныне пою Богу моему, дондеже есмь, единогласно»*.

С другой стороны, применяемый в разумных рамках приём многогласия позволял сократить продолжительность богослужения в приходских храмах и тем самым привлечь на службу больше прихожан. «Русские того времени, — пишет Н.Ф. Каптерев, — были убеждены, что при совершении всех церковных служб необходимо вычитать и пропеть без всяких пропусков всё, что положено в церковном уставе, который, однако, взят был нами из восточных самых строгих монастырей и введён был у нас в обыкновенных приходских церквах. Благодаря этому обстоятельству службы в приходских храмах, при вычитывании и выпевании всего положенного строгим монастырским уставом, выходили чрезмерно длинными и крайне утомительными для прихожан, которые, при таких условиях, неохотно посещали церковные службы как очень обременительные для них и требующие слишком много времени. Практическая повелительно настоятельная нужда требовала сокращения церковных служб в приходских церквах. Тогда наши предки, для достижения этой, самой жизни подказанной цели, прибегли к такому средству: оставаясь верными тому своему воззрению, что весь церковный устав обязательно должен выполняться при совершении всех церковных служб, они стали употреблять многогласие, то есть прибегли к единовременному пению положенного уставом в несколько голосов сразу, причём один читал и пел одно, другой в это же время другое, третий своё и т. д., благодаря чему церковные службы отправлялись очень скоро, а между тем всё положенное уставом выпевалось и вычитывалось вполне и без всяких пропусков... Но такое многогласие, в видах необходимого сокращения времени служб, допускалось только для приходских церквей, ради немощи мирских людей, ради снисхождения к их житейским заботам, не позволяющим уделять им слишком много времени на посещение церковных богослужений. Другое дело монастыри, населённые людьми, отрёкшимися от всего мирского, обязавшимися посвятить себя всецело служению Богу, непрестанной молитве; там строго требовалось соблюдение единогогласия и долгие службы были обязательны. Полагалось, если кто из мирских хотел слушать настоящую истовую службу, тот должен был отправляться на богомолье в монастырь, почему благочестивые русские люди и считали себя обязанными, время от времени, посещать ради богомолья монастыри, чтобы хотя изредка помолиться как следует, выстаивая все длинные монастырские службы».

Ввиду этих соображений осторожный патриарх Иосиф не решался запретить многогласие. Он был сторонником умеренного многогласия [\[17\]](#), допуская его только в приходских церквах, в монастырях же требовал

единогласия. Так, в своей грамоте в Саввин монастырь в 1648 году он пишет: *«Архимандриты, и игумены, и попы черные, и строители и старцы о церковном пении и благочинии нерадеют... в церквах Божиих поют по скору, неединогласно, со всяким безстрашием»*.

11 февраля 1649 года по приказу царя патриарх Иосиф собрал церковный собор, который рассмотрел вопрос о единогласии. На соборе было отмечено, что от введения в московских приходских церквах единогласного пения *«на Москве учинилась молва великая, и всяких чинов православные людие от церквей Божиих учили отлучатися за долгим и безвременным пением»*. Участники собора постановили: *«Как было при прежних святителех, митрополитех и патриарсех по всем приходским церквам божественной службе быти по-прежнему, а вновь ничево не всчинати»*. Собор осудил противников многогласия, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны боголюбцев. Стефан Внифантьев, обычно спокойный и кроткий, не выдержал: он публично пожаловался царю на патриарха и все церковные власти, присутствовавшие на соборе, называл их *«волками и губителями»*, а не пастырями, утверждал, что многогласием уничтожается истинная Церковь Христова, и в глаза *«бранил и бесчестил»* патриарха и всех участников собора, выступивших за многогласие. В ответ патриарх Иосиф от своего лица и от всего освященного собора подал царю челобитную с жалобой на протопопа Стефана. *«Благовещенский протопоп Стефан, — писал патриарх в челобитной, — бил челом тебе, государю, на меня, богомольца твоего, и на нас, на весь освященный собор, а говорил: будто в московском государстве нет церкви Божии, а меня, богомольца твоего, называл волком, а не пастырем; тако же называл и нас, богомольцов твоих, митрополитов, и архиепискупов, и епискупа, и весь освященный собор бранными словами, и волками, и губителями, и тем нас, богомольцов твоих, меня, патриарха, и нас, богомольцов твоих, освященный собор, бранил и бесчестил»*. Патриарх требовал созыва собора для суда над царским духовником, ведь согласно Соборному уложению 1649 года за хульные слова на Церковь полагалась смертная казнь. Однако царь Алексей Михайлович поддержал Стефана Внифантьева и оставил патриаршую челобитную без всякого внимания. Одновременно он отказался утвердить и соборное постановление, узаконивавшее многогласие. Это было неслыханно!

Спустя два года, в феврале 1651 года, по вопросу о единогласии состоялся новый собор, на котором по настоянию Алексея Михайловича и Стефана Внифантьева было решено держаться *«единогласия»* при чтении: *«Пети во святых Божиих церквах чинно и безмятежно, на Москве и по*

всем градом, единогласно, на вечернях и павечерницах, и на полунощницах, и на заутренях, псалмы и Псалтырь говорить в один голос, тихо и неспешно, со всяким вниманием, к царским дверем лицом». 18 июля был издан Служебник, узаконивший в предисловии единогласное пение.

Итак, упорно отстаиваемая боголюбцами идея при царской поддержке победила — во всех монастырях и приходских церквях вводилось единогласное пение. Но было ли это однозначным благом для Русской Церкви в тех исторических условиях? Историк Б.П. Кутузов пишет по этому поводу: *«Одной из прелюдий никоно-алексеевской “реформы” было именно введение продолжительных служб на приходах по монастырскому чину, что и вызвало начальную смуту. И первым, кто это сделал (в Новгородской епархии), был Никон, разумеется, с поощрения царя, который, якобы подражая своему “собинному” другу в благочестии, стал и на Москве насаждать это новшество. Если в 1649 году царю не удалось соборно узаконить это нововведение... то царь Алексей это сделает, фактически обманным путем, через два года, навязав свою волю Собору, а через него и всей Русской Церкви» (Кутузов).*

Другой прелюдией никоно-алексеевской «реформы» стало введение в 1652 году наречного (от выражения «петь на речь»), или истинноречного, пения вместо так называемого раздельноречного, или наонного (хомового). Раздельноречное, или наонное, пение (от выражения «петь на он», то есть на букву «о») продолжало традиции древнерусских певческих книг XV–XVI веков, которые, в свою очередь, отражали ещё более древнее, X–XIV веков, особое церковнославянское произношение. Специфика этого произношения состояла в том, что в нём оглашались твёрдые и мягкие знаки («ер» и «ерь»), которые читались соответственно как «о» и «е», как в середине, так и в конце слов. Это произношение отличалось от живой разговорной речи, где им соответствовали полугласные буквы «ъ» и «ь». Со временем эти полугласные звуки в живой речи перестали произноситься, но чтобы сохранить древний напев и прежнее произношение слов, в певческих книгах стали писать вместо «дньсь» — «денесе», вместо «съпась» — «сопасо» и т. д. Это явление также называется «хомонией» от часто повторяющегося окончания «...хомо» (от «хомъ»): «согрешихомо», «беззаконовахомо», «не оправдихомо». Отсюда ещё одно название наонного пения — «хомовое». Дополнительные гласные придавали речи и пению большую мелодичность, певучесть, не допуская неблагозвучного столкновения согласных звуков. Такое произношение наряду с «ненайками», или «аненайками» (добавками к тексту слогов «ай-не-на-ни»), считалось подобием ангельским языкам.

Традиция наонного пения подверглась со стороны реформаторов резкой критике как «искажающая» смысл богослужебных текстов, а певческие книги стали «исправляться»: устранялись якобы лишние слоги, ударения в словах стали располагать как при чтении. *«Конечно, при этом была нарушена та духовная и звуковая гармония текста и напева, которая вырабатывалась в течение пяти-шести веков. Введение наречного пения принесло с собой ложную мысль о несовершенстве древнего, новый характер пения противопоставлялся старому. Для сторонников наречного пения главным оказывается восприятие богослужения молящимися, его доступность для понимания. Между тем приверженцы хомового пения понимают церковную службу прежде всего как общение с Богом, а не с человеком»* (Григорьев). Это давало повод некоторым противникам певческой реформы высказываться следующим образом: *«Забывли малодушни христиане крюковой устав, которым поют сами ангелы, предались губящему душу наречному пению».*

Фактическим инициатором замены наонного пения наречным был сам царь Алексей Михайлович — большой любитель украинско-польского партесного многоголосия, где также господствовало «истинноречие». Ещё девятилетним мальчиком он изучал под руководством опытных певчих так называемое строчное («страшное») пение. Строчное пение представляло собой разновидность многоголосного партесного пения на первой ступени его развития. Впервые оно появилось в Юго-Западной Церкви в XVI веке. Попытки насаждения наречного пения в Русской Церкви начались с воцарения Алексея Михайловича в 1645 году, а в 1649 году по царской воле началась широкомасштабная кампания по переводу пения на речь, впоследствии горячо поддержанная новгородским митрополитом Никоном. Правка книг, по требованию из Москвы, стала осуществляться самостоятельно в монастырях и приходах различных городов, что внесло большой сумбур и разнобой в богослужебную традицию. Хотя в 1652 году была составлена комиссия из 14 лучших дидаскалов (музыкальных учителей) во главе с Александром Мезенцем, которые начали переводить древние наонные книги на речь централизованно, комиссия эта по ряду обстоятельств не смогла исполнить данного царём поручения. Опять-таки противником этой более чем сомнительной «затейки» выступил мудрый патриарх Иосиф. Окончательно же вопрос перевода певческих книг был решён комиссией из 6 дидаскалов только в 1669 году, когда на истинноречие были переведены уже новые, переправленные на новогреческий лад в результате никоновской реформы книги. Причём это произошло после Большого Московского собора 1666–1667 годов, который

наряду со всеми древними чинами и обычаями дораскольной Церкви предал проклятию и наонное пение. Появившийся в результате работы комиссии «новознаменный» распев в ряде случаев уже достаточно сильно отличался от древнего. Но к тому времени царь вообще всё больше и больше станет склоняться к украинско-польскому партесному многоголосию, которое при его сыне Феодоре Алексеевиче окончательно вытеснит древнее знаменное пение из реформированной новообрядческой церкви. Однако после никоновской реформы древнерусский знаменный распев не исчез бесследно, но продолжал существовать в старообрядческих скитах и моленных, передаваясь из поколения в поколение в качестве живой традиции вплоть до наших дней.

Реформирование певческих книг на новый лад почиталось при царе Алексее Михайловиче делом государственной важности и было поручено приказу Тайных дел. И это не случайно. Наиболее проникательные умы древности понимали огромное значение музыки и силу её воздействия на человеческие чувства. Последователь Конфуция древнекитайский философ Сюнь-цзы писал: *«Музыка — это гармония, которую нельзя изменять. Ритуал — это порядок, который нельзя преобразовывать. Музыка объединяет подобное, церемонии различают различное. Музыка и ритуал вместе управляют человеческими сердцами. Выразить сущность реальных вещей, исчерпать возможные изменения — такова способность музыки; создать искренность и уничтожить притворство — такова задача ритуала».*

Музыка и ритуал во все времена были наиболее совершенными средствами воздействия на человеческие сердца и тем самым могли обеспечивать поддержание порядка и спокойствия. Об этом хорошо говорит Конфуций в «Луньюе»: *«Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести».* Аналогичную мысль находим в челобитной царю Алексею Михайловичу соловецких иноков, выступивших против никоновской реформы: *«Егда святые церкви без мятежа и без пакости в мире бывают, тогда вся благая от Бога бывают подаваема; также пременения ради церковного пения и святых отец предания, вся злая на них приходят. Ныне же, государь, грех ради наших попущением Божиим, отнележе они новыя учителя, начаша изменяти церковное пение и святых отец предание, и*

православную веру, от того государь времени в твоём Российском государстве начаша быти вся неполезная, моры и войны безвременны, и пожары частыя, и скудость хлебная, и всякое благих оскудение. И аще государь толика многия безчисленныя свидетельства на нашу православную христианскую веру яко непоколеблемо в православных догматах и в церковных исправлениях, и до сего времени пребывает, и за церковное пение пременение, видим вси наказание Божие, то кая государь нужда нам истинную православную веру, Самем Господем Богом преданную, и утверждённую святыми отцы, и вселенскими верховнейшими патриархи похваленную ныне оставити, и держати новое предание и новую веру?»

Однако реформаторы сумели таким образом преподнести дело с «исправлением» певческих книг, пустить такую искусную «дымовую завесу» пропаганды, что даже «избранные прельстились»... Протопоп Аввакум, например, активно не принявший никоновской реформы и со временем возглавивший антиреформаторское движение сторонников старой веры, и тот не мог избавиться от некоторого предубеждения по отношению к наонному пению. В «Послании к Борису», выступая против невежд в певческом деле, которые пытались наонные тексты не петь, а читать, он пишет: *«Игнатей бывшей братью-де дразнит нароком и по печати говорит: “преславная денесе” (вместо «преславная днесь». — К. К.). Ох! ох! Не глаголю беснуется, но помрачение ума»*. Прискорбно, но подобные искажения и злоупотребления в целом в достаточно сильной степени влияли на отношение к древнему наонному пению, которого придерживались величайшие древнерусские распевщики Федор Христианин (Крестьянин), архимандрит Исаяя (Иван Лукошко), митрополит Варлаам (Василий Рогов) и многие другие.

Вместе с тем, критикуя наонное пение, Аввакум выступает вроде бы как поборник наречного пения: *«А церковное пение сам же, и чту и пою единогласно и на-речь пою, против печати слово в слово: крюки те в переводах тех мне не дороги и ненайки те песянные не надобе ж... Да не собою я затеял так. Видев в писаници, со отцы трудились так: епископ Павел Коломенский, Данил протопоп Костромский, священномученик же Михайло, священномученик же архимарит Тихон Печерский, архимарит Суздальский Иосиф за Волгою, в пустыни с сим пением и скончался так, протопоп Конон Нижегородский; Логин, протопоп Муромский мученик и поборник великий, Марфа, изумения на Везниках, на-речь и единогласно пение бысть у нея... И Андреян, архимарит Троицкой, добро же житие проходил, а пел единогласно ж. Да и много бысть добрых людей, все*

блажиша и хвалиша пение единогогласное и наречное. Многие с перевода ветхаго, по нем же аз певал, списывали, а я и без перевода, Богу помогающе, по печати пою, да и крюков тех не изгублю, ненайки лише не пою. А как один молюсь, так и не говорю: един Бог знает, как делаю, нельзя сказать».

Однако, судя по всему, Аввакум в большинстве случаев придерживался пения не по новоисправленным певческим книгам, но по старым, а чаще — так называемого пения «на глас» или же по «напеву». На это косвенно указывают его слова из «Послания рабом Христовым» (1669): «А пение подобает пети во церквах православных единогогласно и на речь, против печати. Тако и Златоуст научает в Беседах Апостолских, и в Стоглаве царя Ивана Васильевича писано. Единогогласно же пети повелевают собором Московским поместным. Тамо на соборе быша знаменосцы: Гурий Казанский, и Филипп Московский, — тогда бысть игуменом в Соловецком монастыре, — а начальной бысть на соборе митрополит Макарий Московский. А наречное пение я сам, до мору на Москве живучи, видел: перевод писан при царе Феодоре Ивановиче, ирмосы и обиход, и прочая. Я по нем сам пел у Казанския многожды. Оттоле и доднесь пою единогогласно и на речь, яко праведно так. По писанию, как говорю речь, так ея и пою. А знамени на которой речи прилучится много и неизворотно все выпеть: и ево отложить небранно, токмо речи не отлагай. И в старья времена инья фиты все выпевают, а инья и отлагают, да то нет ничево: речь бы была чиста, и права, и непорочна. А знамя иной знаменное поет, а иной тот же стих путем поет (то есть путевым распевом. — К. К.), а инья тот же стих строками поют; а кто не умеет всему, и он говором говорил. Да, однако, слава Богу; токмо бы не сумесицею Бога молить надобе; и вправду последовати словесем и уму нашему подобает. А где не единогогласно пение и не наречно: там какое последование слову разумно бывает? Последнее напредь поют, а преднее назади. Лесть сию молитву я вменяю пред Богом. Того ради так говорят, чтобы нам из церкви скорее вытти. Меня и самово за то бивали и гоняли безумнии: долго-де поешь единогогласно! Нам-де дома недосуг! Я им говорю: пришел ты в церковь молится, отверзи от себя всяку печаль житейскую, ищи небесных!»

Итак, реформа «музыки» была проведена, впереди была реформа «ритуала». Нетрудно заметить, что в описанных выше двух «прелюдиях» никоновской реформы первую скрипку играл сам царь Алексей Михайлович, который до поры до времени предпочитал держаться в тени, выставляя на первый план Никона, активно поддерживавшего все царские

начинания. Так же произойдёт впоследствии и с церковной реформой. Большинство боголюбцев, выступивших против этой реформы, до конца своей жизни будут считать главным её инициатором и виновником Никона...

*

Именно в это непростое для Русской Церкви время изгнанный Аввакум вновь появляется в Москве. 23 марта 1652 года по ходатайству Иоанна Неронова он был назначен протопопом в собор Входа Господня во Иерусалим в Юрьевец-Повольский [\[18\]](#), в окрестностях которого когда-то начинал своё церковное служение сам Неронов. При этом с Аввакума *«печатных пошлин по патриархову имянному приказу имать не велено»*. В тот же день ярославский священник церкви Иоанна Предтечи Даниил был назначен протопопом в Кострому в соборную церковь Богородицы Феодоровской. Видимо, тогда и началось знакомство двух протопопов, ревностно вставших на защиту древлего благочестия и впоследствии жестоко пострадавших от реформаторов.

Как видим, и среди провинциального духовенства число боголюбцев, сторонников духовного возрождения и единогласия, постепенно росло. Кроме Аввакума и Даниила, к боголюбческому движению примкнули в Романове-Борисоглебске священник Лазарь (будущий союзник Аввакума по пустозёрскому заточению), в Муроме — протопоп Логин, в Ярославле — протопоп Ермил, в Темникове — протопоп Даниил, в Нижнем Новгороде — протопопы Гавриил и Конон. Появились сторонники боголюбцев и в больших монастырях: в Троицком — архимандрит Андриан, в Суздальском — архимандрит Иосиф, в Печерском — архимандрит Тихон. В Москве в Тверском монастыре единогласие и проповедь ввёл архимандрит Феоктист, в Вязниковском монастыре сторонницей единогласия и наречного пения выступала игуменья Марфа.

Юрьевец-Повольский, куда получил назначение Аввакум, был расположен на перекрёстке торговых путей, что привело к широкому развитию здесь торговли. К середине XVII века в городе с населением в 405 дворов было 57 торговых лавок, 8 амбаров и 21 базарное место, а также 14 церквей, 10 колоколен, 4 мужских и 2 женских монастыря на обоих берегах Волги. Место это было связано с именем святого блаженного Симона Юрьевецкого, юродивого и чудотворца. Блаженный Симон, ещё в юности взявший на себя подвиг юродства, скончался в 1584 году после побоев,

нанесённых ему слугами местного воеводы. Тело его было погребено на территории Богоявленского монастыря. В 1619 году над могилой блаженного была построена церковь во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии. В 1635 году игумен Богоявленского монастыря Дионисий доносил патриарху Иоасафу о многочисленных исцелениях у мощей блаженного Симона. Тогда патриарх благословил написать икону блаженного и совершать ему службу по Общей Минее. В Юрьевец-Повольский во множестве приезжали паломники поклониться могиле блаженного Симона [19]. Однако духовные отцы города неоднократно жаловались Собору, что *«ватаги скоморохов скитаются по деревням, опивают и объедают земледельцев, даже грабят путешественников на дорогах... Дети боярские в корчмах играют зернью, разоряются... следуя латинскому обряду, бреют бороду, подстригают усы, носят одежду иноземную, сквернословят»*.

В Юрьевец-Повольский новый соборный протопоп прибыл, вдохновлённый идеями ревнителей благочестия об исправлении церковных нравов, о введении единогласия и наречного пения. *«И по государеву указу, — вспоминал Аввакум недолгий период своего соборного протопопства в Юрьевце, — велели духовныя патриарховы дела ведать, живучи в церкви. Аз же внимах о исправлении людском; людие же одержими пиянством зело и исполнени блудных дел и убийства. Аз же, окаянный, учих словом Божиим, а не покаряющих истинне и от блудных дел престати не хотящих воспящая смирением на дворе патриархове»*.

В обязанности протопопов, кроме совершения богослужения и исполнения треб в соборной церкви, входило наблюдение за духовенством небольшого церковного округа с несколькими десятками приходов, то есть фактически протопоп обладал епископско-административными функциями, только без епископских доходов, влияния и прав. *«Население их почитало не меньше, чем самих епископов... Но материальное положение этих протопопов хотя и было лучше положения простых деревенских батюшек, но значительно хуже по сравнению с финансовой обеспеченностью епископов. И при этом они так же, как и простые священники, целиком зависели от епархиального управления, в котором сами они не принимали никакого участия. Аппарат этого епископского епархиального управления фактически находился в руках профессиональных бюрократов из мирян, так называемых “патриарших и архиерейских дворян и детей боярских”*. Эти чиновники нередко вымогали последние крохи у приходского духовенства, брали со священников значительно больше, чем законные десять процентов приходского дохода, и постоянно требовали добавочные

сборы за требы, особенно за свадьбы, крестины и похороны. В церковных актах XVI и XVII столетий можно неоднократно встретить указания, что архиерейские сборщики “на попов и церковных причетников дань накладывают и венечные пошлины и всякие окладные и неокладные доходы собирали с прибывкой... и церковному чину чинились убытки лишние...”»

Ко времени назначения Аввакума юрьевецким протопопом в городе было, как уже говорилось, 14 церквей, в Юрьевецкой десятине — 71 церковь, из которых 14 были «двойными», то есть были наделены правом платить дань не местному десятильнику, а непосредственно «на Москве», в Патриаршем Казённом приказе. Характерно, что Аввакум начал собирать деньги в патриаршую казну, руководствуясь велениями своей совести. Обычно доходы Патриаршего Казённого приказа складывались из так называемых окладных и неокладных сборов. Окладные сборы были строго регламентированы. Что касается неокладных сборов, то они представляли широкие возможности для всякого рода финансовых злоупотреблений. Неоднократно выявлялись случаи сокрытия взимаемых денег с брачующихся отроков, с двоежёнцев и троежёнцев, «почеревых» (рождение детей вне брака), с разборов по духовным и денежным искам. Сохранилась уникальная запись о сборе протопопом Аввакумом «лишних», то есть неокладных денег. Уникальная, потому что обычно никто из сборщиков «лишних» денег в патриаршую казну не сдавал.

«(Марта в 4 день). Того ж дни по книгам Юрьевецкие десятины Поволсково збору Вход Иеросалимсково протопопа Аввакума неокладных денежных доходов апреля с 1 числа да августа по 26 число прошлого 160 году с тритцати с четырех отроков, с тритцати с семи двоеженцов, с четырех троеженцов, со штинатцати похоронных, с четырех почеревых пошлин десять рублей тринацать алтын две денги, да пенных денег семнадцать рублей семнатцать алтын, да с судных дел пошлин и пересуду и праваго десятка пять рублей десять алтын. Всего тритцать три рубли семь алтын, да лишних денег, что он, протопоп Аввакум, собрал с тех же венечных знамен сверх указных пошлин девять рублей дватцать два алтына три денги. Обоево сорок два рубли дватцать девять алтын три денги. Платил денги Вход Иеросалимской протопоп Аввакум».

Однако не прошло и двух месяцев, как Аввакум своею обличительной проповедью, требовательностью к пастве и настойчивым проведением единогласного пения восстановил против себя и посадских людей, и юрьевецкое духовенство. Последнее, видимо, было особенно недовольно тем, что «лишние» деньги, которые обычно шли в карман местным священникам, теперь отправлялись в Москву. В мае 1652 года произошло

следующее: «Дьявол научил попов, и мужиков, и баб, — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня из приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожьем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода ^[20] с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: “убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!”»

На третий день, ночью, тайно, оставив в Юрьевце-Повольском жену, детей и всех домочадцев («человек с дватцать»), Аввакум снова бежит в Москву. В Юрьевец-Повольский он больше не вернётся. На пути Аввакум остановился в Костроме, где надеялся встретиться со своим другом и единомышленником протопопом Даниилом, который вместе с костромским священником Павлом и настоятелем Благовещенского монастыря игуменом Герасимом вёл проповедь христианского благочестия среди костромичей, обличая их пьянство и безнравственность. Однако оказалось, что и Даниил был изгнан своими прихожанами незадолго до того и тоже был вынужден бежать в Москву. В 1652 году во время Масленицы и Великого поста по настоянию протопопа Даниила в Костроме были закрыты все кабаки, что вызвало сильное недовольство протопопом у значительной части горожан и жителей окрестных селений. Властные действия Даниила вызвали к нему неприязнь и со стороны главы местной администрации, воеводы Ю.М. Аксакова. Давно вызревавшее недовольство суровым настоятелем собора в конце концов привело к открытому бунту, разразившемуся в конце мая 1652 года.

По распоряжению Даниила время от времени под замок в палату под собором сажали «в смиренье» нарушителей общественного порядка (в основном пьяных). Накануне 28 мая Даниил посадил в палату под собором троих очередных нарушителей, бывших, по-видимому, жителями села Селища. Этот случай оказался последней каплей, переполнившей чашу терпения противников протопопа. 28 мая 1652 года в кремль пришла большая толпа крестьян из Селища и других окрестных селений, во главе которой стоял настоятель Александро-Антониновской церкви отец Иван. Нужно отметить, что в ходе начатого затем следствия ряд свидетелей называли отца Ивана «бражником», на основании чего историки полагают, что селищенский священник имел личные счёты к протопопу Даниилу, так как тот наверняка и его обличал в склонности к пьянству. Толпа, в которой было много пьяных, явилась с песнями и шумом, сбив замок, освободила

из палаты под собором троих задержанных. Мятежники избивали нескольких сторонников протопопа. Толпа искала и самого Даниила (свидетели позже показывали, что *«безчинники... протопопа Данилу хотели убить до смерти»*). Спасая свою жизнь, он сначала скрылся в соборе, а затем после заутрени два дня укрывался в находящемся в кремле Крестовоздвиженском монастыре. Характерно, что во время бесчинств, совершаемых толпой, воевода Ю.М. Аксаков, двор которого находился вблизи от Успенского собора, видел всё происходящее, но не принял никаких мер к восстановлению порядка, что обычно объясняют его неприязнью к Даниилу. В первых числах июня Даниил покинул Кострому и отправился в Москву. *«Ох, горе! Везде от дьявола житься нет!»* — оставалось только восклицать Аввакуму.

Прибыв в столицу, Аввакум явился прямо к царскому духовнику. Стефан Внифантьев, по словам Аввакума, *«учинился на него печален: на што-де церковь соборную покинул?»*. Ночью к своему духовнику пришел сам царь, чтобы благословиться, и увидел Аввакума. *«Опять кручина: на што-де город покинул?»* Ко всему прочему добавлялась неизвестность относительно жены и домочадцев: *«неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе»* ...

Недовольство царя и его духовника, впрочем, вскоре прошло, родные перебрались из Юрьевца в Москву, а Аввакум временно начал служить в Казанском соборе, настоятелем которого был его покровитель, лидер «боголюбцев» протопоп Иоанн Неронов. Официально продолжая числиться юрьевецким протопопом, Аввакум не раз заменял Неронова в его отсутствие, проводил соборные службы и читал поучения народу — *«на Пожаре у церкви Казанския от Писания народ пользовал»*. Но даже занимая такое вроде бы внешне незначительное официальное положение, Аввакум благодаря своим связям со Стефаном Внифантьевым и Иоанном Нероновым, а также благодаря личному знакомству с царём становится достаточно важным и влиятельным лицом среди московского духовенства. При этом он не особенно стремится получить какое-либо место, хотя в это время открылась вакансия дворцового священника (*«и к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место, да Бог не изволил, а се и у меня радение худо было!»*). Дом Неронова стал и домом Аввакума, где ему пришлось провести со своими домочадцами немногим более года — примерно с конца июня — начала июля 1652-го до 21 августа 1653 года.

Глава четвёртая

«ВИДИМ, ЯКО ЗИМА ХОЩЕТ БЫТИ...»

*Снабдехся и убояся сердце мое от гласа мольбы
устен моих.*

*И вниде трепет в кости моя, и во мне смятеся
крепость моя.*

Книга пророка Аввакума, гл. 3, ст. 16

Святая Русь на пороге Апокалипсиса

Без малого семьсот лет — от святого великого князя Владимира Святославича до царя Алексея Михайловича — пребывала неизменной православная вера на Руси. Храмами и монастырями, словно драгоценными камнями и жемчугами, вся Русь была изукрашена. Святыми угодниками Божиими и чудотворцами, бесчисленными, словно звёзды небесные, была прославлена. Недаром называлась «Святою» Русь, недаром называлась «Третьим Римом», последним христианским государством в мире.

Христианскую православную веру русские приняли от греков, когда Церковь Христова формально ещё не была разделена, хотя в отношениях между Западной и Восточной Церквами уже прошла глубокая трещина. Свято и нерушимо хранили русские свою веру, хранили апостольское предание. Но враг рода человеческого не дремал. Соблазнённые лукавым, пошли на поводу у князя мира сего, стали вводить у себя различные новшества западные христиане и в 1054 году отпали от Церкви Христовой. Так пал первый Рим.

Затем отпавшие католики стали прельщать греков, и те, теснимые внешним врагом, турками-османами, пошли на политический компромисс, предав свою веру, — заключили Флорентийскую унию с римским папой в 1439 году. После стали раскаиваться, но было уже поздно. Не помог им папа, и в воздаяние за отступничество греков в 1453 году пал и второй Рим — Константинополь.

Остался последний оплот православной веры в мире: Третий Рим — Москва. К тому времени Московская Русь выросла уже в сильное независимое государство и по праву сделалась наследницей Византии — наследницей не в политическом плане, но прежде всего в духовном. Процветало христианское благочестие в русском народе, и дивились иноземные гости, с благоговением взирая на недостижимые высоты духа.

В 1523 году католик Альберт Кампензе писал папе римскому Клименту VII о вере и нравах московитов: *«Они лучше нас следуют учению евангельскому... Причащаются весьма часто (почти всякий раз, когда собираются в церковь)... В церквах не заметно ничего неблагопристойного или бесчинного, напротив того, все, преклонив колена и простершись ниц, молятся с искренним усердием... Обмануть друг друга почитается у них*

ужасным, гнусным преступлением, прелюбодеяние, насилие весьма редки, противоестественные пороки совершенно неизвестны, о клятвопреступлении и богохульстве вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитают Бога и святых Его».

В описании своего путешествия в Московию посланник германского императора Максимилиана II Ханс Кобенцль пишет: «Московитяне в делах веры более нас преданы обрядам: перед монастырями, церковью, изображением святого креста они никогда не забывают трижды перекреститься и произнести “Господи, помилуй”. Приближаясь к церкви, в которой совершалось богослужение, они никогда не проходили мимо, но входили и слушали обедню... Во всех делах своих московитяне весьма религиозны, не выходят из дома, не сотворив трёх поклонов, не оградив себя крестом и не произнеся трижды: “Господи, помилуй”. Они и в разговор вступают не прежде, как совершив всё это».

А вот свидетельство архидиакона Павла Алеппского: «Мы вышли из церкви только в двенадцатом часу. Мы умирали от усталости, ноги наши подламывались от непрерывного стояния с раннего утра до вечера. Но мир Божий да почит на мирянах, мужчинах, женщинах, детях и девушках за их терпение, стояние и твёрдость с раннего утра до сих пор!.. Вещи, достойные изумления! Каких удивительных обычаев и поразительных подвигов мы были свидетелями среди этого народа! Что за крепость в их телах и какие у них железные ноги! Они не устают и не утомляются. Всевышний Бог да продлит их существование!» И ещё: «Подлинно, это народ истинно христианский и чрезвычайно набожен, ибо, как только кто-нибудь, мужчина или женщина, заболит, то посвящает себя Богу: приглашает священников, исповедуется, приобщается и принимает монашество, что делали не только старцы, но и юноши и молодые женщины; всё же своё богатство и имущество отказывает на монастыри, церкви и бедных». По свидетельству Павла Алеппского, в середине XVII века в одной только Москве было более четырёх тысяч храмов, а престолов — более десяти тысяч! Кроме того, все бояре, знатные люди, купцы имели свои домовые храмы, где ежедневно совершалось богослужение.

Но тёмным силам было неуютно такое процветание благочестия и святости. «Выпросил у Бога светлую Россию сатана, да очервленит ю (её. — К. К.) кровию мученическою», — писал протопоп Аввакум. Ещё в 1596 году в унию с католиками отпала часть православных жителей Малороссии и весь православный епископат, и всё чаще высказывалось опасение, как бы по приближении рокового 1666 года и русским не пострадать от

такового же зла. Опасение это пророческим образом сбылось...

*

За несколько десятилетий до начала никоновских «затеек», когда ничто, казалось бы, не предвещало грядущей катастрофы, постигшей Русскую Церковь, с жаркой проповедью о приближающемся «конце света» выступил некий старец Капитон, явившийся основателем движения так называемых лесных старцев.

О Капитоне написано много несправедливого. Официальная пропаганда, не брезговавшая в своей борьбе со староверами никакими средствами, вплоть до прямой фальсификации, пыталась представить его фанатиком-изувером и создателем некоего нового еретического учения («капитоновщины»), из которого впоследствии якобы произошло староверие (почему на протяжении всего XVIII века в официальных документах староверов называли «капитонами»). К сожалению, эту точку зрения в дальнейшем повторяли и многие серьёзные ученые. Повторяют и сейчас... Однако если присмотреться к Капитону внимательнее, то становится очевидным, что, собственно, никакого нового учения он не создавал. Его жизнь была лишь крайним, доведённым до логического конца развитием ранее признанных учений таких святых Земли Русской, как преподобный Сергей Радонежский, святой Филипп, митрополит Московский, и преподобный Нил Сорский. Но особенно близок пресловутый капитоновский ригоризм к традициям ближневосточного (сирийского и египетского) монашества. Собственно, «капитоновщина» явилась наиболее последовательным проведением в жизнь традиций восточнохристианской аскетики на русской почве XVII столетия. Просто время было уже не то, и можно почти с уверенностью сказать, что если бы преподобным Симеону Столпнику или Марии Египетской случилось попасть в послераскольную Россию, то официальные церковные власти непременно записали бы их в «капитоны».

Собственных сочинений старца Капитона не сохранилось. Всё, что нам известно об основанном им движении, мы знаем или из правительственных документов, или из произведений его более поздних последователей конца XVII века, или из явно тенденциозных писаний их современников-противников. Первые упоминания о старце относятся к 1630-м годам. Известно, что Капитон был уроженцем Заволжья, давшего Руси немало монахов-пустынников, стремившихся спасти свою душу и

найти спокойствие в многочисленных лесных скитах Русского Севера. Правда, в прежней монашеской традиции мы не найдём столь решительного разрыва с миром и отрицания возможности спастись в мирском обществе. Но ведь тогда и само общество было иным, и вера была крепче, и отход от идеалов Святой Руси — особенно среди высших сословий — не принял ещё столь широких масштабов.

Из Жития преподобного Корнилия Выговского, проведшего в своей молодости некоторое время в капитоновской обители, мы узнаём, что ещё задолго до 1630-х годов Капитон подвизался в скиту Преображения Господня, расположенном в 110 верстах от Тотьмы, примерно в 70 верстах на восток от Вологды, по реке Шуе. Скитское житие — любимая форма монашеского жития у преподобного Нила Сорского — в дальнейшем получит широкое развитие именно у старообрядцев. В конце 1620-х или в начале 1630-х годов Капитон оставляет Преображенский скит и уходит на 100 вёрст на юг, к селу Данилову, расположенному между Ярославлем и Вологдой. Там, у села Колесникова, он основывает новый Троицкий скит. Сохранилась царская грамота от 3 июля 1634 года, разрешающая существование скита и позволяющая Капитону пользоваться соседними угодьями. Царский указ косвенным образом подтверждает сведения старообрядческого писателя Симеона Денисова о личном знакомстве царя Михаила Феодоровича со старцем Капитоном. Обладая пророческим даром, старец не раз царю *«многая откровения сокровенно возвещаша, чесо ради почитаем от царя и блажим бяше»*. Недалеко от колесниковской мужской обители Капитон основывает также и женскую обитель в Морозове, где под его руководством проживало 10–15 инокинь.

Поражает образ жизни этого сурового аскета, подвижника и постника, резко контрастировавший с повседневной жизнью не только приходского, но и монастырского духовенства того времени. *«Аще и много по монастырем хождах, но мало таковых богоподвижных обретох»*, — признаётся преподобный Корнилий Выговский. *«Капитон той слышан бе яко муж праведен и благ, инок чуден... Воздержен в посте, вериги на себе носил каменные, плита создади, а другая спереди, по полтора пуда в обеих: и всего весу три пуда. Петля ему бе пояс, а крюк в потолке, а обе железны, и то ему постеля: прицепя крюк в петлю, повисаше спати...»* Вопреки монашеским правилам старец Капитон носил не длинную до пят одежду, а короткий до пояса плащ («запон»). Спал он чрезвычайно мало, проводя всё своё время в непрестанной молитве, чтении и работе. Устав в его обители был необычайно строгим. *«От братии же и инии же чрез день хлеб и сурово зелие по захождению солнца ядяху; по ядению же моляхуся и, мало*

уснувшие, паки Псалтырь и каноны пояху. Свитающе же дню, благословение взявшие, трудов земных касаяхуся, от своих бо трудов пищу себе приимаху... И инии же на ребрах не спяху, но сидя или стоя мало сна приимаху».

Эта строгость не смягчалась даже в великие праздники. Суровый старец не позволял своим ученикам в эти дни есть ничего, кроме *«семен и ягодичия и прочих, растущих на земли»*. На Пасху же вместо крашенных яиц он предлагал своим ученикам красную горькую луковицу, напоминавшую о горечи жизни в миру. В стремлении к столь суровой аскезе проявилась, быть может, наиболее характерная черта русского народа, очень точно отмеченная французским историком Леруа-Болье: *«Русский народ — один из тех немногих народов, который любит то, что составляет сущность христианства: Крест. Русский человек не разучился ценить страдание, он воспринимает его силу, чувствует действительность искупления и знает вкус его горькой сладости»*.

Действительно, в то время, когда внешнее благочестие, казалось бы, процветало на Руси, вызывая изумление у иностранцев, Капитон и его последователи устремились в пустыню. Они не пожелали оставаться равнодушными, видя неминуемо надвигающееся падение церковной иерархии и подчинение её светской власти. В отличие от членов кружка ревнителей благочестия, первоначально настроенных оптимистически и наивно мечтавших об «оцерковлении» русской жизни при помощи власти, Капитон и его ученики были большими реалистами. Заглядывая далеко вперёд, они приходили к неутешительному выводу, что мир уже обречён, и единственная возможность спасти свою бессмертную душу — уйти из этого мира. Жёсткая аскеза и презрение к земным благам, по их мнению, были единственным средством достижения святости перед лицом наступающего царства антихриста. Они, говоря словами историка С.А. Зеньковского, видели перед собой *«картину страстей Господних, мук Его учеников, преследования Его последователей, аскетизм египетских и сирийских монахов, опасности искушения и гибели души. Затворничество св. Антония Великого, подвиги столпников, в особенности св. Симеона (356–459), который почти что сорок лет провёл на своём столпу-площадке и на весь пост оставался без пищи, примеры русских столпников, вроде св. Никиты Переяславльского, из северного, Залесского Переяславля, убитого в 1186 году, и Саввы Вишерского, тоже северного, новгородского святого, умершего в 1460 году, затворников Киево-Печерских, веригоносцев Волоколамских и Соловецких, — видимо, постоянно стояли перед их “глазами духовными”, как образец*

мученичества во славу и в подражание Христу».

Суровый подвижнический образ жизни Капитона и рост числа его последователей со временем начинают вызывать тревогу у властей. Но, вероятнее, ещё больше власти были озабочены тем, что новые скиты оказывались совершенно неподконтрольны церковной иерархии и существовали вполне свободно. В 1639 году патриарх Иоасаф приказал закрыть скиты в Колесникове и Морозове, проживающих в них иноков и инокинь поставить под наблюдение соседнего монастыря, а самого старца посадить «на исправление» в Ярославский монастырь Христа Спасителя под строгое наблюдение монаха, который бы *«хмельного пития не пил»*. Однако старец, узнав о грозящей ему опасности, скрылся и продолжил свои подвиги в непроходимых лесах Заволжья, к северу от Ярославля и Костромы. Здесь, на реке Шоче, всего в 40–60 верстах от Данилова, Капитон основывает новый скит, куда к нему во множестве начинают стекаться его последователи — *«славные постницы и славные железносоцы»*.

Новый царский указ от 31 октября 1651 года предписывал все келии вновь возродившейся обители снести, старцев арестовать и их *«с монастыря не спускать... беречь крепко»*. Но и на этот раз Капитону удалось уйти. Он перебирается ещё дальше на юг, в ещё более глухие вязниковские леса, между Шуей и Вязниками, окончательно исчезая из поля зрения правительства и церковной иерархии.

При таком образе скитского жития, какой вели Капитон и его последователи, оказывалось, что церковная иерархия вроде бы далеко не главное, что нужно для спасения души. А если учесть достаточно сильное падение нравственного уровня духовенства после Смутного времени, то можно догадаться, почему Капитон и его многочисленные последователи, искренне желая спастись, старались избегать священников, особенно злоупотреблявших вином, а затем начали *«погордевати священным чином»* и совсем перестали ходить в церковь.

Вместе с тем не нужно забывать, что вестернизация России началась задолго до Петра I. Мутный поток западных обычаев и идей хлынул на Русь ещё с приходом Самозванца, то есть как минимум в начале XVII века, и затем начал постепенно отравлять своими миазмами правящую элиту Русского государства и Русской Церкви. С появлением в Церкви новых веяний Капитон начинает яростно их обличать. Особенно резко критиковал он поклонение новым иконам, написанным под западным влиянием и изображавшим Христа реалистически и чувственно. Здесь ему созвучны отзывы протопопа Аввакума о «новом искусстве»: *«По поущению Божию*

умножися в нашей русской земли иконнаго писма неподобнаго изуграфы... Пишут Спасов образ Еммануила; лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя... А Богородицу чревату в Благовещение, яко же и фрязи поганья. А Христа на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги-те у него, что стулчики. Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев!»

Вполне естественно, что, когда начнётся никоновская церковная реформация, Капитон безоговорочно примет сторону ревнителей старой веры и выступит с обличением новшеств. Число учеников лесного старца увеличится ещё больше за счёт тех, кому стало «сумнительно, что в церквах почали петь по новым книгам и в службах все переменено». Неоднократно власти будут пытаться выследить и арестовать Капитона, направляя воинские команды в вязниковские леса, но тщетно — старец останется неуловим. «Но никакоже обрестися можаше, Самому Богу того покрывающу: иже во оной пустыни добре пожив, благочестне ревновав, святопреподобне преставися». Судя по всему, старец Капитон умер в конце 1650-х или в самом начале 1660-х годов. Последнее его местопребывание так и осталось тайной...

*

В своих взглядах на настоящее и будущее «Третьего Рима» старец Капитон был далеко не одинок. В них отразилось определённое умонастроение того непростого времени. Апокалипсическая литература ещё со времен Крещения Руси стала излюбленным чтением русского христианина. Апокалипсические темы неоднократно затрагивались и разрабатывались в оригинальной древнерусской литературе, опиравшейся на традиции святоотеческой мысли, начиная от святых Ириней Лионского и Ипполита Римского и заканчивая святым Ефремом Сирином.

Святые отцы называли антихриста «змием», «зверем», «львом», «врагом», «губителем», «диаволом», «сатаною», «бесом преисподним», «сопротивником» и «супостатом», «человеком греха и беззакония», «мерзостью запустения», «сыном погибельным», «злым вождём», «агнцем неправедным» и прочими подобными именами. Этот враг, по

предсказаниям, будет человеком, родившимся «от девицы нечистая, жидовки сущия, от колена Данова» (по другим источникам — из колена Иудина). Антихрист присвоит себе великую власть, причём сначала явится тихим, разумным, чистым и милосердным, и прельстит иудеев, которые примут его за Мессию. Но на самом деле он будет противиться Христу, пытаться истребить христианство. По словам святого апостола Павла, *«откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога»* (2 Сол. 2,4). На обличение антихриста Господом будут посланы Енох, Илия и Иоанн Богослов, и благодаря им многие уверуют в Истинного Бога. Однако Илия и Енох по повелению антихриста будут убиты. Предсказывалось, что часть евреев также будет обращена Илиею и Енохом в веру Христову, но многие из них примут антихриста.

Согласно книге пророка Даниила, царство антихриста будет длиться три с половиной года. Конец же его описан у апостола Павла: *«[его же] Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего»* (2 Сол. 2, 8), и у Иоанна Богослова в Апокалипсисе: *«И схвачен был зверь и с ним лжепророк... оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою»* (Откр. 19, 20). По толкованию святого Андрея Кесарийского, *«два же сия (антихрист и лживый пророк) в нетленном телеси, по испраздненном ею от Бога могуществе, огневи геенскому предаются, аже има будет смерть и убиение Христовым повелением»*.

С антихристом связано известное число, о котором святой апостол Иоанн Богослов пишет: *«Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»* (Откр. 13, 18). Некоторые под этим числом понимали время пришествия антихриста — 1666 год, предсказанный «Книгой о вере», год печально знаменитого «разбойничьего» собора, на котором были окончательно осуждены старые обряды и проклята вся многовековая традиция русской святости. Многие пытались угадать имя антихриста или связать с его числом имя какого-либо противника православия. Используя на разные лады буквенную запись чисел (а иногда обходясь и без нее), антихристом именовали то императора Нерона, то римского папу, то патриарха Никона...

Еще в конце XVI века западнорусский богослов и проповедник Стефан Зизаний (1550–1634) по просьбе князя Константина Острожского сделал перевод с греческого языка 15-го Огласительного поучения святого Кирилла Иерусалимского. Перевод сопровождался комментариями самого Зизания и был издан в 1596 году в Вильно на белорусском и польском

языках под названием «Казанье святого Кирилла об антихристе и знаках его, с расширением науки против ересей розных». Зизаний, основываясь на Священном Писании, напоминал, что в 1492 году началось восьмое тысячелетие от Сотворения мира и что именно в этот период, согласно пророчествам, должно произойти второе пришествие Христа. В современности Зизаний видел все признаки наступающих «последних времён» и утверждал, что римский папский престол — это и есть престол антихристов. *«Причём, называя римского папу антихристом, Зизаний указывал не на конкретную личность какого-либо папы, а равно и не на последнего “князя тьмы”, который воцарится непосредственно перед пришествием Христа. Папство имелось в виду в смысле церковного института, церковной организации, а отдельные представители этого института — предтечи антихриста, его слуги. Для них главное — подорвать веру в Христа и Церковь»* (Миролубов).

Мысли Стефана Зизания о приближении царства антихриста нашли в дальнейшем своё продолжение. Около 1622 года в Киевской православной митрополии появляется фундаментальное антикатолическое сочинение — «Палинодия» Захарии Копыстенского (ум. 1627). В предисловии к «Палинодии» Захария Копыстенский излагает свою схему последовательных отпадений христиан к миру антихриста. По его мнению, с 1000 года сатана обосновался в Риме. *«Число 1000 приобрело для православного теолога огромное значение. Захария Копыстенский толкует его в августиновской традиции как свершившееся и исходит из положения о “связании” сатаны на 1000 лет в момент первого пришествия»*. Именно торжеством антихриста в Риме с 1000 года от Рождества Христова он объяснял разделение христианской Церкви на католичество и православие, а точнее — отпадение католиков от Церкви. Особое значение в этом контексте приобретало такое событие, как Крещение Руси князем Владимиром в 988 году (то есть приблизительно в то же время) и образование Русской Церкви. Хотя Рим отпал от истинной веры, но зато в Церковь вступила Русь, заняв место Рима в священной пентархии (власти пяти патриархов).

Далее Захария Копыстенский обращался к известному апокалипсическому числу 666, сложение которого с первой датой давало 1666 год. При этом он раскладывал число на последовательные этапы — 1000–1600 — 1660–1666... Каждая из этих дат связывалась им с каким-либо церковным расколом. Итак, следующим этапом отпадения явился по схеме Захарии Копыстенского 1600 год. Как раз около этого времени — в 1596 году — произошло новое нападение антихриста на истинную веру,

причём именно на ту часть христианского мира, которая, по мысли Захария Копыстенского, хранила наследие крестителя Руси — Киевскую митрополию. Это была печально известная Брестская уния, заключённая между католической и украинско-белорусской православной церквями, уния, в результате которой православные Западной Руси фактически лишились трехчинной иерархии. *«Заключение Брестской унии Захария Копыстенский объясняет происками римского папы-антихриста и воспринимает как событие космического масштаба. В его понимании судьбы мира зависят теперь от противоборства униатов и сторонников православия. Очевидно, в случае дальнейшего сохранения унии, он подразумевал вмешательство небесных сил. Согласно библейским пророчествам, второе пришествие начнётся для спасения Христом своих гонимых, преследуемых антихристом избранников. Безусловно, последнюю на земле общину истинно верующих Захария Копыстенский видел в киевской православной митрополии. По пророчеству “Палинодии”, дальнейшее развитие связанных с антихристом событий произойдёт в 1660 году и, окончательно, в 1666 году. Эти даты обозначали следующие ступени отпадений. В тексте “Палинодии” они не имели исторических привязок. Что именно произойдёт в последнем, 1666 году — конец света или земное воплощение антихриста, Захария Копыстенский точно не оговаривал. Его схема могла интерпретироваться как в том, так и в другом направлении»* (Опарина).

Похожие представления об отпадениях от истинной веры развивал в своих сочинениях другой видный украинский писатель-полемист, афонский инок Иоанн Вишенский (около 1550 — после 1621). Иоанн Вишенский говорил об отступничестве униатов, которые поставили своими безрассудными действиями под угрозу судьбы всего мира. В его сочинениях утверждалось, что благодаря нескольким отпадениям антихрист уже торжествует над миром и близок конец света и час расплаты подчинившихся сатане. Однако никаких конкретных чисел Иоанн Вишенский не приводил. Основная его критика была направлена в адрес обмирщившегося, оторвавшегося от православного народа и перешедшего в унию епископата. Обращаясь к униатскому епископату, он говорит: *«Якже ся вы духовными, а не толко духовными, але (но) и верными звати можете, коли брата своего, во единой купели крещения — верою и от единое матере — благодати ровно з собою породившагося, подлейшими от себе чините, уничижаєте и ни за што быти вменяєте, хлопаєте, кождемякаєте, седелниками, шевцами на поругане прозываєте? Добре, нехай будет хлоп, кождемяка, седелник и швец, але воспомянете, як брат*

вам ровный во всем есть...»

В условиях отпадения в унию с католиками православного епископата Иоанн Вишенский в своём сочинении «Порад» вообще высказывает довольно смелую для того времени мысль, которая впоследствии станет идейной основой беспоповского направления в русском старообрядчестве, — мысль о возможности во времена антихриста существования Церкви без священства: *«Лучше бо вам без владык и без попов, от диавола поставленных, до церкви ходити в православие хранети, нежели с владыками и попами, не от Бога званными, у церкви быти и о тое ся ругати и православие попирати. Не попы бо нас спасут, или владыки, или митрополиты, але (но) веры тайнство нашее православное с хранением Заповедей Божиих: тое нас спасти мает»*. Та же мысль проводится им в другом сочинении — «Зачапке мудраго латынника з глупым русином»: *«Равно есть, альбо (или) сторицею лучши, абы таковыя блазнители никако же в церкви не были, и полезнее... собору верных самем в церковь собиратися и спасати, нежели соблазнители и слеповождями во погибель и муку вечную отити»*.

Такое отрицательное отношение к Римско-католической Церкви, какое мы встречаем среди православных Юго-Западной Руси, было вызвано не только внешней экспансионистской политикой Рима, но и чисто духовными причинами. Отторжение вызывали противоречившие самому духу христианского учения претензии папизма на светскую власть и нарушение принципа соборности Церкви (папа объявлялся главой Церкви и высшим авторитетом в делах веры), что, в свою очередь, способствовало её секуляризации, обмирщению. Резкое неприятие вызывали и попытки папской власти насаждать веру огнём и мечом, при помощи насилия и с опорой на светскую власть. Пройдёт всего несколько десятилетий, и все эти признаки ярко проявят себя в деятельности патриарха Никона и его последователей. Как справедливо отмечает исследователь древнерусской литературы А.Н. Робинсон, *«спустя полвека в России сложилась такая социально-историческая и культурная обстановка, которая по общему типу и по существенным обстоятельствам напоминала современникам недавние события на Украине и позволила им в различных направлениях воспользоваться плодами богатейшей украинской полемической литературы»*.

Действительно, произведения Стефана Зизания, Захарии Копыстенского и Иоанна Вишенского в значительной степени повлияли на русскую публицистику XVII века благодаря московским полемическим сборникам, изданным незадолго до раскола Русской Церкви. В 1644 году на

Московском Печатном дворе вышла знаменитая «Кириллова книга», куда вошли «Сказание Кирила Иеросалимского на осмый век о Втором Пришествии Христа и об антихристе» и послание Иоанна Вишенского, а в 1648 году — «Книга о вере единой истинной православной», в которой излагались идеи Захарии Копыстенского, в том числе и высказывалось опасение, как бы по приближении 1666 года и русским не последовать за православными Юго-Западной Руси. Распространялись произведения западнорусских полемистов и в рукописях.

Когда началась никоно-алексеевская реформация, одним из первых, кто воспринял её в свете предсказаний о наступлении «последних времён», был протопоп Иоанн Неронов, возглавивший оппозицию реформам. Тема конца света становится доминирующей в его сочинениях. В первых своих посланиях он обращается к эсхатологическим пророчествам и сопоставляет происходящие в Русской Церкви события с унией. Уния с католиками, то есть отпадение от истинного православия, по мысли Неронова, повлечёт за собой гибель Святой Руси и приближение царства антихриста. Ещё в 1652 году, то есть в год вступления Никона на патриарший престол, Иоанн Неронов пророчески писал Стефану Внифантьеву: *«Да не постраждет днесь Русь, яко же и юниты (униаты. — К. К.)...»* Во «Втором послании к царю Алексею Михайловичу» от 27 февраля 1654 года он призывает самодержца *«имети опаство»*, как бы не пострадать *«от хотящаго приити напоследок и возмутити вселенную, его же приход, о благочестивый царю, от Божественнаго Писания всяко веси, лукав бо зело и малыми, их же утвердит Духа Святаго благодать, познаваем будет»*. Антихрист, по мысли Неронова, явится не в настоящем своём обличье, но в обманном — *«десными (то есть правыми делами. — К.К.) народ прельстити покусится, и всяку добродетель лицемерием возлюбит, и милостив явится ко обнищавшим всяко от добродетелей, а Христовы рабы гонити будет, носящих знамение на себе Небеснаго Царя»*. Впоследствии эта тема найдёт продолжение в сочинениях Спиридона Потёмкина, игумена Феоктиста, диакона Феодора, протопопа Аввакума и других старообрядческих богословов.

Русский путь по сценарию иезуитов

В 1651–1652 годах среди боголюбцев начались разногласия по поводу выбора путей предстоящей церковной реформы, необходимость которой никем не отрицалась. Но если епископ Павел Коломенский, протопопы Аввакум, Иоанн Неронов и Даниил Костромской ревностно выступали за реформирование Церкви по русскому образцу, на основе отеческих преданий и постановлений знаменитого Стоглавого собора 1551 года, то митрополит Никон, протопоп Стефан Внифантиев, Феодор Ртищев и сам царь Алексей Михайлович склонялись к реформированию по современному им греческому образцу, ошибочно принимая его за эталон древнего церковного предания.

После заключения греками двух уний с католиками (Лионской 1274-го и Ферраро-Флорентийской 1453 года) на Руси сложилось подозрительное отношение к грекам. И оно имело под собой серьёзные основания. Греки, находясь в течение двухсот лет под турецким владычеством, в значительной степени отошли от чистоты православного учения и жития, «зашатались в вере». Около 1480 года в текст русской архиерейской присяги было даже включено клятвенное обещание не принимать греков ни на митрополию, ни на епископию — как живущих под властью неверного царя. В XVII веке те восточные иерархи, которые желали остаться в России на вечное житьё, должны были сперва пройти обучение русским обычаям и лишь после этого их допускали до отправления архиерейских обязанностей. Что касается простых иноков и мирян, вышедших с православного Востока, то их предварительно посылали в различные русские монастыри «под начал» «для исправления их христианския веры». Только после подобного исправления им разрешали поселяться в России. По словам Павла Алеппского, при патриархе Филарете с приезжими греками поступали ещё строже: их 40 дней считали оглашенными и лишь затем присоединяли к Церкви через миропомазание, разрешая мирянам молиться в русских церквях и причащаться, а клирикам — совершать богослужения.

Греческие иерархи, приезжавшие в Москву с разорённого православного Востока просить милостыни и приюта, и сами не раз заявляли о том, что лишь в России православие сохранилось в первоизданной чистоте. Антиохийский патриарх Иоаким, испрашивая в 1586

году у царя Феодора Иоанновича разрешение прибыть в Москву, писал: *«Писано: если кто видел и небо небеси и все звезды, а солнца не видел, тот еще ничего не видел, но когда увидит солнце, возрадуется и прославит сотворившего его. Солнце же наше, правоверных христиан, в нынешние дни ваша царская милость, и кто видит царское лицо, возрадуется и прославит живодавца Бога, Который дал тебя во утверждение просвещения Восточной Церкви Христовой как солнце, светящее над звездами»*. Константинопольский патриарх Иеремия говорил в 1589 году тому же царю Феодору Иоанновичу по поводу учреждения патриаршества на Руси: *«Воистину в тебе Дух Святой пребывает и от Бога такая мысль внушена тебе; ветхий Рим пал от ересей, вторым Римом — Константинополем — завладели агарянские внуки, безбожные турки, твое же великое российское царство, третий Рим, всех превзошло благочестием; ты один во всей вселенной именуешься христианским царем»*. О плачевном положении греков под властью турок писал царю в 1653 году митрополит Анфим Кизический: *«Мы покорены и посреде неверных народов пребываем мучимы и все терпим с великою радостью, будучи и нарицаясь благочестивыми христианами и слыша, что имеем вас, единовернаго, благочестиваго и непобедимаго царя, хотя и попрекают нас агаряне и евреи, что взято было царство от рода нашего, а мы, однако, пред ними хвалимся, что имеем благочестиваго и православнаго и единовернаго царя московского и о сем веселимся вашею царскою похвалою»*.

Что касается отношения русских к заезжим грекам и к их вере, то об этом хорошо пишет историк Н.Ф. Каптерев: *«Из XVII столетия мы имеем вполне ясные и определённые данные относительно того, как русские смотрели тогда на сравнительное достоинство греческого и русского благочестия. В Москву с XVII века часто приезжали для торговли греческие купцы, которые по необходимости должны были проживать в Москве довольно долго. На этих купцов-греков некоторые русские смотрели как на неправославных, называли их неверными и не пускали их в русские храмы, так что греки принуждены были искать себе у правительства особой церкви, которая бы служила исключительно для греков. В 1653 году иверский архимандрит Клим, приезжавший в Москву за милостынею, с согласия всех бывших тогда в Москве греческих властей и торговых гречан, просил у государя и патриарха Никона дать для приезжих греков особый монастырь в Москве, где бы служба совершалась на греческом языке, потому что, объясняет в своей челобитной архимандрит Клим, греки русской службы не понимают, “а иные русские*

попы мирских торговых греков в церковь Божию божественного пения слушать не пуцали, называли их неверными”. То же самое подтверждает и Павел Алеппский, который свидетельствует, что в Москве греческим купцам воспрещалось входить в русские церкви. Но этого мало: по свидетельству того же Павла Алеппского, у нас прежде его приезда в Москву не дозволяли служить приезжавшим к нам с Востока греческим епископам и патриархам, потому что считали их осквернёнными через сближение с турками».

Подозрительное отношение к восточным патриархам не было лишено оснований. Они достаточно легко могли менять веру в угоду своим политическим амбициям, увлекаться различными еретическими учениями, под давлением султана идти на компромиссы в делах Церкви. Так, на константинопольской кафедре за 60 лет — с 1595 по 1657 год — сменилось более сорока патриархов! *«Немногие из них оставили престол по своей воле или из-за смерти. Бесконечная череда патриархов — результат интриг, соперничества, гнева султана. Знаменитый патриарх Кирилл Лукарис, семь раз свергнутый и шесть возвращавшийся на престол, в конце жизни склонялся к соглашению с протестантами. Турки, подстрекаемые соперниками, низвели и умертвили Лукариса. Патриарший посох угодил в руки его непримиримого соперника, Кирилла Контариса, который в 1638 году тайно принял католичество. Но тайна стала явной, и Контарис в третий — и последний раз — оставил патриарший престол»* (Андреев).

Были и другие причины — не только вероисповедного, но и морально-нравственного характера, — вызывавшие подозрительное отношение к заезжим греческим иерархам. *«В середине XVII века богатое царское жалование и престиж и преимущества учительского звания привлекали в Москву новых и новых учёных чужаков; некоторые из них оказывались неспособными к учительству, некоторые — самозванцами с подложными патриаршими грамотами ^[21], многие привозили с собой отряды “слуг и родственников” — торговцев, бизнесу которых царское правительство щедрой рукой предоставляло немалые привилегии за их и их черноризного начальства “страдания и обездоленность” на родине; многие в России замечали их общие сребро-и славолубие»* (Крамер). Например, патриархи Афанасий, бывший Константинопольский, и Паисий Иерусалимский набрали в свои «свиты» купцов, записав их (естественно, за деньги) монахами, иеромонахами и архимандритами. Когда воевода на границе в Путивле, узнавший этих купцов, указал на них патриарху Паисию, тот, не моргнув и глазом, отвечал, *«что де хотя и были прежде сего торговые люди, только де ныне служат ему, патриарху»*. Впрочем, это могло быть и

правдой, поскольку нередко и облечённые духовным саном выходцы с Востока не гнушались заниматься торговлей и провозить контрабандные товары. Часто между высокосановными собирателями милостыни и лицами из их свиты возникали самые отвратительные скандалы из-за денег, недоплаченных купцами за попадание в Москву. Между греками (в том числе архиереями) процветала самая настоящая конкурентная борьба за царское жалованье, сопровождавшаяся взаимными кляузами и интригами. Всё это, естественно, становилось известным не только в Посольском приказе, разбиравшем подобные дела, но и многим русским.

Другой причиной недоверия к грекам было широко распространившееся на Востоке курение табака и даже опиума. *«Настоящим испытанием для почти поголовно курящих и не видевших в этом, по восточной традиции, ничего предосудительного иностранцев были отвращение москвичей к курению, как тяжкому греху, и слезка за ними “днём и ночью, с подсматриванием в дверные щели”, иногда кончавшаяся для провинившегося высылкой из России за его счет без всякого снисхождения и, конечно, без всякой милостыни и возможности приехать впредь, иногда даже и ссылкой в отдалённый русский монастырь»* (Крамер). Для русских в то время за курение и нюхание табака полагалось другое наказание — вырезание ноздрей и кнут — пытка, которая нередко заканчивалась смертью. В Соборном уложении 1649 года говорилось: *«О табаке заказ учинен крепкой под смертную казнию, чтобы нигде русские люди и иноземцы всякие табаку у себя не держали и не пили, и табаком не торговали»* (главы 25, 446). Однако многие греческие иерархи XVII века не только сами потребляли табак и опиум, но не гнушались провозить их контрабандно в Россию. Так, одно из главных действующих лиц рокового собора 1666–1667 годов, международный авантюрист митрополит Газский Паисий Лигарид хранил в своём московском доме 60 пудов табака, тайно привезённых с Востока. Юрий Крижанич писал: *«Греки своими... запрещёнными товарами (именно табаком) выносят из России большие богатства»*. При этом он в отличие от Павла Алеппского ничего не знал об опиуме...

Относительно «духовной» торговли тот же Крижанич свидетельствует: *«Праздношатающиеся греческие монахи, и порою самозванцы-митрополиты, скитаются по Руси и выжиливают ссуды... Они возводят в священнические степени лица, им неизвестные, незаслуженные, неискушённые, незасвидетельствованные, даже отвергнутые в других местах, и без всякого другого испытания, кроме того, что аккуратно поторгуются, “сколько мне хотите дать, я вам предам его”. Я сам видел*

не один пример подобного рода. Видел также, как одну и ту же супружескую чету разные митрополиты, и даже один и тот же митрополит, несколько раз то разводили, то снова соединяли, всегда, однако, заранее поторговавшись и взявши добрую кучу денег. Если дела такого рода, пожалуй, кто-нибудь скажет, можно ещё терпеть, то уже, конечно, никаким образом нельзя терпеть того, что помянутые митрополиты за деньги продают и прямо посылают в ад человеческие души. Я видел на русском языке напечатанные в Киеве отпустительные грамоты (то есть фактически индульгенции. — К.К.), которые по Руси продавал Византийский патриарх Афанасий. Каким образом или почём он продавал их, не знаю. То лишь знаю и собственными глазами видел, что подобные отпустительные грамоты в рукописи (со вставкою имени того человека, к которому вручается грамота) некоторые продавали знатым людям за деньги: здесь разрешают от всех грехов, не помяная ни слова об исповеди или покаянии».

Ко всему добавлялась и совершенно гнусная, кощунственная торговля святынями — мощами святых, реликвиями и чудотворными иконами, — торговля, которую, спекулируя на благочестии русских, практиковали заезжие греки в XVI–XVII веках. Дело в том, что в Греции мощи и всякая святыня часто были достоянием частных лиц, переходили по наследству и частное лицо могло ими распоряжаться по своему усмотрению, как и всякой другой частной собственностью. Особенно много святынь оказалось в частных руках после захвата Константинополя крестоносцами и завоевания его турками, когда святыни или расхищались, или уничтожались. «Ввиду того что святыня была ходячею ценностью, за которую можно было получить хорошие деньги, она сделалась предметом корыстной эксплуатации: ею не только торговали, но в видах наживы её просто воровали». С целью выгодной наживы привозили греки святыни и на Русь, где русские их покупали, не торгуясь и не жалея денег.

Вместе с тем, как справедливо замечает Н.Ф. Каптерев, «сосредоточение христианской святыни в Москве давало русским право с уверенностью смотреть на Москву как на действительный Третий Рим, во всех отношениях заменивший собою новый Рим — Константинополь, а на себя как на людей, обладающих высшим благочестием сравнительно с греками, всегда готовыми за шкуру соболя продать самую драгоценную для всякого истинного христианина святыню... Так всё, что прежде давало Константинополю значение главы, столицы всего православного мира: достоинство царское, достоинство патриаршее, обильная и всеми чтимая святыня — всё это теперь было перенесено в Москву. Но там, где

находится православный царь и рядом с ним патриарх, где не только местной, но и общехристианской святыни было более, чем где-либо в другом месте, там должна быть и столица всего Православия, там должно царить истинное благочестие. Москва, по убеждению русских, теперь стала действительным Третьим Римом, вполне заменившим собою новый Рим — Константинополь».

*

Однако, несмотря на негативное в целом отношение русских к грекам и на сомнения относительно их благочестия, исход спора в рядах боголюбцев о путях реформирования Русской Церкви решила царская воля. Как уже было сказано, за никоновской церковной реформой стояла фигура царя, а царь Алексей Михайлович был убеждённым грекофилом, таким же, как и его дед — патриарх Филарет, ставленник Иерусалимского патриарха Феофана. Патриарх Филарет поддерживал тесные отношения с восточными патриархами, вёл с ними постоянную переписку и покровительствовал им. С целью согласования русских церковных чинов с греческими он сделал некоторые церковные исправления, попытался устроить на своём патриаршем дворе греческую школу, заказывал переводы с греческих книг на славянский язык. Но если грекофильство Филарета во многом было вызвано крайней неприязнью к латинскому Западу, то Алексей Михайлович был воспитан в грекофильских воззрениях уже «с молодых ногтей». *«Вместе со своим уважаемым духовником, — благовещенским протопопом Стефаном Вонифатьевичем, он пришёл к мысли о необходимости полного единения во всём русской церкви с тогдашнею греческою, — писал Н.Ф. Каптерев, — и уже ранее патриаршества Никона... предпринял ряд мер для осуществления этой мысли, которой он остался верен до конца своей жизни. Сам Никон как реформатор-грекофил был, в значительной степени, созданием царя Алексея Михайловича и, сделавшись благодаря ему патриархом, должен был осуществлять в своё патриаршество мысль государя о полном единении русской церкви с тогдашнею греческою, причём царь оказывал ему в этом деле постоянную необходимую поддержку. Без энергичной и постоянной поддержки государя одному Никону, только своею патриаршею властью, провести свои церковные грекофильские реформы было бы решительно невозможно».*

Чем же вдохновлялось грекофильство русского царя, толкнувшее его на неслыханные по своему масштабу реформы, разрушившие единство

Русской Церкви и повлёкшие за собой истребление лучшей части русского народа? Что привело его к решительному разрыву со всей прежней богослужебной традицией, освященной авторитетом многочисленных русских святых? Соображения, которыми руководствовались реформаторы — царь Алексей и его выдвигенец, будущий патриарх Никон, — были исключительно политическими и к духовной жизни никакого отношения не имели. Перед прельщёнными взорами царя и патриарха заманчиво блистал цареградский венец. И царь, и Никон грезили об освобождении Константинополя от турок и о византийском престоле.

Судя по всему, идея «греческого проекта», то есть объединения всех православных под властью московского царя, возникла ещё в царствование царя Михаила Феодоровича и его отца патриарха Филарета. Царевича Алексея с детства подготавливали к роли будущего византийского императора, что отразилось на его воспитании. Ну а уже в царствование самого Алексея Михайловича льстивые восточные патриархи, к тому же осыпанные с ног до головы царскими милостями, не скупились в посулах — распускали перед царём и патриархом павлиньи веера, рисуя картины земного торжества православия, обещая им восстание порабощённых греков в ответ на объявление Россией войны турецкому султану. Русский царь должен был занять престол Константина Великого, а московский патриарх Никон — стать патриархом Вселенским. Иерусалимский патриарх Паисий готовился в 1657 году освятить на Гробе Господнем в праздник Светлого Христова Воскресения царский венец — «венец Константина» — и отослать его московскому царю. Однако для достижения территориального единства православных народов требовалась лишь одна незначительная «мелочь»: сначала надо было прийти к единству богослужебному, поскольку русские церковные чины и обряды того времени сильно отличались от греческих.

Дело в том, что в X веке, когда на Руси было принято христианство, в Византийской империи существовало два богослужебных устава: Студийский и Иерусалимский, связанный с именем преподобного Саввы Освященного. В Константинополе и на западе империи сначала получил распространение Студийский устав, который и перешёл на Русь. Однако к началу XIV века у греков он был повсеместно вытеснен наиболее распространённым на востоке империи Иерусалимским уставом. В конце XIV — начале XV века московские митрополиты Фотий и Киприан (первый — из греков, второй — болгарин греческой школы) стали вводить в России Иерусалимский устав, однако так и не успели довести свою реформу до конца. По этой причине в русском богослужебном уставе

осталось много древних, более архаических особенностей Студийского устава. К сожалению, история перемены уставов была основательно забыта и греками, и русскими, а потому греки начали считать древние черты русского церковного устава новшествами, чуть ли не граничащими с ересью, хотя русские богослужебные книги вполне соответствовали греческим книгам X–XI веков.

Другой причиной никоно-алексеевской реформы, а точнее, ещё одним звеном в «греческом проекте», явилось то, что после воссоединения Украины с Россией (1654) возникла необходимость в создании единой нормы богослужения и богослужебного языка (южнорусский, киевский извод славянского языка значительно отличался от московского извода). Прочность политического союза между Великой и Малой Русью должна была быть подкреплена церковно-обрядовым единством двух частей Русской Церкви, которые в ходе истории были разделены. Однако грекофильская ориентация царя и патриарха привела Русскую Церковь к принятию не московской нормы богослужения (наиболее близкой к ранневизантийской), а южнорусской, в большей степени соответствовавшей греческим текстам и традициям XVII века. Здесь следует напомнить, что на Украине реформа, аналогичная никоновской, была проведена на 50 лет ранее киевским митрополитом Петром Могилёй и привела к тому, что киевское богословие и богослужение оказались сильно заражены католическим влиянием. О деятельности Петра Могилы хорошо написал известный русский богослов Г.Флоровский: *«Всё пронизано чуждым латинским духом... Это была острая романизация Православия, латинская псевдоморфоза Православия. На опустевшем месте строится латинская и латинствующая школа, и латинизации подвергается не только обряд и язык, но и богословие, и мировоззрение, и самая религиозная психология. Латинизируется самая душа народа. Эта внутренняя интоксикация религиозным латинизмом, этот “крипто-романизм” был вряд ли не опаснее самой уни... В следующем поколении латинское влияние становится ещё глубже, латинские связи и навыки крепнут... Усваивались и перенимались не только отдельные схоластические мнения или взгляды, но и самая психология и душевный строй... От украинского барокко идёт в “малороссийском” религиозном воззрении эта характерная эмоциональная нетрезвость, мечтательная возбудимость, какая-то своеобразная религиозная романтика... Это была псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза православной мысли».*

И вот здесь-то начинает смутно вырисовываться истинная подоплёка

церковной реформы XVII века. Оказывается, тщательно разработанный сценарий никоно-алексеевских реформ, впрочем, как и некоторых прозападнических реформ будущих царей Феодора и Петра Алексеевичей, мы находим еще... в 1605 году! Прекрасно зная, кто такой был на самом деле Лжедмитрий II, польские иезуиты выработали подробнейшую инструкцию о том, как надлежит действовать очередному самозванцу, чтобы ввести в России унию с католиками, то есть, по сути, подчинить русских власти римского папы. Составляя этот документ, отцы-иезуиты прежде всего стремились доказать самозванцу, что он не имеет никаких прав на императорский титул, о котором как-то заикнулся Лжедмитрий I. Вместе с тем они дали ему ряд практических советов о введении унии — советов, поражающих, с одной стороны, своей беспринципностью и неприкрытым цинизмом, а с другой — их последующим практически дословным исполнением в ходе никоно-алексеевской реформы. Вот этот документ (с небольшими купюрами, цит. по: Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т.1.А-М/Авт.-сост. В.В.Богуславский. М., 2004. С. 505-506):

«1) ...этот титул не достался ему в наследство от предков, следовательно надобно доказать какое-нибудь новое, им самим приобретённое право... Сами Русские против этого титула, что же сказать об иностранцах? Для принятия этого титула необходимо новое венчание, которого патриарх совершить не может; нет и курфирстров (курфюрстов, то есть специальных выборщиков. — К. К.) для этого необходимых. Но царь может достигнуть желанного через унию [\[22\]](#).

2) Хорошо, если бы государственные должности и сопряжённые с ними преимущества раздавались не по древности рода: надобно, чтобы доблесть, а не происхождение получала награду [\[23\]](#). Это было бы побуждение для вельмож к верной службе, а также и к унии... Не худо бы это распоряжение отложить до унии, а тут раздавать высшие должности в виде вознаграждения более приверженным к ней, чтобы сам государь вследствие унии получил титул царский, а думные его сановники титул сенаторский, то есть, чтобы всё это происходило от папы...

3) Постоянное присутствие при особе царской духовенства (православного. — К.К.) и бояр влечёт за собой измены, происки и опасность для государя: пусть остаются в домах своих и ждут приказа, когда явиться.

4) Недавний пример научает, что его величеству нужны телохранители, которые бы без его ведома, прямо, как до сих пор бывало, никого не пропускали во дворец, или где будет государь. Нужно иметь

между телохранителями иностранцев, хотя наполовину со своими, как для блеска, так и для безопасности. В комнатные служители надо выбирать с большим вниманием. В телохранители и комнатные служители надо выбирать таких людей, которых счастье и жизнь зависят от безопасности государя, или, говоря ясно, истинных католиков, если совершится уния. Москвитян брать в телохранители, приверженных к унии...

5) И Москвитян не очень должно отдалять от двора государева: ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцев...

6) Канцелярия должна употреблять скорее народный язык, чем Латинский, особенно потому, что Латинский язык считается у туземцев поганым. Однако государю нужно иметь при себе людей, знающих Латинский язык, политику и богословие, истинных католиков, которые бы не затрудняли благого намерения, не сближали государя с еретиками, не подсовывали книг арианских и кальвинских на пагубу государству и душам, не возбуждали омерзения к Христову наместнику (папе)...

7) Перенесение столицы, по крайней мере на время, кажется необходимым по следующим причинам: а) это будет безопаснее для государя; б) удобнее будет достать иностранное войско и получить помощь от союзного короля и других государей Христианских; в) при перемене царя, для царицы (Марины. — К.К.) удобнее получить помощь от своих, безопаснее и легче выехать с драгоценностями и свободой в отечество (Польшу); однако разглашать о перенесении столицы не нужно, ибо это ни к чему не послужит, надобно жить где-нибудь, только не в Москве [\[24\]](#)... д) мир Московский будет смирнее; он чтит государя, вдалеке находящегося, но буйствует в присутствии государя и мало его уважает; е) обычные пирования с думными людьми могли бы удобнее исподволь прекратиться; ж) удобнее учредить коллегии и семинарии подле границы Польской... и) легче Московских молодых людей отправлять учиться в Вильну и другие места...

8) Еретикам, неприятелям унии (то есть протестантам. — К. К.) запретить въезд в государство.

9) Выгнать приезжающих сюда из Константинополя монахов (православных).

10) С осторожностью должно выбирать людей, с которыми об этом говорить, ибо преждевременное разглашение и теперь повредило (намёк на утро 17 мая 1606 года, когда был убит Лжедмитрий I. — К. К.).

11) Государь должен держать при себе очень малое число духовенства католического. Письма, относящиеся к этому делу, как

можно осторожнее принимать, писать, посылать, особенно из Рима.

12) Государю говорить об этом должно редко и осторожно, напротив, надобно заботиться о том, чтобы не от него началась речь.

13) Пусть сами Русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразований, которые могут проложить путь унии... При случае намекнуть на устройство католической церкви для соревнования... Издать закон, чтобы всё подведено было под постановление соборов и отцов Греческих, и поручить исполнение закона людям благонадёжным, приверженцам унии. Возникнут споры, дойдёт дело до государя, который, конечно, может назначить собор, а там с Божией помощью может быть приступлено и к унии.

14) Намекнуть чёрному духовенству о льготах, белому о достоинстве, народу о свободе, всем о рабстве Греков, которых можно освободить только посредством унии с государями Христианскими. Учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей учёных, хотя светских; отправлять молодых людей для обучения в Вильну или лучше туда, где нет отщепенцев, в Италию, в Рим. Позволить Москвитянам присутствовать при нашем богослужении.

15) Хорошо, если б поляки набрали здесь молодых людей и отдали их в Польше учиться отцам иезуитам...»

*

Иезуиты, что называется, «положили глаз» на Россию ещё в XVI веке. В 1581 году, в царствование Ивана IV Грозного в Москву приезжал учёный иезуит, папский нунций (агент) Антонио Поссевино. В его лице мы впервые встречаемся с иезуитами в России. Этот неутомимый пропагандист учения Игнатия Лойолы, в продолжение двадцати семи лет неоднократно появлявшийся в столицах Европы, наконец проник и в палаты русского государя. Приглашая папского нунция, Иван Грозный руководствовался не религиозными мотивами, но политическими. Царю нужен был не апостол, а дипломат, который склонил бы польского короля Стефана Батория к миру. С этой именно целью, по просьбе царя, и был отправлен в Москву один из членов иезуитского ордена.

Однако папские планы были иными. Ещё в 1579 году, когда война между Россией и Польшей только началась, римский папа Григорий XIII (тот самый, что в свое время приказал украсить Рим тысячами разноцветных огней в честь массовой резни католиками протестантов-

гугенотов в Варфоломеевскую ночь) послал Стефану Баторию меч для борьбы с «врагами христианства» — русскими. Но неожиданно, в связи с просьбой царя, для Рима представился благоприятный шанс. «Просьба о посредничестве подала римскому первосвященнику надежду на различные уступки со стороны московского государя; но так как в планы Иоанна не входило сближение церквей, — то весьма понятно, что участие этого последнего (то есть Антонио Поссевино. — К. К.) в политике должно было неблагоприятно отразиться на России. Поссевин уехал с секретным поручением вредить ей. Уверив Иоанна в своей готовности служить его интересам, он в качестве посредника между воевавшими сторонами во время переговоров о мире повёл дело так, что вся Ливония досталась Польше, тогда как сам Баторий разрешил своим уполномоченным оставить за русскими несколько городов. Таким образом, в дипломатическом отношении инструкция папы была приведена в исполнение; но когда начались диспуты о вере, папскому легату пришлось отложить всякую надежду доказать превосходство своей религии московскому государю, который оставил его, назвав папу волком. Увидев, что дело не даётся с этой стороны, энергичный миссионер учения Лойолы дал папе совет взяться за него иначе, именно посредством Польши, начать действовать не на Москву, а на Вильну и Киев. Совет этот и план, составленный Поссевином для отклонения юго-западной России от православия, по дальновидности, по широте и оседлости замысла, ставят Поссевина в один ряд с первоклассными политическими деятелями XV и XVII столетий. Вся история Унии заключалась в этой инструкции, которая со строгой последовательностью, в продолжение целых двух веков, приводилась в исполнение посредством мер, в которых были так неразборчивы сыны Лойолы» (Гризингер).

Прошло 23 года после отъезда Поссевино из России, и Москва в свите Лжедмитрия вновь увидела у себя иезуитов. Целая армия проповедников, подготовленных в иезуитской коллегии в Браунсберге, въехала вместе с самозванцем в столицу Святой Руси. «Был ли самозванец креатурой ордена, или они, случайно столкнувшись с ним, подготовили его для своих целей — вопрос об этом ещё не разрешён окончательно, — пишет историк, — но несомненно то, что иезуиты знали, что Лжедмитрий не сын Иоанна, и служили ему из своих соображений. Когда этот претендент сошёл со сцены, они пристали к другому, известному под прозвищем Тушинского вора. И на этот раз попытки иезуитов оказались столь же неудачными, как и при первом самозванце. Они были изгнаны из России» (Гризингер).

Однако, несмотря на это, иезуиты не отказались от своих далекоидущих планов и решили действовать хитрее — через восточных иерархов, многие из которых получали образование у католиков. *«В 1577 году папа Григорий XIII открыл в Риме специально для греков коллегиум имени св. Афанасия, полный даровой интернат, для того, чтобы греки за образованием ездили в Италию; и греки буквально нахлынули туда, так как своих школ практически не было. Целью коллегиума было воспитание будущих униатов. Принятие латинства от воспитанников не требовалось, но само обучение и воспитание проводилось в католическом духе. Выпускники коллегиума зачастую делались униатами или прямо переходили в католичество, становились пропагандистами папской власти»* (Кутузов). Кроме коллегиума Святого Афанасия греки учились также и в Падуанском университете, а также в университетах Германии и других западноевропейских стран, при этом нередко увлекаясь католическими и протестантскими мнениями. Даже богослужебные книги греки печатали в иезуитских типографиях Венеции и Парижа, не имея своих собственных.

Итак, пункт четырнадцатый иезуитской инструкции гласил: *«Намекнуть чёрному духовенству о льготах, белому о достоинстве, народу о свободе, всем о рабстве Греков, которых можно освободить только посредством унии с государями Христианскими...»* Именно эту карту и решили разыграть иезуиты.

Царь Алексей Михайлович, считая себя преемником византийских басилевсов, воспринял византийское наследство не столько с духовной стороны (как ответственность за сохранение древнего благочестия), сколько — с политической, как наследование их власти. *«Ещё со времени падения Константинополя официальная публицистика утверждала... провиденциальную роль русского народа в освобождении Константинополя от власти турок. Алексей Михайлович полагал, что он или его преемники выполнят историческую миссию завоевания столицы покорённой турками Византии. Для успеха этого предприятия очень полезно было устранение всего того, что разъединяло церкви русскую и византийскую»* (Гудзий). Надежды царя всячески подогревались восточными иерархами, тайно направляемыми иезуитскими кукловодами.

В этом смысле характерно свидетельство архидиакона Павла Алеппского, основанное на словах одного московского боярина. Царь, отпуская из Москвы антиохийского патриарха Макария, вздохнув, сказал, обращаясь к окружающим его боярам: *«Молю Бога, прежде чем умру, видеть его (патриарха Макария. — К.К.) в числе четырёх патриархов,*

служащих в святой Софии, и нашего патриарха пятым вместе с ними». Тот же Павел Алеппский передаёт следующую беседу Алексея Михайловича с жившими в Москве греческими купцами, пришедшими поздравить царя в первый день Пасхи: «Хотите ли и желаете ли, чтобы я освободил вас и избавил от неволи?» Они поклонились ему и отвечали: «Как нам не хотеть этого?» — и выразили ему подобающие благопожелания. Царь продолжал: «Когда вернётесь в свою страну, просите своих архиереев, священников и монахов молиться за меня и просить Бога, ибо по их молитвам мой меч сможет рассечь выю моих врагов». Потом, проливая обильные слезы, он сказал вельможам своего царства: «Моё сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые находятся во власти врагов веры. Бог — да будет прославлено имя Его! — взыщет с меня за них в день суда, ибо, имея возможность освободить их, я пренебрегаю этим... и я принял на себя обязательство, что если Богу будет угодно, я принесу в жертву своё войско, казну и даже кровь свою для их избавления». Свою кровь в жертву этой безответственной авантюре царю проливать не довелось, зато для осуществления одной из своего народа он крови выпустил немало.

Итак, после неоднократных безуспешных попыток, в царствование второго Романова политика иезуитов увенчалась успехом. И этим было убито сразу два зайца. С одной стороны, втянувшись в «греческий проект», Россия отвлекала на себя внимание турок, чьи владения подходили почти к самой Вене (находящейся как раз в центре Европы, на полпути между Константинополем и Па-де-Кале), и тем самым в очередной раз невольно спасала жизнь европейской цивилизации. А с другой стороны, сталкивая Россию с Турцией, европейцы значительно ослабили своего давнего конкурента: Россия была расчленена — если пока не физически, то духовно уж точно. Русская Церковь раскололась, причем та её часть, которая приняла реформы и пользовалась поддержкой правительства, на столетия заразилась духом латинства, а впоследствии — и протестантизма, усвоив многие западные обычаи и догматы.

*

Почва для церковной реформы готовилась заранее. Выше уже говорилось о двух прелюдиях никоно-алексеевской реформации — введении единогласия и наречного пения. Однако необходима была обработка общественного сознания для проведения в России ещё более

радикальной реформы. А для этого требовалась мощная пропагандистская пиар-кампания, которая смогла бы посеять в русском народе сомнение в правильности старого русского православия и внушить доверие к искажённой греческой вере. Необходимо было поднять сильно пошатнувшийся в глазах русских авторитет греков.

В 1648 году в Москве была напечатана славянская грамматика Мелетия Смотрицкого. В предисловии к грамматике проводилась мысль о «неисправности» русских богослужебных книг и о необходимости их немедленного «исправления» по греческим образцам. Если учесть, что Мелетий Смотрицкий принял незадолго до издания его книги в Москве унию и боролся против православия в русских областях Польши, то становится понятным, откуда «дул ветер». Вспомним: *«Издать закон, чтобы всё подведено было под постановление соборов и отцов Греческих, и поручить исполнение закона людям благонадёжным, приверженцам унии. Возникнут споры, дойдёт дело до государя, который, конечно, может назначить собор, а там с Божией помощью может быть приступлено и к унии»* (пункт 13-й иезуитской инструкции).

В 1649 году Москву посетил иерусалимский патриарх Паисий [\[25\]](#) (тот самый, что рукоположит Никона в митрополиты Новгородские). Он указал на различия в церковных обрядах русских и греков. Ещё до своего приезда в Москву Паисий вёл переговоры с Богданом Хмельницким о воссоединении Украины с Москвой, проповедовал на Балканах, призывая к свержению власти Оттоманской империи и к объединению с Россией под властью московского царя. С одной стороны, иерусалимский патриарх своими не в меру льстивыми речами пытался вовлечь царя Алексея Михайловича в борьбу с турками за «византийское наследство», тем самым фактически выполняя план, начертанный Антонио Поссевино, план, от которого в своё время имел мудрость отказаться царь Иоанн Грозный. *«Пресвятая Троица — Отец, Сын и Святой Дух, — говорил в своей речи к царю Паисий, — едино царство и господство, благословит державное ваше царствие, да умножит вас превыше всех царей и покажет вас победителем и одолетелем на сопротивных видимых и невидимых врагов, якоже и древних и новых царей — царя Давыда, царя Езекия и великаго царя Константина, да утвердит вас и умножит лета во глубине старости, благополучно сподобит вас восприяти вам превысочайший престол великаго царя Константина, прадеда вашего, да освободиши народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук, от лютых зверей, что поедают немилостиво; да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения, якоже он освободил сынов израилевых от*

фараонских рук жезлом, знаменем честнаго животворящаго креста».

С другой стороны, во время своего пребывания в Москве патриарх Паисий ясно указывал на то, что для достижения этих далекоидущих планов необходима унификация русских и греческих церковных чинов и обрядов. Он вёл с царем переговоры о poste в Святую Четырдесятницу, «учинил соглашение» об этом с патриархом Иосифом, но, может быть, самое главное — вёл беседы с Никоном, сначала новоспасским архимандритом, а затем митрополитом Новгородским ^[26]. В своих беседах с Никоном Паисий указывал на различия многих церковных обрядов у русских по сравнению с греческими и на необходимость «исправления» русских обрядов по образцу греческих. *«Эти беседы, на которых Паисий “зазирал” Никона, привели последнего к сознанию необходимости произвести церковные исправления в широких размерах, в видах согласования русских церковных книг, чинов и обрядов с тогдашними греческими, — писал Н.Ф. Каптерев. — Чтобы поддержать решимость Никона в указанном направлении, Паисий по отъезде из Москвы посылал сюда из Молдавии двух митрополитов: назаретского Гавриила и навпактского Гавриила Власия, которые по поручению Паисия укрепляли Никона в его решимости начать церковную реформу, так что известная и богатая своими последствиями для дальнейшей нашей церковной жизни деятельность Никона во многом обязана и своим началом, и своим общим направлением именно иерусалимскому патриарху Паисию».*

Вместе с тем сам иерусалимский патриарх допускал крайнюю вольность в отношении церковных таинств и обрядов. Он допускал такие поступки, которые явно свидетельствовали о заражённости греческой иерархии всевозможными латинскими заблуждениями. Так, возвращаясь из Москвы, Паисий остановился в Киеве, где торжественно отслужил литургию в присутствии Богдана Хмельницкого. Когда наступило время причастия, патриарх пригласил причаститься и малороссийского гетмана. Богдан Хмельницкий отказывался, говоря, что не был на исповеди. Тогда Паисий принародно разрешил его от всех грехов — как настоящих, так и будущих — и сказал: *«Иди и причащайся»*. Затем он совершил ещё более дикий с точки зрения православного сознания поступок: повенчал Хмельницкого с бывшей наложницей его врага Чаплинского, хотя та не присутствовала в церкви, а была в другом городе — Чигирине. Вокруг аналоя Хмельницкому пришлось ходить с подсвечником вместо невесты...

В свите патриарха Паисия в Москву прибыл рекомендованный им в качестве переводчика и учителя знаменитый авантюрист Арсений Грек — личность весьма одиозная. Арсений родился около 1610 года: согласно

одним источникам, в Солуни, по его же собственным словам — в турецком городе Трикале. Когда ему исполнилось 14 лет, старший брат его, архимандрит Афанасий, отвёз его в Венецию для обучения грамматике. Далее он продолжил своё обучение в иезуитской коллегии в Риме. Впоследствии, находясь в ссылке на Соловках, Арсений признался, что во время пребывания в папской столице он переменял веру, иначе бы его не приняли в римское училище. Позднее он в течение трёх лет обучался в Падуанском университете философским и врачебным наукам. Закончив своё обучение, Арсений вернулся на родину. Однако братья заподозрили его в отступничестве от православия, и тогда он торжественно проклял католическую веру и в 23 года принял монашество.

Некоторое время он был игуменом на острове Кяфе, затем жил у валахского воеводы Матвея и молдавского Василия. Прожив у последнего два года, Арсений отправился в Киевскую академию, которая пользовалась тогда громкой славой в качестве духовно-просветительского центра Юго-Западной Руси, надеясь получить преподавательское место, но по пути узнал, что туда не принимают без разрешения польского короля. Тогда он поехал в Варшаву. Здесь он был принят королём Владиславом IV и даже будто бы излечил его от каменной болезни, за что получил грамоту к киевскому митрополиту Сильвестру Коссову. В Киеве состоялось его знакомство с патриархом Иерусалимским Паисием, которому он очень понравился своим умом и разносторонним образованием. Патриарх взял Арсения в Москву и на время своего пребывания там зачислил в штат своей патриаршей свиты в качестве «патриаршего уставщика».

После отъезда Паисия из Москвы Арсений Грек остался здесь по приглашению царя Алексея Михайловича, *«яко многим языком искусный»*, и даже занялся учительством. Однако вскоре его педагогическая деятельность неожиданно прервалась. На обратном пути через Киев и Валахию патриарх Паисий якобы узнал от местного населения такие нелестные для репутации Арсения отзывы, что счёл своим долгом с дороги сообщить об этом в Москву. *«Еще да будет ведомо тебе, благочестивый царь, про Арсения, — доносил патриарх со слов малороссов и валахов, — что он... прежде был иноком и священником и сделался басурманом; потом бежал к ляхам и у них обратился в униата, — способен на всякое злое безделие: испытайте его добре и все это найдете...»*

Получив донесение патриарха, царь велел князю Н.И. Одоевскому и думному дьяку М. Волошенинову провести допрос Арсения. Тот во всём заперся: *«Католического сакраменту в Риме не принимал и не только в басурманстве, но и в униатстве не был»*. Однако когда князь Одоевский

пригрозил телесным осмотром, Арсений сознался, что он действительно был обасурманен, то есть обрезан и обращён в ислам, неволею, но впоследствии принёс покаяние янинскому митрополиту и был им помазан миром. На следствии Арсения сравнили с «волком в овечьей шкуре». Суд приговорил сослать его на Соловки. Здесь он неожиданно возлюбил «русское благочестие», в течение трёх лет всячески старался расположить в свою пользу местных иноков, расхваливая русские обычаи и истово крестясь двуперстием. В результате соловецкие иноки отозвались о нём весьма одобрительно.

В 1652 году Никон, приехавший за мощами митрополита Филиппа на Соловки, освободит Арсения и возьмёт его с собой в Москву, где отведёт ему келью в собственном доме, поручит заведование патриаршей библиотекой и с 1654 года назначит справщиком Печатного двора и переводчиком богослужебных книг. Но недалёковидный Никон пригрел на груди змею. Когда он потеряет власть и более уже не сможет с прежней щедростью оказывать Арсению свои милости, тот предаст его и, не задумываясь, перейдёт на сторону врагов бывшего патриарха.

В народе об Арсении Греке сложилось однозначное мнение: *«Волхв, еретик, звездочетец, исполнен скверны и смрада езуитских ересей»*. Во время мора 1654 года в Москве люди говорили: *«Во всём виноват патриарх, держит он ведомого еретика, старца Арсения, дал ему волю, велел ему быть у справки книг печатных, и тот чернец много книг перепортил, ведут нас к конечной погибели; а тот чернец за многие ереси вместо смерти сослан был в Соловецкий монастырь»*. Деятельность Арсения Грека возбудила ненависть к нему и среди московского духовенства. Так, в 1654 году Иоанн Неронов писал о нём царю из своего заточения: *«Отнюдь не дерзати святых книг таковым переводити, ниже вручити, яко же оный лукавый чернец Арсений грек, о нем же патриарх иеросалимский Паусий писал к тебе из Путивля; а ныне он, Арсений, взят к Москве и живет у патриарха Никона в келии, да и его свидетеля врага поставляет, а древних великих мужей и святых чудотворцев свидетельств отметаает. Ох! увы! благочестивый царю! стани добр, вонми плачу и молению твоих государевых богомольцев, — иностранных иноков, ересей вводителей, в совет не принимай»*.

Неронову вторит знаменитый соловецкий инок Епифаний, будущий соузник Аввакума по Пустозёрску: *«Грех ради наших попустил Бог на престол патриаршеский наскочити Никону, предотече антихристову, он же, окаянный, вскоре посадил на Печатный двор врага Божия Арьсения, жидовина и грека, еретика, бывшего у нас в Соловецком монастыре в*

заточении. И той Арсен, жидовин и грек, быв у нас в Соловках, сам про себя сказал отцу своему духовному Мартирию-священноиноку, что он в трех землях был и трою отрекался Христа, ища мудрости бесовския от врагов Божиих. И с сим Арсением, отметником и со врагом Христовым, Никон, враг же Христов, начаша они, враги Божии, в печатныя книги сеяти плевелы еретическия, проклятыя, и с теми злыми плевелами те книги новыя начаша посылати во всю Русскую землю на плач и на рыдание церквам Божиим, и на погибель душам человеческим».

В ярких апокалипсических образах рисует деятельность Арсения Грека протопоп Аввакум: «И сего еретика Арсения Никон привезши к Москве с собою из Соловецкаго монастыря, царю охвалил и стал ево у себя держать, яко подпазушную змию. Егда же учинился патриархом Никон, нападе на святую церковь, подобен оному зверю, его же Богослов видя восходящ от земля и имяше два рога, подобна агнчим, и глаголаше, яко змий; и область перваго зверя всю творяше пред ним, и творяше землю и вся живущая на ней поклонитися первому зверю, иже из моря исходяща. Кожа его, яко кожа рысья; уста его, яко уста Львова; ноги его, яко ноги медвежьи; зубы его, яко зубы железны; ногти его, яко медяны, раздирая церковныя законы и истневая и попирая вся догматы. И того невернаго раба и врага Божия Арсения приставил к книжной справе на печатной двор. И почали книги казить и всякия плевелы еретическия в книги печатать».

Судя по сохранившимся документам, Арсений в 1662 году вторично окажется в ссылке на Соловках и лишь в 1666 году, видимо не без заступничества восточных патриархов, будет освобождён по царскому указу. Далее след его теряется. Неизвестна даже дата его смерти. Единственное указание на обстоятельства его смерти содержится у диакона Феодора. Рассказывая о бесславной кончине большинства реформаторов, Феодор пишет: «Грек Арсений еретик, иже Никона в вере развратил и новыя книги преводил, той при смерти разседся, глаголют, и умре зле».

*

Патриарх Паисий Иерусалимский далеко не случайно послал в Москву донос на Арсения Грека. Дело в том, что вместе с ним из Москвы на Восток выехал учёный старец, ктитор московского Богоявленского монастыря, священноинок Арсений Суханов, которому дано было тайное задание в пути собрать сведения о новоявленном греческом учителе. Поняв,

что вся правда скоро и без того станет известна русскому правительству, Паисий решил опередить Суханова и первым «сдал» Арсения Грека. В своё оправдание Паисий писал: *«Я нашёл его в Киеве и взял с собою, а он не мой старец. Я того про него не ведал...»* Из документов известно, что Арсений Суханов в результате проведённого расследования узнал всю правду о своём греческом тезке и также сообщал в Москву о его религиозных блужданиях.

Вместе с тем основной задачей экспедиции Арсения Суханова был сбор древних греческих рукописей и наблюдение за современной богослужебной практикой греков [27]. В июне 1649 года Суханов выехал из Москвы вместе с патриархом Паисием в Яссы, затем побывал на Афоне, а в 1650 году он уже вернулся в Москву и подал в Посольский приказ «Статейный список» о выполнении своего задания с приложением записи четырёх «Прений о вере» с греками. Эти знаменитые «прения о вере» проходили в Валахии, в Торговище (Тырговиште). Поводом к ним послужил вопиющий случай, который произошёл несколько лет назад на Афоне и о котором Арсений Суханов узнал по дороге в Торговище, на подворье болгарского Зографского Афонского монастыря: на Афонской горе было устроено самое настоящее аутодафе книг московской печати как содержащих в себе еретическое учение! По словам присутствовавшего при этом старца Амфилохия, *«сошлись де старцы святогорския все, и недели на себя патрахели, и привели старца с московскими книгами, и облекли его в ризы, и поставили среди церкви, и называли его еретиком, и книги де держит еретическия, и крестится не по гречески (то есть не тремя, а двумя перстами. — К. К.), и хотели его сожечь и с книгами; тутожде и турки стояли призваны. И по много де безчестия тому старцу велели московския книги на огонь положить самому; и он де многое время не хотел на огонь класть, и за великую нужу, заплакав, положил, убояся и сам того ж огня, а сожгли де московских книг две в десть великии, а третья в полдесть, а иных де не помню каковы. А старца де того заклиали, что ему впредь так не креститься и никого не учить, и отдали его турку: и турок де держал ево у себя в железах многое время и, взяв с него мзду, отпустил. Старец же Амфилохии патриарху сказывал, что другово де такова старца у них во всей горе Афонской нету. Брада де у него до самой земли, якож у Макария Великого; а носит де ея, в мешечик склав, и тот мешечик з бороною привязывает к поясу. А имя ему Дамаскин, муж де духовен и грамоте учон. И то де греки зделали от ненависти, что тот старец от многих почитаем, а сербин он, а не грек; греки де хотят, чтоб всеми оне владели».*

Оппонентами Арсения Суханова в споре выступали иерусалимский патриарх Паисий, браиловский митрополит Мелетий и их помощники из местного духовенства. Во время первого «прения» обсуждался вопрос о крестном знамении. Арсений блестяще доказывал древность принятого тогда на Руси двоеперстия, в то время как его оппоненты хоть сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу новогреческого троеперстия представить не могли. *«Патриарх и все замолчали и, мало посидев, востав из-за трапезы, пошли кручиноваты, что хотели оправдаться святыми книгами, да нигде не сыскали, и то им стало за великии стыд»* ...

Второе «прение» было посвящено дате Рождества Христова. Согласно принятой на Руси традиции (в свою очередь, идущей из Византии), событие это произошло в 5500 году от Сотворения мира, согласно же поздней греческой, заимствованной с католического Запада, — в 5508-м... В этом вопросе греки снова пытались отстоять древность своих традиций, апеллируя к тому, что некогда явились источником веры для других народов, в том числе и для русских, на что Арсений Суханов отвечал: *«Вы, греки, называете источник всем верным, якоже и папа называет себя глава всей церкви. И мы глаголем вам: ни папа — глава церкви, ни вы греки, источник всем. А есть ли и был, толко ныне пересох и сами жаждою страждете, нежелли вам весь свет напаявати своим источником; а инья ваши греки пьют из бусорманского источника. Мы ж Русь крестихомся в смерть Христову, занеже и распялся Христос за нас, от Его же ребра изыде кровь и вода; то нам источник источи веру из ребра Спасителя, а не греки нам источник вере. Турской царь и ближе нас у вас живет, да се не можете его напоить своим источником и к вере привести»*.

Третье «прение» касалось расхождения московских и греческих богослужебных книг. Напомнив об афонской расправе над старцем Дамаскином и книгами московской печати, Арсений Суханов заметил, что ереси надо искать в греческих книгах, а не в русских: даже в греческой грамматике, напечатанной в Венеции, в Символе веры содержится явная латинская ересь — *«и в Духа Святаго от Отца и Сына исходящаго»*, то есть знаменитое filioque — камень преткновения между католиками и православными. *«Ино было довлеет вам те книги сожигать, а государевы было вам книги не за что жечь»*, — замечает Суханов.

Наконец, во время четвёртого диспута Арсений Суханов спорил с иерусалимским патриархом Паисием по поводу способа крещения. Характерно, что в этом споре патриарх Паисий стоял на чисто униатских позициях, критиковал решения собора 1620 года и убеждал Арсения в недопустимости принятия католиков первым чином (то есть через

крещение), предлагая принимать их вторым — через миропомазание. Паисий утверждал, что якобы способ крещения не является доказательством истинности веры, что обливание и даже окропление вместо тоекратного погружения применяется и у греков. На это Арсений заметил, что, как только данная информация станет известна в Москве, всех приезжих греков начнут принимать через крещение...

Под конец дискуссии с греками Арсений Суханов прочитал весьма популярную в дониконовской Руси «Повесть о белом клобуке», которая рассказывала о падении «ветхого Рима» по причине гордости и своеволия, второго Рима — Константинополя — от агарянского насилия, и о том, что теперь на *«третьем Риме, еже есть на Руской земли, благодать Святаго Духа возсия»*.

24 февраля 1651 года Арсений Суханов снова отправился на Ближний Восток для подробного ознакомления с греческим богослужением. Особый интерес для русских властей представляли службы в Великую субботу и чудо схождения святого огня во время пасхального богослужения [28]. На этот раз он посетил Константинополь, Хиос, Родос, другие острова Греческого архипелага, побывал в Египте, Иерусалиме и через Малую Азию и Кавказ 27 июня 1653 года вернулся в Москву. Результаты своей второй экспедиции Суханов изложил в отчёте, представленном им лично царю и названном «Проскинитарием» («Поклонником»). На основе «Прений о вере» и «Проскинитария» Арсением Сухановым был составлен краткий отчёт «О чинах греческих вкратце», в котором перечисляются многочисленные отличия тогдашнего греческого богослужения от богослужения, принятого в Русской Церкви [29].

«Греки пред обеднею часов отнюдь не говорят в церкви, — пишет Арсений Суханов. — На Господския праздники и святым величания никогда нигде не поют; избранных псалмов у них нету. А у сербов величания поют, избранныя псалмы у них есть, яко и на Москве. Греки же канонов в келье не говорят никоих николи ни Исусу, ни акафиста, но токмо часы едины. А сербы каноны Исусу и акафиста говорят по вся дни.

Греки не творят поставления патриарху, и архиепископу, и митрополиту, и архимандриту, игумену, и протопопу, архидиакону и протодиакону, но токмо епископу, и попу и диакону.

Греки в келье павечерницу говорят, толко псалмы одне, а канона Воду прошед отнюдь николи не говорят; а прощения на павечернице и на полунощнице нет же. После вечерни в церкви павечерницы николи не говорят, а изредка в паперти; павечерницу говорят в паперти псалмы же

одне, а канона в октаи отнюдь николи же не поют на павечернице.

Литии на вечерни и на утрени заупокой николи не поют.

Блажен муж на вечерни, и Блажени непорочни и Хвалите имя Господне не поют николи, но просто говорят.

Псалтырь на вечерни и на утрени говорят на крылосе на налое на полночь, и на полдни и на запад лицом; а редко бывает среди церкви на восток, и то разве кто молодой чернец или мирской робенок; а старцы и чернецы все говорят на крылосе на налое не на восток.

Чтения николи на утрени не чтут никоих книг кроме Пролога, и то по шестой песни; а Пролог чтут на крылосе на налое, где каноны говорят, тут чтет, а не среди церкви чтут.

И в гостях где патриарх бывает в миру, то ества рыбная и мясная стоит вместе блюдо на блюде разныя рыбныя ествы; и патриарх ест рыбныя, а иныя миряня, сидя с ним вместе ядят мясную.

Сказания никогда у патриарха не бывало в церкви, но токмо сказание было в пяток великий на часех, и то бес патриарха.

Песни говорят по вси дни кроме Светлыя недели во весь год.

Как каноны носят по крылосам, конархают, и тогда песней не говорят, но поют запеваы песней; такоже и на все Господьския праздники запевают песньми, а не имя праздника или святаго николи не поют запевов в каноне. В крещении все обливаются, а в купели не погружаются.

Греки в неосвященных церквах обедни служат; а в Ясах в Пекорицах в монастыре без антимиаса служил поп обедню.

Патриарх, и вси митрополиты, и епископы и местныя и безместныя детей духовных мужей и жен сами исповедывают, и мирским попом исповедывати не волно никого.

А иныя чернцы и непострижены живут, а платье чернеческое носят и служат во дьяконех, а в потай и мясо ядят.

И свадьбы венчают в монастырех черныя попы, иногда и сами владыки венчают кого честнаго человека.

Митрополиты, сходяся, пьют табак дымной и носовой; и попы и чернцы вси, кто хочет, и в карты играют и шахматы, а патриарх то ведает.

В среду и в пяток во весь год рыбы не ядят; а вместо рыбы ядят в среду и в пяток икру, раки морския и речныя, и что в раковинах мясо, и слизи рогатыя, и каракатицу, и иныя гадины, и ежи морския. А говорят: что в том нет скверны.

Масло и вино то по вся дни неизменно ядят и в среду и в пяток и в посты окроме Великого поста; в Великой бо пост вина не пьют, а пиво и

мед пьют невозбранно и в пост Великий.

Схимник поп и владыка служит, которой преж поставления посхимится; и патриарх Иеросалимски Феофан был схимник же.

По монастырем приспевают на поварни еству женки цыганки вместе с мужиками; а начевать за монастырь ходят, а иногда и спят тут.

Неженатых в попы ставят.

К патриарху Иеросалимскому боярыни, жены и девицы и черницы приезжают в келью и для всяких дел приходят.

Молебнов не поют никогда ни на какой праздник Владычен, и не знают того.

Патриарх, и митрополит, и архиепископы и епископы вси ходят без манатей; такоже и все архимандриты, и игумены и чернцы.

К патриарху кто бояр и боярынь приезжают на исповедь, и патриарх исповедывает их, сидя у себя в келье; и по исповеди, положя на себя патрахиль и амофор, и говорит, стоя, над ним молитву; кающийся лежит пред ним преклонився. А в церкви не исповедываются, и евангелия и образа и креста с налоем не бывает: но просто сидят в келье вместе, якоб некую беседу беседуют меж себя. И вси греки тако творят.

Греки чернцы свитки носят белыя лианыя и кисейныя. Киевский митрополит на одной обедни ставит ставлеников 20 или 30 попов или дьяконов, колико их случится, всех ставит вместе и говорят: то де ведь все одно; якоже крестить многих мощно, тако и в попы ставить, то есть едино от седми таин церковных.

Армяне и римляне и франки в церковь з греками вместе ходят; и на обедне патриарх им святыню подает с верными вместе. А в Ясах патриарх им на обедни и епископу армянскому святыню давал; и в келью к нему входит и с ними и пьет патриарх, как случится.

В Ясах на водоосвящении Крещенской воды бискуп облачился с митрополитом Варламом молдавским.

К патриарху дохтур франский часто в келью прихаживал и лекарство от него патриарх принимал.

Греки миряне, и владыки и чернцы в немощи венецький терьяк ядят целения ради; те терьяки не без мумии составляют.

Греки в церкви стоят в шапках, а инья в чалмах и на обедни.

Греческие старцы на обедни на евангелие и на Достойно есть стоят, снем клобуки, в скуфьях; а на переносе и на Со страхом Божиим снимают и скуфьи с клобуками.

Хлеба Богородична на трапезе николи не действуют и чтения на трапезе николи не бывает.

На утрени, егда хотят, скорости ради первой час говорят тайно, но токмо Христе, Свете проговорят в слух, таж отпуст.

В келье и в дороге заутрени поют без Псалтыри и без канонов, но вместо канонов песни во Псалтыри говорят всегда неизменно и в Господьския праздники и в церкви во весь год окроме Светлой недели.

А патриарх Иеросалимский, дорогою едучи, в шатрах и в домех заутреню пел в три голоса: Псалтырь говорил един человек тайно, а другой человек тайно же говорил канон, а третий человек вслух говорил псалмы, и тропари, и песни и прочие все по ряду.

В церковь патриарх не всегда ходил к заутрени и к обедни; и в то место поет у себя в келье заутреню без Псалтыри и без канонов и часы.

К церкви патриарх, как похочет прийти, не всегда к началу приходит, но как захочет; а сходит от заутрени, конца не дожидается же, как хочет, так и пойдет; а иногда побывал в келье, и опять приходит в церковь. К обедни редко приходит разве в праздник и в воскресной день; а часы поет у себя в келье сам.

Девятый час всегда поют с вечернею вместе.

Полунощницу говорят единогласно.

Лития на вечерни в праздник николи не поют: но поют тое литию на заутрени.

Начало вечерни Приидите поклонимся, и Благослови, душе моя, Господа, Свете тихий и Сподоби Господи, и Ныне отпускаеши всегда патриарх говорит или иной кто всех болши. — А на заутрени в воскресной день или в праздник начинают заутреню, Приидите поклонимся, таж Услышит тя Господь и прочее по ряду. А как не в праздник, то всегда неизменно говорят в начале Трисвятое по Отче наш и тропари, таж ектения, а дву псалмов не говорят; ексапсалмы говорит сам начальник или патриарх, такоже и Тебе слава подобает и Христе Свете истинный. Обедню, аще и многии с патриархом власти, и попы и диаконы служат, а проскомидии все не действуют того, но токмо проговорят вход. И егда начнут от того времени.

Кутию к церкви приносят заупокой и в олтарь вносят: стоит в олтаре, а иныя в церкви.

Просвиры, которыя в церкви в лишке, дают на трапезу и ядят братья и миряне вместо хлеба.

Овощи, всякия ягоды, и яблоки, и виноград, сиречь гроздие, ядят, не дожидаяся августа 6 числа: но как что поспеет, так и ядят. А виноград, сиречь гроздие, августа в 6-м дне к церкви приносят и молитву над ним говорят, и с того дни и на трапезу станут носить; а в еству кладут

виноград новой, не дожидаяся августа 6 числа, но до Троицына дни начнут в еству класть. А яблок не приносят на Спасов день, но гроздие едино, сиречь виноград; а яблоки как поспеют, так и ядят.

Патриарх Цареградский, и Александрийский, и Антиохийский и Иеросалимский в обедни говорят: в первых помяни, Господи, всякое благочестивое епископство.

Митрополиты и архиепископы все в сакосах, но токмо епископы в ризах, служат.

А благословляют все епископы обема рукама.

А шапки святительския не на многих архиепископах и митрополитах, которым от древних благочестивых царей дано; а прочии все митрополиты и епископы без шапок.

Архимандрита в шапке у них ни одново нет.

Греки на вечерни и на заутрени молитвы вечерняя и утренняя всегда говорят неизменно, аще не служити обедни, во свое время: вечерняя на Благослови, душе моя, Господа, а утренняя на ексапсалмех. Александрийский, и Антиохийский и Иеросалимский патриарх святейшии, а не пишутся; токмо Цареградский патриарх, а прочии святейшими писатися не смеют от Ца-реградскаго патриарха».

Арсений Суханов добросовестно выполнил свою миссию, решительно отстаивая в спорах с греками старое русское благочестие и собирая подробнейшие сведения о греческих церковных обычаях, однако тем, кто его посылал — царю и его окружению, — нужен был совсем другой результат. Впоследствии, в октябре 1654 года, Арсений Суханов снова будет послан за границу за древними рукописями, которые якобы были необходимы патриарху Никону для «исправления» богослужебных книг. На самом деле книжная «справа» уже шла полным ходом, и новая экспедиция Арсения Суханова понадобилась лишь для того, чтобы создать своего рода «дымовую завесу» вокруг церковной реформы. Эта экспедиция явилась грандиозной мистификацией русского общества и вылилась в мощную «пиар-кампанию», в самом стиле которой чувствуется рука иезуитов.

Благодаря щедрой «милостыне», на которую царь и патриарх не скупились, Арсению Суханову удалось вывезти с Афона и из других мест порядка 447 греческих рукописей и 10 печатных книг, хотя в официальных документах указана общая цифра 498. Наибольшее число (158 рукописей и 5 печатных книг) он нашёл в Иверском монастыре, в Ватопедском монастыре он выбрал 64 рукописи, в лавре Святого Афанасия — 61, в Филофеевом монастыре — 35 рукописей и одно печатное издание, в Дионисиевом монастыре — 30 рукописей, в Дохиаре — 11 рукописей и

одну печатную книгу... «Удивительно и странно, — пишет историк Б.Кутузов, — на первый взгляд, в этом деле то, что, имея свободный доступ к богатейшим библиотекам афонских монастырей, не торопясь отбирая рукописи и книги (поездка длилась почти полтора года), А. Суханов привёз в Москву в 1655 году фактически всего 7 рукописей, пригодных для правки собственно богослужебных книг. Да и эти рукописи, как выяснилось уже в наше время, не были востребованы Печатным двором для правки книг».

Из всего множества книг, привезённых Сухановым, лишь одна относительно древняя рукопись — Евхологион XIV века — могла бы быть использована при правке. Всё остальное либо относилось ко времени более позднему, либо вообще не имело никакого отношения к исправлению богослужебных книг (всевозможные книги для домашнего чтения, патерики, сборники догматико-полемических сочинений). Отдельную, достаточно большую группу вообще составляли греческие рукописи светского содержания (порядка пятидесяти): «Труды и дни» Гесиода, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, сочинения Аристотеля, Демосфена, Феокрита, Аристофана, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, «Описание Эллады» Павсания, «География» Страбона, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, медицинские трактаты Галена, Диоскорида, Орибасия. Возможно, эти книги предназначались для греко-латинской школы, но спрашивается: какое отношение они могли иметь к справе богослужебных книг?

*

Ещё одной «пиар-кампанией», организованной царём Алексеем Михайловичем и новгородским митрополитом Никоном в преддверии будущей церковной реформы, стало торжественное перенесение мощей митрополита Московского Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву в 1652 году. На первый взгляд это было лишь очередное событие в ряду аналогичных перенесений мощей московских первосвятителей. Так, по инициативе Никона в Успенский собор Кремля в начале 1652 года были перенесены из Чудова монастыря мощи патриарха Ермогена и из Старицы мощи патриарха Иова. Оба они пострадали в Смутное время. Однако митрополит Филипп пострадал не от иноземцев, а от «природного» русского государя, он погиб в результате столкновения светской власти с церковной. И на этом делался особый акцент. В своей покаянной грамоте,

обращённой к мощам святого Филиппа и составленной по примеру обращения императора Феодосия к мощам святого Иоанна Златоуста, царь Алексей Михайлович просил мученика *«еже разрешити согрешения прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, нанесенные на тя нерассудно завистью и неудержанием ярости»*. С одной стороны, принимая на себя грехи своего «прадеда» (который на самом деле никаким ему прадедом не был), Алексей Михайлович лишний раз пытается продемонстрировать законность прав Романовых на царский престол, а с другой — видимым образом принижает царскую власть перед властью духовной. Последнее не могло не импонировать боголюбцам.

Но инициаторы перенесения мощей святого Филиппа в Москву руководствовались совсем не благородным желанием «восстановить историческую справедливость». Как считали многие историки, тайной целью Никона было выставить преимущество власти священной иерархии над царской властью. И внешне всё вроде бы выглядело именно так. Царь в своём обращении к святому Филиппу, в действительности составленном Никоном, писал: *«Сего ради преклоню сам свой царский сан за оного (Иоанна IV. — К.К.) же в мя согрешившаго, да оставиша ему согрешения его, своим к нам пришествием, да подаем тому прощение... Сего ради молю тя о сем, священная главо, и честь моего царства преклоняя честным мощам, и повинную к твоему всю мою власть»*. Однако если учесть, что главным инициатором реформы был всё-таки сам царь, то ситуация предстает несколько в ином свете. Это действие должно было способствовать ещё большему выдвигению Никона на первые роли и удалению Алексея Михайловича в тень. Царю требовалась подходящая «ширма», за которой можно было бы на первое время спрятаться, а когда страсти поутихнут и недовольные будут выявлены и уничтожены, можно будет всю вину свалить на подставное лицо и затем (в случае чего) избавиться от него. Это было бы удобнее и в том случае, если бы реформа встретила массовое сопротивление и потерпела неудачу. Во всём виноват Никон, а царь как будто совсем ни при чем... Типично иезуитский прием.

Итак, началась пьеса, в которой у каждого была расписана его роль. 11 марта 1652 года Никон выехал на Соловки за мощами, везя с собою покаянную царскую грамоту. Поездка по Белому морю едва не закончилась для него печально. Поднялась страшная буря. Одна ладья утонула, при этом погибло 69 человек, другую — князя И.Н. Хованского — отнесло к Николо-Корельскому монастырю, а ладью самого Никона забросило в Пудожское устье. Но, наконец добравшись до Соловецкого монастыря, Никон после торжественной службы в день Святой Троицы зачитал царскую грамоту и

положил её на гроб митрополита Филиппа. Соловецкие инокы не хотели расставаться с мощами любимого святителя, но Никон был непреклонен и 10 июня вместе с мощами покинул Соловки. Второй акт этой тщательно режиссированной пьесы будет сыгран, когда Никон вернётся в Москву.

Смерть патриарха

Несомненно, престарелый патриарх Иосиф понимал, что мешает реформаторам и что они с нетерпением ждут, когда же он, наконец, освободит патриаршую кафедру для более стоворчивого кандидата или даже для явного сторонника новшеств. Предчувствуя скорую смерть, во время перенесения мощей патриарха Иова в Успенский собор 5 апреля 1652 года Иосиф указал царю на место рядом с гробом Иова: *«Кому ж в ногах у него лежать?»* — *«Ермогена тут положим»*, — ответил царь. *«Пожалуй, государь, меня тут, грешнаго, погresti»*. Через десять дней патриарха не станет...

Хотя Иосиф и не был принципиальным противником греков и в своих посланиях к датскому королевичу Вальдемару положительно отзывался о вселенских патриархах и их вере, результаты экспедиции Арсения Суханова заставляли всерьёз задуматься о благочестии современных греков и ещё крепче держаться за церковное предание, освящённое авторитетом Стоглавого собора. *«И как бы предвидя, а вероятно и зная, что скоро русские церковные чины и книги должны будут потерпеть значительные изменения, он говорит: “А иже кто гордостию дмяся, и от неразумия безумен, сый сего древняго и нынешняго нашего соборнаго уложения учнет превращати, и на свой разум чины церковныя претворяти, мимо наших древних письменных и печатных книг, и таковый по правилом святых отец от нашего смирения примет отлучение и извержение”»*.

Но реформаторы торопились. Под давлением царя и его духовника патриарх Иосиф вынужден был в 1650 году обращаться для разрешения важных церковных вопросов к константинопольскому патриарху Парфению II как более авторитетному. Реабилитация греков шла полным ходом: незадолго до смерти Иосифа царь приказал во время богослужений на многолетиях поминать вместе с московским патриархом и вселенских греческих патриархов. *«Это распоряжение царя, чтобы на многолетиях поминались вселенские патриархи, было публичным, торжественным признанием полного единения русской церкви с вселенскою греческою, публичным в слух всех признанием тогдашних греческих патриархов такими же православными, как и московский патриарх»*.

Уже собор 1649 года показал, что царь не ставит престарелого патриарха ни во что, позволяя своему духовнику публично его оскорблять.

Спустя два года в Соборном уложении 1651 года о единогласном пении патриарх Иосиф с горечью замечает: *«Третье бо се лето есть биему от свадник, терпя клеветные раны»*. Он не раз говорил своим близким людям: *«Переменить меня, скинуть меня хотят»*. Патриарший дьяк передавал и другие слова Иосифа: *«Если и не отставят, то я сам от срама об отставке стану бить челом; и денег приготовил с чем идти, как отставят»*. Действительно, после смерти патриарха Иосифа осталось большое состояние, на которое он собирался основать монастырь.

Однако уйти патриарху не дали. 15 апреля 1652 года он внезапно умер. *«Бог изволил скорым обычаем взять»*, — поспешил известить своего «собинного» друга царь Алексей Михайлович. В своём письме к Никону царь подробно описывает внезапную болезнь и смерть патриарха: *«В понедельник шестой недели Великого поста заболел лихорадкою да трясла его ходячи по дням, а к Вербному воскресению и полегчело, да пришел утин да грыжа, на злую силу ездил на осляти; а кручиноват добре был, в ходу никто не мог угодить, на всех кручинится... Да на Страстной неделе посылал я в понедельник и во вторник о спасении спрашивать, и он государь сам выходил да сказывал: “есть де легче; прямая де лихорадка и знобит и в жар великой приводит”; да во вторник ездил отпевать Ивана Григорьева сына Плещеева жену, а отпевал де на злую силу, весь де черн в лице...»*

В Великий четверг патриарха не стало. Умирал он в страшных муках. Перед смертью его посещали кошмарные видения. Видимо, показана была будущая судьба Русской Церкви... А когда вечером царь пришёл к гробу патриарха, произошло следующее. *«Над патриархом один священник говорит Псалтырь, и тот говорит во всю голову кричит, а двери все отворил; и я почал ему говорить: для чего ты не по подобию говоришь? Прости де, государь, страх нашел великой, а во утробе де, государь, у него святителя безмерно шумело больно грыжа до тебя государь то-то де меня и страх взял; а у него государя живот взнесло, с поларшина из гроба зная утробы то его, и руки не сойдутся как у прочих мертвецов ведется, а как преставился и вынесли, и у него света отнюдь живота не зная было из гроба только голова одна наруже была...»*

Вряд ли патриарх Иосиф умер своей смертью. Слишком уж он мешал реформаторам. Слишком уж они торопились приступить к реализации своих авантюрных планов. *«Привлекает внимание и то, что сразу после смерти наступает необычно быстрое и даже бурное разложение трупа, хотя на дворе стоит ранняя весна и было, вероятно, достаточно прохладно. Труп разлагается столь бурно, что стоявшему рядом с гробом*

царю стало не по себе: *“Побеги вон, тотчас тебя, вскоча, удавит!.. Да в ту ж пору как есть треснуло у него в устах и я досталь испужался”*».

Патриарх Иосиф был погребён в Успенском соборе, рядом с гробницей первого патриарха Иова, как и просил...

*

Преемник Иосифу был уже давно predetermined царём и его духовником. В том же письме, в котором он сообщал Никону о смерти патриарха Иосифа, Алексей Михайлович пишет: *«Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам, обирать на патриаршество именем Феогноста (в переводе с греческого «известный Богу». — К.К.), а без тебя отнюдь ни за что не примемся... ты, владыко святой, помолись... чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто ему Свету годен, имя вышеписанное, а ожидаем тебя, великаго святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополит, да отец мой духовный... а сказывают свят муж»*. Вместе с тем и ревнители благочестия были сильно озабочены тем, кто же станет новым патриархом, поскольку от этого зависела судьба будущих преобразований в Церкви. Формальными кандидатами на патриарший престол были митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам, митрополит Казанский и Свияжский Корнилий и митрополит Новгородский и Великолуцкий Никон. *«Того обстоятельства, что вопрос о новом патриархе уже давно и окончательно был решён царём и Стефаном Вонифатьевичем, они совсем не знали, а потому считали себя призванными позаботиться о выборе преемника Иосифу»*. Вполне естественно, что боголюбцы пожелали иметь патриархом одного из членов своего кружка. Самой лучшей, по их мнению, была кандидатура Стефана Внифантьева — главы и покровителя кружка ревнителей благочестия.

Вот как описывает подготовку к избранию нового патриарха непосредственный участник события протопоп Аввакум:

«Стефан духовник, моля Бога и постясь седмицу с братьею, — и я с ними тут же, — о патриархе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречу: преосвященному митрополиту Никону новгороцкому и великолоуцкому и всея Руси радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да

“здорово!”. Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась».

В «Повести о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания», входящей в «Книгу бесед», Аввакум так вспоминал эти далёкие события:

«В лета 7160-го году, июня в (10) день, по поущению Божию вскрался на престол патриаршеский бывшей поп Никита Минич, в чернецах Никон, обольстя святую душу протопопа духовника царева Стефана, являясь ему яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место. И я, окаянной, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку. Ано врага выпросили и беду на свою шею».

Нужно сказать, что, подавая свой голос за Никона, Аввакум шёл за другими участниками кружка ревнителей благочестия, прежде всего за пользовавшимся в то время безусловным авторитетом протопопом Стефаном Внифантьевым. Скорее всего, Аввакум даже толком Никона и не знал — ни до того, как тот стал патриархом, ни после, хотя и уверял впоследствии своих соратников, что хорошо знал Никона ещё на своей родине, которая была всего в 15 верстах от родины Никона, и что хорошо «высмотрел» и изучил его, когда жил в Москве. «Я, — говорит Аввакум, — ведь тут (то есть в Москве) тогда был, все ведаю... Я ево высмотрел сукинова сына до мору тово еще, — великий обманщик, блядин сын!»

*

6 июля 1652 года митрополит Новгородский Никон, обогнав посольский поезд с мощами святого Филиппа, прибыл в Москву. Мощи были пока отправлены в Троице-Сергиев монастырь вместе с присланными от царя людьми. Царю не терпелось поскорее увидеть своего любимца и обсудить с ним сценарий предстоящих событий.

9 июля 1652 года у заставы, которая тогда находилась у Напрудного, за Сретенскими воротами, состоялась торжественная встреча мощей святого митрополита Филиппа. Навстречу мощам из Москвы вышел крестный ход во главе со старейшим русским иерархом митрополитом Ростовским и Ярославским Варлаамом и самим царём. За ними следовали многочисленное духовенство и толпы простого народа. Соединившись вместе, обе процессии направились в Успенский собор Кремля, где мощи святого Филиппа были оставлены открытыми для поклонения.

В письме к князю Н.И. Одоевскому царь подробно описывает всю торжественную церемонию перенесения мощей: *«Подарил нам Бог... великаго солнца, целителя, новаго Петра и втораго Павла проповедника; великаго преславнаго солнца Филиппа, митрополита Московскаго и всея Руси, чудотворца возвратил мощи... И таково много народу было, от самага Напруднаго по соборную и апостольскую церковь. Не много было ни яблоку упасть. А больных тех лежавших и вопиющих к нему, свету, безмерно много, и от великаго плача и вопля безмерный стон был. И стоял стон десять дней среди церкви для молящихся; во всю десять дней без престани... с утра до вечера звон. Как есть на Святой неделе, так и те радости были. То меньше, что человека два или три в сутки, а то пять и шесть и семь исцеляются».*

Однако были и другие знамения, которые заставляли задуматься... Во время крестного хода возглавлявший его в полном архиерейском облачении митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам внезапно упал и скончался. Смерть более чем странная, особенно если учесть, что Варлаам был одним из возможных кандидатов в патриархи... Ещё одно знамение — страшное видение, посетившее в ту же ночь благочестивого старца Симеона в Чудовом монастыре.

«Сущу же Никону в тыя дни в Москве, старец некий свят, живый во обители Чюда святаго архангела Михаила, именем Симеон, виде в нощи видение страшно, якоб змий велик зело пестр, и страшен видением, обогнувся около царския грановитыя палаты, яже в Кремле и ужасную свою лютым ядом дышущую главу, и грозно прегигающийся ошиб (хвост. — К. К.) вложив на праг тоя полаты, лежаше. Таковое видение видя, старец той, от ужаса скоро воспряну, и пристрашен быв зело на мног час; потом в себе быв, поведя сие видение соборным братиям; тии же, ужасом одержими, глаголаху: “что сие хочет быти?” Потом же скоро уведаша, яко во всю нощь ону, в нюже старец видение виде, Никон митрополит в оной палате с царем беседоваста, а о чем разглагольство их было, о том молчанием покрыся».

Несмотря на то, что «разглагольство» царя с будущим патриархом «молчанием покрыся», нетрудно догадаться, о чём они в действительности могли говорить наедине. Последующие события достаточно красноречиво говорят о том, что между Алексеем Михайловичем и Никоном произошёл тайный сговор. Будущие события были обсуждены и чётко рассчитаны, словно в шахматной партии.

На 22 июля был назначен собор для выборов нового предстоятеля Русской Церкви, которые были разыграны царём и Никоном, нужно

сказать, мастерски. Сам Никон на собор не явился, словно показывая этим, что вовсе не стремится к власти. После молебна в Успенском соборе перед мощами московских первосвятителей соборянам было предложено избрать достойнейшего из двенадцати кандидатов. Чтобы соблюсти формальность, провели жеребьёвку, однако указанный жребием престарелый и всеми уважаемый архимандрит Антоний (отец одного из будущих видных реформаторов архиепископа Илариона Рязанского) немедленно отказался. Тогда собор единогласно избрал в патриархи Никона. Получив одобрение царя, послали за Никоном на Новгородское митрополичье подворье особую делегацию из светских и духовных лиц. На этом все вроде бы успокоились...

Однако пьесу надо было доиграть до конца. Никон стал категорически отказываться идти в Успенский собор. За ним посылали ещё несколько раз, но всё безрезультатно. Наконец Алексей Михайлович послал за Никоном своих самых знатных бояр и архиереев и приказал им привести Никона, даже если он будет сопротивляться, в Успенский собор. Здесь Никон на мольбы царя и народа снова стал отказываться, называя себя «*смиренным, неразумным, не могущим пасти стадо словесных овец Христовых*». Тогда царь, а вслед за ним бояре и весь собор, перед мощами святого митрополита Филиппа, упали в ноги Никону и, распростёршись ниц, стали слёзно умолять его принять патриарший сан.

Никон наконец согласился, но поставил условие: «*Если вам угодно, чтобы я был патриархом, произнесите обет в этой соборной церкви... что вы будете содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и святых отец и законы благочестивых царей. Если обещаетесь слушать и меня, как вашего главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, если дадите мне устроить Церковь, то я по вашему желанию и прошению не стану более отрекаться от великого архиерейства*». Царь и собор дали Никону такое обещание. Павел Алеппский, описывая избрание Никона на патриаршество, также сообщает об условии, поставленном им, что «*царь отнюдь не будет заниматься делами Церкви и духовенства*», и добавляет, что это соглашение между Никоном и царём было даже скреплено особым «царским указом», то есть какой-то грамотой царя, в которой он письменно подтверждал свой отказ от участия в делах Церкви и духовенства. Дьякон Феодор подтверждает этот факт: «*Царь Никону запись даде своею рукою в начале поставления его, еже во всем его послушати и от бояр оборонить и его волю исполнять*».

23 июля 1652 года Никон был наречён патриархом, а 25 июля

состоялось его торжественное возведение на патриаршество. Рукоположение ^[30] было совершено на соборе архиереев во главе с митрополитом Казанским и Свияжским Корнилием по специально составленному «Чину избрания, наречения, благовествования, посвящения Никона...». Никон был одет в саккос святого митрополита Петра. В своей речи он ясно дал понять, что его интересы ограничиваются не только Русской Церковью, но и всем православным миром. Он обещал молиться, чтобы *«благочестивое царство прославилось от моря и до моря и от рек до конца вселенной»*.

По случаю рукоположения нового патриарха царём был устроен в Грановитой палате богатый стол. *«И из стола святейший Никон патриарх Московский и всея Руси встав, ездил кругом города Кремля на осляти. А осля водили под патриархом бояре и околничие те ж, которые были у стола»*. Русские архиереи, участвовавшие в поставлении Никона, дали ему настольную грамоту за своими подписями и печатями. В грамоте говорилось: *«С великою нуждею умолиша его на превысочайший святительский престол»*. В этот день патриарху были поднесены богатые подарки, а через некоторое время царь пришлёт ему золотую митру-корону — по образцу тех, что носили греческие патриархи, — вместо обычной до того времени патриаршей шапки, опушённой горностаем...

Став патриархом, Никон резко изменил своё поведение по отношению к своим вчерашним соратникам-боголюбцам. *«Егда поставили патриархом, — пишет протопоп Аввакум, — так друзей не стал и в крестовую пускать»* (то есть в залу для приёмов на Патриаршем дворе). Его гордыня и упоение властью поистине не знали границ. *«Он любил пышные богослужения и неустанно совершал их, привлекая для участия к сослужению всех разрядов клириков до 40–75 лиц, — писал историк Церкви А.В. Карташев. — Украшался самыми дорогими облачениями из патриаршей ризницы и создавал новые, небывало роскошные. Например, к Пасхе 1655 года был заказан саккос из венецианской парчи чистого золота, усыпанный жемчугом и драгоценными камнями в таком количестве, что весил полтора пуда; одна епитрахиль, максимально украшенная, весила около пуда. Стоимость облачения по-тогдашнему оценивалась в 30тысяч рублей ^[31]. Такая преувеличенная богослужебная пышность подсказывалась не просто одной суетностью, но была для Никона символом и орудием усиления его власти. Никон хотел реализовать права, какие он вычитывал для себя в букве Кормчей. Например, Павел Алеппский сообщает, что до Никона ни один епископ не ставился без царского указа.*

А Никон стал это делать равно единственно по своей власти — и судить, и запрещать епископов... Никон был строг и тираничен в суде над духовенством. Особые дьяки Никона ходили по церквам Москвы и доносили ему о беспорядках. Патриаршие стрельцы забирали на улицах нетрезвых попов и сажали в каталажки. Всё это и раньше практиковалось. Но при Никоне приняло характер “террора”. Слуги Никона тоже стали заносчивыми. Это взволновало и подняло против Никона большинство Москвы. Начиная с бывших друзей Никона — протопопов Стефана Вонифатьева, Иоанна Неронова, Аввакума — всё духовенство поднялось против патриарха. Гордость и недоступность Никона были безмерными. Говорили: “У него устроено подобие адовых предписаний; страшно к воротам подойти”».

Ко всему прочему, по мере увеличения власти в Никоне развились невероятное самодурство и крайняя жестокость. Архидиакон Павел Алеппский рассказывает об одном характерном эпизоде, произошедшем на пиру у патриарха:

«Когда мы сидели за столом, патриарх Никон послал за начальниками этого народа (по-видимому, самоедов, которых Павел называет лопарями, или собачелицами. — К. К.), именно за тысяцкими, коих около тридцати человек. С ними был переводчик, говорящий на их языке. Когда они вошли, собрание затрепетало при виде их. Они тотчас обнажили головы, то есть отбросили назад свои капюшоны, и поклонились патриарху странным образом, сгибаясь, подобно свиньям, целиком. Патриарх стал спрашивать их об их образе жизни, о том, как они теперь приехали, и об их богопочитании. Они рассказали ему всё... Он спросил их: “Чем вы воюете?” — “Луком и стрелами”, — отвечали они. — “Правда ли, — спросил он, — что вы едите человеческое мясо?” — Они засмеялись и сказали: “Мы едим своих покойников и собак, так почему же нам не есть людей?” — “Как вы едите человека?” — спросил он. Они отвечали: “Захватив человека, мы отрезаем ему только нос, затем режем его на куски и съедаем”. Он сказал им: “У меня здесь есть человек, достойный смерти; я пошлю привести его к вам, чтобы вы его съели”. Они начали усиленно просить его, говоря: “Владыка наш! Сколько ни есть у тебя людей, достойных смерти, не беспокойся наказывать их сам за преступление и убивать, но отдай нам их съесть; этим ты окажешь нам большое благодеяние”».

Протопоп Иоанн Неронов писал Никону: «Какая тебе честь, что ты страшен всякому. Кто ты? Зверь лютый, или медведь, или волк, или рысь? Дал тебе благочестивый государь волю, и ты, зазнавшись, творишь всякие

поругания, а ему государю сказываешь: “Я-де делаю по Евангелию и по отеческим Преданиям”».

Однако это было только начало, вскоре Никон, по словам того же Аввакума, и «яд отрыгнул»...

Глава пятая

**«ВЫПРОСИЛ У БОГА СВЕТЛУЮ
РОССИЮ САТАНА...»**

*Сего ради разсыпается закон, и не изводится до
совершения суд, яко нечестивыи преобидит правдиваго,
сего ради изыдет суд укривлен.*

Книга пророка Аввакума, гл. 1, ст. 4

Начало никоновской реформации

Уже с первых шагов своего патриаршества Никон активно взялся за проведение церковной реформы по унификации Русской Церкви с Греческой. Пророческое видение преподобного старца Елеазара Анзерского начинало сбываться: обольщённый лукавым, Никон принялся за своё чёрное дело, которое изнутри поразило Православную Церковь и ввергло русское общество в пучину раскола.

Любопытно, что печально знаменитой церковной реформе середины XVII века предшествовала ещё одна реформа, связанная с именем Никона, — реформа кабацкая. Так уж повелось на Руси, что практически все «перестройки», или, лучше сказать, «катастрофки», предваряла пресловутая «борьба с алкоголизмом», на деле приводившая почему-то к результатам прямо противоположным... Началось всё с того, что в 1651 году по ходатайству Никона, тогда ещё новгородского митрополита, царь Алексей Михайлович указал на время Великого поста и Светлой недели запретить все новгородские кабаки, которые в то время были на откупе. Откупщик жаловался государю, что Светлая неделя *«во всём году лучшее время»*, что от закрытия кабаков он понёс большие убытки, и просил с нового года (то есть с 1 сентября) освободить его от откупа. Никон, находившийся в это время в Москве, лично упросил царя уничтожить в Новгороде все кабаки и заменить их кружечным сбором. Алексей Михайлович дал на это согласие, и в Новгороде была проведена реформа, которая через год будет распространена на все государство Российское.

В сущности, получилось, как в басне Крылова, когда пироги начал печь сапожник, а сапоги тачать — пирожник... Мало того, что этот безумный эксперимент потерпел полный крах, он, по словам русского историка академика С.Б. Веселовского, обернулся *«неосмотрительным погромом важной отрасли государственного хозяйства»*. Казна потеряла большие убытки от уменьшения дохода, от уничтожения и последующего восстановления винокурен и от неудачных винных подрядов. В убытке были головы и целовальники, а также их избиратели, сильно потерпевшие от повсеместных недоборов, которые большей частью взыскивали с них. Многие люди, пытавшиеся заниматься корчемничеством, лишились ушей и были сосланы в Сибирь. Ко всему добавились неумеренный выпуск медных денег, отчасти вызванный кабацкой реформой, и следовавшие

затем бунты и казни... «Огромное влияние, которым в это время пользовался Никон, в связи с предшествовавшей реформой кабаков в Новгороде, произведённой по его просьбе, даёт полное основание утверждать, что под его же влиянием и по его мысли была затеяна вся реформа 1652 года; её непрактичность, резкость и поспешность вполне соответствуют складу характера Никона. Никон смотрел на кабацкое дело исключительно с моральной точки зрения и совершенно не находил нужным считаться с потребностями казны и с условиями действительности. Пользуясь своим влиянием на царя, он вмешался не в своё дело и задал правительству невыполнимую задачу. Администрация, стараясь разрешить эту задачу и в то же время спасти кабацкий доход, внесла в реформу «поправки» и способствовала с своей стороны её крушению» (Веселовский).

Ну а сама церковная реформа началась не менее авантюрно. Согласно официальной легенде, долгое время преподносившейся синодальными историками в качестве непреложного исторического факта, первым шагом Никона на пути реформы, предпринятым сразу же по вступлении на патриаршество, стало сравнение греческого и русского текстов Символа веры. Автор никоновского жизнеописания излагает следующую историю. Рассматривая грамоту вселенских патриархов об утверждении патриаршества на Руси, Никон нашёл, что в греческом тексте Символа в восьмом члене нет слова «истинного» (по отношению к Святому Духу). Патриарх был глубоко потрясён этим фактом и воскликнул: «Даже священный Символ веры испорчен у нас!» Тогда Никону донесли, что на древнем саккосе патриарха Фотия, жившего в XV веке, тоже есть вышитый греческими буквами текст Символа веры. Осмотрев саккос, Никон и здесь не нашёл слова «истинного» и, заплакав горькими слезами, только и мог восклицать: «Погибла вера! Погибла Церковь! Испорчены Божественные догматы!»

Это неожиданное «открытие», сделанное Никоном, даже если бы и имело место в действительности, конечно же представляло собой самый настоящий спектакль. Несомненно, о различиях между греческими и русскими чинами и богослужебными книгами Никон знал задолго до своего патриаршества. Не один час беседовали они на эту тему и с патриархом Паисием, и с его агентами Гавриилом, митрополитом Навпакта и Арты, и Арсением Греком, с другими заезжими греками и киевлянами. Но надо было с чего-то начинать. Требовался повод, причём такой, который мог бы всколыхнуть общество, привести верующих людей к мучительным раздумьям и сомнениям. Действительно, если вера искажена, то как

возможно спасение?.. «Патриарх Никон возомнил себя именно сделавшим необыкновенно важное открытие. Душа его задышала гордостью и самомнением, воля сразу получила определённое направление во что бы то ни стало ввести в жизнь Церкви сделанное им открытие, получить славу великого очистителя и возобновителя Церкви. Незнание истории отечественной Церкви позволяло ему поставить себя в среде величайших Отцов Церкви, насадителей православия на Русской земле. Благодаря своему невежеству он не знал ни истории перевода Символа веры на русский язык, ни того, что прежде его бывшие церковные мыслители, деятели и святители вложили глубочайшее понимание веры в дело этого перевода и самоё это дело поставили в один из величайших фактов русской церковной мысли и жизни. По своему незнанию Никон, быть может, даже и не подозревал того, что русские ещё задолго до него в совершенстве знали греческий Символ веры и неоднократно трепетали в своей мысли и в своём святом желании перевести этот Символ веры на родной язык с сохранением всех, даже мельчайших, изгибов богословской мысли, вложенной в Символ подлинный, греческий, и, в конце концов, принять определённое чтение со словом “истиннаго”» (Сенатов).

Приступая к богослужебной реформе, Никон потребовал доставить в Москву из монастырей и церквей старые богослужебные книги, якобы с целью сличения их с современными русскими. На самом деле это была ещё одна пиар-кампания. 17 ноября 1652 года вызволенный Никоном из соловецкого заточения Арсений Грек и патриарший келейный старец Зосима ездили в Новгород для осмотра тамошних библиотек и покупки греческих книг. Из книг, присланных по распоряжению Никона в Москву, было составлено прекрасное собрание, оказавшееся в распоряжении Печатного двора: порядка 2700 старых Служебников, Уставов, Псалтырей, Евангелий и других книг. Однако, как отмечает историк С. А. Зеньковский, «этот ценный материал, так же как и книги, позже привезённые Арсением Сухановым, всё же никогда не были использованы при Никоне. Подлинное научное сличение этих текстов потребовало бы многие годы тщательной научной работы и, по всей вероятности, также не дало бы требуемых результатов, так как эти книги, конечно, отражали все перемены, происшедшие в Уставе за столетия истории христианства в России, и не могли дать правщикам никакого окончательного текста, но их, видимо, и не пытались использовать для работы Печатного Двора при Никоне. Вместо старых славянских и греческих книг, изучение которых всё же объяснило бы Никону его недоумения над русскими текстами, патриарх приказывает попросту взять современные греческие книги

венецианского издания конца XVI и начала XVII века».

9 октября 1652 года, то есть ещё до отъезда Арсения Грека за книгами и до возвращения экспедиции Арсения Суханова с Востока, на Московском Печатном дворе начинает печататься новое издание Псалтыря с воследованием, а уже 11 февраля 1653 года оно выходит из печати. Особенностью нового издания было то, что из него были исключены разделы о 16 земных поклонах при произнесении молитвы преподобного Ефрема Сирина во время великопостной службы («*Господи и Владыко животу моему...*») и о двуперстном крестном знамении. Эти разделы выполняли роль своего рода краткого катехизиса, излагающего в чёткой и доступной форме основы христианского вероучения. При подготовке этого издания часть справщиков высказала своё несогласие, и в результате трое — старец Савватий, Сила Григорьев и священноинок Иосиф (в миру Иван Наседка) — были уволены. У последнего ещё в 1651 году возник с Никоном конфликт по поводу правки богослужебных книг. Никон требовал править книги по новогреческим оригиналам, а старец Иосиф говорил о греках, что «*они во греху позакоснели... и в неволи пребывают*», за что и был в 1652 году отправлен в заточение в Кожеозёрский монастырь. На место прежних справщиков были поставлены преданные Никону монахи-грекофилы Евфимий Чудовский и Матфей во главе с выучеником иезуитов Арсением Греком.

В конце февраля, в самом начале Великого поста, патриарх Никон разослал по московским церквам указ — «память», в которой всем православным с этого дня предписывалось: «*Не подобает в церкви метания (то есть поклоны) творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы крестились*». Эта пресловутая «память», изданная патриархом единолично, без предварительного соборного обсуждения, была словно гром среди ясного неба. Но особенно тяжёлое впечатление произвела она на ревнителей церковного благочестия — боголюбцев. Аввакум по прошествии многих лет прекрасно помнил это событие: «*Мы же с епископом Коломенским Павлом и с духовником Стефаном, и со Иваном Нероновым, и с костромским Даниилом протопопом, и с муромским протопопом Логином, сошедшеся, задумалися: видим, яко зима хочет быти, сердце озябло и ноги задрожали*».

Но боголюбцы «*не умолчали Никонову беснованию*». Протопоп Иоанн Неронов, поручив Казанский собор Аввакуму, на неделю затворился в келье московского Чудова монастыря, непрестанно молясь. И был ему глас от иконы Спасителя: «*Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!*» Тогда протопопы Аввакум и Даниил Костромской, собрав

выписки из богослужебных книг о сложении перстов и о поклонах, подали их царю, который отдал челобитную протопопов непосредственно Никону...

*

Итак, началась знаменитая книжная «справа», которая в течение нескольких лет переросла в тотальную реформацию Русской Церкви. В чём же заключалась суть никоновской реформации (а на самом деле — алексеевской, поскольку главным инициатором был царь Алексей Михайлович и его ближайшее окружение)? Формальным поводом послужило исправление якобы неисправных богослужебных книг. Реформаторы утверждали, что со времени принятия христианства при князе Владимире в богослужебные книги по вине переписчиков вкралось такое множество ошибок, что необходима серьёзная правка. Эта мысль явилась из сличения оригиналов и переводов. Но что в данном случае принималось за оригинал? Новые богослужебные греческие книги, напечатанные в иезуитских типографиях Венеции и Парижа! Находившиеся тогда под игом турок-османов греки не имели собственных типографий. Помимо того, что за семь веков, прошедших со времени Крещения Руси, греки, заразившись латинским духом, сами существенно изменили чинопоследования многих служб, к этим изменениям добавлялись ещё сознательные еретические искажения, вносимые хозяевами типографий — иезуитами. Об этом прямо писал в своей челобитной, поданной царю в 1645 году, палеопатрасский митрополит Феофан:

«Буди ведомо, державный царю, что велие есть ныне бессилие во всем роде православных христиан и борения от еретиков, потому что имеют папези и лютори (то есть католики и лютеране. — К.К.) греческую печать и печатают повседневно богословные книги святых отец и в тех книгах вмещают лютое зелие — поганую свою ересь. И клепят святых и богоносных отец, что будто пишут по их обычаю, и тое есть нестаточно, потому что ныне есть древние книги и библеи харатейные рукописьмены и богословные святых отец в монастырех во Святой Горе Афонской и в иных древних монастырях и по тем библиям и книгам объявляетца их лукавство. Посем ныне они которые книги печатали и составили, по своему обычаю и вымыслу, теми же книгами они борются во странах, а где древних библей нет, и опасуютца оружием нашим и

являются они мужественны и стреляют на нас нашими стрелами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не поволят нам печатать книги в Царе-граде, мешают от зависти своей и осиливают они свою мздою... Сердцевидец есть Господь свидетель, что велие веселие и радость восприяла душа моя, что Бог сподобил меня и видел такова православного царя и благочестие велие, и вспомянул смуты, что имеют христиане от еретиков и смущаются многие в умах, прочитаючи тех составленных книг и надеются, что такое есть составление святых отец и падают в прелесть их и погибают. Аз прослезился и помыслил, абие понуждая от глубины сердца своего известити обо всем к великому вашему царствию, а преблагий Бог избрал тя царем на земли и есть ваше царское имя славно во всей земли».

Несмотря на благословение патриарха и собора ориентироваться на древние «харатейные» рукописи, основой для никоновских справщиков послужили греческие венецианские и славянские южнорусские издания начала XVII века. Тексты первой «исправленной» книги — Служебника 1655 года очень точно следуют текстам греческого венецианского Евхология 1602 года и почти буквально совпадают с текстами Служебника епископа Гедеона Балабана, изданного в Киеве в 1602 году. К сожалению, до сих пор весьма распространённым является мнение о том, что реформа XVII века проводилась с целью исправления ошибок и описок, якобы вкравшихся в богослужебные тексты с течением времени по вине «невежественных» переписчиков. Однако мнение это весьма далеко от истины. На сегодняшний день проведены детальные текстологические исследования старых (дореформенных) и новых (пореформенных) богослужебных книг. И сравнение оказывается далеко не в пользу последних. Как пишет историк Б. Кутузов, «объективное сравнение текстов богослужебных книг предреформенных, иосифовской печати, и послереформенных не оставляет сомнений в ложности утверждения о недоброкачественности предреформенных богослужебных книг — описок в этих книгах, пожалуй, меньше, чем опечаток в современных нам книгах. Более того, сравнение текстов позволяет сделать как раз противоположные выводы: послереформенные тексты значительно уступают по доброкачественности предреформенным, поскольку в результате так называемой правки в текстах появилось огромное количество погрешностей разного рода и даже ошибок (грамматических, лексических, исторических, догматических и пр.)». Тем самым никоновская «справа», осуществлявшаяся по новогреческим образцам, стала не исправлением богослужебных книг, а их искажением, порчей.

Когда сравниваешь старые и новые тексты, то невольно соглашаешься с протопопом Аввакумом. Он в таких словах передавал наказ патриарха Никона по «исправлению» книг «справщику» Арсению Греку: *«Печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!»* И там, где в богослужебных книгах ранее было написано «отроки» — стало «дети», где было написано «дети» — стало «отроки»; где была «церковь» — стал «храм», где «храм» — там «церковь»... Появились и такие откровенные нелепости, как «сияние шума», «уразуметь очесы (то есть очами)», «видеть перстом», «крестообразные Моисеевы руки», не говоря уже о вставленной в чин крещения молитве «духу лукавому». Если в старом варианте молитвы было все ясно: *«Молимся Тебе, Господи, ниже да снисдет с крещающимся дух лукавый»*, то по поводу нового текста даже в XX веке у священников возникали сомнения: кому же они все-таки молятся в этой молитве — *«... ниже да снисдет с крещающимся, молимся тебе, дух лукавый»*... Там же: слова *«Запрещает ти, диаволе, Господь наш Иисус Христос пришедши в мир и вселившись в человецех»* (старый текст) были заменены на *«Запрещает тебе Господь, диаволе, пришедши в мир и вселившись в человецех»*. В чине Богоявленского освящения воды в ектении были такие слова: *«О еже быти воде сей приводящей в жизнь вечную»*; стало — *«О еже быти воде сей скачущей в жизнь вечную»*. Удивительный перевод! Но удивление исчезает, когда начинаешь сличать переводы с подлинниками. Оказывается, все венецианские и парижские издания греческих богослужебных книг, по которым и проводилась никоновская «справа», в текстуальном отношении весьма сильно разнятся между собой. При этом разница между изданиями может состоять не только в нескольких строках, но иногда в странице, двух и больше... *«Трагедия расколтворческой реформы в том и состояла, что была предпринята попытка “править прямое по кривому”, провозгласив содержавшие погрешности формы религиозного культа позднейшего времени древнейшими, единственно верными и единственно возможными, а всякое отклонение от них — злом и ересью, подлежащей насильственному уничтожению»* (Шахов).

Священник Никита Добрынин, написавший объёмистую челобитную с перечислением разнообразных новшеств, отмечал масштабность церковной «справы»: *«Нет ни единаго псалма, ни молитвы, ни тропаря... ниже в канонах всякаго стиха, чтобы в них наречие изменено не было»*. Со временем стало ясно, что Никон и царь хотят не просто исправления каких-то погрешностей переписчиков, а изменения всех старых русских церковных чинов и обрядов в соответствии с новыми греческими, причём зачастую грекофильство царя и патриарха оказывалось достаточно

поверхностным. Уже в марте 1653 года царь Алексей Михайлович издал указ о том, чтобы иконы в иконостасе Успенского собора были переписаны. Впервые в России в деисусном чине вместо традиционных святителей и мучеников появились изображения двенадцати апостолов, обычные для иконостасов Греции и Балканских стран. В мае того же года для Никона была изготовлена митра с двумя надписями на греческом языке. *«В результате его “реформ”, а его нововведения и ограничились перекройкой и унификацией обряда, так как всё остальное, а именно единогласие и проповеди, введение которых часто приписывается ему, были введены боголюбцами, русский обряд был совершенно переделан на новогреческий лад, — писал С.А. Зеньковский. — Ещё более по-гречески, казалось, выглядел сам патриарх, о чём он особенно старался. В Русской Церкви была введена греческая одежда, а русский монашеский клобук, в том числе и знаменитый белый клобук русского патриарха, были заменены греческими. Грекомания патриарха зашла так далеко и была так наивна, что он даже завёл в патриаршей кухне греческую еду. Теперь он мог думать, что выглядит и действует так же, как и патриархи восточные, и что в случае освобождения православного Востока Россией он сможет возглавить весь православный мир без того, чтобы греки косились на его, как ему казалось, смешные русские провинциальные замашки и обряды. Комплекс неполноценности и провинциальности, желание стать “как все патриархи”, выглядеть и служить как служили блестящие и столь соблазнительные византийцы, несомненно, играли очень значительную роль в развитии обрядовой политики патриарха из простых крестьян, пробывшего почти всю свою жизнь в глубокой провинции. Весь его “эллинизм” вытекал не из преклонения перед греческой культурой или греческим богословием, а из мелкого тщеславия и легковесных надежд на вселенскую роль».* Действительно, увлечение всем греческим у Никона доходило до абсурда. В результате он даже стал с гордостью говорить: *«Я русский, но моя вера греческая».*

Что касается изменений, внесённых в Русскую Церковь в результате никоновской реформации, то их было немало. Вот лишь некоторые, наиболее важные с точки зрения православной догматики и церковных канонов:

1. Двоперстие, древняя, унаследованная от апостольских времён форма перстосложения при крестном знамении, было названо «арменскою ересью» и заменено на троеперстие. В качестве священнического перстосложения для благословения была введена так называемая малакса, или именованное перстосложение. В толковании двоеперстного крестного

знамения два протянутых перста означают две природы Христа (Божественную и человеческую), а три (пятый, четвертый и первый), сложенных у ладони, — Троицу. Введя троеперстие (означающее только Троицу), Никон не только пренебрегал догматом о Богочеловечестве Христа, но и вводил «богострастную» ересь (то есть, по сути, утверждал, что на кресте страдала не только человеческая природа Христа, а вся Святая Троица). Это новшество, введённое в Русской Церкви Никоном, было очень серьёзным догматическим искажением, поскольку крестное знамение во все времена являлось для православных христиан видимым Символом веры. Истинность и древность двоеперстного сложения подтверждаются многими свидетельствами. К ним относятся и древние изображения, дошедшие до нашего времени (например, фреска III века из усыпальницы Святой Прискиллы в Риме, мозаика IV века с изображением Чудесного лова из церкви Святого Аполлинария в Риме, писаное изображение Благовещения из церкви Святой Марии в Риме, датируемое V веком); и многочисленные русские и греческие иконы Спасителя, Божией Матери и святых угодников, чудесно явленные и древлеписанные (все они подробно перечисляются в «Поморских ответах»); и древний чин принятия от ереси ияковитов, который, по свидетельству Константинопольского собора 1029 года, Греческая Церковь содержала ещё в XI веке: *«Иже не крестит двема перстома, яко Христос, да будет проклят»*; и древние книги — Иосифа, архимандрита Спасского Нового монастыря, келейный Псалтырь Кирилла Новоезерского, в греческом оригинале книги Никона Черногорца и прочие: *«Аще кто не знаменуется двема персты, якоже Христос, да будет проклят»*; и обычай Русской Церкви, принятый при Крещении Руси от греков и не прерывавшийся вплоть до времён патриарха Никона. Этот обычай был соборно подтверждён в Русской Церкви на Стоглавом соборе в 1551 году: *«Аще кто двема персты не благословляет, якоже Христос, или не воображает двема персты крестнаго знамения; да будет проклят, якоже Святии Отцы рекоша»*. Кроме сказанного выше, свидетельством того, что двуперстное крестное знамение является преданием древней Вселенской Церкви (а не только Русской поместной), служит и текст греческой Кормчей, где написано следующее: *«Древние христиане иначе слагали персты для изображения на себе креста, чем нынешние, то есть изображали его двумя перстами — средним и указательным, как говорит Пётр Дамаскин. Вся рука, говорит Пётр, означает единую ипостась Христа, а два перста — два естества Его»*. Что касается троеперстия, то ни в каких древних памятниках до сих пор не найдено ни одного свидетельства о нём.

2. Были отменены принятые в дораскольной Церкви земные поклоны, являющиеся несомненным церковным преданием, установленным Самим Христом, о чем есть свидетельство в Евангелии (Христос молился в Гефсиманском саду, *«пад на лице Свое»*, то есть делал земные поклоны) и в святоотеческих творениях. Отмена земных поклонов была воспринята как возрождение древней ереси непоклонников, поскольку земные поклоны вообще и, в частности, совершаемые в Великий пост, являются видимым знаком почитания Бога и Его святых, а также видимым знаком глубокого покаяния. В предисловии к Псалтырю 1646 года издания говорилось: *«Проклято бо есть сие, и с еретики отвержено таковое злочестие, еже не творити поклонов до земли, в молитвах наших к Богу, в церкви во уреченныя дни. Тако же о сем, и не не указахом от устава святых отец, зане во мнозех вкоренися таковое нечестие и ересь, еже коленное непрекланяние, во Святыи Великии пост, и не может убо слышати всяк благочестивый, иже соборныя церкви апостольския сын. Таковаго нечестия и ереси, ни же буди в нас таковое зло в православных, яко же глаголют святии отцы»*.

3. Трисоставный восьмиконечный крест, который издревле на Руси был главным символом православия, заменён двусоставным четырёхконечным, ассоциировавшимся в сознании православных людей с католическим учением и называвшимся «латинским (или ляцким) крестом». После начала реформы восьмиконечный крест изгонялся из церкви. О ненависти к нему реформаторов говорит тот факт, что один из видных деятелей новой церкви — митрополит Димитрий Ростовский — называл его в своих сочинениях «брынским», или «раскольническим». Только с конца XIX века восьмиконечный крест начал постепенно возвращаться в новообрядческие церкви.

4. Молитвенный возглас — ангельская песнь «аллилуйя» — стал четвериться у никониан, поскольку они поют трижды «аллилуйя» и четвертое, равнозначное, *«Слава Тебе, Боже»*. Тем самым нарушается священная троичность. При этом древняя «сугубая (то есть двойная) аллилуйя» была объявлена реформаторами *«богомерзкою македониевой ересью»*.

5. В исповедании православной веры — Символе веры, молитве, перечисляющей основные догматы христианства, из слов *«в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго»* изъято слово «истиннаго» и тем поставлена под сомнение истинность Третьего Лица Святой Троицы. Перевод слова «то Кúριον», стоящего в греческом оригинале Символа веры, может быть двояким: и «Господа», и «истиннаго». Старый перевод

Символа включал в себя оба варианта, подчеркивая равночестность Святого Духа с другими лицами Святой Троицы. И это нисколько не противоречит православному учению. Неоправданное же изъятие слова «истиннаго» разрушало симметрию, жертвуя смыслом ради буквального калькирования греческого текста. И это у многих вызвало справедливое возмущение. Из сочетания «*рожденна, а не сотворенна*» выброшен союз «а» — тот самый «аз», за который многие готовы были идти на костёр. Исключение «а» могло мыслиться как выражение сомнения в нетварной природе Христа. Вместо прежнего утверждения «*Его же царствию несть* (то есть нет) *конца*» введено «не будет конца», то есть бесконечность Царствия Божия оказывается отнесённой к будущему и тем самым ограниченной во времени. Изменения в Символе веры, освящённом многовековой историей, воспринимались особенно болезненно. И так было не только в России с её пресловутым «обрядоверием», «буквализмом» и «богословским невежеством». Здесь можно вспомнить классический пример из византийского богословия — историю с одной только изменённой «йотой», внесённой арианами в термин «единосущный» (греческое «омоусиос») и превратившей его в «подобосущный» (греческое «омиусиос»). Это искажало учение святого Афанасия Александрийского, закреплённое авторитетом Первого Никейского собора, о соотношении сущности Отца и Сына. Именно поэтому Вселенские соборы запретили под страхом анафемы любые, даже самые незначительные перемены в Символе веры.

6. В никоновских книгах было изменено само написание имени Христа: вместо прежнего Иисус, встречающегося и у других славянских народов, было введено Иисус, причём единственно правильной была объявлена исключительно вторая форма, что возводилось новообрядческими богословами в догмат. Так, по кощунственному толкованию митрополита Димитрия Ростовского, дореформенное написание имени «Иисус» в переводе якобы означает «равноухий», «чудовищное и ничего не значащее».

7. Была изменена форма Иисусовой молитвы, имеющей по православному учению особую мистическую силу. Вместо слов «*Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй мя грешнаго*» реформаторы постановили читать «*Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй мя грешнаго*». Иисусова молитва в её дониконовском варианте считалась молитвой вселенской (универсальной) и вечной как основанная на евангельских текстах, как первое апостольское исповедание, на котором Иисус Христос создал Свою Церковь. Она постепенно вошла во всеобщее

употребление и даже в Устав церковный. Указания на неё есть у святого Ефрема, святого Исаака Сирина, святого Исихия, святых Варсонофия и Иоанна, святого Иоанна Лествичника. Святой Иоанн Златоуст говорит о ней так: *«Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте молитвы сей»*. Однако реформаторы выбросили эту молитву из всех богослужебных книг и под угрозой анафем воспретили её произносить *«в церковном пении и в общих собраниях»*. Её стали называть потом *«раскольнической»*.

8. Во время крестных ходов, таинств крещения и венчания новообрядцы стали ходить против солнца, в то время как, согласно церковному преданию, это полагалось делать по солнцу (посолонь) — вслед за Солнцем-Христом. Здесь нужно отметить, что подобный ритуал хождения против солнца практиковался в ряде вредоносных магических культов.

9. При крещении младенцев новообрядцы стали допускать и даже оправдывать обливание и окропление водой, вопреки апостольским постановлениям о необходимости крещения в три погружения (50-е правило святых апостол). В связи с этим был изменён чиноприём католиков и протестантов. Если по древним церковным канонам, подтверждённым Собором 1620 года, бывшем при патриархе Филарете, католиков и протестантов требовалось крестить с полным троекратным погружением, то теперь они принимались в господствующую церковь только через миропомазание.

10. Литургию новообрядцы стали служить на пяти просфорах, утверждая, что иначе *«не может быти суще тело и кровь Христовы»* (по старым Служебникам полагалось служить на семи просфорах).

11. В церквях Никон приказал ломать «амбоны» и строить «рундуки», то есть была изменена форма амвона (предалтарного возвышения), каждая часть которого имела определённый символический смысл. В дониконовской традиции четыре амвонных столба означали четыре Евангелия, если был один столб — он означал камень, отваленный ангелом от пещеры с телом Христа. Никоновские пять столбов означают папу и пять патриархов, что содержит в себе латинскую ересь.

12. Белый клобук русских иерархов — символ чистоты и святости русского духовенства, выделявший их среди вселенских патриархов, — был заменён Никоном на *«рогатую колпашную камилавку»* греков. В глазах русских благочестивых людей *«клобуцы рогатые»* были скомпрометированы тем, что не раз обличались в ряде полемических сочинений против латинян (например, в рассказе о Петре Гугнивом,

входившем в состав Палеи, Кирилловой книги и макарьевских Четвх миней). Вообще при Никоне произошла перемена всей одежды русского духовенства по новогреческому образцу (в свою очередь, подвергшемуся сильному влиянию со стороны турецкой моды — широкие рукава ряса наподобие восточных халатов и камилавки наподобие турецких фесок). По свидетельству Павла Алеппского, вслед за Никоном пожелали переменить свои одеяния многие архиереи и монахи. *«Многие из них приходили к нашему учителю (патриарху Антиохийскому Макарию. — К. К.) и просили его подарить им камилавку и клобук... Кому удалось приобрести их и на кого возложил их патриарх Никон или наш, у тех лица открылись и сияли. По этому случаю они наперерыв друг перед другом стали заказывать для себя камилавки из чёрного сукна по той самой форме, которая была у нас и у греческих монахов, а клобуки делали из чёрного шёлка. Они плевали перед нами на свои старые клобуки, сбрасывая их с головы, и говорили: “Если бы это греческое одеяние не было божественного происхождения, не надел бы его первым наш патриарх”»* (Павел Алеппский). По поводу этого безумного оплевания своей родной старины и низкопоклонства перед иностранными обычаями и порядками протопоп Аввакум писал: *«Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев!»* и призывал царя Алексея Михайловича: *«Воздохнитко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по русскому языку: “Господи, помилуй мя грешнаго!” А кирелеисон-от отставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас Бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кирилом святым и братом его. Чево же нам хочется лучше тово? Разве языка ангельска? Да нет, ныне не дадут, до общаго воскресения»*.

13. Была изменена древняя форма архиерейских посохов. По этому поводу протопоп Аввакум с негодованием писал: *«Да он де же, зломудренный Никон, завел в нашей Росии со единомысленники своими самое худое и небогоугодное дело — вместо жезла святителя Петра чудотворца доспел вновь святительския жезлы с проклятыми змиями погубльшими прадеда нашего Адама и весь мир, ю же сам Господь проклял от всех скотов и от всех зверей земных. И ныне они тую проклятую змию освящают и почитают паче всех скотов и зверей и вносят ея во святилище Божие, во олтарь и в царския двери, яко некое освящение и всю церковную службу с теми жезлами и с проклятыми змиями соделанными действуют и везде, яко некое драгоценное сокровище, пред лицом своим на*

оказание всему миру тех змей носители повелевают, ими же образуют потребление православных веры».

14. Вместо древнего пения было введено новое — сначала польско-малороссийское, а затем итальянское. Новые иконы стали писать не по древним образцам, а по западным, отчего они стали более похожими на светские картины, чем на иконы. Всё это способствовало культивированию в верующих нездоровой чувственности и экзальтации, ранее несвойственной православия. Постепенно древнее иконописание было сплошь вытеснено салонной религиозной живописью, раболепно и неискусно подражавшей западным образцам и носившей громкое наименование «икон итальянского стиля» или «в итальянском вкусе», о которой Андрей Денисов так отзывался в «Поморских ответах»: *«Нынешние же живописцы, то е (то есть апостольское. — К. К.) священное предание изменившие, пишут иконы не от древних подобий святых чудотворных икон греческих и российских, но от своерасудительного смысления: вид плоти одевлевают (утолщают), и в прочих начертаниях не подобно древним святым иконам имеюще, но подобно латинским и прочим, иже в Библиях напечатаны и на полотнах малиованы. Сия живописательная новоиздания раждает нам сомнения...»* Ещё более резко характеризует подобного рода религиозную живопись протопоп Аввакум: *«А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же Бог наш тонкостны чувства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в Маргарите слово Златоустаго на Рождество Богородицы, в нем писано подобие Христово и Богородично: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил, будто живыя писать, устрояет все по-фряжскому, сиречь по-немецкому. Якоже фрязи пишут образ Благовещения Пресвятыя Богородицы, чревату, брюхо на колени висит, — во мгновения ока Христос совершен во чреве обретесе! А у нас в Москве в Жезле книге написано слово в слово против сего: в зачатии-де Христос обретесе совершен человек, яко да родится. А в другом месте: яко человек тридесати лет. Вот смотрите-су, добрыя люди: коли с зубами и с бороною человек родится! На всех на вас шлюся от мала и до велика: бывало ли то от века? Пуце оне фрягов тех напечатали, враги Божию».*

15. Были допущены браки с иноверцами и лицами, состоящими в запрещённых Церковью степенях родства.

16. В новообрядческой церкви был отменён древний обычай избрания духовных лиц приходом. Его заменили постановлением по назначению

сверху.

17. Впоследствии новообрядцы уничтожили древнее каноническое церковное устройство и признали светскую власть главой церкви — по образцу протестантских церквей.

Были и другие новшества, которые со временем всё более умножались. Так, если в «Поморских ответах» (начало XVIII века) перечисляется 58 пунктов, по которым реформированная новообрядческая церковь отличалась от древлеправославной, то к концу XVIII столетия в старообрядческом трактате «Щит веры» перечисляется уже 131 вид изменений! Новшества росли словно снежный ком. При этом многие древние чинопоследования церковных таинств были существенно сокращены и изменены (например, чин крещения, покаяния, венчания, хиротоний), а некоторые древние чины и вовсе упразднены (чин омовения трапезы, омовения святых мощей, причащения богоявленской водой, одевания главы невесты убрусом, пострижения инокини, братотворения, чин «хотящему затвориться», чины пещного действия, начала индикта). Одновременно вводились новые, неизвестные православию чинопоследования, заимствованные из Требника митрополита Киевского Петра Могилы, образцом для которого, в свою очередь, служили католические требники («Rituale Romanum»). Так, в Требнике Петра Могилы содержалось 37 различных чинов, никогда до этого не встречавшихся в православных богослужебных книгах (например, чин благословения мрежи, корабля, стада и т. д.).

Все эти незаконные изменения и новшества патриарха Никона и его последователей подпадали под определение VII Вселенского собора, гласящего: *«Мы неприкосновенно сохраняем все церковные предания, утверждённые письменно или неписьменно.... Итак, мы определяем, чтобы осмеливающиеся думать или учить иначе, или по примеру непотребных еретиков презирать церковные предания и выдумывать какие-либо нововведения, или же отвергать что-либо из того, что посвящено Церкви, будет ли то Евангелие, или изображение креста, или иконная живопись, или святые останки мученика, а равно и дерзающие с хитростью и коварно выдумывать что-либо для того, чтобы ниспровергнуть хоть какое-либо из находящихся в католической Церкви законных преданий, и наконец дерзающие давать обыденное употребление священным сосудам и досточтимым обителям, — определяем, чтобы таковые, если это будут епископы или клирики, были низлагаемы, если же будут иноки или миряне, были бы отлучаемы».*

Ещё одним характерным явлением никоновской реформации стала

беспрецедентная в Православной Церкви деканонизация прежде прославленных святых. Она явилась немаловажным звеном в деле реабилитации греков и дискредитации русского дореформенного православия. *«Глупы наши святые были и грамоте не умели»* — так объясняли свои решения реформаторы. Так, в первые годы после церковного раскола была деканонизирована святая благоверная княгиня Анна Кашинская. Следственная комиссия установила, что персты на нетленных мощах святой были сложены двоеперстно, что и послужило причиной исключения благоверной княгини из лика святых. Были деканонизированы преподобный Евфросин Псковский (в его Житии содержалось предание о «сугубой», двойной аллилуйе), преподобный Евфимий Архангелогородский, святой покровитель города Архангельска (деканонизирован в 1683 году за двуперстное сложение, с которым он изображался на иконах, и за «большую бороду» — один из внешних признаков старообрядцев), преподобный Максим Грек, преподобный Георгий, Шенкурский чудотворец, блаженный Симон Юрьевецкий. Были прекращены службы святому Нифонту, архиепископу Новгородскому, вилениским святым мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию. В новом богослужебном уставе был понижен статус службы многим русским святым: всенощное бдение праздника преподобного Сергия Радонежского было заменено обычной вечерней службой, точно так же лишились всенощной преподобный Феодосий Печерский и Димитрий Прилуцкий, был понижен статус даже первых русских святых — благоверных князей Бориса и Глеба. Список можно продолжать до бесконечности. Так официальная церковь, по словам историка Б. Кутузова, *«потеряла инициативу в историко-национальном воспитании народа. Отечественную историю русский человек преимущественно уже будет познавать не с церковного клироса, а с оперной сцены, через картины мирских живописцев и книги светских писателей. Нетрудно понять, насколько всё это ускорило секуляризацию русского общества»*.

И действительно, наиболее важным отрицательным последствием никоновской реформации явилось изменение в самом духе Церкви. После Никона новообрядческая церковь утрачивает дух соборности, подпадает под власть государства и вынуждена прогибаться при каждой новой смене правительства, изменяя при этом и приспособлявая к новым веяниям своё учение — вплоть до наших дней. Наподобие католической церкви, новообрядческая церковь разделяется на «церковь учащую» и «церковь учимую». Согласно позднему богословию новообрядческой церкви, истинная церковь — это иерархия, епископы и священники, а народ —

ничто в церкви, и его дело — беспрекословно подчиняться решениям иерархии, даже если они противоречат духу Христовой веры. Ни о какой выборности священства и епископата, как было в древней Церкви, и речи быть не может. Всё это способствовало появлению в русском народе лжепослушания и лжесмирения. Далее появились и ещё более отвратительные явления в жизни церкви: совершение таинств за деньги, нарушение тайны исповеди (что прямо предписывалось «главой церкви» — императором Петром I), совершение таинств над людьми неверующими, приходящими креститься и венчаться «по традиции» или «на всякий случай», коммерциализация и секуляризация церкви.

Тем самым никоновская реформация положила начало тому широкомасштабному процессу, который правильнее всего было бы назвать «раскрещиванием Руси». Как справедливо отмечал французский исследователь жизни и творчества протопопа Аввакума Пьер Паскаль, *«после Никона в России больше не было церкви, там была религия государства. Отсюда оставался лишь один шаг до государственной религии. Государственная религия была введена властью, которая в 1917 году ушла вслед за империей»*.

*

Но, к счастью, была и другая часть Русской Церкви, которая ценой многих сотен тысяч жизней, ценой невероятных испытаний и лишений позволила на три с половиной столетия продлить Святую Русь в её мировоззрении и образе жизни. Эти люди получили у своих гонителей и мучителей презрительную кличку «раскольников», а у историков наименование «старообрядцев». «Старообрядчество» — название неточное, поскольку сводит все различия между сторонниками и противниками никоновских реформ исключительно к обрядовым, «внешним», как бы второстепенным. Но, во-первых, само слово «обряд» в данном значении — позднее, оно введено уже в Петровскую эпоху, прочно вошло в обиход господствующей церкви из протестантского богословия, а ранее на Руси не употреблялось. Это слово — не церковное. Древность знает понятия «таинство», «чин» или «последование», но не знает слова «обряд». Во-вторых, для православного мирозерцания вообще нехарактерно разделение на «внешнее» и «внутреннее» и их противопоставление. Главный христианский догмат о Боговоплощении как раз и говорит о непостижимом («нераздельном и неслиянном») соединении

во Христе двух природ — Божественной и человеческой. А потому в корне неверно выделять в таинствах внешнее, якобы не важное, несущественное, и внутреннее — существенное. Изменение формы всегда ведёт к изменению содержания. Эта истина давно доказана философами. Следовательно, более правильным было бы самоназвание, которое усвоили себе последователи древнего благочестия: «староверы», то есть хранители «старой веры», существовавшей на Руси со времён князя Владимира до никоновской реформации.

Староверы не приняли никоно-алексеевскую реформу совсем не из-за того, что ведущим настроением дониконовской Руси было пресловутое «обрядоверие», как до сих пор пытаются внушить неосведомлённому читателю новообрядческие историки и богословы. Суть проблемы хорошо передаёт профессор К.Ярош, написавший небольшой очерк о протопопе Аввакуме: *«Если человеческая совесть привыкает пассивно принимать циркуляр одного патриарха, а затем противоположное повеление другого патриарха, если совесть одинаково выслушивает постановление Стоглавого собора и решение собора 1667 года, которое говорит о первом: “той собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, яко же и не бысть”, — то в этой совести напрасно было бы искать прочного устоя. При таком положении вещей церковь оставляет своё великое значение руководительницы народного благочестия и становится чем-то вроде государственного департамента внешнего народного благонравия. Надо думать, что именно это утеснение совести вызвало душевное смущение, которое почувствовал Аввакум при первых мерах Никона и которое он выразил словами: “видим, яко зима хочет быти; сердце озябло и ноги задрожали”. То же ощущение насилия проступало в челобитной протопопа к Алексею Михайловичу: “Ничто тако раскол творит, яко любоначалие во властех”. Чужое резкое прикосновение к интимному миру религиозной души вызвало в Аввакуме недовольство, которое проходит сплошной полосой в его автобиографии, прорываясь скорбными сетованиями или злобной иронией, а иногда и грубыми гневными криками. Нет сомнения в том, что, совершая подвиги “ревности не по разуму”, отстаивая “аллилуию” или борясь за двуперстие, Аввакум — сознательно или бессознательно — защищал свою духовную личность, боролся за свободу своей совести. Но этот мотив не был единственным в деятельности протопопа. Едва ли будет ошибочно предположить, что, отстаивая свою личность, Аввакум сражался и за национальную личность, намеревался защитить оригинальность русского духовного и общественного склада жизни».*

Основная сложность при анализе староверия состоит в том, что любая попытка дать определение тому духовному движению, которое противостояло реформаторам, будет неизбежно нести на себе следы той или иной идеологической позиции. Так, например, вплоть до начала XX века во всей литературе, издаваемой синодальной церковью, церковные и светские учёные для обозначения староверия использовали термин «раскол», а староверов иначе как «раскольниками» и не называли. О них говорили как об «отделившихся», «отколовшихся» от Русской Православной Церкви — подразумевая под словом «церковь» исключительно ту часть русского общества, которая приняла насильно навязанные властью реформы. Подобные же определения, как правило, повторяются и во всех современных религиоведческих исследованиях и справочных изданиях.

Однако данные определения противоречат важнейшим положениям старообрядческой религиозной доктрины, согласно которой старообрядчество никогда не отделялось от Православной Церкви и, как её часть, возникло в I веке нашей эры вместе с основанием христианства. Противоречат они и простой логике. Не принявшие никоновских «затеек» староверы следовали соборно утверждённым правилам Православной Церкви. Патриарх Никон, начавший церковную реформу в России, совершил свой, по сути, противоцерковный поступок намеренно, сознательно и публично. Согласно 15 правилу Двукратного собора, это давало право и даже накладывало обязанность на всех православных христиан разорвать каноническое общение с патриархом Никоном как с разрушителем церковного предания и противником VII Вселенского собора: *«Отделяющиеся от общения с предстоятелем, ради некия ереси, осуждённые святыми Соборами или отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно, и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборнаго разсмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами епитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство Церкви, но потщились охранити Церковь от расколов и разделений»* (Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями).

Известный старообрядческий деятель В.Г. Сенатов справедливо писал: *«Не при Никоне патриархе оно (старообрядчество. — К.К.) возникло и окрепло, а раньше его, так что изначальный момент старообрядчества должен быть отодвинут в глубь веков, он простирается в страшную историческую даль, доходит до самых цветущих времён восточной церкви*

и апостольского века. Раньше же Никона старообрядчество развивалось в удивительно пышный цвет, оно торжествовало на Стоглавом соборе, его исконным представителем является митрополит Макарий, его исповедовали и князья, и цари московские, и целые сонмы русских святых, оно именно было господствующим исповеданием на русской земле до Никона патриарха, воспитавшегося в нём же и имевшего силу изменить ему. При Никоне патриархе старообрядчество не началось, не зародилось, а было смещено, заменено чем-то иным, новым, старообрядчество же раскидано было по всей русской земле. То, что обыкновенно называют старообрядчеством, или расколом, в сущности есть не что иное, как часть некогда великой и цветущей церкви, искони живой, растущей, одухотворённой».

Первые жертвы инквизиции

*Из расселин горы камни
Изыде змий многоглавы
И со многими крокодилами,
Огради стадо овец мысленных,
Умертви овцы и со пастыри.*

*Старообрядческий духовный стих «О
временах Антихристовых»*

Никоновские новшества вызвали широкий протест, в ответ на который незамедлительно последовали репрессии. С лета 1653 года начался разгром неугодных царю и патриарху боголюбцев. Первой жертвой никоновской инквизиции стал протопоп Логин Муромский. Вновь было поднято дело, сфабрикованное десять лет назад муромским воеводой. Воевода обвинял Логина в том, что тот будто бы похулил иконы Спасителя, Богородицы и всех святых. Собственно, это дело возникло из сущего пустяка, как явствует из «Росписи спорных речей с патриархом Никоном» Иоанна Неронова и из челобитных муромских священников местному епископу. Произошло нечто, аналогичное случаю с благословением Аввакумом сына боярина Шереметева, только на этот раз в «блудном образе» выступал не молодой юноша, а почтенная матрона. Когда на обеде у муромского воеводы Игнатия Бестужева воеводская жена подошла к Логину под благословение, тот спросил: «Не белена ли ты?» Присутствовавшие вступились за неё, а некто Афанасий Отяев обратился к протопопу со следующим провокационным вопросом: «*Что ты, протопоп, хулишь белила? Без белил не пишутся образа Спасителя, Богородицы и всех святых*». На это Логин отвечал: «*Какими составами пишутся образа, такие и составляют писцы, а как такие составы положить на ваши рожки, так и сами не захотите; Сам Спас, Пречистая Богородица честнее своих образов*». Воевода приказал взять Логина под стражу и написал патриарху, что протопоп «*похулил образ Господа нашего Иисуса Христа, и Пресвятая Богородицы, и всех святых*».

Никон ухватился за это дело и раздул его до невероятных размеров. В июле 1653 года в Крестовой палате у патриарха состоялся церковный собор для суда над Логиним. Никон велел отдать его жестокому приставу. За

муромского протопопа вступился Иоанн Неронов: *«За что его дать за жестокого пристава? Услышит он, пристав, от тебя гнев, и он его уморит. То ли твоя святительская милость к священному чину?»* Произошло открытое столкновение между Нероновым и Никоном. Ростовский митрополит Иона и ярославский протопоп Ермил свидетельствовали, что на одном из заседаний собора, когда Неронов сказал о необходимости утверждения приговора царём, Никон заявил нечто совершенно неслыханное: *«Мне-де царская помощь негодна и ненадобна, да таки-де на нее плюю и сморкаю»*. Услышав такие слова, митрополит Иона хотел «с места бежать». Неронов отвечал Никону: *«Владыко, не дело говоришь, все святые отцы и соборы призывали благочестивых царей и их синклит на помощь себе и православной вере»*.

На следующем заседании собора Неронов прямо обвинил Никона в превышении власти, однако митрополит Иона и протопоп Ермил, свидетели дерзких высказываний патриарха о царе, от своих показаний отrekliсь, устранившись патриаршего гнева. Но Неронов продолжал открыто обличать Никона: *«А тебе если кто добра хочет, ты и тех ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, и ты тех любишь, и жалуешь, и слушаешь; если тебе на кого наклеветают, хоть за 500—1000 верст, ты веришь. Про богомольцев, со слов клеветников, говоришь, что они нечестивые... Доселе ты друг наш был, а теперь на нас восстал. Иных ты удалил и на их место поставил других, а от них доброго ничего не слышать»*.

В продолжение спора Никон сказал, что на Иоанна Неронова поступила челобитная от священников и причетников Казанского собора, обвинявших его в бесчинии. Неронов потребовал прочесть челобитную вслух, а когда её не прочли, бросил в лицо Никону: *«Воистину, патриарх, лжешь»*. Никоновские клеветы наклеветались на Неронова: *«Как ты можешь называть великого святителя кощунником, празднословцем, мучителем, лжецом?»* На это Неронов отвечал: *«Вам попустил патриарх говорить пред собой всякие нелепые слова на истинных рабов Божиих, и не знаю, как назвать ваш собор, потому что не заботитесь вы о законе Божием, а занимаетесь укоризнами и поношениями. Что вы кричите и вопите? Я не похулил и не погрешил против Святой Троицы, а я хую ваш собор. Такие соборы бывали и против Иоанна Златоуста и против Стефана Сурожского»*.

Наказание не заставило себя ждать. 4 августа Иоанн Неронов был арестован и отдан под начал в Новоспасский монастырь. В тот же день его перевели в Симонов монастырь, где содержали под строгим арестом:

домашних к нему не пускали, в Церковь ходить не разрешали, а ночью даже стерегли «со свечами». Через неделю его отвезли на Царьборисовский двор, где били немилостиво, а затем снова привезли в Симонов монастырь и на шею надели цепь. 12 августа в Успенском соборе Иоанна Неронова расстригли (чин совершал крутицкий митрополит Сильвестр), а 13-го сослали под строгий начал в Спасо-Каменный Вологодский монастырь, на Кубенское озеро. *«Когда Неронова, в цепях и с цепями на шее, везли из Москвы, толпы народа провожали любимого пастыря до реки Клязьмы. Все плакали. На прощание протопоп сказал своей пастве проповедь и прочитал отрывки из своего любимого “Маргарита” Иоанна Златоуста. Старик мог вполне законно сравнить свою судьбу с судьбой константинопольского патриарха-исповедника, пострадавшего за правду»* (Зеньковский). Часть пути от Москвы его провожал протопоп Аввакум.

*

После ареста Иоанна Неронова протопоп Аввакум фактически оказался во главе старообрядческой оппозиции. Началась открытая борьба членов кружка ревнителей благочестия с новым патриархом. Аввакум проповедует неприятие никоновских новин. *«Ну-ка! Воспрять и исповедуй Христа Сына Божия громко предо всеми! Полно таиться. А хотя и бить станут или жечь, ино и слава Господу Богу о сем. Не задумывайся! С радостью Христа ради пострадади! Осветилась земля русская кровью мученическою. Я бы умер, да и паки умер по Христе Бозе нашем».*

Современному человеку может показаться странной такая преданность вере, желание умереть за «единый аз». Но не стоит мерить людей другой эпохи своим несовершенным аршином. Если в нынешний век всеобщего религиозного скептицизма и пресловутой «веры в душе» мы чего-то не понимаем, в этом скорее наша слабость, а не преимущество. Не нужно забывать, что в дониконовской Руси верою был пронизан каждый момент жизни человека, а в каждой благочестивой семье был принят почти монастырский уклад. И для искренне верующего человека в делах веры компромисс был невозможен. Нельзя было «для виду» перекреститься поновому, а «в душе» верить по-старому.

В августе 1653 года протопоп Аввакум вместе с костромским протопопом Даниилом написал челобитную царю, прося за Неронова. *«О, благочестивый царю, — писали они, — откуду се привнидоша во твою*

державу? Учение в России не стало и глава от церкви отста, понеж озоба верь от луга и инок дивии поял и есть...» Не получив ответа, Аввакум обращается с проповедью против Никоновых новин прямо к народу. 12 августа, в день расстрижения Иоанна Неронова, читая поучение на паперти Казанского собора в присутствии патриарших «подьяконов», Аввакум *«лишние слова говорил, что и не подобает говорить»* (как писал в письме Иоанну Неронову от 29 сентября 1653 года священник того же собора Иоанн Данилов). Патриарший архидиакон сказал соборным священникам: *«Разве вы не умеете читать поучения народу, что даете читать Аввакуму? Сами поучайте»*. Казанские попы приняли эти слова как руководство к действию.

13 августа, когда настало время всенощной, священник Пётр Ананьич сказал Иоанну Даниловичу: *«Пойди, братец, на крылос петь, а мне в ризах действовать отдай»* (то есть позволь возглавить богослужение вместо Аввакума). На это Иоанн Данилович отвечал, что он петь не может, но что *«чем Аввакуму у нас начальствовать, пойдя ты, Петр, псалом “Благословлю Господа” говори, и рассуждай у четца, а первую статью Евангелия толковаго чти вместо Ивана Нероновича»*. Когда пришло время читать «зазвонную статью», то есть первое поучение, которое обычно читал сам настоятель, Аввакум вошёл в алтарь и увидел, что это собирается делать Пётр Ананьич, без всякого с ним согласования. Учитывая особое положение Аввакума в Казанском соборе, такой поступок однозначно воспринимался не только как вопиющее нарушение церковного устава, но и как самое настоящее оскорбление. Аввакум был возмущён и сказал: *«Теперь мне нет и жребия и чести»*. — *«Как придет твоя очередь, — отвечал Иоанн Данилович, — читай хоть десять листов»*. Аввакум стал увещевать Иоанна Даниловича: *«Забыл ты любовь батькову, в прежние его поезды и отлучения этого не бывало, вы у меня первенства не отнимали; а оно мне подобает и по приказу батькову и по чину: я протопоп»*. На это ему Иоанн Данилович отвечал дерзко: *«Ты протопоп в Юрьевце, а не нам; мы о том не слыхали от Ивана Нероновича, что тебе быть у нас большому, а нам ни во что; а хотя бы и приказал он, и то не дело, что приказывал; да архидиакон нам говорил, зачем мы дали тебе честь поучения»*. Узнав, откуда «ветер дует», Аввакум стал действовать иначе. Он не пошёл на клирос во время чтения ексапсалмов, не стал читать и второго поучения по второй кафизме.

Казанские попы, видя, что перегнули палку, попытались сгладить ситуацию: *«Не кручинься, вашего (то есть левого. — К. К.) крылоса будет чреда — понедельник, среда, пятък — тогда ты первую статью чти и*

разсуждай у всех, а у нашего крылоса Петр, а во иную неделю тебе отдадим первенство». Тем самым казанские попы хотели показать, что в отсутствие Иоанна Неронова они все равны и следует соблюдать очерёдность, поскольку в субботу, воскресенье, вторник и четверг ведущим был правый клирос, а в понедельник, среду и пятницу — левый.

Аввакум был глубоко оскорблён и вышел из церкви вместе со своим земляком, священником Семёном Трофимовичем. Они объявили народу, что у Аввакума в церкви попы отняли книгу, а самого его выгнали. Аввакум пошёл в придел Казанского собора, освящённый во имя святого чудотворца Аверкия, епископа Иерапольского. Этот придел, пристроенный в 1637 году, представлял собой как бы отдельную церковь и был посвящён редкому святому, чья память совершалась 22 октября, то есть приходилась как раз на день освобождения Москвы от поляков в 1612 году. В приделе святого Аверкия Аввакум начал служить полунощницу ещё до прихода здешнего попа Амвросия, но и отсюда он вынужден был уйти.

Поняв, что все казанские попы сговорились между собой и не дадут ему служить спокойно, Аввакум решается на беспрецедентный поступок. Облачённый в священническую епитрахиль, он продолжает служение всенощной в «сушиле» (то есть сарае для сена) во дворе расположенного неподалеку дома Иоанна Неронова. *«Ибо в иную пору, — говорит он, — и конюшня лучше церкви бывает».* Вслед за Аввакумом переходит из Казанского собора значительная часть его паствы; говорили, что набралось до ста человек. По сути, сушило во дворе Иоанна Неронова стало первой старообрядческой моленной — без алтаря и без «внешних оказательств» — такой же моленной, в каких на протяжении последующих трёхсот лет придётся молиться староверам, изгнанным из древних, намоленных их благочестивыми предками храмов.

Но и в сушиле Аввакуму не дали дослужить всенощную до конца. Иоанн Данилов незамедлительно донёс о случившемся патриарху, и во время чтения статьи из «Бесед» Иоанна Златоуста Аввакум был взят под стражу Борисом Нелединским со стрельцами. Его стали избивать прямо в епитрахили и волочить за волосы. *«Ризы на мне изодрали и святое Евангелие, с наля сбив, затоптали; и посадя на телегу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили».* Затем его доставили на Патриарший двор, где посадили на цепь. Вместе с Аввакумом были арестованы ещё 33 человека, присутствовавшие на «сушильном богослужении», а также 40 человек, подписавших челобитную в защиту Иоанна Неронова.

В письме к Неронову от 14 сентября 1653 года протопоп Аввакум так

описывал произошедшие события: *«Не пустили попы у Казанские в церкву и ис придела выбили, по приказу архидьяконову, сказывают. И я, грешник, помянул изгнание великаго светила Златоустаго, и собрался з братиею о Господе в дому твоем в сушиле, после тебя в первое воскресенье побдети... И в то время прииде дух от пустыни, обыдоша нас пси мнози, и сонм лукавых обступиша ны, и вскочиша в молитвенный дом Борис Нелединский со стрелцами и книги попраша, а меня почали бить взашей и за волосы драть в патрахели, а братью також перехватили, человек с сорок и болши».*

Всех арестованных продержали в тюрьме семь дней и затем отлучили от церкви. Никон *«наутрее их проклинал; оне же мужествовав многия ему в глаза плевали. Он же тех безвестно изгубил».* Самого Аввакума, закованного в цепи, на рассвете 14 августа, в воскресенье, отвезли в Андроньев Спасов монастырь, что на Яузе, где он находился четыре недели. Здесь его держали в земляной тюрьме, жестоко избивали и морили голодом. *«И тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно».* В Прянишниковском списке «Жития» излагаются ещё более страшные подробности пребывания Аввакума в темнице: *«...а меня (Никон) бил по ногам четыре недели по вся дни без милости, от перваго часа до девятаго. И блаженныя памяти Стефан протопоп деньги ему за меня давал за откуп, и на всяк день, зря из ног моих полны голенища крови, плакал, но бесчеловечный он, волк, не умилился, — денег у него не взял. И возил, на чепи посадя на телегу, по Пожару (Красной площади. — К.К.) и по улицам града, растеня мои руки, яко распятова, волочили...».*

Но тут произошло то, что Аввакум впоследствии вспоминал как самое настоящее чудо. *«Бысть же я в третий день приалчен, — сиречь есть захотел, — и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать, — зело прикусны, хороши! — и рекл мне: “полно, довлеет ти ко укреплению!” Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что же ангел? ино нечему дивитца — везде не загорожено».*

На следующее утро архимандрит с братиею пришли к Аввакуму и вывели его на улицу. *«Журят мне, что патриарху не покорился, а я от Писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили.*

Отдали черницу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют». Однако мучения и издевательства не сломили железную волю протопопа. Он принимает посланные ему испытания с поистине христианским смирением, молясь за своих обидчиков. «Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго».

Во время заточения протопопа Аввакума в Андроньевом монастыре произошло ещё одно чудо:

«Тут же в церкви у них был наш брат подначальной ис Хамовников, пьянства ради предан бесом, и гараздо бесился, томим от бесов. Аз же зъжалихся, грешной, об нем: в обедню, стоя на чепи, Христа-света и пречистую Богородицу помолил, чтоб ево избавили от бесов. Господь же ево, беднова, и простил: бесов отгнал. Он же целоумен стал, заплакав и ко мне поклонился до земли; я ему заказал, чтоб про меня не сказал никому; людие же не догадалися о сем, учали звонить и молебен петь».

Через десять дней после ареста Аввакума привели на допрос в Патриарший приказ. Вели его пешком, «за рукава, снемши с рук, яко разбойника». На допросе его спрашивали о челобитной в защиту Иоанна Неронова и о «сушильном всенощном бдении». Аввакум отвечал: «У Казанской глава был Иван; и свиньи те, которые разоряют благочестие и подали на него челобитную патриарху». Патриарший архидиакон Григорий долго спорил с Аввакумом и, наконец, выругав его «матерны», велел отвести обратно в Андроньев монастырь.

Между тем началась расправа и над другими неугодными Никону боголюбцами. Протопопа Даниила Костромского Никон лично мучил в Чудовом монастыре, затем расстриг и сослал в Астрахань, где тот был уморен в земляной тюрьме. Другой Даниил, темниковский протопоп, был заточён в Новоспасском монастыре. Семен Бебехов, переписывавший челобитную Аввакума и Даниила за Неронова, посажен на цепь на Патриаршем дворе. Были арестованы соловецкий инок Герасим Фирсов, протопоп Михаил Рогов (составитель «Кирилловой книги»), нижегородский протопоп Гавриил (впоследствии казнён), поп Михаил из Богородичного монастыря в Москве (погиб безвестно), запрещён в служении и сослан в Ярославский монастырь священник Ермил, друг Неронова и Аввакума протопоп Семён Трофимов бежал, священник Лазарь скрывался у игумена Никанора в Саввино-Сторожевском монастыре, но был схвачен и сослан в Тобольск. В ссылки было отправлено более десяти протопопов — лидеров движения боголюбцев. Не подвергся репрессиям один лишь протопоп Стефан Внифантьев, который всё ещё продолжал

оставаться духовником царя и не решался просить за своих друзей по кружку ревнителей благочестия — по выражению Аввакума, «всяко ослабел».

1 сентября была решена участь протопопа Аввакума. Этим днем датируется «память» Патриаршего двора за подписью дьяка Василия Потапова Сибирскому приказу — боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому и дьякам Григорию Потапову и Третьяку Васильеву: по указу царя Алексея Михайловича и приказу патриарха Никона *«Входу Иеросалимского отставленаго протопопа»* Аввакума вместе с семьей *«за ево многое безчинство»* сослать в *«Сибирский город на Лену»* в *«Якутский острог»*.

14 сентября в Успенском соборе в присутствии патриарха Никона, царя и царицы был расстрижен и проклят муромский протопоп Логин. Расстрижение проходило во время литургии.

«В соборной церкви при царе остриг ево овчеобразный волк в обедню во время переноса, егда снял у архидьякона со главы дискос и поставил на престоле Тело Христово. А с чашею архимарит чудовъской Ферапонт вне олтаря при дверех царьских стоял. Увы, разсечения Телу и Крови Владыки Христа! Пущи жидовъскаго действия игрушка сия! Остригше, содрали с Логина однарятку и кафтан. Он же разжегся ревностию Божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог олтарной в глаза ему плевал, и, распоясався, схватя с себя рубашку, во олтарь Никону в глаза бросил. Чудно! Распоряся, рубашка покрыла дискос с Телом Христовым и престол».

Затем Логина вытолкали взащей из собора и с цепью на шее тащили от Патриаршего двора до Божоявленского монастыря, избивая «мётлами и шелепами». Раздетого донага, его бросили в земляную тюрьму и приставили к нему караул из стрельцов. *«Ему ж Бог в ту ночь дал шубу новую да шапку, — пишет Аввакум, — и на утро Никону сказали, и он, россмеявся, говорит: “знаю-су я пустосвятюв тех!” — и шапку у него отнял, а шубу ему оставил».* После этого расстриженный протопоп Логин был сослан в свою деревню, в Муромский уезд, под наблюдение духовного отца. Через год он умер.

А на 15 сентября было назначено расстрижение Аввакума. Формально его обвиняли не в неповиновении патриарху, а в том, что он, будто бы вопреки церковным канонам, совершал богослужение в сарае. Аввакум был привезён в Успенский собор. На этот день приходилась память святого великомученика Никиты, и как раз в то время, когда Аввакума везли на телеге, навстречу из Кремля выходил крестный ход, направлявшийся в

Никитский монастырь. Опального протопопа долго продержали на пороге собора. Затем царь Алексей Михайлович сошёл со своего места и, подойдя к Никону, стал упрашивать его не расстригать Аввакума. Никон согласился на уговоры царя, и протопопу оставили его духовное звание.

«Не стригше, отвели в Сибирской приказ, — вспоминал Аввакум, — и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрьме. Спаси ево, Господи! и тогда мне делал добро». В Сибирский приказ Аввакума сопровождали подьячий Патриаршего двора Иван Васильев и пристав Василий Войков. В тот же День протопоп дал показания о составе своей семьи и назвал её московский адрес: у Казанского собора, «на дворе» Ивана Неронова. Кроме протопопицы Настасьи, у него было трое сыновей (Иван — девяти лет, Прокопий — пяти лет и младенец «Корнилко... осми дней») и дочь Агриппина — восьми лет. Все они были сосланы вместе с Аввакумом в столицу Сибири — Тобольск. В Москве остались четыре брата Аввакума: Григорий Петров, который помогал причту Казанского собора при богослужении (*«неотлучен на крылосе всегда»*), Герасим, видимо, служивший там же и обвинявший причт собора в доносе на Иоанна Неронова, Евфимий, служивший псаломщиком в придворной церкви, и Козьма.

Возможно, царь Алексей Михайлович, симпатизировавший Аввакуму, пытался смягчить его будущее пребывание в Сибири. В указной грамоте, посланной архиепископу Сибирскому и Тобольскому Симеону, подчёркивалось, что *«священство у него, Аввакума, не отнято»*, и говорилось, что *«опальный протопоп»* и его семья (здесь помимо жены и детей Аввакума названа еще и его *«племянница Маринка»*) посланы только до Тобольска. *«И как к тебе ся наша грамота придет, а протопоп Аввакум с попадьєю и з детми и с племянницею в Тоболеск прислан будет, и ты б, богомолец наш, велел тому протопопу Аввакуму в Сибири, в Тобольску или где в ыном городе, быти у церкви».*

17 сентября подводы с *«ссылными людьми»*, сопровождаемые сибирскими казаками, отправились в долгое путешествие, продолжавшееся тринадцать недель...

*

Устранив наиболее активных противников, Никон решил созвать собор для узаконения своих беззаконий. Собор состоялся в Москве в следующем,

1654 году (начался 27 февраля, закончился 2 мая). Председательствовали на соборе царь и патриарх. Среди участников было пять митрополитов: Макарий Новгородский, Корнилий Казанский, Иона Ростовский, Сильвестр Крутицкий, Михаил Сербский; четыре архиепископа: Маркел Вологодский, Софроний Суздальский, Мисаил Рязанский, Макарий Псковский; один епископ — Павел Коломенский; 11 архимандритов и игуменов, 13 протопопов, несколько приближённых царя. Кандидатуры участников собора были самым тщательным образом подобраны патриархом и царём, что дало повод отцу Иоанну Неронову назвать собор «соньмищем иудейским». Постановления собора предрешались уже самим способом принятия решения: первым голос подавал царь Алексей Михайлович... Однако, несмотря на тщательный подбор «кадров», проводившийся царём и патриархом перед началом собора, всё же нашлись недовольные, а один из епископов, причём Никоном же и рукоположённый, открыто выступил в защиту старых книг. Это был представитель кружка боголюбцев епископ Павел Коломенский, который стал первой жертвой гордого и властолюбивого патриарха. *«Мы новой веры не примем»*, — прямо заявил Никону епископ Павел. (Суть этой «новой веры» впоследствии очень точно выразит новообрядческий патриарх Иоаким: *«Я не знаю ни старой, ни новой веры, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всём»*.)

Пытаясь «вразумить» непокорного епископа и обосновать необходимость книжной «справы», Никон заявил, что речь-де идет совсем не о новой вере, а лишь о некоторых «исправлениях» и что *«ко исправлению требуется грамматическое художество»*. На это епископ Павел резонно отвечал: *«Не по правилам грамматики новшества вносятся; какая грамматика повелевает вам трисоставный крест с просфор отметить? Но не по правилам грамматики седмицу просфор на службе отместе, символ приложеньми и отложеньми умножаете»*. Перечислил епископ и прочие новшества, вводимые отнюдь не по грамматическим правилам: и троение «аллилуйи», и сложение перстов, а вместо подписи своей под соборными постановлениями написал: *«Если кто от преданных обычаев святой соборной церкви отымет, или приложит к ним, или каким-либо образом развратит, анафема да будет»*.

Это привело Никона в ярость. Он собственноручно избил епископа Павла на соборе, сорвал с него мантию, без соборного суда лишил епископской кафедры и велел немедленно отправить в ссылку в далёкий северный монастырь.

Дальнейшая судьба Павла Коломенского была печальной. За

сопротивление никоновской «реформации» его бросили в темницу и подвергли мучениям, но епископ остался непреклонен. Тогда Никон единолично лишил его сана и сослал к Онежскому озеру в Палеостровский монастырь. Получив некоторую свободу, епископ Павел начал учить местных христиан оставаться твёрдыми в древних отеческих преданиях. Позже его перевели под более строгий надзор в новгородский Хутынский монастырь, где он и был убит. Официальная версия такова: «Никто не видел, как погиб бедный: зверями ли похищен или в реку упал и утонул». А Московский собор 1666–1667 годов, судивший Никона за многие преступления, вменил извержение из сана и смерть епископа Павла в вину бывшему патриарху: «*Да ты же, Никон, — говорится в соборном приговоре, — коломенского епископа Павла без собора, вопреки правил, низверг и обругал и сослал его в ссылку и там его умучил, и то тебе низвержение вменится в убийство*» [\[32\]](#).

Старообрядческие же источники дают иную версию последних дней жизни епископа Павла Коломенского. Так, диакон Феодор пишет следующее: «*Никон [его] воровски обругал, сан сняв, и в ссылку сослал на Хутыню в монастырь Варлаама преподобного... Павел же тот, блаженный епископ, начал уродствовать Христа ради*». Весьма характерно свидетельство о взятом на себя епископом подвиге юродства — уникальный случай юродивого епископа, неизвестный ранее ни в Греческой, ни в Русской Церкви! К юродивым на Руси, как известно, было особое отношение. Юродивых любили, к ним прислушивались. Юродивым разрешалось то, что не разрешалось никому другому. Обидеть юродивого не смел даже царь. «*Павел Коломенский, единственный русский архиерей, юродствует по двоякой причине, — пишет А. М. Панченко. — Это последняя возможность сохранить жизнь, ибо юродивый считался неприкосновенным. Это последний довод в защиту национальных устоев: епископ, чье пастырское слово презрели, обращается к народу “зрелищем странным и чудным”*».

Хутынский игумен и монастырская братия посчитали епископа Павла сумасшедшим, а потому решили не отягощать себя надзором за «безумцем», предоставив ему полную возможность бродить в окрестностях монастыря, где ему вздумается. Однако эту свободу епископ употребил на проповедь древлеправославия среди местных жителей. Об этом через некоторое время стало известно Никону. «*Никон же уведав, — пишет диакон Феодор, — и посла слуг своих тамо в новгородския пределы, идеже он ходя странствовал. Они же обретоша его в пусте месте идуща и похвативше его, яко волцы кроткую Христову овцу, и убиша его до смерти,*

и тело его сожгоша огнем». 3 апреля 1656 года, в Великий четверг, Павел Коломенский был сожжен в срубе подосланными Никоном людьми — «яко хлеб Богови испечеса».

Последняя версия кажется более правдоподобной, особенно если учитывать крутой нрав и патологическую жестокость Никона. Историк Н. Ф. Каптерев пишет: «Никон жестоко расправлялся с провинившимися в чём-либо пред ним лицами, подвергая их всяким пыткам и истязаниям, но это было ещё не всё. По его собственному заявлению случалось и так, что он, патриарх, собственноручно бил разных виновных лиц, и иногда бил их в церкви и даже в алтаре. Что особенно характерно, так это то, что такую личную кулачную расправу, и даже в алтаре, Никон считал вполне законною и приличною для патриарха, как будто бы основывающуюся на примере Самого Христа, на правилах св. апостол и св. отец... Конечно, жестокость Никона к подчиненным можно объяснять так называемым духом времени, — время было жестокое, тогда все так поступали. Но несомненно и то, что в указанных поступках Никона совсем отсутствовал дух истинного христианского архипастырства. Это и тогда хорошо видели и понимали, несмотря на дух времени, многие лица, которые вовсе не допускали той мысли, чтоб жестокие действия Никона были законны и справедливы, могли быть свойственны главе архипастырей русской церкви, могли быть терпимы в церкви Христовой. Напротив, поведение Никона и тогда очень многих возмущало, как зазорное и нетерпимое для истинного архипастыря церкви».

Хотя многие в душе были с Никоном и несогласны, в том числе как минимум четыре видных представителя епископата — Макарий Новгородский, Маркел Вологодский, Симеон Тобольский и Александр Вятский, — последовать примеру епископа Павла и открыто протестовать против новшеств никто из епископов Русской Церкви не решился. Иерархия, покорно пошедшая за Никоном и царём, начала утрачивать свой авторитет. Инициатива в борьбе за старую веру и духовный авторитет почти сразу перешли к простым священникам, а после физического уничтожения большинства из них — к избранным мирянам.

Ситуация в Русской Церкви середины XVII века в определённой мере напоминала ситуацию в Греческой Церкви после Флорентийской унии. Флорентийская уния — соединение Западной и Восточной Церквей — была оформлена на именуемом католиками Восьмом Вселенском соборе во Флоренции в 1439 году. Тогда акт соединения Церквей был подписан с византийской стороны императором Иоанном VIII и представителями восточных патриархов. Присутствовавший на соборе Константинопольский

патриарх Иосиф подписать этот акт не успел, поскольку скоропостижно скончался незадолго до завершения собора, но и сам он, и его преемник патриарх Митрофан были сторонниками унии. Через 12 лет, в 1451 году, унию подтвердил преемник Иоанна VIII последний византийский император Константин XI. Тем самым высшая церковная и светская власть в Константинополе подчинилась Риму, желая ценой отступничества от православия получить помощь Запада в борьбе против турок. Однако церковный народ Византии унии не признал, и юридический документ, подписанный во Флоренции, по сути, превратился в ничего не значащую бумажку. Византийское сопротивление сконцентрировалось вокруг единственного епископа, не признавшего унию, — митрополита Эфесского Марка Евгеника. Аналогичную ситуацию мы видим и в России: единственный епископ, открыто выступивший против подготовленной иезуитами никоновской реформы, — Павел Коломенский — возглавил русское сопротивление. Различный исход двух этих православных народных движений во многом был предопределён различной судьбой их вождей-архиереев: если митрополиту Марку Эфесскому удалось уцелеть, то епископа Павла Коломенского ожидала совсем иная участь.

Епископ Павел не поставил себе преемника, поскольку, руководствуясь православными церковными канонами, считал это невозможным в своём нынешнем положении архиерея, лишённого кафедры. Не нужно забывать, что в Русской Церкви до раскола существовала практика повторной епископской хиротонии при переводе архиерея на новую кафедру, то есть архиерея ставили не в сан, а на определённую кафедру, и не могло быть архиерея без епархии. Павел Коломенский заповедовал не принимать от реформированной новообрядческой церкви никаких таинств и священнодействий, приходящих от неё новокрещённых крестить, не принимать новопоставленных в ней священников, утверждал, что не только священноиноки, но и простые благочестивые мужи могут совершать некоторые таинства и удовлетворять других в духовных нуждах.

После завершения незаконного собора, 2 мая 1654 года Иоанн Неронов написал из Спасо-Каменного монастыря послание царице Марии Ильиничне. В послании он говорил, что епископ Павел Коломенский, протопопы Даниил Костромской, Аввакум, Логин Муромский и прочие страдают несправедливо и осуждены «мирским судом» незаконно. Их действия «ради проповеди закона и ради учения» он уподобил подвигу Самого Христа, который также безвинно «пострадал от жидов». Неронов просил царицу похлопотать за осуждённых перед царём и предсказывал несчастье стране, если невинно пострадавшие не будут возвращены из

ссылки и заточения. Этим пророчествам вскоре суждено будет сбыться.

*

18 мая 1654 года царь Алексей Михайлович уехал на войну с Польшей, оставив Никона правителем государства и возложив на него опеку над царской семьёй. Тем самым царь временно устранился от текущих государственных дел, поручив своему ставленнику расхлёбывать последствия предпринятой им реформы, встретившей достаточно сильное сопротивление в русском народе. Для пущей достоверности царь даже согласился на формальное расширение никоновского титула. Ещё 23 октября 1653 года, обнародовав в Успенском соборе решение о начале войны с поляками, царь в своей речи к боярам назвал Никона «великим государем». Прежде этот титул, кроме русских царей, носил только один человек — патриарх Филарет. Но тот был родным отцом царя Михаила Феодоровича. В предисловии к Служебнику 1655 года о царе Алексее и о патриархе Никоне говорится как о *«богоизбранной и богомудрой двоице»*, за которую *«все живущие под державою их и под едином их государским повелением... утешительными песньми славити имут воздвигшего их истинного Бога нашего»*.

Полученная Никоном власть вскружила ему голову. Став «великим государем», он постепенно меняет свои взгляды на роль и место патриаршей власти в государстве. *«Священство царства преболеет есть»*, — говорил он, подкрепляя своё мнение ссылками на разнообразные источники. Сюда относилась и знаменитая фальшивка, сфабрикованная по заказу римских пап, под названием «Константинова дара». Этот «документ» был даже напечатан в изданной при Никоне «Кормчей». По словам Ю.Ф. Самарина, Никон хотел *«основать в России частный национальный папизм»*. Взаимное отношение духовной и светской властей Никон иллюстрировал примером Солнца и Луны, через которых *«Всемогущий Бог показал нам власть архиерейскую и царскую»*. Патриарх, по мнению Никона, есть образ Самого Христа, глава Церкви, и потому другого «законоположника» она не знает. Патриарха не могут судить ни миряне, ни даже епископы, как его подчинённые. Только собор патриархов имеет власть для произнесения над ним приговора. Никон жалуется, что *«государь расширился над церковью и весь суд на себя взял»*, тогда как многие дела должны подлежать суду церковному. С этой точки зрения Никон особенно резко нападал на Соборное уложение 1649 года, хотя и

поставил в своё время под ним свою подпись. Больше всего ему претило то, что, согласно Уложению, духовенство подчинялось светскому суду. Однако предпринятая Никоном попытка поставить духовную власть выше светской привела к нарушению принципа «симфонии властей», что в дальнейшем с неизбежностью повлекло за собой подчинение духовной власти светской и привело к секуляризации русского общества.

Сосредоточив в своих руках огромную власть, Никон стал грубо нарушать статьи уложения. В обширной патриаршей области он являлся полновластным распорядителем. Все его служащие, монастыри и крестьяне были изъяты из ведения Монастырского приказа. Вопреки уложению, воспрещавшему патриарху и вообще духовенству приобретать недвижимые имущества посредством покупки, царь дозволил Никону покупать новые земли и вотчины как на его собственное имя, так и для трёх новых, основанных им монастырей — Нового Иерусалима (Воскресенский близ Москвы, основан в 1655 году), Иверского (близ Валдая, основан в 1652 году) и Крестного (близ Онеги, основан в 1656 году).

Павел Алеппский свидетельствует, что Никон *«имеет большое влияние на царя, и потому, в то время как прежде было пожаловано от царя патриархии в угодье 10 000 крестьянских домов, Никон довёл их число до 25 000, ибо всякий раз, как умирает кто-либо из бояр, патриарх является к царю и запрашивает себе часть крестьян и имений умершего. Он взял также себе во владение много озёр, кои приносят ему большой доход от соли и рыбы... Всякий раз как умирает боярин, не имеющий наследников, ему наследует патриарх... Патриарх Никон взял себе половину дохода монахов, так что его ежедневный доход составляет, как говорят, 20 000 рублей. Доход его с церковью этого города и окрестностей составляет 14 000 рублей в год; со всякой церкви (взимается) по числу её прихожан, с самой бедной — рубль. Также получает он ежегодный сбор со всех церквей и священников своей страны, который они вносят ему и своему архиерею. Доход монастыря Св. Троицы равен трети царского дохода, но патриарх Никон присвоил себе половину этого дохода, говоря: “Патриарх имеет на это больше права”. Он взял также большую часть царских сокровищ монастыря, как мы потом увидели: из них ни одного не было в патриаршей церкви, они даны в неё патриархом — облачения, обильно украшенные драгоценными камнями и жемчугом, сосуды и пр.»*.

Вотчины основанных Никоном трёх монастырей составляли отдельно от патриарших обширную область, всецело подчинённую лично Никону. Монастыри эти скоро превзошли даже древнейшие обители, поскольку Алексей Михайлович по просьбе Никона приписал к ним 14 монастырей,

находившихся в епархиях других архиереев. В связи с этим современники говорили: *«Похищаяй бо той волк Никон, яко разбойник, грабя себе у святых монастырей села и вотчины, и у князей такоже отъемля всяко и к своим прилагая, и многия князи ослезил и монастыри оскорбил и разорил, и простых крестьян тяжкими трудами умучил...»* В ведение патриарха перешли и все приходские церкви, числом до пятисот, находившиеся в вотчинах Никона и приписанных к ним монастырей, с чем соединялось право суда, а также известные пошлыны и дани. Получив столь значительные пожалования, Никон счёл их чем-то само собой разумеющимся. *«И мы за милостыню царскую не будем кланяться... так как примет (царь) за то сторицею и живот вечный наследит»*, — писал он. Крупным материальным средствам соответствовала и необычайная пышность, окружавшая Никона как в его церковно-служебной обстановке, так и в его домашней жизни. В административных делах Никон был строг и неумолим. Число запрещённых священников было при нем настолько велико, что местами некому было совершать требы. Для наблюдения за духовенством он имел своих особых подьячих и стрельцов; низшее духовенство жаловалось на тяжесть своей экономической зависимости, усиливавшейся от притязательных исполнителей патриаршей воли. Наконец, своим высокомерием и властолюбием, своим беспрестанным вмешательством в мирские дела Никон вооружил против себя бояр.

Летом 1654 года Никон приказал собрать по Москве иконы «нового письма», написанные в «латинской» и «фряжской» манере. Как пишет Павел Алеппский, *«те иконы написаны были не по отеческому преданию с папезского и латынского перевода»*. На иконах были выскоблены лики и выколоты глаза. Стрельцы, исполнявшие обязанности царских глашатаев, носили эти иконы по городу и кричали: *«Кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание!»* Такой безрассудный поступок зарвавшегося патриарха произвёл сильное смущение в народе. И это можно понять. *«Так как все москвиты отличаются большой привязанностью и любовью к иконам, то они не смотрят ни на красоту изображения, ни на искусство живописца, но все иконы, красивые и некрасивые, для них одинаковы: они всегда их почитают и поклоняются им, даже если икона представляет набросок на бумаге или детский рисунок. У всех ратников, без исключения, непременно имеется на груди красивый образ в виде тройного складня, с которым он никогда не расстаётся и, где бы ни остановился, ставит его на видном месте и поклоняется ему»* (Павел Алеппский).

В июле того же года Москву неожиданно постигла тягчайшая

эпидемия «моровой язвы» (чумы). Многими православными это было воспринято как наказание Божие за отступничество церковной иерархии от веры предков. В народе прекрасно понимали прозападную сущность церковной реформы Никона. Как бы в подтверждение этого последовало ещё одно страшное знамение: 2 августа произошло полное солнечное затмение. Вот как описывал протопоп Аввакум эти события в своем «Житии»: *«А в нашей России бысть знамение: солнце затмилось в 162 году (то есть в 7162 году от Сотворения мира, или в 1654 году от Рождества Христова. — К. К.), пред мором за месяц или меньше. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон Сибирской и в полудне тьма бысть... часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала, по Дионисию, являя Бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради Бог излил фиал гнева ярости Своя на русскую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним».* У самого Аввакума во время мора в Москве умерли два брата (*«жили у царицы в Верху, а оба умерли в мор, и з женами, и з детьми; и многая друзья и сродники померли»*).

Народ заволновался. Стали говорить, что чума и солнечное затмение — гнев Божий за надругательство Никона над святыми иконами. Вдобавок ко всему Никон вместе со всем царским семейством покинул столицу и переехал в Вязьму. Это также вызвало народное неудовольствие. 25 августа в Москве начался бунт против Никона — во время обедни народ пришёл к Успенскому собору с образом Спаса Нерукотворенного, на котором лик и подписи были выскоблены. Говорили, что за такое надругательство над иконами Господом послан мор. Народ обвинял Никона в том, что он покинул свою паству в минуту опасности, вместо того чтобы молиться о ней. Восставшие прямо называли вещи своими именами: *«Патриарх ненадёжен в вере и действует не лучше еретиков и иконоборцев».* Москвичи выступали против уничтожения икон и возмущались тем, что к книжной справе было допущено такое сомнительное лицо, как Арсений Грек, неоднократно менявший веру. Одним из главных лозунгов восставших было прекращение церковной реформы. Однако этот бунт против Никона вскоре прекратился — так же внезапно, как и начался...

Но эти грозные события лета 1654 года нисколько не вразумили ослеплённого безграничной властью Никона. 4 марта 1655 года, в Неделю Православия, после продолжительной литургии в Успенском соборе, которая совершалась патриархом в сослужении пяти архиереев, в том числе патриарха Антиохийского Макария III, произошло нечто неслыханное.

«Когда престол был покрыт, — пишет архидиакон Павел Алеппский,

— патриарх Никон вышел и поднялся на амвон, а мы и прочие служащие разместились вокруг него. Мало ему было этой продолжительной службы и стояния на ногах до наступившей уже вечерней поры, но вот диаконы открыли перед ним Сборник отеческих бесед, по которому он стал читать положенную на этот день беседу об иконах. Он читал не только медленно, но и ещё со многими поучениями и пояснениями, причём царь и все присутствующие мужчины, женщины и дети стояли всё время с открытыми головами при таком сильном холоде, соблюдая полное спокойствие, молчание и тишину. Во время проповеди Никон велел принести иконы старые и новые, кои некоторые из московских иконописцев стали рисовать по образцам картин франкских и польских. Так как этот патриарх отличается чрезмерной крутостью нрава и приверженностью к греческим обрядам, то он послал своих людей собрать и доставать к нему все подобные иконы, в каком бы доме ни находили их, даже из домов государственных сановников, что и было исполнено... В этот день патриарху представился удобный случай для беседы в присутствии царя, и он много говорил о том, что такая живопись, какова на этих образах, недозволительна. При этом он сослался на свидетельство нашего владыки патриарха и в доказательство незаконности новой живописи указывал на то, что она подобна изображениям франков. Патриархи предали анафеме и отлучили от церкви и тех, кто станет изготовлять подобные образа, и тех, кто будет держать их у себя. Никон брал эти образа правой рукой один за другим, показывал народу и бросал их на железные плиты пола, так что они разбивались, и приказал их сжечь. Царь стоял близ нас с открытой головой, с видом кротким, в молчании внимая проповеди. Будучи человеком очень набожным и богобоязненным, он тихим голосом стал просить патриарха, говоря: “Нет, отче, не сожигай их, но пусть их зароят в землю”. Так и было сделано. Никон, поднимая правой рукой икону, всякий раз при этом восклицал: “Эта икона из дома вельможи такого-то, сына такого-то”, то есть царских сановников. Целью его было пристыдить их так, чтобы остальной народ, видя это, принял себе в предостережение».

Вслед за этой кощунственной выходкой патриарх начал говорить перед онемевшим от ужаса народом о крестном знамении. «В Антиохии, а не в ином месте, — говорил Никон, — верующие во Христа (впервые) были наименованы христианами. Оттуда распространились обряды. Ни в Александрии, ни в Константинополе, ни в Иеросалиме, ни на Синае, ни на Афоне ни даже в Валахии и Молдавии, ни в земле казаков никто так не крестится, но всеми тремя пальцами вместе».

26—31 марта 1655 года, на пятой седмице Великого поста, вновь был созван собор — на этот раз с участием иноземных гостей — патриарха Антиохийского Макария и патриарха Сербского Гавриила (которого Никон, свято веривший в учение о «пентархии», упорно называл архиепископом). Основным вопросом было несоответствие русских церковных книг и обрядов новогреческим. Были заслушаны результаты сличения богослужебных книг и рукописей, привезённых Арсением Сухановым с Востока, с древними славянскими. На соборе был одобрен подготовленный никоновскими справщиками Служебник, изменён текст Символа веры, установлен новый для России внешний вид антиминов, а перекрещивание католиков заменено миропомазанием. Уже после закрытия собора Никон передал патриарху Макарию для присоединения шестерых униатских священников. Макарий помазал их миром, им выдали новые ставленые грамоты для служения в православных храмах ^[33].

Одобрённый собором новый Служебник вышел из печати 31 августа 1655 года и был введён для всеобщего употребления в Русской Церкви. Как уже говорилось выше, он представлял собой перевод греческого Евхология, напечатанного в иезуитской типографии в Венеции в 1602 году. В Служебнике было узаконено троеперстие, трегубая аллилуйя и прочие церковные новины. При этом новый текст содержал ложные ссылки на старые русские и греческие грамоты. Публикация нового Служебника вызвала крайне резкую реакцию со стороны противников новшеств и способствовала ещё большему разделению русского общества.

Кроме Служебника в том же году была напечатана книга «Скрижаль». В самом названии содержалась отсылка к Ветхому Завету: Никон возомнил себя новым Моисеем, давшим Закон своему народу. По сути, «Скрижаль» представляла собой компиляцию, в основу которой было положено одноимённое сочинение греческого иеромонаха Иоанна Нафанаила, присланное Никону иерусалимским патриархом Паисием и содержащее толкование чина литургии, зодчества, священнических облачений и церковной утвари. К этому толкованию Никоном были прибавлены выдержки из послания патриарха Паисия 1655 года, несколько статей, объясняющих богослужение, а также статьи о троеперстии, слово Николая Малаксы о именованном перстосложении, статьи о тексте Символа веры. Все эти статьи объясняли и оправдывали различные никоновские нововведения.

«Скрижаль», издававшаяся в спешном порядке, содержала в себе не только множество опечаток, но порою и прямо еретические мнения. Так, например, в ней имеется странное учение, согласно которому *«лучше иметь именовати Бога тьму и неведение, нежели свет»*, учение, идущее вразрез со всей православной «метафизикой света», Символом веры и Отцами Церкви, обычно именовавшими «тьмою» дьявола. Далее говорится, что до Своего крещения Иисус не был Христом. Здесь находятся и следы латинского учения о разделении Церкви на «учащую» и «учимую», что было совершенно чуждо православному учению о Церкви. Тем не менее книга, содержащая в себе множество совершенно еретических мнений, была признана Собором 1656 года не только «непорочной», но и «достойной удивления». Собор заповедал почитать «Скрижаль» наравне с Евангелием. А впоследствии на Соборе 1667 года низверженные вселенские патриархи Паисий и Макарий советовали иметь эту книгу *«в велицей чести»*, но при этом говорили, что *«не всякому человеку прилично есть таковую богословскую книгу прочитати, токмо искусственникам и таинственникам и ученым и разумнейшим подобает таковую книгу имети и прочитати»*.

Вообще, у Никона было весьма своеобразное понимание христианства. Лучше всего об этом свидетельствует изданный им в 1656 году запрет священникам причащать Святых Тайн и принимать на исповедь раскаявшихся преступников — татей, разбойников и всяких «воровских людей» даже перед смертью, на которую они будут осуждены. Если Христос (и вся Церковь вслед за ним) учил, что нет ни одного преступления в мире, которое нельзя было бы загладить искренним раскаянием, то Никон, следуя древним еретикам новатианам и евстафианам, упорно такую возможность отрицал. Если Христос распялся за весь мир и принес Самого Себя в жертву за избавление людей от всех беззаконий и преступлений, то Никон полученной им властью запрещал принимать покаяние преступников, осуждённых на смертную казнь [\[34\]](#).

В том же 1656 году, когда новосоставленная «Скрижаль» была обнародована, были напечатаны и переправленные Триодь постная, Ирмологий, Часослов, Требник. Церковная реформа шла полным ходом...

24 февраля 1656 года, в Неделю Православия, во время богослужения в Успенском соборе патриарх Антиохийский Макарий, патриарх Сербский Гавриил I и митрополит Никейский Григорий провозгласили анафему приверженцам двоеперстия. В грамоте, подписанной ими, говорится: *«Предание прияхом сначала веры, от святых апостол и святых отец, и святых седми соборов творити знамение Честнаго Креста трети*

первыми персты десныя руки. И кто от христиан православных не творит крест тако, по преданию восточныя церкви, еже держа сначала веры даже до днесь, есть еретик и подражатель арменов. И сего ради имамы его отлучена от Отца и Сына и Святаго Духа, и проклята». Кроме антиохийского патриарха Макария, сербского патриарха Гавриила и никейского митрополита Григория эту грамоту подписал также молдавский митрополит Гедеон. Таким образом, первая анафема старообрядцам была провозглашена даже не Никоном, а заезжими восточными «милостынесобирателями», готовыми за деньги плясать под чужую дудку. По окончании литургии Никон долго разглагольствовал о «правильном» крестном знамении, цитируя заранее заготовленные и вырванные из контекста поучения из святоотеческих книг.

Да, для осуществления своих целей патриарх Никон не гнушался и откровенным обманом. Так, он заявил на Соборе 1656 года, что двоеперстное крестное знамение никогда не было официально утверждено Церковью, но учение о нём лишь по невежеству вкралось в книги московской печати: *«Зазираху иногда нашему смиреню, мне, Никону Патриарху, приходящии к нам в царствующий град Москву, потреб своих ради, Святыя Восточныя Церкви Святейшии Вселенстии Патриарси: Константина града Афанасий, и паки святаго града Иерусалима, и святаго града Назарета, митрополит Гавриил, и прочии; и поношаху ми много в неисправлении Божественнаго песнопения, и прочих церковных винах. От них же едина есть и сия, яко трем персты, последними, двема малыми с великим пальцем соединя, да двема прочими великосредними изображующе творим на лице нашем знамение креста, от Феодоритова писания неведением внесшееся в печатныя книги, в великия Псалтири со возследованием, и малыя, и прочия рукописныя. А не повелением коего Царя или Патриарха, ниже Собором когда сошедшихся архиерей».*

Под давлением Никона Собор 1656 года не только отменил и запретил древнейшее перстосложение, заменив его новым троеперстным перстосложением, но и проклял сам обычай двоеперстного крестного знамения, как якобы содержащий в себе арианскую и несторианскую ереси, а также проклял и всех тех, кто осеняет себя двоеперстным крестным знамением: *«Святая Восточная Церковь содержит, еже трема первыма великими персты всякому христианину изображати на себе крест, а еже Феодоритово и Максимово обретаемое в книзе Псалтире со возследованием московския печати, и во иных рукописанных писанно, еже два малыя последняя соединити с великим пальцем, ими же неравенство Святыя Троицы показуется, и есть арианство. И еже к тому два*

великосредняя простерты имети, и посему два Сына и два состава о едином Христе Бозе исповедовати, яко Несторию, о нем же zde наперед доволне рекохом, за кую вину неприятне есть Церкви: сия всячески отринута повелехом изрекше правило о сем сице: аще кто отселе ведый не повинится творити крестное изображение на лице своем яко же древле Святая Восточная Церковь прияла есть, и якоже ныне четыре Вселенстии Патриарси со всеми сущими под ними христианы повсюду Вселенныя обретающимся имеют; и якоже zde прежде православныи содержаша до печатания слова Феодоритова во Псалтирях со возследованием московския печати, еже трема первыма великими персты десныя руки изображати во образ Святыя и единосущныя и неразделныя и равнопоклоняемыя Троицы, но имать творити сие неприятное Церкви, еже соединя два малыя персты с великим пальцем, в них же неравенство Святыя Троицы извещается, и два великосредняя простерта суца, в них же заключати два Сына, и два состава по несториеве ереси, якоже прежде рекохом, или инако изображати крест: сего имамы последующу святыя Отец седми Вселенских Соборов и прочих поместных правилом, и Святыя Восточныя Церкви четверем Вселенским Патриархом, всячески отлучена от Церкви вкупе и с писанием Феодоритовым, якоже и на Пятом прокляша его ложная списания на Кирилла архиепископа Александрийскаго, и на правую веру, суцая по несториеве ереси, проклинаем и мы».

Под деяниями Собора 1656 года стоят подписи трёх митрополитов: Макария, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук; Корнилия, Казанского и Свияжского; Ионы, Ростовского и Ярославского; четырёх архиепископов: Маркела, Вологодского и Великопермского; Лаврентия, Тверского и Кашинского; Иосифа, Астраханского и Терского; Макария, Псковского и Изборского и епископа Александра, Коломенского и Каширского, а также двадцати двух архимандритов и девяти игуменов. Нет сомнения в том, что все вышеперечисленные участники Собора 1656 года прекрасно знали о древности двоеперстия и о признании его Стоглавым собором 1551 года в качестве несомненного апостольского предания. Однако страх перед необузданным гневом патриарха Никона и боязнь разделить участь епископа Павла Коломенского взяли верх над совестью и верой предков, от которой архиереи и видные священники Русской Церкви публично на том соборе отреклись и которую торжественно предали проклятиям.

Однако христианская совесть простых русских людей не могла примириться с проклятиями и хулами на благочестивое церковное

предание и на всех, кто, следуя сонму многочисленных святых древности, осеняет себя крестным знамением двоеперстно. «Как громом поразили русский народ эти безрассудные и душеубийственные проклятия и отлучения. Для всех было ясно, что Никон и восточные иерархи прокляли всю Русскую Церковь, всех её святителей и чудотворцев, знаменовавшихся двумя перстами. По суду Никона и приезжих греков, вся Российская страна — еретическая, армянская, проклятая, ибо она вся, начиная с архиереев и знатных лиц и кончая простым нищим, крестилась двоеперстием. Русский благочестивый народ или, точнее сказать, вся Русская Церковь не могла согласиться с таким крайне незаконным осуждением, провозглашённым Никоном и его единомышленниками — греческими владыками, тем более что они говорили явную неправду, будто бы и апостолы, и святые отцы установили триперстие» (Мельников).

Характерно, что одновременно с изречением чудовищных проклятий на двоеперстие и на другие предания древней Церкви на соборных заседаниях в 1656 году вновь обсуждался вопрос о перекрещивании католиков. 11 мая Никон отменил практику чиноприема католиков первым чином — формально из-за того, что греки в то время признавали католическое обливательное крещение. Однако, зная иезуитскую подноготную преступной реформы, нетрудно догадаться об истинных причинах этого более чем странного поступка. 18 мая вышел указ о запрете «повторного» крещения католиков. Тем самым главное препятствие на пути к будущей унии было раз и навсегда устранено.

Десятки, сотни тысяч простых христиан и десятки священнослужителей, преданных вере своих благочестивых предков, разорвали общение теперь уже не с одним патриархом Никоном, единолично издавшим «Память» 1653 года, но и со всеми иерархами, подписавшими нечестивую клятву на Соборе 1656 года. И это решение опять-таки основывалось на чётких церковных правилах — 15-м правиле Двукратного собора и 31-м правиле святых апостол: *«Аще который пресвитер, презрев собственного епископа, отдельно собрания творити будет, и алтарь иной водрузит, не обличив судом епископа ни в чем противном благочестию и правде: да будет извержен, яко любоначальный. Ибо есть похититель власти. Такожде извержены да будут и прочие из клира, к нему приложившиеся. Миряне же да будут отлучены от общения церковного. И сие да будет по едином, и втором, и третьем увещании от епископа»*. Святейший патриарх Феодор Вальсамон так толкует данное правило: *«В каждом городе клирики и миряне должны подчиняться местному епископу, с ним собираться и участвовать в церковных*

молитвах, если не обличат его судом как нечестивого, или несправедливого. Ибо тогда, если и отделятся от него, не будут осуждены...» Наконец, 3-е правило Третьего Вселенского собора гласит: «Аще же некоторым из принадлежащих к клиру в каждом граде, или селе, Несторием и его сообщниками, возбранено священство за православное мудрствование: таковым мы дали право восприяти свою степень. Вообще повелеваем, чтобы единомудрствующие с православным и Вселенским Собором члены клира, отнюдь никаким образом, не были подчинены отступившим, или отступающим от православия епископам».

*

После издания Служебника и «Скрижали» Никон почти не следил за ходом книжной «справы», полностью передав её в руки своих ставленников, а сам вплотную занялся разработкой чина архиерейского богослужения. Впервые этим чином Никон заинтересовался в 1654 году, после того как низвергнутый константинопольский патриарх Афанасий Пателарий написал специально для него сочинение под названием «Чин архиерейского совершения литургии на Востоке», впоследствии положенный в основу новообрядческих изданий архиерейского Чиновника. Патриарх Никон внимательно следил за богослужением восточных иерархов и раболепно старался им подражать. Нередко он совершал литургию по-гречески, после него в русском архиерейском богослужении вновь стали употребляться непереверждённые греческие возгласы и молитвы — «Кирие элейсон» («Господи, помилуй»), «Аксиос» («достойн») и прочие, произносившиеся в Русской Церкви по-славянски по крайней мере с XIV века. Он явно готовился к будущему богослужению в главном храме всего православного мира — Святой Софии Константинопольской.

Однако со временем властолюбие и гордыня Никона, стремившегося стать в православном мире тем же, кем в мире католическом был римский папа, привели его к разрыву даже с выдвинувшим и поддерживавшим его царём Алексеем Михайловичем. В 1656–1657 годах Никон был сделан полновластным распорядителем по всем государственным делам по случаю очередного отбытия царя на войну — на этот раз со Швецией. Однако военные походы, освободив на время царя от личного воздействия патриарха, стали началом падения Никона. Тем более и война со Швецией, во многом начатая под влиянием Никона, закончилась полной неудачей. Со временем стало ясно: царь более в Никоне не нуждается. В 1658 году

обойдённый царским вниманием «великий государь Никон, патриарх всея Великия и Малыя и Белья России» самовольно оставил патриарший престол, бросил свою паству на произвол судьбы и уехал в построенный им Воскресенский Новоиерусалимский монастырь.

Вот как описывают ссору царя с Никоном в своём донесении от 9 августа 1658 года шведские дипломаты: *«Тогда дело с патриархом дошло до того, что простые люди, долго бывшие недовольными его действиями, написали царю прошение, в котором называли патриарха еретиком, содомитом и возмутителем спокойствия, исказившим религию, древние церковные одежды и обряды, и скорбно просили нового патриарха, благочестивого и истинного христианина. Но поскольку никто не решался передать прошение, то его положили в такое место, где оно попало в руки патриарха, который впал в сильный гнев и пришел к царю, требуя тотчас сыскать авторов, используя пытки и прочие подобные средства. Царь, напротив, сказал, что в этом деле надо разобраться, но подойти к нему со всей осторожностью, чтобы не вызвать бунта. Патриарх, будучи этим недоволен, тотчас собрался и отправился из Москвы. Царь попытался через князя Трубецкого и ещё одного знатного господина отговорить его, но поскольку это не помогло, то он послал несколько сот стрельцов привезти его обратно и содержать под стражей, в то время как московское духовенство обязали расследовать это дело. Никто не верил, что он легко отделается, ибо вся страна ненавидела его. А если бы кто-то попытался обелить его, это вызвало бы, Бог его знает, недовольство или мятеж. Так говорили все. В Новгороде я записал со слов одного верного человека, что там произошло чудо, случившееся под Псковом, где три дня подряд земля покрывалась кровью, а ночью в церквах горел свет и появлялись два неизвестных человека, которые ни с кем не желали разговаривать, а ходили через моря и озёра, и повсюду».*

Демонстративно оставляя патриарший престол, Никон, вероятно, рассчитывал, что царь, одумавшись, начнет его упрашивать вернуться на патриаршество и выполнит новые его требования. Но Никон, собственно, уже был не нужен царю и его окружению. Что ж, мавр сделал своё дело, мавр должен был уйти...

Глава шестая

«ПОСЛАЛИ МЕНЯ В СИБИРЬ С ЖЕНОЮ И ДЕТЬМИ»

*Горе грабящим грабление злое домови своему,
учинити в высоту гнездо свое, яко исторгнути от
руки злых.*

*Умысли стыдение дому своему, сконча люди многи,
и согреши душа твоя.*

Книга пророка Аввакума, гл. 1, ст. 12–13

В столице Сибири

В середине XVII века в Сибирь вели две дороги: одна — южная, через Казань, большей частью водой, пригодная в летнее время; другая — северная, через Вологду, зимняя, по преимуществу сухопутная. В черновом отпуске проезжей грамоты намечены следующие пункты, через которые должен был следовать протопоп Аввакум в Тобольск: Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологда, Тотьма, Устюг Великий, Соль Вычегодская, Кайгород, Соль Камская, Верхотурье, Туринский острог, Тюмень. Выехав из Москвы 17 сентября 1653 года, подводы с семейством Аввакума находились в пути почти три с половиной месяца. Немало лишений пришлось вынести за это время семье ссыльного протопопа. Ехали посуху и по воде, телеги меняли на сани... К концу декабря 1653 года прибыли в Тобольск.

Основанный в 1587 году отрядом казаков во главе с письменным головой Данилой Чулковым возле татарского поселения Бицик-Тура, Тобольск уже к концу XVI века стал главным военно-административным центром Сибири. *«Старейшина бысть сей град Тоболеск, — сообщается в летописи, — понеже бо ту победа и одоление на окаянных бусормен бысть, паче же и вместо царствующаго града причтен Сибири».*

Тобольск имел торговые связи с Бухарой и Китаем. В городе велось летописание. В 1620 году Тобольск стал центром новой Сибирской епархии, учреждённой патриархом Филаретом с целью распространения православной веры в Сибири. Первым архиепископом Сибирским и Тобольским стал архимандрит Новгородского Хутынского монастыря Киприан, посвящённый в сан 8 сентября 1620 года. В 1652 году, за год до прибытия в Тобольск ссыльного протопопа Аввакума, архиепископ Симеон выхлопотал у царя Алексея Михайловича новые протопопские должности для сибирских городов. *«Вели, государь, — писал в челобитной царю архиепископ, — у своего государева богомолья в Тоболску в городе у церкви Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и у своего государева ангела святого и праведнаго Алексея человека Божия, и на Верхотурье, и на Тюмени, и в Томском в соборных церквах быть протопопом. И тех протопопов пожалуй, государь, вели оклад учинить свое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье по своему государеву указу».*

В столице Сибири Аввакум был принят необыкновенно ласково. Местный архиепископ Сибирский и Тобольский Симеон, будучи земляком Аввакума и сторонником идей ревнителёв благочестия, к опальному протопопу «тогда добр был» и не спешил насаждать в своей епархии никоновские новины. Перед своим отъездом в Москву на Собор 1654 года архиепископ Симеон устроил Аввакума «к месту», назначив его протопопом Вознесенского собора. Это была вторая после кафедрального Софийского собора протопопская должность в сибирской столице. Тем самым ссыльный протопоп занял по местным меркам достаточно высокое положение. К тому же он пользовался покровительством тобольского «большого» воеводы князя Василия Ивановича Хилкова.

Однако и в ссылке Аввакум продолжал выступать против Никоновых новин. *«В далёкую Сибирь с ним впервые проникала весть о волнениях, происшедших в среде русской церкви, и в его устах она принимала, конечно, характер извещения и предупреждения о появившейся ереси, соединённого с резким её обличением, — пишет историк. — Последнее и само по себе могло уже произвести своё действие на общество, строившее своё мировоззрение по преимуществу на религиозных началах, но это действие ещё усиливалось благодаря личности проповедника. Его несокрушимая стойкость духа, навлёкшая на него ссылку и помогавшая выносить все страдания последней, и строго подвижническая жизнь приобретали для него славу человека высоконравственного или, что считалось тем же самым, религиозного, и такой ореол подвижничества, окружавший проповедника, в значительной мере переносился и на его учение. При таких условиях горячая проповедь Аввакума действительно многих привлекла к нему, вооружая их против деятельности Никона, как направляемой стремлением ввести новшества в русскую церковь и исказить чистоту её правоверия»* (Мякотин).

Вместе с тем, отстаивая старое русское православие, Аввакум продолжил на новом месте борьбу за нравственную чистоту своих прихожан, последовательно проводя в жизнь идеи кружка боголюбцев и ревностно заботясь о церковном благочинии. Более всего его удручало в сибирской столице бесчинство церковнослужителей и прихожан во время службы.

«Отрадние, чадо, — вспоминал впоследствии Аввакум о своём пребывании в Тобольске, — Лоту в Содоме и Гоморе житие бысть, нежели мне в волокитах тех. Беспрестанно душевное плавание и неусыпныя наветы и беды. Яко со зверьми, по человеку со искусители брахся. Вне убо страх, а внутрь такожде боязнь. И во церковь иду, а тово

и гляжу, как нападут. А в церкви стою, паки внутренняя беда: бесчинства в ней не могу претерпеть. Беспрестанно ратуюся с попами пьяными и с крылошаны, и с прихожанами. Малая чадь, робята, в церкви играют, и те душу мою возмущают. Иное хочу и промолчать, и но невозможное дело: горит во утробе моей, яко пламя палит. И плачу, и ратуюся. А егда в литоргею нищия по церкви бродят, и не могу их унять, и я им кланяюся, и денег посулю, велю на одном месте стоять, а после обедни и заплачу. А которые бродят и мятежат людьми, не послушают совета моего, с теми ратуюся, понеже совесть нудит, претерпеть не могу».

Однажды, часу в пятом или шестом ночи, когда Аввакум со своим семейством стоял на молитве, пришёл к нему «искуситель», пьяный монах, известный всему Тобольску своим буйством и необузданностью, и стал кричать под окнами: «Учителю, учителю, дай мне скоро Царство Небесное!» — Впустив монаха в избу, Аввакум спросил его: «Чего просишь?» — «Хочу Царства Небеснаго скоро, скоро», — отвечал тот. «Можеши ли пити чашу, ея же ти поднесу?» — снова спросил Аввакум. Монах изъявил своё полное согласие. Далее произошло нечто, что не только протрезвило пьяного чернеца, но и заставило навсегда позабыть о «зелёном змие».

«Аз же приказал пономарю, — вспоминает Аввакум, — стул посреде избы поставить и топор мясной на стул положить: вершить черныца хочу. Еще же конатной толстый шелеп приказал сделать. Взявше книгу, отходную стал ему говорить и со всеми прощаца. Он же задумался. Также на стул велел ему главу возложити, и шелепом пономарь по шее. Он же закричал: “государь, виноват! Пощади, помилуй!” И пьянство отскочило. Ослабили ему. Пал предо мною. Аз же дал ему чотки в руки, полтора ста поклонов пред Богом за епитимию велел класть. Поставил его пономарь в одной свитке, мантию и клабук снял и на гвоздь повесил. Я, став предо образ Господень, вслух Иисусову молитву говоря, на колени поклонюся. А он последуя, стоя за мною, также на колени. А пономарь шелепом по спине. Да уже насилу дышать стал, так ево употчивал пономарь-ет! Вижду я, яко довлеет благодати Господни; в сени ево отпустили отдохнуть, и дверь не затворили. Бросился он из сеней, да и чрез забор, да и бегом. Пономарь-ет кричит во след: “отче, отче, мантию и клобук возьми!” Он же отвеца: “горите вы и со всем! Не до манатьи! ” С месяц времени минув, пришел в день к окошку, молитву искусно творит и чинно. А я чту книгу Библию. “Пойди, — реку, — Библию слушать в избу”. И он: “не смею-де, государь, и гледеть на тебя. Прости, согрешил!” Я простил ево со Христом и велел манатью отдать. Потом издали мне в землю кланяется.

И архимарита и братию стал почитать, и воеводы мне ж бьют челом. А до того никто с ним не смел говорить».

Не менее сурово проучил благочестивый протопоп блудницу, случайно застигнутую им во время блудодеяния с мужчиной. Не добившись покаяния от блудников, Аввакум отвёл их в приказ к воеводам. *«Те к тому делу милостивы, — с негодованием замечает Аввакум, — смехом делают: мужика, постегав маленько, и отпустил, а ея мне же под начал и отдал, смеючись».* Тогда протопоп, помня об одном испытанном способе противодействия блудной похоти, описанном в широко известной на Руси «Повести о целомудренной вдове», наказал присланную к нему женщину следующим образом.

«Я под пол ея спрятал. Дни с три во тьме сидела на холоду, — заревела: “государь-батюшко, Петрович! Согрешила пред Богом и пред тобою! Виновата, — не буду так впредь делать! Прости меня, грешную!” Кричит ночью в правило, — мешает говорить. Я-су перестал правило говорить, велел ея вынять, и говорю ей: “хочешь ли вина и пива?” И она дрожит и говорит: “нет, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочик хлеба”. И я ей говорю: “разумей, чадо, — похотение-то блудное пища и питие рождает в человеке, и ума недостаток, и к Богу презорство и безстрашие: наедшися и напився допьяна, скачешь, яко юница, быков желаешь, и яко кошка, котов ищешь, смерть забывше”. Потом дал ей чотки в руки, велел класть пред Богом поклоны. Кланялася, кланялася, да и упала. Я пономарю шелепом приказал. Где-петь детца? Черт плотной на шею навязался! И плачу пред Богом, а мучю. Помню, в правилех пишет: “прелюбодей и на Пасху без милости мучится”. Начала много дал, да и отпустил. Она и паки за тот же промысл, сосуд сатанин!»

Как некогда в Лопатищах, а затем в Москве, Аввакум и в сибирской ссылке продолжал исцелять больных и бесноватых. Об одном из таких случаев чудесного исцеления, произошедшем во время пребывания протопоба в Тобольске, он рассказывает в своем «Житии».

«Привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в Велик день, праздник наругая, да и взбесился, жена ево сказывала. И я в дому своем держал месяца з два, стужал об нем Божеству, в церковь водил и маслом освятил, — и помиловал Бог: здрав бысть и ум исцеле. И стал со мною на крылосе петь, а грамоте не учен, и досадил мне в литоргию во время переноса. Аз же ево в то время на крылосе побив, и в притворе пономарю велел к стене приковать. Он же, вышатав пробой, взбесился и старова больши; и ушед к большому воеводе на двор, людей розгоняв и сундук разломав, платье княинино на себя вздел

— вверху у них празнует, бытто доброй человек. Князь же, от церкви пришед и осердясь, велел многими людьми в тюрьму ево оттащить. Он же в тюрьме юзников бедных перебил и печь розломал. Князь же велел в село ко своим ево отслать, где он жывал. Он же, ходя в деревнях, пакости многия творил. Всяк бегаёт от него, а мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред Владыкою на всяк день плакал: Бог было исцелил, да я сам погубил. Посем пришла грамота с Москвы: велено меня на Лену ис Тобольска сослать. Егда я на реку в Петров день в дощеник собрался, пришел ко мне бешаной мой Феодор целоумен; на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: “Спаси Бог, батюшко, за милость твою, что пожаловал, помиловал мя. Бежал-де я по пустыни третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом; беси-де и отбежали от меня. И я-де и ныне пришед, паки от тебя молитвы и благословения прошу”. Аз же, окаянный, поплакал, глядя на него, и возрадовахся о величии Бога моего, понеже о всех печется и промышляет Господь: ево исцелил, а меня возвеселил. И поуча ево и благословя, отпустил к жене ево в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем света-Христа, да сохранит ево от неприязни впредь. Богу нашему слава!»

Дом Аввакума, в котором ежедневно совершались богослужения и звучали проповеди, привлекал к себе истинных ревнителей благочестия, становившихся духовными детьми и верными последователями опального протопопа. Среди них была и девушка Анна, прежде служившая у одного из тобольских жителей, а затем отпущенная хозяином к протопопу. Поучения Аввакума зажгли в ней желание сохранить своё девство и всецело посвятить себя Богу.

«В Тобольске была девица у меня, Анною звали, как впред ещё ехал, маленька ис полону ис кумык привезена, девство свое непорочно соблюла. В совершенстве возраста отпустил ея хозяин ко мне; зело правильне и богоугодне жила. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о Елизаре, о первом хозяине ея. И стала плакать по нем, таже и правило презирать, и мне учинилась противна во всем, а дочь мне духовная. Многожды в правило и не молясь простои, дремлет, прижав руки. Благодитрый же Бог, наказуя ея, попустил беса на нея: стоя леностию в правило, да и взбесится. Аз же, грешный, жалея по ней, крестом благославию и водою покроплю, и бес отступит от нея. И тово было многожды. Таже в правило, задремав, и повалилася на лавку, и уснула. И не пробудилась три дни и три ноци: тогда-сегдадохнет. Аз же по временам кажуся ея, чаю, умрет. В четвертый же день встала, и, седши, плачет. Есть дают — не ест и не говорит. Того же дня в вечер, проговоря правило

и распустя всех, во тме начал я правило поклонное, по обычаю моему. Она же, приступя ко мне, пад, поклонилась до земли. Аз же от нея отшел за стол, бояся искусу дьявольскова, и сел на лавке, молитвы говоря. Она же, к столу приступя, говорит: “Послушай, государь, велено тебе сказать”. Я и слушать стал. Она же, плачючи, говорит: “Егда-де я, батюшко, на лавку повалилась, приступили два ангела и взяли меня и вели зело тесным путем. На левой стране слышала плач с рыданием и гласы умильны. Тажде привели меня во светлое место: жилища и полаты стоят. И едина полата всех болши и паче всех сияет красно. Ввели-де меня в нея, а в ней-де стоят столы, а на них послано бело и блюда з брашнами стоят. По конец-де стола древо многоветвено повеваает и гараздо красно, а в нем гласы птичьи умильны зело, не могу про них ныне сказать. Потом-де меня вывели из нея; идучи, спрашивают: Знаешь ли, чья полата сия? И я-де отвещала: Не знаю, пустите меня в нея. И оне мне отвещали сопотив: Отца твоего Аввакума полата, сия. Слушай ево, так-де и ты будешь с ним. Крестися, слагая персты так, и кланяйся Богу, как тебе он наказывает. А не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где слышала плакание то. Скажи жо отцу своему, мы не беси, мы ангели, смотри — у нас и папарты [\[35\]](#). И я-де, батюшко, смотрила: бело у ушей-тех их”. По том, испрося прощения, исправилася благочинно по-прежнему жить».

Но когда протопопа Аввакума отослали далее на восток, Аннакумычка, оставшись без духовного окормления, впоследствии не вынесла принятого на себя аскетического подвига и вышла замуж за своего бывшего хозяина. Она прожила со своим мужем Елизаром восемь лет и прижила с ним двух детей. Однако нарушение данного некогда обета не прошло для нее бесследно — она начала бесноваться. Однажды до неё дошла весть, что протопоп Аввакум, возвращавшийся из ссылки в Москву, вновь будет проезжать через Тобольск.

«Егда услышала, что я еду назад, отпросясь у мужа, постриглась за месяц до меня. А егда замужем была, по временам бес мучил ея. Егда же аз в Тоболеск приехал, пришла ко мне и робятишек двоих положила пред меня, кающаяся, плачет и рыдает. Аз же пред человеки кричу на нея. Потом к обедне за мною в церковь пришла, и во время переноса напал на нея бес: учала кричать кокушкою и собакою и козою блекотать. Аз же зжалихся, покиня “Херувимскую” петь, взяв крест от олтаря и на беса закричал: “Запрещаю ти именем Господним! Изыди из нея и к тому не вниди в нея!” Бес и покинул ея. Она же припаде ко мне за нюже вину. Аз же простил и крестом ея благословил, и бысть здрава душею и телом».

Впоследствии Аввакум вывез Анну в Москву, где она была известна

под именем инокини Агафии и пострадала за древнее благочестие вместе с сыновьями протопопа Иваном и Прокопием. *«За поруками их всех вместе Павел-митрополит волочил».*

*

Суровые нравственные требования, привлекавшие к Аввакуму одних прихожан, у других вызывали резкое отторжение и с неизбежностью порождали новые конфликты. *«Тут, живучи у церкви, — вспоминал Аввакум впоследствии, — великия беды постигоша мя. Пятья слова государевы сказывали на меня в полтора годы».* Неизвестно, о чём говорилось в первых четырёх челобитных, однако хорошо известны обстоятельства пятого извета на протопопа Аввакума, написанного архиепископским дьяком Иваном Струной. Об обстоятельствах этого дела известно как из рассказа самого протопопа, так и из других источников.

После 24 января 1654 года архиепископ Симеон уехал на церковный собор в Москву, где провёл почти целый год. На время своего отсутствия он поручил вести дела епархии приказному Григорию Черткову, а также своему дьяку Ивану Струне. Заместители архиепископа, в особенности Струна, сильно злоупотребляли своим положением, и Симеон по возвращении в Тобольск в декабре 1654 года обнаружил, что в казённой, житейной и других службах епархиального Софийского дома *«воровства и кражи объявилось много».* В духовных судных делах Струна *«правых винил, а виновных оправливал для своей бездельной корысти».* За месяц до возвращения владыки, то есть в ноябре 1654 года, у Аввакума произошло серьёзное столкновение со Струной.

«И един некто, двора архиепископля дьяк, Иван Струна, — вспоминал Аввакум, — тот и душею моею потряс; сице. Владыка съехал к Москве, а он без нево, научением бесовским и кознями, напал на меня, — церкви моя дьяка Антония захотел мучить напрасно. Он же Антон утече у него и прибежал ко мне во церковь. Иван же Струна, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне во церковь — а я пою вечерню — и, вскоча во церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время затворил двери и замкнул, никово не пустил в церковь, один он Струна вертится, что бес, во церкве. И я, покиня вечерню, со Антоном посадя ево на полу, и за мятеж церковной постегал ременем нарочито-таки. А прочии, человек з дватцеть, вси побегоша, гоними духом. И покаяние приняв от Струны, к себе отпустил ево паки. Сродницы же ево, попы и чернцы, весь град

возмутили, како бы меня погубить. И в полнощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня, взяв, в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и вспять побегоша. Мучился я, от них бегаючи, с месяца. Тайно иное в церкви начую, иное уйду к воеводе. Княиня меня в сундук посылала: «Я-де, батюшко, нат тобою сяду, как-де придут тебя искать к нам». И воевода от них, мятежников, боялся, лишо плачет, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просился, — ино не пустят. Таково-то время было. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан в чернцах именуем, на Москве у Павла митрополита ризничим был, как стриг меня з дьяконом Афонасьем. Тогда в Сибири при мне добр был, а опосле проглотил ево дьявол, отступил же от веры».

Наконец из Москвы вернулся архиепископ Симеон, и Аввакуму «мало-мало лехче стало». Теперь он был избавлен от постоянно угрожавшей ему опасности расправы. Произведя следствие, Симеон нашёл протопопа совершенно правым, а дьяка Ивана Струну велел посадить на цепь, поскольку в результате дознания вскрылась ещё одна его вина. «Правильною виною посадил ево, Струну, на чепь за сие: человек некий з дочерью кровосмешение сотворил, а он Струна, взяв с мужика полтину, не наказав, отпустил. И владыка ево за сие сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же Струна ушел к воеводам в приказ и сказал слово и дело государево на меня».

Сохранился пересказ челобитной Ивана Струны, поданной в 1656 году, в которой эти события излагаются несколько иным образом: «По челобитью де ссыльнаго протопопа Аввакума он, Симеон архиепископ, ево, Ивана Струну, в чепи и в железах мучил многое время. И не потеря он, Иван, ево архиепископли муки, в чепи в железах пришед в съезжую избу и бил челом... стольнику и воеводам князю Василью Ивановичю Хилкову с товарищи, про того Протопоповы Аввакумовы слова извещал. И после того ево Иванова извету отдан он, Иван, до указу за пристава». Интересно, что помимо обвинения в произнесении «неистовых слов» Иван Струна «на того протопопа Аввакума извещал, что он, Аввакум, ходит с посохом — а посох де съ яблоки вызолочен, а на рогах оправлено серебром — и про иные его Аввакумовы безчинства». И действительно, во время обыска в доме Аввакума, произведённого подьячим съезжей избы В. Лосевым, было обнаружено два посоха: «один точеный с яблоки золочен листовым золотом, а другой с яблоки ж крашен красками и золочен листовым же золотом по местам». Возможно, эти посохи прислала Аввакуму тайно поддерживавшая его царевна Ирина Михайловна. «Царевна Ирина Михайловна, — вспоминал он, — ризы мне с Москвы и

всю службу в Тоболеск прислала». Однако появление опального протопопа на людях с таким посохом, который являлся символом архиерейской власти, могло быть истолковано его недоброжелателями как церковное «безчинство».

После того как архиепископский дьяк ушёл из-под ареста в Софийском доме в приказ и сказал там на Аввакума и на архиепископа «слово и дело государево», он был отдан «сыну боярскому лутчему Петру Бекетову за пристав». Далее произошла следующая история, которую мы знаем в позднейшем пересказе протопопа Аввакума:

«Увы, Петру погибель пришла! Подумав, архиепископ по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в церкви [36]. Петр же Бекетов в то время, браня архиепископа и меня, изшед ис церкви, взбесился, идучи ко двору, и пад, издше, горкою смертью умре. Мы же со владыкою приказали ево среди улицы вергнути псом на снадение, да же гражданя оплачют ево согрешение; и сами три дни прилежне Божеству стужали об нем, да же отпустится ему в день века от Господа: жалея Струны, таковую пагубу принял; и по трех днех тело его сами честне погребли. Полно тово говорить плачевнова дела».

В рассказе Аввакума упоминается некто Пётр Бекетов, принявший сторону Ивана Струны. Некоторые исследователи отождествляли его с известным сибирским землепроходцем Петром Ивановым сыном Бекетовым, незаурядным человеком, «проложившим первые русские дороги в Забайкалье и Якутию, основателем пяти сибирских городов, не раз проявлявшим личное мужество в боях и талант дипломата в посольствах» (Резун). Однако, как убедительно доказано исследователями, «енисейский сын боярский» Пётр Иванов сын Бекетов никакого отношения к изложенным в «Житии» Аввакума событиям начала марта 1655 года не имел, поскольку находился в то время не в Тобольске, а в Кумарском остроге на Амуре, за тысячи вёрст от столицы Сибири.

*

Последний эпизод, связанный с пребыванием протопопа Аввакума в Тобольске, касался порученного ему архиепископом Симеоном «великого духовного и государева дела». Дело это было возбуждено по извету старца Далматовской Исетской пустыни Ефрема на приказчика Киргинской слободы Тобольского уезда Никиту Фефилова, якобы говорившего «многие непристойные речи». В августе 1654 года киргинский приказчик подал

тобольским воеводам князьям В.И. Хилкову и И.И. Постному-Гагарину челобитную о том, что приказчик Исетского острога Давыд Андреев и строитель Исетской пустыни старец Далмат отказались выдать беглых пашенных крестьян Киргинской слободы, укрывшихся у них. Со временем конфликт разросся, в него оказались замешанными как светские, так и духовные власти. Для расследования этого дела в Киргинскую слободу была послана специальная комиссия, включавшая в себя *«Софейскаго дому казначея старца Филарета, да Вознесенскаго протопопа Аввакума Петрова, да Софейских... детей боярских Василия Балакирева да Федора Есипова, да подьячево»* (архиепископская память от 16 мая 1655 года).

Во время своей поездки протопоп Аввакум побывал в Исетской пустыни, где познакомился с её основателем старцем Далматом (в миру — тобольский сын боярский Дмитрий Иванович Мокринский). Беседы с пострадавшим за веру опальным протопопом не могли не оставить своего следа в душе исетского старца. Характерно, что в дальнейшем как сам Далмат, так и часть его братии из Исетской обители будут придерживаться старых обрядов, время от времени подвергаясь за это наказаниям. *«Вполне возможно, что именно из-под пера Далмата вышло много лет спустя и небезызвестное послание “Об антихристе и о тайном царстве его”, где излагалась теория “мысленного” антихриста»* (Шашков). Эта теория впоследствии будет разделяться многими сторонниками старообрядчества, особенно беспоповской его части: на Дону Козмой Косым, в Поморье — чёрным дьяконом Соловецкого монастыря Игнатием и заточённым в Кирилловом монастыре иноком Трифилием. В 1694 году тезис о «мысленном», или «духовном», антихристе будет провозглашён в качестве догмата на Новгородском соборе.

Однако теория «мысленного» антихриста противоречила взглядам протопопа Аввакума в сибирский период его жизни, поскольку тогда он склонялся скорее к «чувственному» пониманию антихриста, считая, что антихрист должен явиться в образе конкретного человека. Кроме теории «мысленного антихриста» полемически по сравнению со взглядами раннего Аввакума выглядят и высказываемые в послании Далмата мысли о никонианских таинствах и о новом священстве.

«И паки о попех нынешних, — говорится в послании «Об антихристе и о тайном царстве его», — еже нецыи из правоверных же разсуждающе сице: аще который поп в покаяние приидет, по нужде приимати от него святыню, крещение и молитвы и венчание, и всякия духовныя потребности и нужды исправляти, и аще же изволит кровь пролити за Христа, то таковым и литоргисати подобает. И мы истинно зело дивимся таковому

разсуждению. Понеже сие изволися не по правилам святых апостол и святых отец, но от своего умышления. Аще бо от еретик рукополагаем и слуг антихристовых: кое от таковых освящение, или крещение, или всякия потребы благопотребны бывают? Рцы ми, содействует ли Дух Святой еретическому рукоположению, еже на них? Никакоже! но паче осквернение, а не освящение. И о том в Кирилове книге пишет во многих местех сице: еретическое крещение несть крещение, но паче осквернение. И по тому свидетельству святых отец, и всякое действие еретическое несть освящение, но паче осквернение. Аще бо и в покаяние приидет, познания ради истины, то не освященна его мню, понеже бо Дух Святой на нем не действовал, но за простеца его и мирянина в братство причитаем. И аще бе истинных первых архиереев рукоположение на которых попах старых: аще таковой приидет в познание истины и в покаяние, и аз бы принимал от такового всякую священную потребу. Понеже в рукоположении на нем содействовал Дух Святой; аще бо и осквернился антихристом, но паки прииде ко Господу, покаянием и слезами омывся, и не отъятся от него рукоположение и освящение. Якоже и крещение на человеце всегда единою пребывает, — аще и во многия впадет ереси, или во отступления и отвержения, аще и много время в том пребудет, и паки в покаяние приидет — крещение второе ему не бывает, но тоже цело пребывает, — такоже и рукоположение».

Даже 28 лет спустя после смерти знаменитого старца (умер он в 1697 году в возрасте 103 лет) один из бывших далматовских монахов писал в своём доносе, что «Долмат, которой заводил монастырь, был злой раскольник и святых тайн не приобщался, так и душу свою без покаяния, удаляясь от святой церкви, изверже».

Экспедиция Пашкова

Через полтора года, когда до Москвы дошли вести о том, что протопоп Аввакум не прекратил своих обличений никоновских реформ и что его проповеди пользуются большим успехом у жителей Тобольска, пришёл указ об отправке опального протопопа ещё далее на восток. *«Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от Писания и укаряю Никона, еретика»*. Патриаршая грамота о переводе Аввакума с семьёй под стражей в Якутский острог была получена в Тобольске 27 июня 1655 года: *«По указу отца вашего государева и богомольца великого государя святейшего Никона патриарха московского и всея Великия и Малыя России, велено нам, холопом вашим, тобольского вознесенского протопопа Аввакума з женою и з детьми послать из Тобольска с приставом, с кем пригоже, и с провожатыми на Лену в Якуцкой острог к стольнику и воеводе к Михаилу Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонково. И о том от себя к ним отписать. А велети б ему, протопопу Аввакуму, быти в Якуцком. А божественные службы, по указу отца вашего государева и богомольца великого государя святейшего Никона... тому протопопу служить не велети»*. Здесь же указывалось сыскать архиерейский посох, о котором сообщал в своём доносе на Аввакума Иван Струна.

Вместе с этим указом пришли и печальные вести из Москвы о смерти во время мора двух братьев Аввакума, многих его родственников и друзей. *«Излиял Бог на царство фиял гнева Своего! Да не узнались горюны однако, — церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение: то и сбылось во дни наша ныне»*.

29 июня 1655 года, в Петров день, Аввакум и его семья были отправлены *«в Енисейской острог с красноярским сыном боярским с Милославом Кольцовым да с енисейскими казаки с Якушкою Калининым, да с Левкою Семеновым, да с Стенькою Ипатовым, да с Федькою Темякиным, да с ылимским казаком Ывашкою Дунаевым»*... Путь от Тобольска до Енисейска занял около трёх месяцев. Плыли сначала вниз по Иртышу, затем вверх по Оби и Кети с выходом на Енисей через Маковский волок. К концу сентября — началу октября прибыли, наконец, в Енисейский острог, где и зазимовали. Однако до Якутского острога Аввакуму доехать было не суждено — в дороге его нагнал новый указ: отправляться в составе

экспедиции воеводы Афанасия Пашкова в далекую Даурию [\[37\]](#)...

Предстоящая экспедиция в «новую Даурскую землю» готовилась заранее. Задачей экспедиции было покорение земель, лежащих на Амуре, и окончательное установление там русского владычества. После удачного похода на Амур отряда Ерофея Павловича Хабарова московские власти решили закрепить свои позиции на новых землях. С этой целью ещё с 1652 года готовился экспедиционный корпус в составе трёх тысяч человек под командованием окольного князя И.И. Лобанова-Ростовского. Однако после начала Русско-польской войны 1654–1667 годов, являвшейся составным звеном авантюрного «греческого проекта» по созданию «Вселенского православного царства», ситуация резко изменилась. Втянутая в затяжную войну с Речью Посполитой, Россия не могла расплыть свои основные силы, а потому вся тяжесть организации предстоящей Даурской экспедиции легла на плечи сибирской администрации. Ситуация усугублялась тем, что китайский император считал земли, лежащие по реке Амур, своими, и действия Хабарова обострили отношения Русского государства с Цинской империей. К этому добавилось неудачное посольство в 1654 году боярского сына Фёдора Байкова, который своим упрямством и неумением вести переговоры ещё более обострил отношения между двумя государствами.

Начальником экспедиции и воеводой Даурской земли был назначен Афанасий Филиппович Пашков. Правнук выехавшего из Польши на русскую службу при Иване Грозном Григория Пашкевича, он в 1650–1655 годах служил воеводой в Енисейске. Ввиду грозившей войны с китайцами в полученном Пашковым из Сибирского приказа воеводском наказе ему среди прочего предписывалось поставить в Даурской земле, на устье реки Урки (притоке Амура), либо на Албазинском или на Гойгударовом городищах, новый острог. В остроге следовало возвести церковь во имя Вознесения Господня с двумя приделами, освящёнными в честь небесных покровителей наследника престола и царя — *«Алексея митрополита да Алексея человека Божия»*. Для службы в этой церкви сибирскому архиепископу Симеону велено было послать к Пашкову из Тобольска двух попов и дьякона. В черновом отпуске грамоты царевича Алексея Алексеевича к сибирскому владыке от 20 августа 1655 года особо указывалось, что *«к тем трем престолом указали есмя послати из Тобольска антимицы да черного попа и белого дьякона, Да с Лены послати протопопа Аввакума»*. Как видим, в Москве очень внимательно следили за всеми передвижениями опального протопопа.

Тем же днём датируется грамота на имя нового енисейского воеводы

И.П. Акинфова, в которой приказывалось выдать протопопу Аввакуму, посылаемому с женой и детьми из Енисейска в Илимский острог, а оттуда через Ленский волок в Даурию, «государево жалованье» на 1655/56 год — 15 рублей денег, 15 четей муки ржаной и 2 чети с осьминою круп и толокна. Тогда же илимскому воеводе Б.Д. Оладьину была послана ещё одна грамота — о выдаче в Илимском остроге по три пуда соли «усть-кутской вари» чёрному попу и белому дьякону из Тобольска, а также протопопу Аввакуму. Кроме того, 30 июня 1656 года Аввакум наравне с другими участниками Даурской экспедиции получил денежное и хлебное жалованье на 1656/57 год, а 4 июля — ещё 6 пудов соли. Однако вскоре он лишился всех запасов продовольствия. В Первой челобитной царю Алексею Михайловичу Аввакум писал: *«А что, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запас хлепча на предъидущая лета, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял после кнутнова биения и продавал мне на платьишко мое и на книги свою рожь немолотую дорогою ценою, по два рубли пуд вещей и больши».*

Официально Аввакум был послан *«вместо белово попа из Енисейского острогу с ним, Афонасьем Пашковым»*, то есть должен был выполнять роль полкового священника и одновременно проповедника православия среди завоёванных туземных народов. В этой роли его видел и архиепископ Симеон, отправляя вместе с ним из Тобольска к Пашкову чёрного попа Сергия и белого дьякона Леонтия. Но оказавшись во власти «даурского зверя», Аввакум понял, что Пашков не только не даст ему служить литургию, но что *«с Москвы от Никона приказано ему мучить меня»*. Впоследствии, во время экспедиции, немилосердный воевода запрещал Аввакуму причащать своих умирающих подчинённых и даже отобрал у него запасные дары.

Действительно, воевода Афанасий Пашков отличался особой жестокостью. *«Суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет»*, — писал о нём протопоп Аввакум. И эти слова не были преувеличением. Сохранившиеся до наших дней документы не менее красноречиво, чем «Житие» Аввакума, рисуют нам образ этого жуткого человека. *«И в период своего енисейского воеводства, и во время подготовки к Даурской экспедиции он не давал пощады никому: “старинных прежних съезжие избы подъячих бил и мучил... и на пытках пытал”; “человека своего без государева указу казнил”; сына боярского Еремея Толстого более 5 месяцев держал “в железах и на правеже” и “вымучил на нем... и на жене его денег со своими потаковщики” более 5 тысяч рублей и 4 амбара хлеба. При этом он был ещё и великий лихоимец.*

“А животов ево, Афанасья Пашкова, — доносил Еремей Толстой, — неправедного собранья есть тысячь с 50 и больши с вывозными животы, а неправды его, Афанасьевы, и всякое насильство ведают многие люди”. Страдали от крутого нрава Пашкова не только служилые люди и его челядь, но и представители духовенства. Так, поссорившись с новым воеводой И.П. Акинфовым, он стал принуждать монахинь Енисейского Рождественского монастыря подписывать, не читая, челобитную на своего недруга, а когда одна из них, старица Прасковья, потребовала ознакомиться с её содержанием, Пашков велел взять её из монастыря, “бил по щекам своими руками и пытал её у себя на дворе неведомо в каком деле”. Местного соборного попа Игнатия он приказал “полчанам своим изымати на улице, бив насмерть, притащить к себе перед окошко”, после чего обругал и велел бить батогами, но, увидев, что тот и так еле живой, оставил его в покое» (Шашков).

В челобитной архиепископа Симеона, отправленной царю осенью 1657 года, рассказывается ещё об одном характерном случае: *«А в Дауры, государь, к Офонасью Пашкову попов и дьяконов посылать не смею, потому что он нравом озорник великой. Послан был ис Тоболска на Лену к церкви Божии служить поп Ияков, а Афонасей Пашков был еще во Енисейском при Иване Акинфиеве. И он, Афонасей Пашков, зазвал того Иякова попа к себе на судно и бил ево на смерть своими руками. И он, поп Ияков, от ево, Афонасьевых, побои лежал недель с шесть при смерти, одва ожил». И под началом такого вот человека Аввакуму придётся провести шесть долгих и мучительных лет!*

*

18 июля 1656 года экспедиция Пашкова на сорока дощаниках [\[38\]](#) отправилась в путь. На борту было не менее пятисот человек: 420 казаков, поп и дьякон из Тобольска, семейство протопопа Аввакума и ещё более семидесяти душ домочадцев и дворовых людей самого воеводы. Часть пути вместе с основной флотилией на четырёх дощаниках плыли служилые люди пятидесятника Федосея Поясницына, посланные новым енисейским воеводой М.Г. Ртищевым «на перемену» в Братские остроги — ещё порядка семидесяти человек.

Поход Пашкова был сопряжён со всевозможными лишениями и опасностями. Впоследствии Аввакум назовет Даурию «смертоносным местом». Приходилось переносить и холод, и голод, подвергаться

нападениям туземцев и диких зверей. Уже в самом начале пути Аввакуму и его семейству пришлось пережить тяжёлые испытания. На реке Большой, или Верхней Тунгуске (так называлось нижнее течение Ангары от Братского острога до впадения в Енисей), дощаник протопопа чуть не утонул.

«Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске реке, в воду загрузило бурю дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричу: “Господи, спаси! Господи, помози!” И Божию волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике. двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправясь на берегу, и опять поехали вперед».

Когда добрались до порогов, наиболее трудными и опасными из которых были Шаманский и Падун, между Аввакумом и Пашковым произошло первое столкновение. Навстречу их флотилии плыл дощаник, на борту которого находились две пожилые вдовы — одна шестидесяти лет, а другая — ещё старше, собиравшиеся постричься в инокини. Здесь Пашков неожиданно проявил своё самодурство. Он велел вдовам возвращаться назад и выходить замуж. Аввакум сказал, что это противоречит церковным правилам. Тогда Пашков, «осердясь», хотел высадить протопопа на берег на Долгом пороге, чтобы тот пешком шёл по горам: *«Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!»* Взглянув на окружающие его высокие утесы, Аввакум пришел в ужас:

«О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские ^[39], и бабы ^[40], и лебеди, и иные дикие, многое множество, — птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, и изубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков со зверьми, и со змиями, и со птицами витають».

Не видя другого способа образумить Пашкова, Аввакум написал ему «малое писанейце», составленное по образцу заклятия дьявола из чина крещения и начинавшееся следующими словами: *«Человече! Убойся Бога, сидящаго на херувимех и призирающаго в бездны, Его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство*

показуешь». «Получив это “писанейце”, — пишет исследователь жизни и творчества Аввакума А.Т. Шашков, — воевода прекрасно понял содержащийся в нем намёк и разгневался не на шутку». Взбешённый дерзким поступком Аввакума, Пашков послал 50 казаков за дощаником протопопа, стоявшим в трёх верстах от воеводского. Казаки дотащили дощаник на бечевах:

«Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне. Привели дощеник: взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: “поп ли ты или роспон (то есть расстрига. — К.К.)?”; и аз отвещал: “аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дела до меня?” Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ^[41] ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, — помогай мне!” Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: “пощади!” Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: “полно бить тово!” Так он велел перестать. И я промолвил ему: “за что ты меня бьешь? ведаешь ли?” И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащити: сковали руки и ноги и на беть ^[42] кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал... Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуну, — река о том месте шириною с версту, три залавка ^[43] чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, — нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили...»

Однако здесь было явлено чудесное знамение, заставившее гневливого воеводу на какое-то время немного образумиться.

«А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник, — снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести, — взяла силу вода, паче же реци — Бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в него нейдет. Чудо, как то Бог безумных тех учит! Он сам на берегу, боярня в дощенике. И Еремей стал говорить: “батюшко, за грех наказует Бог! напрасно ты протопопа тово кнутом тем избил; пора покаятца, государь!” Он же рыкнул на него, яко

зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, “Господи, помилуй!” говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пицаль ^[44], — никогда не лжет, — приложася на сына, курок спустил, и Божию волю осеклася пицаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклася пицаль. Он же и в третьи также сотворил; пицаль и в третьи осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил; так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: “согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует Бог!” Чюдно, чюдно! По Писанию: “яко косен Бог во гнев, а скор на послушание”; дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды; потянули, он и взбежал на тихое место тотчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолвил ему: “Прости, бартя ^[45], Еремей, — правду ты говоришь!” Он же, прискоча, пад, поклонился отцу и рече: “Бог тебя, государя, простит! я пред Богом и пред тобою виноват!” И взяв отца под руку, и повел».

Впрочем, покаянное настроение недолго царило в душе Пашкова. Весь последующий путь Аввакуму пришлось провести в оковах. Наконец, к Покрову, к 1 октября 1656 года, отряд Пашкова прибыл в Братский острог, где остановился на зимовку. Избитого протопопа бросили в «студёную башню» острога. Здесь он пробыл до середины ноября.

«Сидел до Филипова посту в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спине-той нельзя было. Коли покормят, коли нет. Есть-тово после побой тех хочется, да веть-су неволя то есть: как пожалуют — дадут. Да безчинники ругались надо мною: иногда, одново хлебца дадут, а иногда ветчинки одное невареной, иногда масла коровья, без хлеба же. Я-таки, что собака, так и ем. Не умывался веть. Да и кланяться не смог, лише на крест Христов погляжу да помолитвую. Караулицики по пяти человек одаль стоят. Щелка на стене была, — собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня. Яко Лазаря во гною у вратех богатаго пси облизаху гной его, отраду ему чинили, тако и я со своею собачкою поговаривал. А человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют. Мышей много у меня было, я их скуфьею бил: и батошка не дали; блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: “Прости!”, да сила Божия возбранила, велено терпеть. В шестую неделю после побой перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками зимовал скован».

Жену и детей Аввакума поселили в каком-то зимовье за 20 вёрст от острога. При этом и Анастасии Марковне не давали покоя — *«баба ея Ксенья мучила зиму ту всю — и лаяла да укоряла»*. Однажды, после Рождества Христова, двенадцатилетний сын Аввакума Иван пришёл в острог повидать отца. Узнав об этом, разгневанный Пашков приказал бросить мальчика в «студёную тюрьму», где прежде сидел сам Аввакум, а наутро вытолкать и отправить к матери, так и не дав повидаться с отцом. *«Начевал милой и замерз было тут, — вспоминал Аввакум. — Приволокся к матери — руки и ноги ознобил»*.

Весной пашковская экспедиция двинулась дальше. К началу июня 1657 года прибыли на Байкал. Здесь Пашков решил отправить в Москву накопившиеся за время пути отписки, в том числе и по поводу наказания кнутом протопопа Аввакума 15 сентября 1656 года. Чтобы оправдать свои незаконные действия перед московским начальством, воевода пытался всячески оклеветать неповинного страдальца, изображая его чуть ли не главой противоправительственного заговора, «вором» и заводчиком бунта. *«И тот ссыльной роспопа Аввакумко, — сообщал в своей отписке на имя царя и наследника Пашков, — умысляя воровски неведомо по чьему воровскому наученью, писал своею рукою воровскую составную память глухую безымянно, буттось, государи, везде в начальных людех, во всех чинах нет никакия правды. И иные, государи, многия непристойные свои воровские речи в той своей подметной памяти написал, хотя в вашей государевой даурской службе в полку моем учинить смуту»*. Аввакум якобы *«тем своим воровским письмом хотел приводить служилых людей на то, чтобы оне вам, государем, изменили»*, подобно недавним сибирским бунтовщикам Мишке Сорокину и Фильке Полетаю «с товарищи».

По правилам делопроизводства Пашков должен был приложить к своей челобитной оригинал «воровской» записки Аввакума, однако сделать этого он, естественно, не мог, а потому послал другой «документ», состряпанный им на скорую руку, — коллективную челобитную от имени 420 казаков даурского полка. В челобитной казаки якобы просили царя и царевича *«вору и завогичу и ссорщику, роспопе Аввакуму»* в соответствии с Соборным уложением *«совершенной указ учинить»*, то есть казнить. Как убедительно доказал В.И. Малышев, отписка Пашкова и челобитная казаков написаны одной рукой, текст совпадает почти дословно, а более двадцати подписей на «казачьей» челобитной сделаны тремя-четырьмя почерками.

Одновременно с отписками в Москву Пашков отправил архиепископу Симеону в Тобольск челобитную с просьбой прислать в будущую

Благовещенскую церковь, которую он «по обету» собирался построить в новом остроге на Шилке, *«попа белова да дьякона»*, поскольку по дороге в Братском остроге умер белый дьякон Леонтий и в составе экспедиции остался один только чёрный поп Сергей. Получив пашковскую челобитную в конце августа 1657 года, владыка весьма удивился, что воевода ничего не написал об Аввакуме, и стал расспрашивать о нём посыльных, казачьих десятников Никиту Максимова и Потапа Фёдорова. От них-то Симеон и узнал о жестокой расправе, учинённой самодуром-воеводой на Тунгусских порогах. По поводу этого вопиющего случая архиепископом была немедленно написана челобитная в Москву, на которую последовал царский указ от 10 февраля 1658 года о замене Пашкова другим воеводой — поскольку *«Афанасей Пашков попов бьет и протопопа Аввакума бил чеканом и кнутьем»*, его *«от Даурския службы велено отставить»*. Однако до столицы было слишком далеко, и Пашков оставался на своем месте вплоть до 1662 года...

*

Между тем пашковская флотилия, переплыв Байкал, на котором семейство Аввакума едва не утонуло во второй раз, вошла в Селенгу и поднялась по ней до устья реки Хилка. Здесь дощаники пришлось сменить на более лёгкие барки, после чего началось 12-недельное восхождение по сильно обмелевшему из-за летней жары Хилку. Хотя с Аввакума сняли оковы и он воссоединился со своей семьёй, Пашков не оставлял его в покое, заставляя работать наравне с казаками.

«По Хилке по реке, — вспоминал Аввакум, — заставил меня ляжку тянуть: зело нужен ход ею был, — и поестъ было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою, — людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: “Владычице, помози! Упование, не утопи!” Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос и Пречистая Богородица изволили так? Я, выщед из воды, смеюсь; а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы

тое много еще было в чемоданах да в суммах; все с тех мест перегнуло — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: “ты-де над собою делаешь за посмех!” И я паки Свету-Богородице докучать: “Владычице, уйми дурака тово!” Так Она-надежда уняла: стал по мне тужить».

Кроме выполнения трудовых повинностей, возложенных на него немилосердным воеводой, Аввакум должен был ещё заботиться о жене и детях. Помощников у него не было, поскольку Пашков отнял у него работников, а другим запретил наниматься к нему. Да и нанимать Аввакуму было уже не на что: всё его имущество, вывезенное из Москвы и состоявшее в основном из одежды и богослужебных книг, частично погибло в пути, частично же было разграблено казаками или отобрано Пашковым.

Путешествие продолжалось и летом, и зимой: летом «в водах бродили», зимой волочили нарты. Лишь к октябрю 1657 года полк Пашкова добрался до озера Иргень. Здесь поставили новый острог — рядом со старым, разорённым «немирными иноземцами». В ожидании предстоящей зимы начали строить жилые избы. Построил себе избу и Аввакум. *«Тут с робятишки к зиме ставил себе избенку, волочил на плечах своих нартою, сиречь на саласках, из лесу бревенья. От немилосердия воеводскаго люди побить не смели, а наняться не велит же; еще и нанять стало нечим. До Рожества избу ставил, а жена и робята малые мерзли на стуже. И от Рожества пожили в ызбе до Масленицы...»*

Одновременно люди Пашкова приступили к сбору ясака с местного населения. Из-за измены толмача в начале зимы началось восстание таргачинских и баргутских «мужиков», в результате которого погибли десять ясачных сборщиков. На подавление мятежа был послан сын Пашкова Еремей с 260 казаками на конях, на лыжах и на нартах. Однако, взяв в плен 40 человек и захватив 500 лошадей, отряд Еремея Пашкова так и не достиг Баргутской и Таргачинской земель из-за дальности расстояния.

В конце зимы 1658 года отряд Пашкова, оставив в Иргенском остроге 20 казаков, отправился в дальнейший путь. Через Иргенский волок вышли на реку Ингоду. Аввакум в своём «Житии» подробно описывает этот тяжелейший переход, оставивший неизгладимый след в его памяти. Неимоверные лишения, голод и холод, которые приходилось переживать всем участникам экспедиции, усугублялись бесчеловечными издевательствами со стороны Пашкова: *«А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал...»*

«...Один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок, — вспоминал Аввакум. — У людей и собаки в

подпряхках, а у меня не было; одинова лишо двух сынов, — маленьки еше были, Иван и Прокопей, — тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто: насилу бедные и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе ташила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленьку тащили. И смех и горе, как помянутся дние оны: робята те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут; и кое-как перебились волок, да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба мамврийска. Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешился, и мы неделю-другую мерзли под сосною с робяты одны, кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с робяты отгородились, балаганец сделал, огонь курили и как до воды домаялись».

Когда вышли к Ингоде, приступили к рубке леса и заготовке брёвен для двух будущих острогов — Верхшилкского и Даурского. Для первого сделали четыре башни и все острожные стены, а для второго — восемь башен, в том числе две проезжих, и двести сажений острожных бревен на четыре стены. Заготовили также лес на избы и на церковное строение. С началом навигации все бревна сбили в 170 плотов, погрузили на них лошадей и имущество и двинулись дальше, вниз по реке. Водный путь занял целых три недели. Не хватало людей, плоты часто разбивало на мелководье. Ко всему прочему, начался голод.

«Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаваню моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска [46], люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! И без битья насилу человек дышит, с весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да петь работай, никуды на промысл не ходи; и верьбы, бедной, в кашу уципать сбродит — и за то палкой по лбу: не ходи, мужик, умри на работе! Шестьсот человек было, всех так-то перестроил. Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка [47] московская была, не сгнила, — по-русскому рублев в полтретьяцеть [48] и больши по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке живучи, с травною перебиваючися».

В начале июня 1658 года пашковская экспедиция достигла устья реки Нерчи. На правом берегу реки Шилки поставили новый острог —

Верхшилкский, или Нелюдский (позднее стал называться Нерчинским). Вспахали и засеяли ячменём 50 десятин земли, ещё 70 десятин подготовили под озимую рожь. Были сысканы и посажены в тюрьму тунгусы, разорившие и уничтожившие прежние Иргенский и Шилкский остроги. Пашков приказал их для острастки повесить на глазах местных ясачных людей.

Однако ещё с конца зимы хлебные запасы экспедиции подошли к концу, и казаки голодали. К тому же Пашков никого не отпускал промышлять, и среди участников экспедиции начался самый настоящий мор. Впоследствии Аввакум недаром назовет Нерчу «юдолью плачевной»: к концу июля 1658 года здесь уже умерло от голода 47 человек, 53 лежали при смерти. Жуткие сцены голода навеки будут запечатлены в аввакумовском «Житии»:

«Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место; по степям скитающиеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну (то есть сосновую кору. — К. К.); а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедем. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех [\[49\]](#), а с прочими, скитающиеся по горам и по остроуму каменею, наги и боси, травую и корением перебивающиеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачу бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сладьми?»

Трагические подробности смерти маленького сына Аввакума содержатся в Прянишниковском списке «Жития»: *«Из куреня выду — мертвой, по воду пойду — мертвой, по траву пойду — тамо и груда мертвых... В то время сын у нас умер. И положи ево на песке говорим: “Коли сами умрем?” И потом с песку унесло ево у нас водою, мы же за ним и руками махнули: не до него было — и себя носить не сможем».*

Но мир не без добрых людей. Нашлись у Аввакума тайные доброхоты и в семье Пашкова — ставшие его духовными чадами воеводская жена Фёкла Симеоновна и воеводская сноха Евдокия Кирилловна *«от смерти голодной тайно давали отраду»*, присылали протопопу то кусочек мяса, то

колобок, то муки или овса. Дочь Аввакума Аграфена часто ходила просить к ним под окно. *«Иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит»*. Под влиянием боярынь благожелательно был настроен по отношению к Аввакуму и сын Пашкова Еремей, которого протопоп даже называет своим «тайным другом».

*

Однако даже в столь нечеловеческих условиях благочестивый протопоп не оставлял молитвы и своего келейного правила. Ежедневная молитва была для него столь же насущной потребностью, как воздух или пища: *«Якоже тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, так и душа — брашна духовного желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — Бога не моля, жити»*. Слова святых отцов о молитве глубоко запали в его душу и проросли благодатными побегам: *«Живот же убо души служба Божия, и жизнь ей подобающая, по Златослову глаголющему: иже убо не молится Богу, ниже Божественныя беседы приимати желает, непрестанно мертв есть и окаянен и смердящ, и непричащается еже мудрствовати. Се бо самое велие безумия знамение, еже непознати величества чести, ниже любити молитвы. Намже подобает Богу повинующимся присно жити в пених и молитвах, известнее любяще Божию службу, нежели свою душу. Да приимем вернии молитву, яко многоцестныи дар, и многоценныи бисер, нравом правым облобызающе, во известную помощь и победу на враги видимыя и невидимыя. Се бо нам есть подвиг тризница (борьбы) в нужная обстояния, утешение в скорбех духовное, спасение земным вечное ходатайствующее»*.

Только благодаря своей непоколебимой вере и непрестанной молитве удалось Аввакуму и его семье выжить в «смертоносной Даурии». Лишь на малое время — с весны до лета 1658 года — в самый разгар голода, когда все силы были сосредоточены на добывании жизненно необходимой пищи, оставил он своё обычное молитвенное правило. *«...От немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, только павечернишныя псалмы, да полунощницу, да час первой, а больша тово ничево не стало; так, что скотинка волочюсь; о правиле том тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабел»*.

Но здесь произошло чудо, которое укрепило Аввакума в вере и подвигло на возобновление его обычного молитвенного правила. На этот

раз Божья воля была явлена через ребёнка — малолетнюю дочь Аввакума Агриппину.

«И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачут. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу — зело робенок рыдает; связавшуся языку ево, ничево не промолыть, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: “о имени Господни повелеваю ти: говори со мною! О чем плачешь?” Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: “не знаю, кто, батюшка-государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала, а мне он говорит: ‘скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет’”. Да иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет и сколько друзей первых на Руси заедем, — все так и сбылося».

Тогда Аввакум «с тех мест за правило свое схватался» и более не оставлял его никогда. «Нам надобе вся сия помнить и не забывать, — пишет он о молитве, — всякое Божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века».

Как уже говорилось выше, Аввакум с детства обладал прекрасной памятью. В своих произведениях, созданных по большей части в пустозёрской ссылке, он цитирует по памяти пространные отрывки из Маргарита, Палеи, Хронографа, Толковой Псалтыри. Что касается обычных церковных служб и чинопоследований, то он знал их наизусть. «Егда в Даурах я был... идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню и заутреню, или часы — што прилучится. А буде в людях бывает неизворотню, и станем на стану, а не по мне таварищи, правила моево не любят, а идучи мне нельзя было исполнить, и я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складеньки поставя, правильца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало, и в воскресныя дни, едучи, пою...»

Не чужда была Аввакуму и практика «умной» молитвы. «Лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы... Всяку речь в молитвах разумно говорю, а иную молитву и дважды проговорю». Молитва была для

Аввакума наиболее важным видом не только духовной, но и телесной деятельности, направленным на достижение спасения души. В таком понимании молитвы Аввакум близок к традициям византийского исихазма. Главный представитель этой традиции восточнохристианской мысли святой Григорий Палама обосновал положение о том, что космос и жизнь человека пронизаны Божественной благодатью. Приобщение же к этой благодати осуществляется посредством молитвы. О том же учил и Аввакум: *«Во время молитвы, — окружит меня дух, и распространится ум, и радости неизглаголанья исполнится сердце»*.

Кроме молитвы путь к спасению открывали истинная вера, покаяние, страдание и, в равной степени, благодать, добродетель и истинные, «неразвращённые» таинства. Однако в связи с никоновской реформацией и последующим отступлением православного епископата от истины невольно возникали вопросы: а где же истинная Церковь? Где же истинные таинства? С одной стороны, истинная вера была для Аввакума немыслима без Церкви и без таинств. Но с другой стороны, он прекрасно понимал, что *«не всех Дух Святой рукополагает, но всеми действует, кроме еретика»*. А потому и истинную Церковь Аввакум не связывал лишь с официальной иерархией: *«Церковь бо есть небо... Не стены, но законы церковь»*.

Теперь, когда епископат и высшее духовенство отступили от учения и практики древней Церкви, человек оказывался предоставлен самому себе в выборе пути спасения. Особенно остро это ощущалось здесь, в дикой, забытой Богом далекой Даурии, находящейся, казалось бы, на самом краю света, где не было ни епископа, ни церкви, ни алтаря и где человеческая душа предстала перед Богом один на один. Поэтому особый смысл получала идея личной ответственности христианина в миру и церковной жизни. Независимо от своего места в социальной и духовной иерархии человек лично отвечает перед Богом за свои деяния и веру. *«Глаголют бо безумнии человецы, утесняяще свою душу: “не на нас-де възыщет Бог законное дело и веру; нам-де что? Предали патриарси и митрополиты со архиепископы и епископы, мы-де и творим так”... А патриарси со мною, протопопом, на сонмище ратовавшися, рекоша: “не на нас възыщется, но на царе! Он изволил изменить старья книги!” А царь говорит: “не я, так власти изволили!” Воистинну омрачися неразумное их сердце, во еже быти им безответным. Осуетишася помышленьми своими друг на друга, а все на Бога омраченными сердца, зане разумное Божие яве есть в них. Все знают, яко погибают, но мраковидным духом ослепоша в сопротивии всяцем, зане разумное Божие яве есть в них, Бог бо явил есть им»*.

Опровергая такую недалёкую точку зрения, Аввакум приводит слова

апостола Павла: «О неразумныя души беззакония! Ни ли слышал еси апостола Павла: “сила Божия есть всякому верующему, иудею же прежде и еллину от веры в веру, якоже есть писано. Праведный же от веры жив будет”. Зри: праведный от веры жив будет, а не от человеческого предания... Шлюся на твою совесть, зане разумное Божие яве есть в тебе... И еще ли шарпаешися, неразумне омраченное сердце, глаголя: “не на тебе взыщется твоя погибель, но на великих”?»

И Господь не оставлял Своего праведника. Немало чудес было явлено Аввакуму в сибирской ссылке. Вот лишь одно из них, произошедшее во время пребывания в Даурской земле:

«Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям шел по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты намерзают, — блиско человека толщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, идти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верст с восемь; стал, на небо взирая, говорить: “Господи, источивый из камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь Ты еси! напой меня, имиже веси судьбами, Владыко, Боже мой!” Ох, горе! не знаю, как молыть; простите, Господа ради! Кто есмь аз? умерый пес! — Затрещал лед предо мною и расступился, чрез все озеро сюду и сюду и паки снисдеся: гора великая льду стала, и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне Бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачу и радуюся, благодаря Бога. Потом и пролубка содвинулася, и я, встав, поклоняся Господеви, паки побежал по льду куды мне надобе, к детям».

*

Тот же голос, что приказал дочери Аввакума возобновить ежедневное молитвенное правило, повелел передать Пашкову, «чтоб и он вечерни и заутрени пел, так Бог вёдро даст, и хлеб родится, а то были дожди беспрестанно; ячменцу было сеено небольшое место — за день или за два до Петрова дни, — тотчас вырос, да и сгнил было от дождей». На этот раз воевода послушался Аввакума — «и хлеб тотчас поспел. Чюдо-таки! Сеен поздно, а поспел рано». Летом 1658 года удалось собрать немалый урожай яровых. Это позволило пережить ещё одну суровую зиму 1658/59 года.

Но послушание Пашкова продолжалось недолго. Вскоре воевода опять *«коварничать стал о Божиим деле»*. И результат не замедлил себя ждать: *«На другой год насеел было и много, да дождь необычен излился, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, и иноземцы дивятся»*.

Находясь в Верхшилкском остроге, Аввакум не только вернулся к своим священническим обязанностям, но и приобрёл новых духовных детей. Среди них, в частности, оказались присланные воеводой «две вдовы» из числа его сенных — *«Марья да Софья, одержимы духом нечистым»*.

«Ворожа и колдуя много над ними, и видит (Пашков. — К.К.), яко ничто же успеваает, но паче молва бывает (Мф. 27, 24), — зело жестоко их беси мучат, кричат и бьются. Призвав меня и говорит, поклоняся: “Пожалуй, возьми их ты и попекися об них, Бога моля, послушает тебя Бог”. И я ему отвещал: “Выше, реку, государь, меры прошение, но за молитв святых отец наших вся возможна суть Богу”. Взял их, бедных... Также привели ко мне баб бешаных. Я, по обычаю, сам постился и им не давал есть. Молебствовал и маслом мазал, и, как знаю, действовал. И бабы о Христе целомны стали. Христос избавил их, бедных, от бесов. Я их исповедал и причастил; живут у меня и молятся Богу, любят меня и домой не идут».

Однако Пашков, узнав о том, что присланные им вдовы сделались духовными дочерями Аввакума, сильно «осердился» и забрал их домой. Он опасался, что протопоп будет выведывать у его любимых сенных его домашние тайны. Но, вернувшись ко двору воеводы, Марья и Софья *«старова нуци стали беситца»*. Пашков запер их в пустой избе и призвал к ним чёрного попа Сергия. Вдовы никого к себе не пускали, а в попа бросали поленьями. Потом они тайком от Пашкова прибежали к Аввакуму, тот опять исцелил их, и они стали по ночам приходить к нему молиться. Впоследствии они сделались инокинями.

Весной 1659 года планы Пашкова изменились: понимая, что ему уже не удастся построить острог на Амуре, он послал часть своих служилых людей вверх по Ингоде. Войдя в приток Ингоды реку Читу, они добрались до двух Телембинских озёр и здесь, на реке Конде, поставили небольшой Телембинский острог.

Тем временем оставшиеся в Верхшилкском остроге члены пашковской экспедиции продолжали испытывать лишения. *«Я же, — писал Аввакум, — с детьми сам-третьей отъехав промышлял траву и коренье и черемху. И жил на одном месте целое лето, и лишио к жене и к детем приехал, на мое*

место наши люди промышлять приехали. И на них нападоша варвары и всех иссекоша и побиша. Нас же Бог от смерти избавил. Егда же по бору ходим тово, и смотрим, как застрелит иноземец. И со смертью борющися на всяк день, в дом приидем, — воевода кнутьем бьет и огнем жжет и убивает до смерти».

Едва пережив ещё одну голодную зиму, Пашков принимает решение оставить в Верхшилкском остроге небольшой гарнизон во главе с А.Васильевым и в начале весны 1660 года выдвигается с остатками своего полка обратно на озеро Иргень.

«Пять недель по льду голому ехали на нартах, — вспоминал протопоп Аввакум. — Мне под робят под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающися о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, ту же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: “Матушка, государыня, прости!” А протопопица кричит: “Что ты, батько, меня задавил?”»

Во время этого долгого и мучительного перехода состоялся знаменитый диалог протопопа с его верной супругой Анастасией Марковной: *«Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: “Долго ли муки сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самья смерти!” Она же, вздохня, отвечала: “Добро, Петрович, ино еще побредем”...»*

С необыкновенной теплотой вспоминает Аввакум и чудесную чёрную курочку, сопровождавшую и кормившую его семейство в том пятинедельном походе.

«Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робятам на пицу, Божиим повелением нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум придет. Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против того по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравши в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батько пожаловал — помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из

чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры Божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была...»

Находясь в Иргенском остроге, протопоп Аввакум продолжал неустанно молиться. И по молитвам его совершалось здесь немало чудес. Об одном из таких чудес Аввакум поведал впоследствии в Пустозёрске своему духовному отцу иноку Епифанию:

«Еще тебе скажу, старец, повесть. Как я был в Даурах с Пашковым с Афонасьем на озере Иргене, гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нет; от глада исчезаем. Помоляся Бога, взяв две сети, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мне Бог дал шесть язей да две щуки: ино во всех людях дивно, потому никто ничево не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне Бог дал. Тут же сведав Пашков и исполняя зависти, сбил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне на смех и ругаясь, указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодышку, — какая рыба? и лягушек нет! Тут мне зело было горько, а се, подумав, рече: “Владыко человеколюбче, не вода дает рыбу, — ты вся промыслом Своим, Спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово, прослави имя Твое святое, да не рекут невернии, где есть Бог их!” И помоляся, взяв сети, в воде с детьми бродя, положили сети. Дети, на меня, бедные, кручиняся, говорят: “батюшко, к чему гноить сети-те? Видишь ли, и воды нету, какой быть рыбе? ” Аз же, не послушав их совету, на Христа уповая, сделал так, как захотелось. И наутро посылаю детей к сетям. Оне же отвецали: “батюшко-государь, пошто идти? какая в сетях рыба? благослови нас, и мы по дрова лутче сбродим”. Меня же дух подвизает, чаю в сетях рыбу. Огорчась на большева сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам. Гораздо о том Христу докучаю. Егда пришли, ино и чудно и радостно обрели: полны сети напехал Бог рыбы, свившися клубом, и лежат с рыбою о середке. И сын мой Прокопей закричал: “батюшко-государь, рыба, рыба!” И аз ему отвецал: “постой, чадо, не тако подобает, но прежде поклонимся Господу Богу, и тогда пойдем в воду”. И, помолясь, вытащили на берег рыбу, хвалу возсылая Христу Богу, и, паки построя сети на том же месте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли опять, столько же рыбы, на третий день паки столько же рыбы: и слезно и чудно то было время, а на прежнем нашем месте ничево Пашкову не дает Бог рыбы. Он же, исполняя зависти, паки послал ночью и велел сети мои в клочки изорвати. Что петь с дураком делаешь! Мы,

собрал рваные сети, починя втай, на ином месте промышляя рыбку, кормились, от него таяся, и сделали ез [50]. Бог же и там стал рыбы давать, а дьявол его научил и ез велел втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили; и много тово было. Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веком. Терпение убогих не погибнет до конца».

Как-то раз невестка воеводы, боярыня Евдокия Кирилловна, пришла к Аввакуму с заболевшим сыном Симеоном, которого крестил и каждый день благословлял протопоп, однако не застала того дома. Тогда она, «смалодушничав», послала своего ребёнка к «мужику-шептуну» — туземному лекарю-шаману. Это не помогло — болезнь только усилилась: «*младенец пуще занемог; рука правая и нога засохли, что батошки*». Узнав об этом, Аввакум страшно рассердился и порвал с боярыней всякие отношения. Между тем ребёнок уже умирал. Но, заботясь о душе своей духовной дочери и ожидая её искреннего покаяния, Аввакум был неумолим и отвечал плачущим посланцам боярыни: «*Коли баба лиха, живи же себе одна!*» В то же время протопоп не переставал молиться: «*Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко Владыке, чтоб образумил ея*»...

И молитвы Аввакума были услышаны. Наутро Евдокия Кирилловна прислала просить прощения у Аввакума своего среднего сына Ивана. В это время шёл сильный дождь, зимовье Аввакума протекало, и он лежал на печи голый, накрывшись берёстой. Протопопица спасалась от сырости в печи. Протопоп сжалился и велел принести ребенка. «*Я-су встал, добыл в грязи патрахель и масло священное нашол. Помоля Бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал Бог, и опять здоров стал, — с рукою и с ногою*». Напоив младенца святою водою, Аввакум отослал младенца к матери. «*Виждь, слышателю, — подводит протопоп Аввакум итог своему рассказу о чудесном исцелении, — покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? — не сегодня кающихся есть Бог!*»

Об исцелении своего любимого внука и крестника узнал от невестки и Пашков. Когда Аввакум пришёл к нему, он, «*поклоняся низенько*», сказал: «*Господь тебе воздаст. Спаси Бог, что отечески творишь, не помнишь нашева зла*», и до того даже растрогался, что прислал опальному протопопу «*пищи довольно*». Однако отношения Аввакума с воеводой вскоре опять ухудшились.

Произошло это из-за следующего случая. В августе 1661 года в Иргенский острог пришли с Амура 17 человек казаков во главе с Абрамом Парфёновым и стали проситься в государеву службу. Не зная, что явившиеся казаки были обманщиками, и испытывая недостаток в людях,

Пашков принял их. Желая как-то компенсировать неудачу Даурской экспедиции, воевода послал их вместе со своим сыном Еремеем воевать, как пишет Аввакум, «Мунгальское царство». Большинство комментаторов аввакумовского «Жития» отождествляют «Мунгальское царство» с Монголией, но достаточно посмотреть на карту Сибири, чтобы убедиться в невозможности похода в Монголию из Иргенского острога за столь короткий срок. К тому же путь в Монголию преграждали буряты, на тот момент ещё не принявшие русского подданства. На самом деле, как явствует из документов, в августе 1661 года воевода Пашков послал из Иргенского острога 72 служилых человека и 20 тунгусов во главе со своим сыном Еремеем на *«великого государя непослушников на Тунгусские улусы в поход»*.

Будучи, судя по всему, человеком весьма суеверным, Пашков прибег к помощи туземного шамана («волхва мужика»), чтобы выяснить исход предстоящей авантюры. Возмущению Аввакума не было предела, когда вечером вблизи его зимовья шаман, *«отвертя голову»* живому барану и бросив её в сторону, *«начал скакать, и плясать, и бесов призывать»* ... Наконец, *«много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: “удастся ли поход?” И беси сказали: “с победою великою и с богатством большим будете назад”. И воеводы ради, и все люди радуясь говорят: “Богаты приедем!”»*.

Видя такое явное отступление от христианского благочестия и поругание православной веры, Аввакум в порыве охватившего его праведного гнева прибегает к крайней мере: он начинает молиться о неудаче предстоящего похода, чтобы не сбылось дьявольское предсказание шамана. Впрочем, впоследствии он весьма сокрушался о том, что поступил так под воздействием охватившего его чувства, особенно жалея Еремея, который был человеком добрым и благочестивым и не раз защищал протопопа от своего отца.

«Ох, душе моей тогда горько и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: “Господи, хочещи ли, речеве, да огонь снидет с небесе и потребит их, яко же и Илия сотвори”. Обращжеса Исус и рече им: “не веста, коего духа еста вы; Сын бо Человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти. И идоша во ину весь”. А я, окаянной, сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко Господу: “послушай мене, Боже! послушай мене, Царю Небесный, Свет, послушай меня! да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем, приложи им зла, Господи, приложи, и погибель им наведи,

да не сбудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же Бога молил».

Узнав о таких молитвах Аввакума, Пашков пришел в ярость. Когда же отряд Еремея не явился в установленный срок, воевода даже собирался подвергнуть протопопа жестоким пыткам. *«Во един от дней, — вспоминал Аввакум, — учредил застенок и огонь росклат — хочет меня пытатъ. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье, — после огня тово мало у него живут. А сам ждуду по себя и, сидя, жене плачущей и детям говорю: “воля Господня да будет! Аще живем, Господеви живем; аще умираем, Господеви умираем (Рим. 14, 8)”. А се и бегут по меня два палача».*

Но воистину *«чюдно дело Господне и неизреченны судьбы Владычня!»* В это время из похода возвращается раненый Еремей. Оставив застенок, воевода бросился встречать сына. Тот рассказал, что поход закончился неудачей. 4 сентября, когда его отряд стоял на Ингоде, принятые Пашковым на службу казаки ночью украли у него и у служилых людей оружие и хлебные запасы и бежали. Изменники спустились на плотах вниз по рекам Ингоде и Шилке до Верхшилкского острога. Здесь они захватили казённые струги и пытались овладеть острогом, желая заполучить хранившиеся там порох и свинец. Большинство местных служилых людей находились в это время на рыбных промыслах. Однако оставшимся казакам во главе с пятидесятником А.Васильевым удалось отстоять крепость. Тогда изменники забрали струги и ушли по Шилке на Амур. Что касается отряда Еремея, то все посланные с ним люди погибли от «мунгальских людей», а сам он спасся только чудом: заблудившемуся в тайге воеводскому сыну явился во сне протопоп Аввакум и указал дорогу.

Воевода весьма огорчился из-за этой неудачи и был *«яко пьяный с кручины»*. Однако всё случившееся нисколько не образумило его и не привело к искреннему покаянию. Когда Аввакум пришёл поклониться обоим Пашковым, старший *«возвед очи свои на меня, — слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да Господь не выдаст! — вздохня, говорит: “так-то ты делаешь? Людей тех погубил столько!” А Еремей мне говорит: “батюшко, поди, государь, домой! Молчи для Христа!” Я и пошел, ничево не говоря, — Христом запечатлел уста моя Еремей!».*

«Десеть лет он меня мучил, или я ево — не знаю; Бог разберет в день века», — заканчивает свой рассказ о даурских мытарствах Аввакум.

«Велено ехать на Русь...»

Но настал конец и сибирским мучениям Аввакума, чему в немалой степени способствовали удаление Никона с патриаршего престола и хлопоты московских друзей опального протопопа.

16 февраля 1660 года в Золотой палате царского дворца открылся собор по «делу патриарха Никона». Царь обратился к собравшимся с речью о том, что церковь вдовствует уже год и семь месяцев. Обсуждение этого вопроса продолжалось до августа. Наконец 14 августа Елифанием Славинецким было составлено «Деяние» Московского собора. В нём определялось право царя совместно с собором Русской Церкви избрать и поставить нового патриарха по причине самовольного оставления Никоном патриаршего престола. Деяние подписали 16 архиереев, архимандритов, игуменов и протопопов, присутствовавших на соборе, в том числе три греческих архиерея с архимандритом Дионисием Святогорцем и полоцким архимандритом Игнатием Иевлевичем. Однако Никон пока ещё не был лишён патриаршего сана, и вопрос о новом патриархе оставался открытым.

12 мая 1662 года сын боярский Иларион Борисович Толбузин, назначенный нерчинским воеводой вместо А.Ф. Пашкова, принял от последнего в Иргенском остроге остатки его полка. Толбузин привёз с собою также царскую грамоту, в которой Аввакуму велено было «ехать на Русь». Новый воевода принял у Пашкова три острога — Нерчинский (Верхшилкский), Телембинский и Иргенский. Во всех трёх острогах находилось в общей сложности всего 75 служилых людей и практически полностью отсутствовали съестные припасы. *«Без малого 400 человек, умерших от голода и погибших в боях, — такова была цена Даурской экспедиции, продолжавшейся более 6 лет»* (Шашков).

25 мая бывший даурский воевода, погрузившись на дощаники вместе со своим семейством и многочисленной челядью, отправился в Москву. *«Он поехал, а меня не взял, — вспоминал Аввакум, — умышлял во уме своем: “хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы”.* Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я, едуци, от иноземцов: дрожали и боялись».

И бояться действительно было чего. Плавание по забайкальским рекам с небольшой охраной было в те времена делом весьма опасным. Так, Онуфрий Степанов в 1654 году сообщал с Амура, что *«государеву ясачную казну послать стало нельзя, потому земля вся сколыбалась, драки стоят*

частые, с малыми людьми послать стало невозможно, но чтобы с государевою казною иноземцы какого дурна не учинили...». А в 1662 году, когда ехали Пашков и Аввакум, началось крупное восстание сибирских племён.

Впоследствии в Москве Аввакуму и Пашкову суждено будет встретиться вновь. При возвращении в Москву отставленного воеводы и прощённого царём протопопа положение резко изменилось в пользу последнего. В одной из редакций аввакумовского «Жития» сообщается: *«Царь мне ево головою выдал». Это вполне вероятно, если учесть, что царь ещё в 1658 году велел «отставить» Пашкова от воеводства за первое избиение Аввакума. Осуждённый Пашков пытался откупиться: «Давал мне на Москве и денег много, да я не взял». Наконец грозный воевода покорился: «Видит беду неминуемую, — прислал ко мне со слезами. Я к нему на двор пришел, и он пал предо мною, говорит: “Волен Бог, да ты и со мною”». Аввакум воспользовался данной им над своим обидчиком властью как истинный добрый пастырь. В своей челобитной к Алексею Михайловичу он писал о Пашкове: «Молю тебя, государя, о воеводе, которой был с нами в Даурах, Афонасей Пашков, — спаси ево душу, якож ты, государь веси. А время ему и постричься, да же впредь не губит, на воеводствах живучи, христианства. Ей, государь, не помнит Бога: или поп, наш брат, или инок — всех равно губит и мучит, огнем жжет и погубляет». Но при этом Аввакум, по-христиански прощая своего врага, просил царя: «Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мстити... Аще и стропотное, но мое он чадо... и чадо мое, и брат мне по благодати: едина купель всех нас породила, едина мати всем нам Церковь, един покров — небо, едино светило — солнце. Аще и досаждают, но любовию их нам примати».*

Забываясь о спасении души Пашкова, отягчённой многими злодеяниями, протопоп осуществил своё давнишнее желание: *«с чернцами чудовскими постриг и поскимил»* его в Чудовом монастыре. Однако Пашкову недолго суждено было пребывать в иноческом образе — его разбил паралич (*«рука и нога... отсохли»*), и он вскоре умер (в 1664 году). В 1673 году в письме из пустозёрской темницы к своей семье Аввакум писал: *«Помните, зверь даурский всяко распу беднова, еже есть меня, протопопа, умышлял погубить, а не явно ли Божия милость? На Москве в руки мне Бог его выдал, — растеняся, лежит предо мною, что мертвой! Помнишь, жена, как он мне говорит: “ты волен, и со мною что хочешь, то и сотворишь!” А я постриг его и поскимил по воли Божии и по доуки своей к Нему, Свету. Помнишь ли, в Даурах казаком на поезде говорил и в*

Енисейске Ржевскому, и везде по городом: “мне, — реку, — Пашкова постричь надобно!” Да Бог мне тово и дал. А то вы не ведаете, как о том докучал Богу».

С отъездом воеводы-мучителя злоключения для Аввакума и его семьи не закончились. Впереди была трудная, полная опасностей дорога, пролежавшая *«промеж орд и жилищ иноземских»*. Спустя месяц после отъезда Пашкова Аввакум, взяв с собой в лодку старых, больных и раненых, непригодных к суровой жизни, — *«человек с десятков»* — отправился в обратный путь, который займёт более двух лет. Семья самого протопопа на тот момент состояла из семи человек: сам Аввакум, *«протопопица»*, сыновья Иван и Прокопий и три дочери — Агриппина, Акилина и Ксения, родившаяся уже в Сибири и крещённая отцом после отъезда Пашкова, поскольку воевода не давал Аввакуму для совершения крещения ни мира, ни масла. *«Уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничево не бояся».*

Взял с собой Аввакум и двух своих давних недоброжелателей, пашковских приспешников, много ему досаждавших в Даурском походе. В этом сказались его поистине христианское беззлобие и нелицемерная любовь — даже к своим врагам.

«Да друга моего выкупил, Василия, — пишет Аввакум, — которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моя головы искал; в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще Бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу, — пускай ево, беднова! — либо покаются о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая».

Второго «замотая» казаки никак не хотели отпустить с Аввакумом, и ему пришлось бежать от скорой расправы в лес. Дождавшись на пути протопопа, он с плачем бросился в его карбас, умоляя о пощаде. Здесь показалась погоня, и Аввакум, сжалившись над «замотаем», пошёл на обман. Спрятав его на дне судна и покрыв постелью, он велел своей жене и дочери лечь сверху. *«Везде искали, а жены моей с места не тронули, — лишю говорят: “матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!” А я, — простите Бога ради, — лгал в те поры и сказывал: “нет ево у меня!” — не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез».*

В дороге оскудели запасы пищи, но тут по молитвам Аввакума с *«братией»* Бог послал *«изубря, большова зверя»* — крупного оленя. Тем и питались, пока не достигли Байкала. У *«Байкалова моря»* встретили

русских людей, промышлявших охотой и рыболовством. Они сердечно обрадовались, встретив в сибирской тайге земляков, и дали протопопу и его спутникам пищи: «...плачут, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи, сколько нам надобно: осетров с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: “вот, батюшко, на твою часть Бог в запоре нам дал, — возьми себе всю!” Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: “на што мне столько?” Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли».

Аввакум переплыл Байкал наискось от устья реки Селенги к истоку Ангары, что составляет приблизительно 80–100 километров. На море в это время случилась непогода, и приходилось грести изо всех сил. К концу пути буря настолько усилилась, что, когда пристали, едва нашли на берегу место, свободное от волн. Здесь высокие скалистые горы очень близко подходят к Байкалу и образуют живописные обрывистые берега, которые весьма поэтично описывает Аввакум, сравнивая их с силуэтом древнерусского города: «Около ево (моря. — К.К.) горы высокие, утесы каменные и зело высоки, — двадцеть тысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши ^[51], врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно».

Исследователи Прибайкалья не раз обращали внимание на своеобразное очертание его хребтов, первое описание которых как раз принадлежит Аввакуму. Так, хребет Приморский, обрамляющий западный берег Байкала, имеет плоские и широкие вершины с тупыми гребнями (по Аввакуму — «полатки»), на которых отдельно стоят высоты, то округлённые, то куполовидные («повалуши»), особенно характерны вулканические цирки («дворы»), их «ручки» и «спинка» и составляют «ограду».

Аввакум впервые сообщает и подробные сведения о растениях и животном мире Прибайкалья: «Лук на них растет и чеснок, — больши романовскаго луковицы, и сладок зело. Там же растут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя, и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем осетры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия ^[52] в нем: во окиане-море большом, живуци на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем; осетры и таймени жирни гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет».

Созерцание прекрасной богозданной природы наводит Аввакума на

глубокие размышления об истинном предназначении человека и его месте в мироздании. *«А все то у Христа тово света наделано для человек, чтоб, упокояся, хвалу Богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, преходят (Пс. 143, 4); скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хоцет, яко змия; ржет, зря на чюжю красоту, яко жребя; лукавет, яко бес; насыщаяся довольню, без правила спит; Бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает и не вем, камо отходит: или во свет, или во тьму, — день судный коегождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек».*

*

К концу 1662 года Аввакум и его спутники достигли Енисейска, где и зазимовали. Здесь протопоп познакомился с ссыльным казанским иноком Иосифом Ивановым (Астоменом), доставленным в город под конвоем. Он был сослан в Енисейский Спасский монастырь «за велию хулу» и «безчинство» в отношении церковных новшеств. *«Очевидно, именно от него протопоп услышал и позднее записал рассказ о том, что когда в 1658 году посланный в Казань “на архиерейский престол” митрополит Лаврентий стал насаждать троеперстие, утверждая со ссылкой на новопечатную книгу “Скрижаль”, что двуперстное крестное знамение принято у армян, против этого публично выступил казначей владычного двора старец Иона, — пишет А.Т. Шашков. — Будучи сам по происхождению армянином, он доказывал, что, как раз наоборот, армяне крестятся троеперстием, а он, когда переходил в православие, “научился сице знаменовати лице свое по-христиански”. Судя по всему, Иосиф, тоже, кстати сказать, являвшийся армянином, был очевидцем этого диспута».*

Выехав из Енисейска, по-видимому, в начале мая 1663 года, когда обычно открывается навигация на Енисее, Аввакум направился в Тобольск. По пути из Енисейска в сибирскую столицу на Оби и Иртыше путешественники едва избежали смерти от рук восставших «иноземцев». Как раз на 1662–1663 годы приходится большое восстание башкир, татар, вогуличей, черемисов, чувашей, калмыков, остяков и других коренных сибирских народов под предводительством Девлет-Кирея, который «поднялся на Русь», мечтая восстановить «Сибирское царство» своего деда — хана Кучума. Восстание было вызвано как тяжестью «ясачной» подати, так и многими беззакониями русских воевод и их приказчиков.

Приуральская Сибирь была разорена, но вскоре повстанческие отряды, действовавшие разрозненно и плохо вооружённые, были разбиты русскими стрельцами, солдатами и казаками. Аввакум оставил описание своей встречи с одним из таких отрядов.

«Бывал и в ыноземских руках, — вспоминает он. — На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: “Христос со мною, а с вами Той же!” И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали, — медведен ^[53] я у них закупил, — да и отпустили меня. Приехав в Тобольск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкирцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, упоая на Христа, ехал посреде их».

Прибыв в Тобольск в конце июня 1663 года, Аввакум оставался здесь до середины февраля 1664-го. Здесь он встретил как своих старых тобольских приятелей, так и друзей и единомышленников, сосланных в Сибирь за выступление против Никоновых новин: романовского попа Лазаря, патриаршего подьяка Феодора Трофимова и боровского попа Полиевкта Максимова. Вокруг Феодора Трофимова и Лазаря в Тобольске сложился кружок защитников древлего благочестия, в который входило достаточно много людей. Это и поп Успенского девичьего монастыря Феодот Семенов, и поп Абалацкого Знаменского монастыря Терентий Афанасьев, диакон Богоявленской церкви Иван Семёнов, диакон Вознесенской церкви Феодор Стрикаловский, диакон Софийского собора Феодот Трофимов, уже упомянутый ссыльный поп Полиевкт Максимов, ямщик Пётр Денисов сын Шадра, а также двое священников из Тюмени — игумен Спасо-Преображенского монастыря Андриан и поп Знаменской церкви Доментиан. Не исключено, что со всеми этими людьми Аввакум был знаком лично и вёл беседы. Впоследствии, уже после отъезда Аввакума, весной и летом 1665 года, участники этого кружка устроят антиниконианские выступления, за которые их арестуют и отправят за «неистовое прекословие» в Москву. Судьба друзей Аввакума будет трагичной: Полиевкта сожгут в Боровске в 1675 году, Лазаря сожгут вместе с Аввакумом в 1682 году в Пустозёрске, Феодора Трофимова за обличение

никоновских ересей сожгут в Москве, Доментиан (к тому времени — священноинок Даниил) погибнет в первой сибирской гари в 1679 году...

В Тобольске произошла ещё одна знаменательная встреча — с сосланным в Сибирь учёным хорватом, униатским священником и воспитанником Римской иезуитской коллегии святого Афанасия Юрием Крижаничем. Ещё в годы своей молодости Крижанич подал записку на имя префекта Конгрегации пропаганды веры Антонио Барберини с просьбой послать его после соответствующей подготовки в Россию, чтобы он содействовал «просвещению» страны (естественно, в иезуитском духе) и призвал русского царя начать войну с Османской империей. Однако трудиться в Москве заезжему «сербину» (как его здесь называли) пришлось недолго: в январе 1661 года его сослали в Сибирь. Впоследствии, в 1675 году, в «Обличении на Соловецкую челобитную» Крижанич опишет свою встречу с Аввакумом в Тобольске:

«Аввакум теми (егда его из Дауров к Москве везяху) послав по мене, изшед ко мне на крилце, хотящу мне на лестницу ступити и взыти, рече: не ходи семо, стой тамо и исповедай, каковыя еси веры? Аз же рекох: благослови, отче; он же отвеща: не благословлю, исповеждь первее свою веру. Аз отвещах: отче честный, аз верую все, еже верует святая апостольская, соборная церковь, и иерейское благословение приемлю в честь и прошу его в честь и о вере есмь готов справиться с архиереем, а пред тобою путником (и еже еси о вере сумненный) несть мне что пространно о вере глаголати, ни справлятися; аще ты не благословиши, благословит Бог. И оста с Богом».

Характерно, что положение ссыльного униатского священника существенно отличалось от положения Аввакума. «В то время, когда протопоп Аввакум переносил в Сибири невероятные страдания, муки и голод... его (Крижанича. — К. К.) положение в ссылке было совершенно иным. Пробыл он в ссылке 15 лет, и за всё это время он ничем и никак не был обижен. Здесь ему “вместе с достаточным содержанием был предоставлен полный досуг, которым он даже сам тяготился, жалуясь, что ему никакой работы не дают, а кормят хорошо, словно скотину на убой”... Вот вам и “мрачный век”: одного ссыльного мучают голодом, холодом и всякими пытками, а другого холят и волят и жирно питают. Но один — древлеправославный пастырь, а другой униат, изменник православию. В этом и вся суть» (Мельников).

Прежнего друга и покровителя Аввакума архиепископа Симеона в Тобольске в это время уже не было — он уехал в Москву за несколько месяцев до приезда протопопа. Однако, побывав в тобольских храмах, Аввакум сразу же заметил перемены в церковной службе: везде уже служили по-новому. Вернувшись 22 марта 1662 года из Москвы, архиепископ Симеон, как писал Феодор Трофимов, *«велел по всем церквам службы служить против новых книг и, угождая отцу своему Никону, списовал со Службеников списки и разослал по всем церквам с великою грозю»*.

Приехав в русские города, Аввакум *«уразумел о церкви, яко ничто ж успевае, но паче молва бывает»* (Мф. 27,24). Ненавистное ему никонианство добралось уже и до Сибирской епархии, где достаточно широко распространилось и укрепило свои позиции. Пришлось и Аввакуму не раз присутствовать на новообрядческой службе в Тобольске. *«Был я у заутрени в соборной церкви на царевнины имянины, — шаловал с ними в церкви той при воеводах; да с приезде смотрил у них просвиромисания дважды или трожды, в олтаре у жертвенника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругатца не стал, — что жалом, духом антихристовым и ужалило было»*. Но конец этому соблазну положило чудесное видение. *«А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено (блюдися, от Меня да не полма растесан будеши). Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: “Господи, не стану ходить, где по-новому поют, Боже мой!”... Так меня Христос-свет поужал и рече ми: “по толиком страдании погибнуть хочешь? блюдиися, да не полма рассеку тя!” Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел и вся подробну им возвестил. Боярин, миленькой, князь Иван Андреевич Хилков, плакать стал. И мне, окаянному, много столько Божия благодеяния забыть?»* С тех пор Аввакум ходил только в те церкви, где было «православное пение», и «народы учил», обличая «злососовное и прелестное мудрование» никониан.

Однако тяжёлые сомнения время от времени продолжали терзать его душу: проповедовать ли дальше старую веру или скрыться? Больше всего он переживал за свою семью. Он не хотел, чтобы все те ужасы, которые выпали на долю его родных во время Даурской экспедиции, повторились вновь. Но в столь тяжёлую минуту Аввакум находит поддержку в своей жене, Анастасии Марковне, мужественно разделявшей с ним все его лишения. *«Жена, что сотворю? — в сомнении спрашивает он. — Зима еретическая на дворе: говорить мне или молчать? Связали вы меня»*. На это его верная спутница отвечала: *«Господи помилуй! что ты, Петрович,*

говоришь? Слыхала я, — ты же читал, — апостольскую речь: “привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отретишиися, тогда не ищи жены”. Аз ты и с детьми благословляю: дерзай проповедати Слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинут! Поди, поди в церковь, Петрович, — обличай блудную еретическую!» Ободрённый верною женою, Аввакум ревностно продолжает обличать «никониянскую ересь». Лишним доказательством правильности выбранного им пути стало чудо, произошедшее в Тобольске 6 августа 1663 года.

«Летом, в Преображениев день, — вспоминает протопоп в челобитной царю, — чудо преславно и ужасу достойно в Тобольске показал Бог: в соборной большой церкви служил литоргию ключарь той церкви Иван, Михаилов сын, с протодьяконом Мефодием, и егда возгласиша: “двери, двери мудростию вонмем”, тогда у священника со главы взяся воздух и повергло на землю; и егда исповедание веры начали говорить, и в то время звезда на дискосе над агнцем на все четыре поставления преступала и до возглашения “Победныя песни”; и егда приспе время протодьякону к дискосу притыкати, приподнялася мало и стала на своем месте на дискосе просто. А служба у них в церкви по новым служебникам, по приказу архиепископлю. И мне, государь, мнится, яко и тварь рыдает, своего Владыку видя бесчестна, яко неистинна глаголют Духа Святаго быти и Христа, Сына Божия, на небеси не царя быти во исповедании своя веры».

В конце зимы 1664 года семейство Аввакума выехало из Тобольска. Миновав Тюмень, Туринский острог, прибыли в Верхотурье, считавшееся в то время границей Сибири. Во время восстания 1663 года город оказался в самом его центре, и верхотурский воевода Иван Богданович Камынин, давний друг Аввакума, только удивлялся: «Как ты, протопоп, проехал?» А тот отвечал: «Христос меня пронес, и пречистая Богородица провела; я не боюсь никоиво; одново боюсь Христа».

Наконец Сибирь осталась позади. За время одиннадцатилетней ссылки Аввакуму и его семейству пришлось вытерпеть немало мучений, пережить смерть двоих сыновей. Но в Сибири родилась и слава протопопа как исповедника и мученика за старую веру, в Сибири развился его дар проповедника и апостола, в Сибири осталось немало его учеников и последователей...

Любопытны легенды и предания об Аввакуме, которые спустя века бытовали в Забайкалье среди местных жителей. Вот одно из таких

преданий:

«Раньше тут все старики говорили, что протопоп Аввакум шибко в старой вере толк знал. Он самый первейший молитвенник был. Он мог всяко заговорить: он и от зверя заговор знал, он и от молнии людей сохранял и все болести лечил. Вот ежели на тронутого он посмотрит и молитву прочитает, обязательно у того человека мозги просветлеют. Верно, мёртвых он не воскрешал, но живым жить помогал».

Другое предание частично отражает события, связанные с сибирской ссылкой протопопа и его мытарствами:

«Долго мучители мучили бедного Аввакума, а замучить не могли. Его хотели сжечь, а он в огне не горел. Пошто так было? Да просто. Аввакум такие молитвы знал, что он ими себя завораживал. Вот я слышал от одного старовера про то, как Аввакума царь с Никоном в Сибирь отправили, чтобы он тут потоп. Везли его казаки по всей Сибири, на каждой реке они Богу молились, чтобы Аввакум утон, а его никакая река не брала. Прошепчет он про себя молитву и пускается по реке. Кругом казаки тонут, а он не токмо сам не тонет, но и других спасает. Плавать-то он не умел, значит, Бог его для людей праведных берёг. Вот все сибирские реки он переплыл и целёхонек к нам добрался, а потом, на обратном пути, говорит, много потопло, а он снова выжил. Вот всю жизнь так заворожённым протопоп и прожил. Долго он жил, и пока не пришла божеская смерть, он всё жил».

Итак, воодушевлённый надеждой на восстановление старой веры, Аввакум едет в Москву. На всём протяжении своего пути в столицу выступал он с горячей проповедью против Никоновых новин: *«Едучи, по градом Слово Божие проповедовал, обличая никониянство, римскую блядь, пестрообразную прелесть».* Его страстная речь, имевшая огромное влияние на народ, раздавалась в городах и сёлах, в церквах и на торжищах. *«Аввакум всегда и всем проповедовал о гибели православия на Руси вследствие церковной реформы Никона, о необходимости всем истинно верующим стать за родную святую старину, ни под каким видом не принимать никонианских новшеств, а во всём твёрдо и неуклонно держаться старого благочестия, если потребуется, то и пострадать за него, так как только оно одно может вести человека ко спасению, тогда как новое — никонианское ведёт к неминуемой вечной гибели. Эта проповедь святого страдальца и мученика за правую веру и истинное благочестие везде имела успех, везде Аввакум находил себе многочисленных учеников и последователей, которые всюду разносили молву о великом страдальце и крепком поборнике истинного благочестия»* (Каптерев).

Вместе с тем по мере приближения к столице всё чаще бросалось в глаза, насколько за это десятилетие изменилась Церковь. Со времён Никона в неё вошла «роскошь непристойная»: архиереи, словно цари, ездили на раззолоченных и расписных каретах под колокольный звон, в церквах мало того что служили по новым книгам — пели «согласием органным» и «приплясными стихами», даже в честных обителях вместо келий заведены были «светлицы».

Да и в самих иноках всё менее заметно было «иного». О таких мнимых иноках Аввакум писал: *«А то малое ли дело: Богом преданное скидали с голов, и волосы расчесали, чтобы бабы блудницы любили их; выставя рожу свою да подпояшется по титькам, воздевши на себя широкий жюпан! Так-то святые предали смирения образ носить? Почти-тко, никониян, как Василий Великий научает. Не ведаешь? А где тебе ведать. Всегда пьян и блуден, — прости, не то тебе на ум идет, как душу спасти. Василий Великий иноку повелевает мало и на небо глядеть, но всегда землю зри. А егда за трапезою с братиею ясти сядешь, тогда и паче клобуком лице свое накрой, да же не видят друг друга, како ядят... Подобаает истинному иноку дела Христу подобитися, а не словесы глумными, и так творить, якоже святии. Помнишь ли? Иван Предотека подпоясывался по чреслам, а не по титькам, поясом усменным, сиречь кожаным: чресла глаголются под пупом опоясатися крепко, даже брюхо-то не толстеет. А ты что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываеся по титькам! Чему быть! И в твоём брюхе том не меньше робенка бабья накладено беды тоя, — ягод миндальных, и ренсково, и романец, и водок различных с вином процеженных налил: как и подпоясать. Невозможное дело, ядомое извредить в нем! А сей ремень на тебе долог! Бедные, бедные! Так-то Христос приказал жить и святии научиша? Увы, погибе благоговейный от земля и несть исправляющаго в человецех».*

Не позднее мая 1664 года Аввакум с семейством прибыл в Москву. Вместе с протопопом приехали его духовная дочь Анна-кумычка и его новый последователь, присоединившийся в Великом Устюге, — Феодор юродивый. Ко времени встречи с Аввакумом он уже пять лет ходил в одной рубахе босиком. Узнав, что у Феодора юродивого есть новопечатная Псалтырь, Аввакум разъяснил ему «подробну» все особенности никоновских искажений, и тот, «схватив книгу, тотчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну». Впоследствии Феодору будет суждено сыграть немаловажную роль в жизни огнепального протопопа.

Глава седьмая

«ТАЖЕ К МОСКВЕ ПРИЕХАЛ...»

*Вскую не взираеши на обидящая,
и помолчаваеши внегода пожират нечестивыи
правдиваго.*

*И сотвориши человеки яко рыбы морския,
и яко гады не имуща старейшины.*

Книга пророка Аввакума, гл. 1, ст. 13–14

«Воистинно смущенна церковь ныне...»

Приехав в 1664 году в столицу, Аввакум был ласково («яко ангел») принят боярами, противниками Никона. Боярская оппозиция Никону зародилась ещё в те годы, когда тот был митрополитом Новгородским и по поручению царя наблюдал не только за духовным, но и за мирским управлением. В отсутствие царя в столице в 1654–1655 годах Никон уже прямо превозносился над боярами, давая им понять, что *«священство выше царства есть»*. Он *«председательствовал в Боярской думе и был столь строг, что выгонял слишком уж нерадивых думных чинов освежиться на воздух — на крыльцо дворца, — пишет историк И.Л. Андреев. — Из приказов рассылались грамотки, в которых вместо привычного “царь указал” стояло: “святейший патриарх указал”. Поведение Никона, усугубленное его бескомпромиссным норовом, воспринималось боярством как посягательство на неотъемлемые права. Сложилась даже присказка о властолюбии и гордыне патриарха, удивительная прежде всего “светским” выражением оценки его поведения: он, патриарх, любит сидеть высоко, ездить далеко!»*.

Такой папоцезаризм Никона, выросший, несомненно, под влиянием католических идей ^[54], вызывал резкое отторжение у русской аристократии. Различные взгляды у патриарха и бояр были и на Соборное уложение 1649 года. В результате в оппозиции к патриарху оказались представители наиболее влиятельных боярских родов: родственники царя по матери Стрешневы, родственники по жене Милославские, царский свояк Борис Морозов и даже сама царица Мария Ильинична. К ним примкнули князь Никита Одоевский (идеолог и автор Уложения), князь Алексей Трубецкой и Юрий Долгорукий, боярин Салтыков. Неприязнь оппозиционеров к зарвавшемуся патриарху доходила до того, что боярин Стрешнев даже научил своего пуделя складывать лапки крест-накрест, чтобы вышучивать новое патриаршее благословение.

Милостиво отнёсся к возвратившемуся из ссылки протопопу и царь Алексей Михайлович. В Москве Аввакум сразу же явился к своему старому другу Феодору Михайловичу Ртищеву, который подошёл к нему под благословение и долго обо всем расспрашивал. Ртищев к тому времени занимал уже весьма высокое положение. Это был человек, в прямом смысле слова имевший «доступ к телу» царя: в 1650 году он был пожалован чином царского постельничего. *«И того постельничего чин*

таков, — сообщает Григорий Котошихин, — *ведает его царскую постелю, и спит с ним в одном покою вместе, когда с царицею не опочивает, так же у того постелничого для скорых и тайных его царских дел печать*». Во время приезда Аввакума в Москву Ртищев ведал приказом Большого дворца.

Трое суток провёл Аввакум в доме царского постельничего, после чего Ртищев доложил о нём непосредственно царю. «Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: *“здоров ли-де, протопон, живешь? еще-де видатца Бог велел!”* И я *сопротив руку ево поцеловал и пожал, а сам говорю: “жив Господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит Бог!”* Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему».

Царь велел разместить Аввакума на подворье Новодевичьего монастыря, которое находилось рядом с Вознесенским монастырём в Кремле. «И, в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: *“благослови-де меня и помолися о мне!”* И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом! А из кореты высунется, бывало, ко мне. Также и все бояря после ево челом да челом: *“протопон, благослови и молися о нас!”* Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры», — писал впоследствии Аввакум.

Но царские и боярские милости не могли затмить главного: приехав в Москву, Аввакум увидел, что никоновские новшества прочно укрепились в церкви. И он вновь выступил с их обличением. Время пребывания Аввакума в Москве становится самой горячей порой его проповеднической деятельности. Пользуясь в это время большой свободой, он действовал и устным словом, и писаниями. В первую очередь он обращается с челобитной к царю. «Я чаял, — пишет в ней Аввакум, — *живучи на Востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве быти; а я ныне увидял церковь паче и прежняго смущенну. Свет наш государь, благочестивый царь! Златаустый пишет на Послание к ефесеом: “ничтоже тако раскол творит в церквах, якож во властех любоначалие, и ничтож тако прогневает Бога, якоже раздор церковной”.* Воистинно, государь, *смущенна церковь ныне*».

Описывая царю все свои мытарства, которые ему пришлось претерпеть от самого начала священнического служения «ради Церкви Божия», в том числе и сибирские — за сопротивление Никоновым «затейкам», Аввакум вместе с тем выражает свою твёрдую и неизменную

позицию в делах веры. Он призывает царя отказаться от никоновских реформ, видя в них главную причину всех несчастий, постигших за последнее десятилетие Русскую державу;

«И моровое поветрие не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянский меч стоит десять лет беспрестани, отнележе разадрал он церковь... Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну! А близ исход души моей, чаю, понеже время належит. То не отеческой у патриарха вымысл, но древняго отступника Иулияна и египтенина Феофила, патриарха Александрова града, и прочих еретик и убийц, яко христиан погубляти. Мне мнится, и дух пытливой таков же Никон имать, яко и Феофил, понеже всех устрашает. Многие ево боятся, а протопоп Аввакум, уповая на Бога, ево не боится. Твоя, государева-светова, воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить, за помощь Божию готов и дух свой предати. Аще не ныне, умрем же всяко и житию должная послужим; смерть мужу покой есть [\[55\]](#); смерть греху опона. А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хочет. И во откровении ми от Бога бысть се, яко мерзок он пред Богом, Никон. Аще и льстит тебе, государю-свету, яко Арий древнему Константину, но погубил твои в Руси все государевы люди душою и телом, и хотящи ево законы новыя прияти на Страшнем Суде будут слыть никонияня, яко древнии арияня. Христа он, Никон, не исповедует, в плоть пришедша; Христа не исповедует ныне царя быти и воскресение Ево, яко юдеи, скрывает; он же глаголет неистинна Духа Святаго, и сложение креста в перстех разрушает, и истинное метание в поклонех отсекает, и многих ересей люди Божия и твоя наполнил; инде напечатано: “духу лукавому молимся”. Ох души моей и горе! Говорить много не смею, тебя бы мне, света, не опечалить; а время отложить служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные! Воистинно, государь, сблудил во всем, яко Фармос древней. Потщися, государь, исторгнута злое ево и пагубное учение дондеже конечная погуба на нас не приидет, и огонь с небесе или мор древний и прочая злая нас не постигло. А егда сие злое корение исторгнем, тогда нам будет вся благая: и кротко и тихо все царство твое будет, яко и прежде Никонова патриаршества было; и агарянской меч Бог оставит и сподобит нас получитьи вечная благая».

Но Аввакум, наивно полагая, что это Никон «омрачил» царя, не знал тогда, что и реформа, и «агарянский меч» были не просто звеньями в одной цепи, но следствием политики самого царя по осуществлению пресловутого «греческого проекта». В результате его попытка образумить Алексея Михайловича успехом не увенчалась, да и не могла увенчаться.

«Царь был настолько поглощён идеей возрождения Константинополя, II Рима, за счёт собственного государства, что ни о чём другом думать не мог. Возврат к древнему русскому благочестию для него означал отказ от всех своих “свершений” и побед, ставил под сомнение весь смысл русско-польской войны и новых территориальных приобретений. Предать своих верных соратников он также не мог, а может быть, и боялся. Ближайшие бояре и князья, благодаря определённой царской политике, получили огромные владения, новых подданных, совершенно неожиданные статьи доходов. Вернуться к религиозным традициям предков означало для них отказ от последующих завоеваний, грозило породить недовольство и бунт у украинцев, поддерживающих пока московитов в борьбе с польской шляхтой. Мы даже наблюдаем процесс перераспределения собственности внутри самой когорты “избранных”» (Платонов).

Тем самым пути Аввакума и его покровителей резко разошлись. Если бояре боролись лично против Никона и, добившись его падения, а впоследствии и извержения из сана, были в общем-то удовлетворены, то Аввакум шёл против никонианства: против всех тех церковных новшеств, подлинным автором которых были сам царь и его ближайшее окружение. Бояре убеждали опального протопопа примириться с новой верой, обещая высокое общественное положение и какое угодно место, вплоть до места царского духовника, но Аввакум не соглашался.

*

За то время, пока Аввакум был в сибирской ссылке, в столице произошли серьёзные перемены. Вождём московских староверов какое-то время продолжал оставаться отец Иоанн Неронов. Через год после своей ссылки в Спасо-Каменный монастырь он был отправлен ещё далее на север — в Кандалакшский монастырь Рождества Богородицы, откуда в августе 1655 года ему удалось бежать на Соловки, которые и тогда, и после были оплотом старой веры. Затем, неоднократно избегая ареста, приказы о котором были повсюду разосланы Никоном, он добирается до Москвы, где некоторое время живёт тайно в келии отца Стефана Внифантьева. 25 декабря 1656 года Иоанн Неронов постригся в Переяславль-Залесском Троицком Даниловом монастыре с именем Григорий. Ко времени возвращения Аввакума в Москву Неронову исполнилось уже 63 года, и силы покидали его. К тому же, устрашённый отлучением от «Вселенской Церкви», Неронов примирился и с Никоном, и с введёнными им

новшествами.

«В лице прибывшего в Москву Аввакума противники церковной реформы Никона получили теперь нового главу и руководителя, который своею десятилетнею ссылкой в Сибирь, всею тамошнею жизнью и деятельностью блестяще доказал свою безусловную, непоколебимую преданность родной святой старине, всегдашнюю стойкость в раз усвоенных воззрениях, свою редкую, прямо исключительную способность постоять за них при всяких обстоятельствах и положениях, и свою решительную неспособность идти с противниками на какие бы то ни было компромиссы», — писал Н.Ф. Каптерев.

Возглавив московскую староверческую общину, Аввакум повёл борьбу смело и решительно. Ему часто приходилось вести прения о вере со сторонниками никоновских церковных реформ. Так, Иоанн Неронов упоминает о беседах Аввакума «наедине» с архиепископом Иларионом Рязанским и с новым царским духовником Лукьяном Кирилловым — «о сложении перстов, и о трегубой аллилуии, и о прочих догматах» старых и «нынешних нововводных».

Однако самые ожесточённые споры в те дни проходили в доме Феодора Михайловича Ртищева за кремлёвскими Боровицкими воротами на углу Знаменки и Моховой, куда Аввакум «бранитца со отступниками ходил». Интересно, что дом Ртищева был местом постоянных столкновений по вопросам церковной реформы и до приезда Аввакума в Москву. Отец царского окольного Михаила Алексеевича Ртищев осуждал за приверженность старой вере свою племянницу, боярыню Феодосию Прокопьевну Морозову, которая вскоре станет духовной дочерью Аввакума. Дядя Ртищева по матери Спиридон Потёмкин, образованный старовер, ссорился с его сестрой Анной Михайловной, сторонницей Никона.

На личности Анны Михайловны Ртищевой (в замужестве Вельяминовой) стоит остановиться отдельно. Как старшая сестра, она имела колоссальное влияние на Феодора Михайловича, который её «аки мать почиташе», а она была ему «во всяком благоворении споспешница». Рано овдовев, она жила в доме своего младшего брата, где пользовалась неограниченным влиянием. Как «вторая верховая боярыня» имела она влияние и при царском дворе, и в патриарших палатах. Недаром диакон Феодор называл её насмешливо «Анна, Никонова манна». Благодаря незаурядному уму и женскому обаянию она сумела стать интимной советницей Никона при его стремительном восхождении на патриарший престол. *«Царь ево на патриаршество зовет, — вспоминал Аввакум, — а он бытто не хочет, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам*

укладывают — как, чему быть? — и, много пружався со дьяволом, взошел на патриаршество Божиим попущением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою».

Став патриархом, Никон зажил «широко». «Бабы молодые, — свидетельствует Аввакум, — и черницы, в палатах тех у него верременницы, тешат его, великого государя пресквернейшаго. А он их холостит, блядей. У меня жила Максимова попадьа, молодая жонка, и не выходила от него: когда-сегда дома побывает воруха, всегда весела с воток да с меду; пришед песни поет: у святителя государя в ложнице была, вотку пила. А иные речи блазнено и говорить. Мочно вам знать и самим, что прилично блуду. Простите же меня за сие. И больши тоя безделицы я ведаю, да плюнуть на все».

Особое место среди никоновских «верременниц» принадлежало Анне, которая сыграла немалую роль и в проведении церковных реформ, будучи горячей и убеждённой сторонницей грекофильской партии. Желая оправдать царя Алексея Михайловича, Аввакум поначалу даже считал её чуть ли не главной виновницей никоновских «затеек»: «Ум отнял у милова (царя), у нынешнева, как близ его был. Я веть тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом». Но и после удаления Никона в 1658 году Анна продолжает играть важную роль при дворе. Она заводит нового «любимого пастыря», лютого гонителя староверов «краснощёкого Павлика», митрополита Крутицкого, который вскоре становится местоблюстителем патриаршего престола. «А о Павле Крутицком мерско и говорить: тот явной любодей, церковной кроводец и навадник, убийца и душегубец, Анны Михайловны Ртищевой любимой владыка, подпазушной пес борзой, готов зайцов Христовых ловить и во огонь сажать» — такую убийственную характеристику даёт Аввакум этому «князю церкви».

О ярко выраженной латинской ориентации Анны Михайловны и активной поддержке ею «греческого проекта» свидетельствует её спор по поводу «кислого хлеба» и «опресноков» с дядей Спиридоном Потёмкиным, немало времени прожившим на оккупированных польскими католиками землях. Как известно, некогда в XI веке именно спор о том, каким должен быть хлеб для причастия, явился главным формальным поводом для разрыва между католиками и православными: католики считали, что надо причащаться опресноками, а православные — «кислым хлебом». Аввакум так передаёт спор между дядей и племянницей: «Слышал я, промышленница и заступница еретическая Анна Ртищева... Спиридону Потемкину говорит: “Что-де, дядюшка, разнствует хлеб со опресноком?”

И старик-от ей хорошо сказал: “Вижу-де, Михайловна, половина ты ляховки!” Так она рожу ту закрыла рукавом».

Оказавшись в доме Ртищева после своего возвращения из Сибири, Аввакум активно включается в полемику. «В дому у него с еретиками шумел много». Ко всем таким диспутам он тщательно готовится, собирает материалы, делает нужные выписки из Священного Писания и святоотеческих творений. Среди своих оппонентов Аввакум называет прежде всего Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого. «Епифания римлянина» он знал ещё «до мору, егда он приехал из Рима». С «Семенкой чернецом», который «оттоле же выехал, от римского папежа», он только что познакомился. Было это на приёме у царя. «И вместе я и он были у цареvy руки, — вспоминает Аввакум, — и видеv он ко мне цареvy приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня. И я ему рек: “откуда ты, батюшка?” он же отвеца: “я, отеченька, из Киева”. А я вижю, яко римлянин. У Феодора Ртищева с ним от Писания в полатке до тово щиталися, — вся блядет по уставу римскому».

В литературе широко распространено мнение о Симеоне Полоцком как о прогрессивном деятеле своего времени, чуть ли не единственном светоче в мрачном царстве невежественного русского средневековья. Однако этот образ не соответствует действительности. Иеромонах Симеон Полоцкий (в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович), уроженец Белоруссии, принёс в Москву исключительно латинскую учёность, причём учёность по тем временам далеко не первого сорта. Как справедливо пишет профессор К.Ярош, «его учёность носила на себе все свойства схоластики. Но схоластика его была не той жизненной и свежей средневековой мудростью, которая поднималась на почтенную высоту в лице Фомы Аквинского и была выразительницей умственной пытливости своей эпохи. Учёность Симеона была схоластикой времен Оккама, когда от неё оставалась лишь внешняя, сухая шелуха, состоящая из логических контраверз и казуистических тонкостей. Эрудиция Полоцкого была вполне запечатлена духом формализма, в котором суть вещей исчезала, глубокие интересы действительности, истории, народности и государства отходили в сторону, а оставался лишь механизм словесных и логических формул, механизм, правда, хорошо смазанный и легко вращавшийся по ветру. Таким образом, когда в Европе Бэкон и Декарт уже указали новые приёмы мышления, когда Спиноза в Голландии пытался поднять здание философии вплоть до горнего обиталища Божия, когда в Англии Гоббес трудился над Левиафаном, а в Италии уже давно прозвучал патриотический вопль Макиавелли, — Симеон Полоцкий, с самодовольною

гордостью, предлагал России европейскую мудрость, полтора столетия тому назад воспетую в “Похвале глупости” Эразма и уцелевшую разве кое-где, в глухих щелях захолустных школ. Нельзя не признать замечательным явлением, что “модные вещи” первого же заграничного привоза оказались вещами давно прошедшего сезона».

Первоначальное образование Симеон получил в латинизированной Киево-Могилянской коллегии, затем продолжил своё образование в польской иезуитской коллегии в Вильно. Впоследствии в книге «Остен» о «полоцком старце» говорилось: «Он же Симеон, аще бяше человек и учен и добронравен, обаче предувещан от иезуитов, папешников сущих, и прелщен бысть от них: к тому и книги их латинския токмо чтяше: греческих же книг чтению не бяше искусен, того ради мудрствоваше латинския нововымышления права быти. У иезуитов бо кому учившуся, наипаче токмо латински без греческаго, невозможно быти православному весма восточныя церкви искреннему сыну». В 1656 году, когда царь Алексей Михайлович посетил Полоцк, проходя походом на Ригу, Симеон поднёс ему своё сочинение «Метры на пришествие великого государя» и тем самым обратил на себя его внимание. В 1664 году, после того как Полоцк снова перешёл под власть Польши, он переселяется в Москву, где обучает латинскому языку молодых подьячих Тайного приказа, а спустя некоторое время становится воспитателем царских детей и придворным стихотворцем.

Кроме всего прочего, Симеон Полоцкий сумел заслужить особое расположение царя своим профессиональным знанием астрологии — занятием, которое категорически отвергалось Православной Церковью. Дошедшая до наших дней повесть рассказывает, что Симеон Полоцкий 11 августа 1671 года после того, как царь Алексей Михайлович «изволил совокупиться с великою государыней царицею», увидел на небе «пресветлую звезду близ Марса» и истолковал это как знак грядущего появления на свет «великого государя». «... И ту звезду оный блюститель познал... и зачнемся в утробе нарек имя: Петр». Здесь нужно отметить, что зачатие будущего императора произошло в Успенский пост, в течение которого Православная Церковь не совершает браковенчаний, предписывая супружеское воздержание. «По словам опытных духовных лиц, дети, рождённые в нарушение христианских постов, обычно не радуют родителей и общество добродетельной жизнью» (Кутузов).

Однако Феодор Ртищев, будучи, как уже говорилось выше, убеждённым грекофилом и одним из вдохновителей «греческого проекта», всячески покровительствовал «киевским старцам». Увлечение его западной

учённостью доходило до того, что он проводил в беседах с киевлянами целые ночи, забывая о сне. Точно так же три дня и три ночи беседовали они с Аввакумом после его возвращения в столицу.

Внешне Ртищев играл роль миротворца. Первоначально он примыкал к боголюбцам, был единомыслен со Стефаном Внифантьевым, почитал за «советника своего» Иоанна Неронова, переписывался с его учеником игуменом Феоктистом. В период гонений на Неронова Ртищев давал ему в своём доме приют на «многие дни». Впоследствии он поддерживал связи и с отставленным от патриаршества Никоном. В ртищевском доме встречались как сторонники никоновской реформы, так и её непримиримые противники.

Однако, как замечает историк Б.П. Кутузов, *«многим гостям, вероятно, было невдомёк, что дом Ртищева был тогда фактически отделением первой российской тайной полиции, Приказа тайных дел, во главе которого стоял царский окольныйчий... Искательных царедворцев, впрочем, это не смущало: “Один только меценат Фёдор Ртищев имеет обыкновение держать открытыми уши для хвалебных голосов литераторов”, — писал по-латыни из Москвы в Киево-Печерскую лавру Симеон Полоцкий»*.

Видимо, неспроста задавались Аввакуму в доме Ртищева такие вот вопросы: *«Достоит ли учиться риторике, диалектике и философии?»* В ответ на этот провокационный вопрос, заданный 27 июля 1664 года, Аввакум составил целое послание, в конце которого добавлял: *«Писанейце же, государь, сие мне отдай, а пьяным философом не кажи, понеже плотская мудрствуют и тебя обманывают...»*

На этом аввакумовском «писанейце» стоит остановиться отдельно, чтобы понять суть споров, проходивших в те летние дни 1664 года в доме Ртищева. «Киевляне», будучи защитниками новой европеизированной или эллинизированной культуры, заявляли, что подлинная христианская мудрость не может существовать без философии, риторики и грамматики. Владение «свободными искусствами» необходимо для правильного понимания Священного Писания, а следовательно — для спасения души. Так, впоследствии излюбленным обвинением старообрядцев новообрядческими епископами и миссионерами будет обвинение в «невежестве». Однако за витийствованием Ртищева и киевских старцев о том, что некогда и столпы православия (например, святые Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст) учились у языческих философов, в скрытой форме выражалось стремление к секуляризации. Аввакум прекрасно понимал, что даже если греческая философия и могла в

былые времена привести кого-то из язычников ко Христу, то людей, воспитанных в христианской вере, она может увести только в обратную сторону.

Возражая своим оппонентам, Аввакум говорил, что «свободные искусства» представляют собой лишь внешнее знание, не относящееся к религиозной сфере или христианскому преданию, и в силу этого никакого отношения к спасению не имеют. *«Еже бо в Распятого веровати, сие премудрости не требует, ниже умышленей, но веры»*. Аввакум в своём «Житии» заявлял: *«Не учен диалектики и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: “аще и невежда словом, но не разумом”»*. В одном из своих поучений он призывал своих духовных детей: *«Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быти христианин... Да и вси святии нас научают, яко риторство и философство — внешняя блядь, свойственна огню негасимому. От того бо раждается гордость, мати пагубе. И несть ми о сем радения. Аз есмь ни ритор, ни философ, дидаскалства и логофетства неискусен, и зело исполнен неведения»*. В другом месте Аввакум писал: *«Аще я и несмыслен гораздо, не ученый человек: за то знаю, что вся в Церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, якоже приях; не прелагаю предел вечных. До нас положено: лежи оно там вовеки веком!»*

В этом Аввакум следует изначальной установке христианства по отношению к языческой философии. В частности, святой апостол Павел пишет: *«Смотрите, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу»* (Кол. 2, 8). *«Таким образом, христианское ведение, непосредственно идущее из Священного Писания и творений Святых Отцов, противопоставляется ложному “внешнему” (то есть исключенному из духовной сферы) знанию, — пишет В. М. Живов. — Спасение, согласно взглядам Аввакума, зависит не от этого внешнего знания, но от неповторимых отношений отдельного человека к Богу»*.

Позиция Аввакума во многом продолжает традиции византийского исихазма. Исихазм вообще очень сильно повлиял на мировоззрение средневекового русского христианина и в особенности на мировоззрение ревнителев благочестия и их духовных преемников старообрядцев, продолжавших оставаться носителями идеалов Святой Руси. Исихазм во многом сформировал на Руси тот образ отношения человека к окружающему миру и образ познания мира, который богословы называют «кардиогносией» — «сердцеведением». Именно этот образ определял

отношение к бытию как системе определенных обрядов. Подобное мировоззрение неизбежно должно было вступить в конфликт с чуждым ему европейским гуманизмом, ценности которого активно насаждались в ходе никоно-алексеевской реформации XVII века. Аналогичные процессы происходили на Западе в эпоху Возрождения. Современник итальянских гуманистов и защитник исихастского направления святой Григорий Палама тоже весьма критически был настроен по отношению к «внешней мудрости», видя в увлечении античной философией начало процесса секуляризации. Дальнейшее развитие европейской истории подтвердило эти его опасения.

«Свет мой, Феодор Михайлович — обращается к Ртищеву Аввакум, — возлюби зватися христианином, якоже и есть, нежели литором слыть и чужю Христа быть. Мудрость бо плотская, кормилец мой, и иже на нея уповаша, а не на Святаго Духа во время брани, якоже и пишет, закону бо Божию не повинуется, ни может бо, а коли не повинуется, и Христос не обитает ту. Лутче тебе быть с сею простотою, да почит в тебе Христос, нежели от риторства ангелом слыть без Христа». Свое «писанейце» Аввакум заканчивает следующими словами: «Попросим мы с тобою от Христа, Бога нашего, истиннаго разума, како бы спастися, да наставит нас Дух Святый на всяку истинну, а не риторика з диалектиком».

Вместе с тем, как видно из последующих его сочинений, Аввакум не отрицал философию и её полезность вообще. Так, в «Письме двум девам», осуждая одну из своих духовных дочерей за увлечение «внешней мудростью», он пишет: *«Евдокея, Евдокея, почто гордаго беса не отринешь от себя? Высокие науки исчешь, от нея же падают Богом неокормлени, яко листвие. Что успе Платону и Пифагору и Демостену со Аристотелем? Коловратное течение тварное разумевше, от ада не избывшие. Дурька, дурька, дурицо! На что тебе, вороне, высокие хоромы? Граматику и риторику Васильев, и Златоустов, и Афанасьев разум обдержал. К тому же и диалектик, и философию, и что потребно, — то в церковь взяли, а что непотребно, — то под гору лопатою сбросили».*

Отголоски споров, проходивших летом 1664 года в доме Феодора Ртищева, слышны и в послании Аввакума к боярину Андрею Плещееву — его ответе на «зловерное письмо» этого духовного сына Иоанна Неронова, прежде бывшего защитником святой старины, а затем перешедшего на сторону реформаторов из страха подпасть под клятвы продажных «вселенских патриархов». Плещеев увещевал Аввакума, всячески склонял его присоединиться к реформированной церкви, пытаясь доказать, что

своими действиями Никон и покорные ему иерархи якобы не вводили ничего нового, но что ими только *«погибшее обретается, кривое исправляется, косвенное отчается и стропотное соглаждается»*. Русские книги исправляются *«премудрейшими учителями»*, поскольку в них якобы много несходного с греческими оригиналами и старинными русскими списками. В заключение Плещеев призывал Аввакума прекратить свою проповедь, чтобы *«не соблазнить»* других, ибо *«горе человеку имже соблазн приходит»*, а под влиянием проповеднической деятельности протопопа многие люди не ходят в никонианские церкви, отвергают новые Служебники, троеперстие и *«все исправленные ныне церковные догматы»*. Доходит даже до того, что люди умирают без покаяния и причастия.

На это протопоп Аввакум вполне резонно отвечал, что действительно очень важно хранить *«дружество»*, особенно христианам; но для христиан есть только один Учитель, основавший Свою Святую Церковь и оставивший им Свое учение, и только Его они должны слушать и Его заповедям следовать. Соответственно считать, что основанная Христом Церковь в чём-то прежде согрешала, и пытаться как-то *«исправить»* Священное Предание — суцая ересь.

«Церковь бо созда Христос, — пишет Аввакум, — сице святу и крепку, сице непреклонну и недвижиму, яко не токмо уста еретическая, но и самая врата адова не одолеют ей, по словеси Господню; в ней бо Христос живет и в ней царствует, и не даст ей погрешити ни мало что, — не токмо в вере и догматах веры, но ни в малейшей чертице божественных, церковных, канонов или песней. Вся бо церковная цела суть и ничим же вредима. Отпадшия же от Церкви не веруют словесем Христовым, яко Церкви Христовы врата адова не одолеют, и никакову исправлению не подлежат от начала веры даже до скончания века; но перваго зверя пестроту приемше, хулу на Бога глаголют и на селение Его, еже есть Церковь, и на вся, живущая на небеси, а себе самих нарицают церковью. Глаголют бо: поблудиша отцы наша в церковных догматах и много время в порушении пребысть, даже до нас; мы же ныне, ко исправлению умудрившеся, погибшее обретаем, неистовая исправляем, стропотная гладка сотворяем; а еже Церкви Христовой врата адова не одолеют, сего и вопросити стыдятся за великую мудростию. Но Церковь святая, соборная и Апостольская, — в ней же Христос живет, глаголя: с вами есмь во вся дни до скончания века, — весть проклинати отпадших, и не первыя есте вы отторгшеся от единства церковныя веры. Мните себе исправляти, и под титлом исправления, — чем далее, тем глубее во дно адово себе низводите; и тому мнимому вашему исправлению конца не

будет, дондеже не останется в вас ни едина малейшая часть христианства. Тако бо отпадоша ариане от Церкви Христовой и исправиша в лучшую погибель; тако македоняне прияли и прочии вси; тако римляне, тако унияты, тако лютеране: тии вси, отметающиеся Христа и не приемлюще словес Христовых, о них же глаголет Богослов: всяк преступаяй и не пребываяй во учении Христове, Бога не имать. Твори, еже хоцещи. Аз же сумнюся о твоём обращении, по словеси святаго Апостола Павла, яко плотское мудрование вражда есть на Бога, закону бо Божию не повинуется, не может бо уже покориться».

Аввакум раздражается гневной речью в адрес «новых учителей», называя их «нынешними пьяными апостолами, которые всегда с похмелья мудрствуют, составляюще лукавые догматы». Эти «дрождями прокислыя мудрецы» трясущимися руками пишут свои новые книги, «ползающе по земле, яко гадове». Обращаясь к Андрею Плещееву, Аввакум восклицает: «Ей, не внидет, возлюбленне, благодать духовная в те уста, в няже входит вино корчемное!» — и призывает его покаяться и вернуться к отеческому преданию.

*

Влияние проповеди протопопа Аввакума становилось всё сильнее. Количество сторонников его росло день ото дня, не на шутку пугая «новолюбцев». Новообрядческие священники жаловались, что в церкви Софии Премудрости Божией, что за Москвой-рекой, Аввакум «своим учением прихожан отлучил многих», а некоторые позволяли себе даже такие дерзости, как благовещенский сторож Андрей Самойлов, который «называл митрополита и архиепископов проклятыми и бранил их матерны, а дьякона Софийскаго хватал и дергал за рясу, называя никоновичем». Даже в кремлёвском Вознесенском девичьем монастыре проповедь Аввакума имела такой успех, что инокини во главе с уставщицей Еленой (Хрущовой), сделавшейся усердной его последовательницей, стали служить по старым книгам, а когда власти запретили им это, организовали богослужение в кельях.

Были среди последователей Аввакума и весьма влиятельные в высшем московском обществе лица. Они принимали его в своих домах и тем способствовали его проповеди. В это время Аввакум знакомится с такими видными и родовитыми боярами, как князя Иван Андреевич Хованский и Юрий Алексеевич Долгорукий. Особенно чутки были к вдохновенным

словам протопопа женщины. Так, поддержку Аввакуму оказывала родственница царицы и внучка знаменитого освободителя Москвы, князя Димитрия Пожарского, Анна Петровна Милославская. Но самой ревностной его последовательницей стала молодая боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова.

Родилась она в Москве 21 мая 1632 года в семье окольного Прокопия Фёдоровича Соковнина, родственника первой жены царя Алексея Михайловича — царицы Марии Ильиничны. Родители её были людьми благочестивыми и богобоязненными. В 1649 году юную Феодосию Соковнину выдали замуж за боярина Глеба Ивановича Морозова, который был намного её старше и приходился родным братом царскому дядьке и свояку Борису Ивановичу Морозову. Когда в 1662 году бездетный Борис Иванович умер, то всё его огромное состояние наследовал его и без того состоятельный брат Глеб Иванович. Но и он вскоре отошёл к Богу, и его молодая вдова стала обладательницей одного из самых крупных состояний того времени.

Палаты боярыни Морозовой были первыми в Москве, её любили и уважали при царском дворе, и сам царь Алексей Михайлович отличал её перед другими боярынями. Она именовалась «кравчей царской державы». Окружённая роскошью, она выезжала в расписной карете, запряжённой двенадцатью арабскими конями с серебряными цепями. В доме было не менее трёхсот слуг, а крестьян насчитывалось до восьми тысяч. К ней сваталось множество самых знатных в России женихов. Казалось бы, о чём ещё можно мечтать молодой красивой женщине?

Но, оставшись вдовой, Морозова целиком посвятила себя делам благочестия и воспитанию своего малолетнего сына Ивана. Ожидая Жениха Небесного, она отказывала женихам земным. Она сама управляла людьми и работала по хозяйству. Целыми часами разбирала она нужды крестьян, *«любовию и милостию на дело Господне побуждая»*. Сама пряла и ткала, шила простое платье и бельё, а ночью тайком с близкими подругами-богомолками раздавала его по тюрьмам и больницам. Двери морозовского дома всегда были открыты для нищих, убогих и странников. При этом она сама кормила нищих, ухаживала за больными и калеками, обмывала им раны, выполняя тем самым завет Христов. Щедро подавала боярыня и на монастыри и церкви. В её доме строго соблюдался церковный устав. День начинался и заканчивался молитвой. Вместе с хозяйкой молились и все домочадцы. Молитва эта всегда была глубокой и сердечной, так что часто можно было увидеть, как из глаз боярыни лились слёзы — *«яко бисерие драгое схождаху»*. Часто молилась она и по ночам. Ночью

сама вставала на молитву, не давая будить себя слугам, по совету отца духовного, клала 300 поклонов да творила 700 молитв Исусовых...

Несмотря на свою близость к царскому двору, никоновских нововведений боярыня Морозова не приняла, продолжая придерживаться старой веры. Она была начитанна в богословской литературе и находилась в самой гуще ожесточённых споров старообрядцев с никонианами. *«Прилежаше бо Феодосья и книжному чтению, — пишет о ней Аввакум, — и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостольских».*

Познакомившись с протопопом Аввакумом, молодая боярыня под влиянием его страстных речей и длительных бесед становится его духовной дочерью и горячей поклонницей. Когда именно состоялось первое знакомство Морозовой с Аввакумом, точно неизвестно (вполне возможно, что оно произошло в доме её троюродного брата Феодора Ртищева), однако уже с весны 1664 года, то есть со времени возвращения Аввакума из сибирской ссылки в Москву, их отношения были очень близкими. Когда гонения на староверов усилились, Морозова стала оказывать материальную помощь ссыльным и принимать у себя гонимых. Вокруг её дома собираются ревнители древлего благочестия. Со всеми противниками никоновских реформ, в том числе с протопопом Аввакумом, она вела активную переписку. Он называл её любовно сестрой, ставя необычайно высоко: *«моей дряхлости жезл и подпора, и крепость, и утверждение».*

Боярыня Морозова предложила Аввакуму пристанище в своём обширном доме. Он согласился. И с тех пор дом Морозовой становится самым настоящим центром московской оппозиции никонианским реформам. Здесь же в это время жила некая «инокиня благоговейная» Мелания (Александра Григорьевна). Старица Мелания была одной из ярчайших личностей в первом поколении русских старообрядцев. О ней высоко отзывался протопоп Аввакум, величая её *«блаженной и треблаженной матерью».* Наставляемая старицей Меланией, которой она *«смирившись Христа ради, отдадися под начал и до конца отсече свою волю»*, Морозова начала вести фактически монашеский образ жизни, пешком ходила по темницам, щедро раздавая милостыню заключённым, совершала паломничества по святым местам, к чудотворным иконам и мощам святых угодников.

В своём доме, ставшем по сути монастырём в миру, боярыня держала пять изгнанных инокинь и сердечно радовалась, стоя на ночном правиле и сидя за трапезой рядом с ними. Вместе с боярыней находились её сестра

княгиня Евдокия Урусова и жена стрелецкого полковника Мария Данилова — также ставшие духовными дочерьми протопопа Аввакума. В числе юродивых, невозбранно приходивших в дом Морозовой и живших там подолгу, были знаменитые ревнители древнего благочестия Феодор, Киприан и Афанасий. Феодор, которого Аввакум привёз с собою из Устюга, ходил в одной рубашке, мёрз на морозе босой, днём юродствовал, а ночью со слезами стоял на молитве. О нём так рассказывал Аввакум: *«Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такого! Пожил у меня с полгода на Москве, — а мне еще не могло, — в задней комнате двое нас с ним, и, много, час-другой полежит да и встанет; тысячу поклонов отбрасает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу — иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: “долго ли тебе, протопоп, лежать тово, образумься, — веть ты поп! как сорома нет?” И мне неможется, так меня подымает, говоря: “Встань, миленькой батюшко, — ну-таки всташися как-нибудь!” Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был!»*

Другой юродивый, Киприан, был известен даже царю, бывая во дворце среди «верховых богомольцев». Не раз молил он царя о восстановлении старой веры, ходил по улицам и торжищам, свободным языком обличая Никоновы новины. Впоследствии оба юродивых будут сосланы на север: Феодор — на Мезень, Киприан — в Пустозёрск, и там казнены: первый в 1670 году, второй — в 1675-м.

Юродивый Афанасий, происходивший из нижегородских пределов, был духовным сыном и учеником протопопа Аввакума. Рано начав скитаться по монастырям, он имел возможность ознакомиться с книжными сокровищами многих прославленных русских обителей, что в дальнейшем позволило ему в своих сочинениях представить многочисленные свидетельства в пользу старой веры. Юродствуя, бродил босиком в одной рубашке и зимой и летом, *«плакать зело же был охотник»*. *«А с кем молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет»*. Впоследствии, когда Аввакума сошлют в ссылку на Мезень, Афанасий оставит подвиг юродства и возглавит старообрядческую оппозицию, приняв в 1665 году иночество с именем Авраамий. Обличая новых «князей церкви», он напишет: *«Начальницы славою света сего суетнаго прельстишася, и аки тмою, сластолюбием и сребролюбием помрачишася...»* После Собора 1666–1667 годов и ссылки вождей церковной оппозиции в Пустозёрск инок Авраамий будет служить связующим звеном между ними и их сторонниками в столице. В 1667–1669 годах он составит обширный полемический сборник

«Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», в котором будут собраны его полемические писания, послания его друзей (Аввакума, Феодора, Феоктиста, Иоанна Неронова), автобиографическая «Записка» Елифания, некоторые сочинения писателей прошлого (например, Максима Грека). 6 февраля 1670 года Авраамий будет арестован за переписку с Аввакумом, расстрижен и весной 1672 года сожжён в Москве «на Болоте» — *«яко хлеб сладок принесется Святей Троице»*...

Частыми гостями в доме Морозовой были епископ Александр Вятский, открыто осуждавший никоновскую реформу и помогавший вождям оппозиции составлять челобитные, подбирая для них материалы и доказательства; бывший игумен московского Златоустовского монастыря Феоктист, ученик Иоанна Неронова и автор посланий в защиту старой веры; инокини кремлёвского Вознесенского девичьего монастыря.

Бывал здесь, вероятно, и «богомудрый и благородный старец» Спиридон (в миру Симеон Феодорович) Потёмкин ^[56] — архимандрит Покровского монастыря в Москве, уроженец Смоленска, выходец из боярской аристократии. Он приходился родным дядей Феодору Ртищеву (через свою сестру Ульяну Феодоровну), был человеком весьма образованным, знал пять языков, в том числе греческий, латинский и древнееврейский. С самого начала никоновских реформ Спиридон Потёмкин выступил с их резкой критикой, заявляя, что любое изменение «буквы» обрядов открывает путь антихристу для окончательного покорения «под свою руку» последнего в мире православного царства — Святой Руси. Реформаторы пытались склонить старца Спиридона на свою сторону, предложив ему кафедру митрополита Новгородского, но он был непреклонен: *«Лучше аз на виселицу поеду с радостью, нежели на митрополию на новые книги»*.

В своих сочинениях в защиту старой веры Спиридон Потёмкин переносит спор с деталей обряда и личных выпадов на теоретическую, строго богословскую почву. Никоновские новшества неправильны и бесполезны уже потому, что Церковь Христова *«и не требует никакова исправления; того ради яко непогрешити может... яко никогда же погрешити ей, не точию в вере или крещении или священстве, но ни в малейшем от догмат святых в чем поползнутися... А еже прият того вовеки не оставит, и не может быти недействевна: ни един час, и не может погрешити ни во едином слове, ни во псалмех ни во ермосах, ни во обычаех и нравех писаных и держимех, вся бо церковная свята суть, и держание не пресечеса ни на един день»*.

Тем самым всякая попытка изменить, а точнее, исказить церковное

предание, переправить или заново отредактировать богослужебные тексты и чинопоследования подрывает самые основы веры. Старец Спиридон обращал внимание верующих на то, что *«ныне выходят книги еретическими реформовании, полны злых догмат, из Рима, из Парижи, из Венеции, греческим языком: но не по древнему благочестию, их же прелагают на словенский язык, ныне же реформованныя з горшими расколы»*. Но и это ещё не всё. Новые церковные вожди ради *«науки грамматики, риторики и философии» «еллинских учителей возлюбиха паче апостолов Христовых»*, то есть ради древнегреческой и вообще секуляризированной культуры и науки забыли веру Христову и отходят от корней православия. Спиридон с горечью восклицает: *«О люте время нас постиже, разлучают нас со Христом истинным Богом нашим, и приводят к сыну погибели!» «В его глазах этот отход от Христа к светской секуляризированной культуре является предзнаменованием “последнего времени”, конца истории, прихода антихриста. Что можно ожидать от таких вождей церкви, которые ради преимуществ преходящей светской науки и цивилизации изменяют святым догматам и старому церковному обряду? Они способны всё сделать, они готовы отступить от правой веры, и недалёк день, когда они “дадут славу зверю пестрому” и “устелют путь гладок своему антихристу сыну погибели”»* (Зеньковский). В своих эсхатологических построениях старец Спиридон Потёмкин близок к западнорусским богословам Стефану Зизанию и Захарии Копыстенскому, разделяя их теорию поэтапного, трёхчастного завоевания мира антихристом. Так же как они, он ожидал появления антихриста в 1666 году, видя все признаки наступающего Апокалипсиса: *«...и что будет по шести летех, но и сего уже главизны являются»*. Но до 1666 года дожить ему было не суждено...

*

Встречи единомышленников, противостоявших никоновским реформам, и их бурные диспуты с «новолюбцами» не могли не вылиться в какие-то определённые действия. В «Житии» преподобного Корнилия Выговского сообщается о соборе, который был в доме *«некоего господина, потаеннаго христианина гонения лютаго ради»*.

«Некогда бывшу ми на Москве, — вспоминает преподобный Корнилий, — и некогда собравшимся отцем вкупе у некоего господина, потаеннаго христианина, гонения ради лютаго, начаша советовати о крещении: отец

Спиридон Потемкин, архимандрит Покровской от убогих, соборныя отцы протопопы священно-Аввакум, Даниил, священноигумен Досифей, священноиерей Лазарь, священнодиякон Феодор, иноки Авраамий и Исая, и аз, грешный, Корнилий, — о никониянском крещении по новопечатным книгам бывающее под двочастным крыжем, пятиперстным херосложным малаксовым благословением с треперстным знаменованием; и ради новоизданнаго их символа веры и прочая, а за отложение всего древлецерковнаго святоотческаго содержавшагося кафолическаго благочестия, трисоставнаго креста Господня, двоеперстнаго благословения и символа веры православныя, по старопечатным книгам глаголющее. Сия вся и прочая с порицанием отложивше и клятвам и анафемам предавше, тяжкопорицательно устроиша соборне. И вси присудиша купно, что никониянское крещение за крещение не вменяти, и по апостольским и соборным правилом повелеваша паки совершенно крещати второе. Глаголаху сице: “Есть бо таковыя правила — и простолюдину повелевают крестити при нужды, не суцу иерею”».

Принятие подобного решения в те годы было равносильно подписанию себе если не смертного приговора, то пожизненной ссылки — как минимум. Фактически оно означало отрицание законности и благодатности официальной церкви и, соответственно, поддерживающего её правительства. Но первые отцы староверия были единодушны в своём неприятии никонианских таинств. И этим свидетельство преподобного Корнилия о Московском соборе 1664 года особенно ценно. «И рассуждали вси купно, яко невозможно его (то есть никонианское крещение. — К.К.) имети за истинное ради отступления веры христианския и всех нарушения законов Христовых, но ныне нам невозможно божественных правил изыскати ради гонения; но впредь хотящим по нас спастися, желающим Небеснаго Царствия вкратце речем от Благовестника: аще кто не родится водою и Духом, не может спастися, аще и всех человек праведнейшии будет. Инде бо Писание глаголет, яко еретическо крещение Духа Святаго не имать, а ныне бо Никон сам еретик сотворися и прочих скверными сотвори и в другаго Бога веровати научи, а истинну отложи и о всем в крайнее поругание низложи, Господа нашего Исуса Христа инако нарече и совсем по пророчеству антихристу уподобися. Иеремия пророк глаголет, яко во всем уподобится хочет льстец Сыну Божию: лев Христос, лев и антихрист явися; Христос агнец, явися и антихрист агнец; и се пророчество исполнится; братие, да будем под опасением сея прелести».

Решения, принятые на староверческом Московском соборе, находили

горячую поддержку в разных уголках государства Российского, прежде всего в отдалённых скитах и монастырях, во множестве разбросанных между Волгой и Белым морем. Уже до Собора 1666–1667 годов, на котором «новолюбцы» окончательно разорвали все связи с предшествующим церковным преданием, сложились основные центры стояния за старую веру. *«Это, конечно, прежде всего, Москва, где всем попыткам правительства подавить “мятеж церковный” сопротивлялись многочисленные круги духовенства, посадских людей и купцов и сравнительно небольшой кружок аристократии вокруг боярыни Морозовой, — пишет С. А. Зеньковский. — На восток от Москвы население среднего течения Волги и впадавших в неё рек с центрами в вязниковских, краснораменских и костромских лесах почти сплошь было против “никоновских реформ”, и здесь движение приобретало наиболее опасный характер. На Севере очаги “староверия” были по преимуществу между озером Онегой и Белым морем. Сибирь со времени проповеди там Аввакума и Лазаря тоже была церковно очень беспокойной. Даже на юге, в Астрахани, где в 1661 году были задержаны три миссионера “старой веры”, и на Дону, куда стекались не ладившие с властями элементы, церковное “шатание” и недовольство иерархией сказывались всё больше и больше. Но до тех пор, пока у населения и духовенства были надежды, что царь и иерархи “образумятся” и “исторгнут злое и пагубное учение”, смута в церкви ещё не нарушала её канонического единства».* Все эти «очаги староверия» будут играть первоочередную роль и в последующей, более чем трёхвековой истории старообрядчества.

Но главным оплотом старой веры в это время становится древняя святыня Русского Севера, жемчужина Поморья — Соловецкий монастырь. Здесь в августе 1655 года побывал бежавший из ссылки протопоп Иоанн Неронов. Соловецкие иноки встретили его весьма радушно, за что архимандрит Илия некоторое время даже находился под запрещением. А 8 июня 1658 года состоялся первый Соловецкий «чёрный» (то есть иноческий) собор по поводу присланных из Москвы новопечатных книг. Принесли книги, стали их читать и просматривать, увидели «чины нововводные», хулу на двуперстное крестное знамение, которым знаменовались святые Зосима и Савватий Соловецкие, Сергей Радонежский и Кирилл Белоезерский. *«Видите, братия, — со слезами на глазах сказал архимандрит Илия, — последнее время: восстали новые учителя и от веры православной и от отеческого предания нас отвращают, велят нам служить на ляцких крыжах по новым службникам. Помолитесь, братия, чтобы нас Бог сподобил в*

православной вере умереть, яко же и отцы наши, и чтобы латынской службы не принимать». После тщательного изучения текстов новопечатных книг и сверки их с древними рукописями (в Соловецком монастыре была богатейшая по тому времени библиотека древних манускриптов) собор вынес решение: «Новых книг не принимать, по ним не служить и за отца архимандрита стоять...»

Новые книги были снесены по распоряжению архимандрита Илии в «казённую палатку», а иноки Соловецкого монастыря продолжали служить по старым. Вместе с тем в течение нескольких лет иноки написали царю пять челобитных, в которых умоляли его лишь об одном: разрешить им оставаться в вере своих отцов: *«По преданию Никона, патриарха бывшего, и по новоизложенным его книгам, проповедают нам ныне Никоновы ученицы (ученики. — К.К.) новую незнаемую веру, ея же веры мы и прадеды и отцы наши до сего дни не слышали»,* а отеческую «нашу православную веру похулили и весь церковный чин и устав нарушили, и книги все перепечатали на свой разум, богопротивно и развращенно... Плачемся вси со слезами, помилуй нас, нищих своих богомолцев и сирот, не вели, государь, у нас предания и чину преподобных отец Зосимы и Саватия переменить, повели, государь, нам быти в той же нашей старой вере, в которой отец твой государев и вси благоверные цари и великия князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима, и Саватей, и Герман, и Филипп митрополит и вси святии отцы угодили Богу». Для соловецких иноков, как и для всех искренне верующих русских людей XVII столетия, измена старой отеческой вере означала измену самой Христовой Церкви и Самому Богу. А потому, подобно первым христианам, они соглашались скорее идти на пытки, мучения и верную смерть, нежели отступить от веры, в которой спасались их предки.

В 1658 году, когда Никон оставил патриарший престол, появилась робкая надежда на возвращение к старой вере. Преследования ревнителей древнего благочестия на время прекратились, сосланные за противление никоновским реформам священнослужители были возвращены из ссылки, и в Соловецком монастыре продолжали служить по-старому. О Соловках и их стоянии в вере как будто на время забыли...

Однако надежды на восстановление древлеправославия оказались тщетными. 1 июля 1659 года скончался соловецкий игумен Илия, а в марте 1660 года в Москве поставили в архимандриты Соловецкой обители иеромонаха Варфоломея, который, прибыв в монастырь, отстранил старых советников из состава монастырского собора и ввел туда новых, угодных себе. Новый архимандрит пытался вводить в монастыре и новые порядки.

Так, в 1661 году он предпринял попытку ввести в обители недавно принятое в Москве наречное пение вместо древнего наонного. Это вызвало ропот среди братии монастыря, а головщики (руководители церковных хоров) продолжали по-прежнему петь по старинным певческим книгам. В 1663 году Варфоломей совершает новую попытку реформирования, но она снова заканчивается полным крахом. Братия монастырская крепко стояла за старину. Как раз в это время на Соловках старец Герасим Фирсов написал «Послание к брату», в котором привёл многочисленные свидетельства в защиту двуперстия, а старец Феоктист составил «Слово об антихристе и тайном царстве его», где доказывал идею о том, что антихрист уже царствует в мире духовно, а Никон — предтеча его.

Состоявшийся в том же 1663 году новый монастырский собор подтвердил постановления прежнего Собора 1658 года и строго запретил под угрозой наказаний и епитимий принимать какие-либо «никонианские нововведения». Мирное противостояние соловецких иноков реформам будет продолжаться до 1667 года, когда выльется в открытое восстание монастыря против правительства.

*

Несмотря на упорство Аввакума, царь всё же не оставлял попыток привлечь его на свою сторону, поскольку это позволило бы заглушить нарастающую день ото дня народную оппозицию церковным реформам. Видя, что тот не хочет соединиться с никонианами, царь послал к нему от своего имени боярина Родиона Стрешнева. Боярин уговаривал Аввакума «молчать», прекратить свои проповеди против официальной церкви — по крайней мере до церковного собора, который должен будет решить вопрос о Никоне. Протопоп утешил боярина Стрешнева, говоря, что царь *«от Бога учинен, а се добренек до меня»*, и рассчитывая, что с удалением из Москвы Никона Алексей Михайлович сам *«помаленьку исправится»*.

Вместе с тем, поняв, что место царского духовника не прельщает несговорчивого протопопа, царь делает ему более заманчивое предложение: обещает с 1 сентября место справщика на Печатном дворе (*«...а се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править»*). Это была реальная возможность влиять на ход церковной реформы и исправление богослужебных книг. Посулы сопровождались обильными денежными «дарениями». *«Пожаловал, ко мне прислал десеть рублев денег, царица десеть рублев же денег, Лукьян духовник десеть»*

рублев же, Родион Стрешнев десеть рублей же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шесть десят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною!» Тронутый таким вниманием царя и вдохновлённый надеждой на место справщика на Печатном дворе, Аввакум действительно на некоторое время замолкает.

Однако компромисс в делах веры был для Аввакума совершенно невозможен. Неустрашимый протопоп не мог долго молчать. *«Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковная ничто же успеваает, но паче молва бывает, — паки заворчал...»* Не прошло и полгода, как Аввакум возобновил свои обличения никонианского духовенства, называя представителей его в своих проповедях «отщепенцами» и «униатами»: *«Они — не церковные чада, а дияволя». «Берегитесь, — обращается он к своим духовным чадам, — Господа ради, молю вы, никониян, еретиков, новых жидов! Обкрадывают простых душа словесы масляными, плод же — горесть и червие. Лутче принять чувственнаго змия и василиска в дом, нежели никониянская вера и учение».*

Все предложения высоких мест Аввакум вменил «яко уметы», предпочитая временным благам вечную жизнь и земным почестям — спасение души. Он снова пишет проповеди и послания, обличая «мерзость иконовских исправлений», призывая твёрдо стоять за древнее благочестие. За время своего кратковременного пребывания в Москве Аввакум написал несколько сочинений в защиту старой веры, которые, к сожалению, до наших дней не сохранились. Какое-то представление о них можно составить по следующему краткому изложению, сделанному для Собора 1666 года: *«После свободы писал он, Аввакум, о Символе и о сложении перстов в крестном воображении, и о поклонах и о прочем, что в новоисправленных печатных книгах напечатано неправо. Да он же в своих письмах писал, что на Москве во многих церквах Божиих поют песни, а не божественное пение, по латыни, а законы и уставы у них латынские, руками машут и главами кивают и ногами топчют, как-де обыкло у латынников ко органом. И на книжнаго печатнаго двора справщиков и на священников московских церквей написал, что они пожирают стадо Христово злым учением и образы нелепо носят отступнические, а не природные наши словенскаго языка, и они же не церковные чада, дияволя, родилися ново от никонова учения, понеже не веруют во Христа вочеловечшася и еще же исповедают и не воскресша и царя несовершенна на небеси со Отцем быти, и Духа Святаго не истинна глаголют быти; их же отщепенцами и униатами называет, что они ходят в рогах вместо*

обыкновенных словенских скуфей, и причащаться святых таин православным христианам у тех священников, которые по новоисправленным служебникам Божественные литургии служат, не велит».

Самому царю Аввакум пишет особую челобитную, в которой высказывает свой взгляд на положение церковных дел того времени: «... чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую — святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршейский пастыря православнова учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика». Это было, по словам самого Аввакума, «Моленейце к великому государю о духовных властех, ихже нужно снискать», или «Роспись, кто в которые владыки годятца», как эта челобитная называется в бумагах игумена Феоктиста. «Судя по тому, что Аввакум решился ходатайствовать за других, указывать государю кандидатов на епископские кафедры, можно заключать, что его авторитет в это время был значительный, что он чувствовал за собой некоторую силу, если решался выступить с такими указаниями, — пишет А. К. Бороздин. — Кроме того, мы знаем, что эта челобитная не ограничивалась одними подобными указаниями, а касалась вообще церковных дел, и о них-то именно и “ворчал” протопоп».

Челобитную царю сам Аввакум передать не мог, поскольку в это время был нездоров, и отдал её своему духовному чаду Феодору юродивому, чтобы тот вручил письмо царю во время его переезда из дворца в церковь. «Он же с письмом приступил к царице корете со дерзновением, и царь велел ево посадить и с письмом под красное крыльцо, — не ведал, что мое; а опосле, взявше у него письмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать. Там Павел архимарит и железа на него наложил, и Божию волю железа рассыпалися на ногах пред лю[дъ]ми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на полу и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулись и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить».

Аввакумовская челобитная решила участь мятежного протопопа. «Эта челобитная показала государю, что Аввакум крепкий, убеждённый сторонник русской церковной старины, и что он добивается собственно полной отмены произведённой церковной реформы и всецелого возвращения к старым церковным порядкам, при которых “никоновы

затейки” не имели бы места». Попытка царя Алексея Михайловича примирить Аввакума хотя бы с частью никоновских реформ потерпела поражение.

Царь и церковные иерархи были сильно смущены огнепальной ревностью Аввакума: *«И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчу, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить»*. Успех проповеди Аввакума в московском обществе привёл духовные власти в самую настоящую ярость. Они решили принять меры против него и просили государя о его высылке, так как он «церкви запустошил».

Ещё одним поводом для ссылки Аввакума явилась скандальная история, связанная с заезжим греческим архимандритом Дионисием, обучавшим архиепископа Рязанского Илариона греческому языку. Аввакум так передает эту историю: *«Некто гречанин Дионисей учит Илариона, архиепископа Рязанского, греческим буквам, реку и нравом, внешняя мудрствующим. Болезнужа ж, рекох владыке сему, древняя ради любви с ним: Владыко святой, у зазорна человека учишься! О нем же слышах от достоверных свидетелей, что Софеинской поп Иродион извещал на него вам, святителем, что он, архимарит, некоего подьяка содомски блудил многое время. И по действию диаволу, прилучися ему и во олтари скверну деяти со отроком, облекши детище во святителския ризы и во амфор. И те вины детищ написаны дал ему, попу Иродиону; а он, поп Иродион, то письмо Вятцкому епископу Александру казал; еда и Питириму митрополиту не известно ли»*.

По словам Аввакума, история эта получила достаточно широкую огласку. Действительно, об этом же случае, слышанном им ещё в Москве, вспоминает в своём послании к сыну Максиму и диакон Феодор: *«Толмач же той Денис и сам праваго суда бояся, понеже соборную церковь Успенскую осквернил некогда блудом, младаго подьяка Никонова в пределе облудил, подьяк же той нам знаем бе и прииде в разум, и каюся о том согрешении своем, и пострижесе»*.

После рассказанного Аввакумом сам архиепископ Иларион «кручинен был», однако другие архиереи пришли в ярость и стали обвинять Аввакума в клевете на «ученого царского богомольца» и распространении слухов. Аввакум попытался оправдаться и написал царю Алексею Михайловичу челобитную. Излагая всю вышеизложенную историю, он риторически вопрошал царя: *«Мала ли беда, содомская сия скверна, во святилище*

содеяна? Как выедет он, архимарит, во свою землю, скажет вместо детища: я-де глупых русаков и владыку блудил. У них то, греков, не диковина. И безчестие сие и вечный позор не точию вам, архиереем, но и всему государству будет. А толко до сего времени и служите в той церкви без освящения: блюдитесь и от Бога казни. Не добра похвала — такой вор и ругатель великия России святителя учит!.. По пирушкам ходя, поп Иродион, со своею братиею, смеяся, говорит те слова... А се и безчестие всему государству от странных сих. Естьли, государь, он, поп Иродион, исправил то духом кротости, ино было не надобно во многие слухи вносит. А то и Галитцкому протопопу Михаилу, и Благовещеньскаго собора пределному диакону Феодору, и другим многим, те вины душепагубныя сказывал, и во многия слухи то внес, и в верных в державе царствия твоего велик соблазн. Пес убо, аще скочит в церковь, ино освящение есть: а то такая скверна, ея же ради Содома и Гомора пят градов погибе! А се на таком святом месте, в немже безкровная жертва Господеви приносится и пречистый Агнец за мирский живот и спасение заколается! Вправду, христоробивый государь, не возможно и попу Родиону тех вин святителем не известит, для того, чтоб церков освятит. А безчестия ради всему государству хотя б и тебе, государю, известить. Дело то соборное и исправит зело нужно. И аще архиереи исправити не радят, поне ты, христоробивый государь, ту церковь от таковыя скверны потчися очистит, да в державе царствия твоего в верных людех соблазн потребится, да и от Бога милости сподобимся».

Однако оправдаться Аввакуму не удалось. И это неудивительно, если заглянуть немного вперёд и посмотреть, какая роль будет уготована царём греческому архимандриту Дионисию на будущем Большом Московском соборе 1666–1667 годов, и насколько «нужный» для реформаторов это был человек. На двор к Аввакуму явился боярин Пётр Михайлович Салтыков и возвестил царскую волю: «Власти-де на тебя жалуются... поедь-де в ссылку опять».

29 августа 1664 года Аввакум вместе со своим семейством был отправлен в ссылку в далёкий Пустозёрск. В дорогу добрые люди много чего Христа ради насобирали, да всё пришлось оставить в Москве...

Мезенская ссылка

В Пустозёрск ехали на перекладных... Сначала по воде до Северной Двины к Холмогорам (до Холмогор Аввакума провожал его верный ученик и последователь, сторож московского Благовещенского собора Андрей Самойлов), а далее — лесными дорогами Нижней Тайболы. По всему пути своего следования Аввакум *«по городам людей Божиих учил, а их обличал пестрообразных зверей»*...

Ещё из Холмогор, в октябре 1664 года, написал Аввакум царю и передал через Киприана юродивого челобитную, умоляя разрешить ему остаться там и не ехать зимой в Пустозёрск. *«С великою нуждею доволокся до Колмогор; а в Пустозерской острог до Христова Рождества не возможно стало ехать, потому что путь нужной, на оленях ездят. И смущаюся, грешник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужси»*.

О том же челобитную подавал царю и Неронов, умоляя его не ссылать в Пустозёрск многострадального протопопа, и без того *«безчисленные беды претерпевшего»* в Сибири, *«чтоб маленьким ево сироткам в зимное время на нужном пути до Пуста-озера от студени безгодною смертью не помереть, яко же и прежде в Даурах двое детей от глада помроша...»*. Пытался и молодой диакон Благовещенского собора Феодор Иванов подавать челобитную об Аввакуме через царского духовника Лукьяна Кириллова, но тот челобитную Феодору *«в глаза бросил с яростию великою»*...

Диакон Феодор происходил из семьи сельского попа. Отца его звали Иваном, и служил он в вотчине боярина Никиты Ивановича Одоевского в селе Колычеве Дмитровского уезда. После «мора» 1654 года на Феодора была сделана *«запись... будто он крестьянский сын»*, которая обрекала его на судьбу крепостного, но ему удалось освободиться от «записи», и в 1659 году он стал диаконом Богородицкого придела дворцового Благовещенского собора. Здесь он явился «самозрителем» борьбы царя и церковных иерархов с противниками никоновских реформ. Чтобы разобраться в том, кто прав в этом споре, Феодор начал самостоятельно изучать старые и новые церковные книги московские, киевские, острожские, сербские, болгарские, *«читал книг десятков с шесть»* и, по словам инока Авраамия, *«паче иных в Божественном Писании потрудившаяся»*. Убедившись, что никоновские справщики *«блудят, што*

кошки по кринкам... по книгам и, яко мыши, огрызают Божественныя Писания», Феодор перешёл в лагерь противников никоновской реформы, уже подвергшихся в то время гонениям. Фактически это означало конец его духовной карьеры при дворе. Феодор стал собирать полемические материалы в защиту старой веры и в марте 1665 года подал вышеозначенную челобитную царскому духовнику. Дело закончилось тем, что Феодора арестовали и отдали митрополиту Павлу Крутицкому «под начал на двор», где он был посажен на цепь. Впоследствии диакон Феодор Иванов окажется союзником Аввакума по Пустозёрску.

Однако пока до Пустозёрска добраться Аввакуму было не суждено. 29 декабря 1664 года его вместе с семьёй и домочадцами (всего 12 человек) привезли на Мезень. Хотя положительного ответа от царя и не дождались, помог случай — *«Бог остановил нас Своим промыслом у окояна моря, на Мезени».* Судя по отписке царю мезенского воеводы Алексея Христофоровича Цехановицкого, окрестные крестьяне «учинили бунт» и отказались дать деньги и подводы, необходимые для отправки ссыльных и их стражников в Пустозёрск. В январе 1665 года с Мезени Аввакум снова писал царю: *«...не вели нас, двенатцати человек, поморить безгодною смертию з голоду и без одежды, вели, государь, нам из своая государевы казны давать корм».*

На Мезени Аввакум прожил полтора года. Жил в Окладниковой слободе, относительно свободно: *«промышлял рыбу, и кормился, благодаря Бога; а иное добрые люди, светы, с голоду не уморили, Божиим мановением».* Небольшой городок на правом берегу реки Мезени, впадающей в Белое море, Окладникова слобода стала к началу XVII века торговым и административным центром всей округи. Здесь проживали воеводы (у местного воеводы Алексея Цехановицкого частенько бывал Аввакум с супругой), проходили знаменитые крещенские ярмарки. О важности слободы как торгового центра говорит тот факт, что здесь постоянно проживали английские торговые агенты.

В Окладниковой слободе Аввакум продолжал служить в местной церкви, убеждая прихожан стоять за старую веру. Первая церковь здесь была построена ещё в 1568–1570 годах и была освящена во имя священномученика Климента папы римского и Петра Александрийского. К 1602 году построили и вторую церковь — Рождества Пресвятой Богородицы. А *«в дву церквах образы и свечи и книги и ризы и колокола на колокольнице строение мирское»*, — гласит запись 1623 года. В 1663 году при церкви служили попы Герасим и Илья.

В 1665 году на Мезени у Аввакума родился младший и последний сын

— Афанасий, «мой мизинец», как он его ласково называл. Здесь же Аввакум его и окрестил и, «обедню служа на Мезени, причастил». После Собора 1666 года Афанасий не был заключён в земляную тюрьму вместе с матерью и двумя старшими братьями, очевидно, за малолетством. В 1673 году Аввакум писал из пустозёрской ссылки родным на Мезень: *«Спаси Бог, Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой! Утешил ты меня»*. Местный воевода рассказал протопопу о том, что, когда он спросил у ребёнка о сложении перстов, Афанасий показал двуперстие, а на угрозу посадить его в тюрьму ответил: *«Силен-де Бог, не боюся!»* Этот ответ тронул не только отца, но и воеводу, который рассказывал о нём, «похваляя» мальчика.

Однако и в своей далёкой мезенской ссылке Аввакум продолжал бороться за души людей, будучи не в состоянии равнодушно смотреть на поругание православной веры. Здесь произошла история, которая ещё больше убедила протопопу в правоте отстаиваемой им позиции.

«А как я был на Мезени, отче Епифаний, — вспоминал Аввакум, — при воеводе Алексее Цехановицком, — пан был верою римскаго костела; выехав, на Москве крестился, да втайне держал римскую веру. Жена у него была, Евдокиєю звали, вправду она держала нашу веру. И после родин разнемоглася гораздо. А се и беси напали на нея, Богу попускающу, и зело жестоко мучить стали ея. Мало нечто образумясь, захотела мне исповедатися. Егда же аз пришел, а беси и паки учили мучить крепко и жестоко ея. Аз же, грешный, за болящую молебен пел, и воду святил и кропил ю: и беси отступиша от нея. С ревностию великою и со слезами исповедалася мне. Грамоте умела, панья разумная была, проклинала зело усердно римскую веру. Мужа браня, говорит: “все для него, батюшко, наказует меня Бог: втайне держит римскую веру, а Богу она зело досадна и мерзка; слава Христу, что меня избавил от нея! Показа мне, батюшко, пека и светлыя места: все-де римские веры люди осуждаются в пекла, еже есть — во огонь; а русская вера яко солнце сияет от всех вер, и все християне во свет грядут, я видела сама. Да и у вас за грех в вере разделение бысть. Худы-де затеи новые и мрачны зело: умри ты, за что стоишь, и меня научи, как умереть. Причасти меня причастием запасным своим, Бога ради! А крещуся я, слагая персты по-твоему; а три персты отмишу и ненавижу: зле так наши римляне крестятся. Да будут прокляты от вселенских соборов за сие мудрование! И муж мой с ними же проклят. Я видела сама, что им уготовано у Христа. Помилуй же ты меня, отченко мой, не покинь меня в молитвах своих! А я, ей-ей, твоя овца; тут же желаю быть, идеже будешь ты. Помилуй, батенко, помилуй

кветенка мой, сиречь миленкой мой. Дел моих нет; токмо верую уповаю быти при тебе, как верую и держу, и умираю с тем, как проповедуешь и страждешь за что. Иного Бога не вем, но токмо Того, Его же любишь ты и Его ради мучился. Усвой душу мою при своей душе! Слушает тебя Бог и любит тебя, — невозможно мне говорить про то; одно говорю: не забудь ты меня! А моя душа скоро разлучается от телеси: вся века сего не вменяю ни во что при тамошнем нечесом маленьким, еже видела”. Да и много, старец, она говорила, — я уж и не помню иное. Мне и самому стало сором себя, — не по делам моим величала меня».

На следующий день Евдокия умерла, но перед смертью Аввакуму суждено было стать свидетелем драматической борьбы, которая разыгралась за её душу и которую он с присущим ему реализмом описал в своём «Житии».

«После моления тово встала и села на постеле, и ухватила меня, к себе, плачючи прижимала. А сама паки тоже говорит и кланяется мне. Я ея положил: гораздо трудна, трясется вся. И она, лежа, перстом указывает: “отченько мой, вот черти пришли, стужают мне, взять меня хотят; помолись, да отступят от меня!” И я взял кадило и крест, благословил, и место все водою покропил; так перекрестилась и молвила: “отступили, отченько, но стужают мне и просят души моей; и я не могла отбыть — отдала им душу свою, сим крючком вытаща”. Я, старец, посмотрю в руке у нея — яко булавочька, крючик малехонек! И я отнял у нея, да зашумел на служанок, нашто ей булавку дали. И оне все божатся: никак-де не давали! Ано ей беси дали булавку-ту! Видишь ли, как оне прилежат о душах тех? Силою отнимают! Горе, горе! Как уйдешь у них, аще не Господь поможет! Потом я отбрел в дом свой; а без меня пан-от, муж ея, силою напоил вареным пивом с корением и с бедою, — намешено дияволишины. Так ея беси опять стали мучить. Мне сказали. Я прибежал; стал бранить пана тово. Он мне стал противится. И я, осердясь, со всем домом своим сошел, и протопицу взял. А ея беси мучат; зело голка велика бысть. Пришел я домой: печально мне и жаль. Опять пан шлет ко мне; прощения просит. Я и опять к ней пришел, — и она в кровь избилася вся, а сама кричит: “для мужа беси мучат меня; несть он мне муж безверия ради своего!” Так он болную ея в щоку ударил. А она таже кричит. Сором ему стало. А я ево выслав из избы и молебен отпел; помазал ея маслом и водою покропил: беси паки отступилися от нея, целоумна паки стала, римскую веру проклиняет и, персты слагая, крестится истинно. Я ея паки причастил и, благодаря Христа, чинно и тихо преставилася. Я и погребению предал ея в малой слободке — не у церкви, на берегу погреб: сама изволила место то, как

жива была».

«Видишь ли? — заканчивает свой рассказ Аввакум, — о сложении перстах и мертвая свидетельствует, яко зло треперстная ересь».

*

Между тем ссылка Аввакума была лишь первым звеном в новой цепи широкомасштабных репрессий по отношению к церковной оппозиции. 5 августа 1664 года нерешительный местоблюститель патриаршего престола митрополит Питирим Крутицкий был переведён на Новгородскую митрополию, а на его место поставлен жёсткий и решительный администратор — архимандрит Чудова монастыря Павел. 22 августа его рукоположили в епископы, назначив управлять центральной Московской епархией с саном митрополита Сарского и Подонского.

Осенью 1664 года царские войска начали операцию по «зачистке» Вязниковских лесов, где некогда подвизался духоносный старец Капитон, пророчески предсказавший никонианское отступничество. Дело Капитона в Вязниковских лесах продолжали его ученики: препоясанный железным поясом «дивный Леонид», строгий постник Симеон, «всепречудный Иаков», «всекрасный в пустынных и предивный житием отец Прохор» и ученик Прохора, сподвижник самого Капитона — «великий и премудрый Вавила». Подвизаясь в Вязниковских лесах, ученики Капитона проповедовали древлеправославие не только словом, но и своей подвижнической жизнью. Постепенно учение лесных старцев широко распространилось среди крестьян Ярославского, Костромского, Рязанского, Владимирского, Тверского и Московского уездов. Слух об их иноческих подвигах и стоянии за старую веру быстро достиг столицы, и уже в 1662–1663 годах Вязниковскими лесами заинтересовался приказ Тайных дел. Против лесных старцев была послана целая военная экспедиция во главе с князем Иваном Прозоровским. *«Вязниковские леса с их бесчисленными убежищами “лесных старцев” были основательно “прочёсаны” полковником Александром Лопухиным и его войсками. Норы и кельи агитаторов и их духовных детей вокруг озера Кшаро и по реке Клязьме были разгромлены и сожжены»* (Зеньковский).

В декабре 1665 года начался новый сыск, занявший около двух месяцев. За это время было арестовано до ста человек и сожжено 30 заклязьминских скитов. Когда весть о приближении воинской команды достигла скитов, многие пустынные побежали ещё дальше в леса. Звали

ученики бежать с собой и отца Прохора. Но он спокойно отвечал им: *«Идите, чада, и укройтесь скоро, мене оставльше. Ибо аз прежде вас тако убежу, яко никогдаже постижен буду ловящими»*. Ученики блаженного отца Прохора удивились, но послушаться старца не посмели и оставили скиты, поскольку воинская команда была уже совсем невдалеке. Старец же затеплил свечу и, приготовив кадило, вложил в него ладан. Покадив святые иконы и свою келью, он со многими слезами прочёл свое келейное правило. Воины уже подходили к его келье, когда он закончил молиться. Прохор спокойно лёг на свое ложе, оградил себя крестным знаменем и, крестообразно сложив руки на груди, тихо отошёл к Богу. Ворвавшиеся в келью воины увидели чудную картину: свеча перед иконами ещё горела, кадило дымилось, испуская благоуханный дым, а старец без дыхания мирно покоился на своём ложе. Лицо его было необыкновенно спокойно и светло. Объятые страхом, воины выбежали из кельи вон.

Поиск святости приводил в Капитоновы скиты не только простых русских мужиков-«невеж». Среди последователей Капитона особенно выделялся ученик отца Прохора Вавила, *«рода иноземческа, веры люторския»*. *«Всеизрядный любомудрец»*, закончивший парижскую Сорбонну и освоивший все тонкости современных ему богословия и философии, он также нашёл путь к Богу у лесных старцев. Изучив в совершенстве греческий, латинский, древнееврейский и немецкий языки за время учёбы в университете, он впоследствии овладел русским и церковнославянским. Этот необыкновенный человек приехал в Россию ещё при царе Михаиле Феодоровиче и, как пишет автор его Жития, *«осиян быв всепресветлыми благочестия лучами»* и *«яко из лабиринфа некоего... от бездвернаго люторскаго вредословия изшед»*, принял крещение по православному обряду.

Став православным, Вавила решил вести строго подвижническую жизнь, сторонясь мирской суеты. *«Мирскаго мятежа и многосуетствия отлучився, во пристанище спасения приходит, всеизрядный бывает любомудрец, любомудрствует о добрых, познавает лучшая, творит философскую душу любомудрия святыми украшая нравы, от светскаго бывает инок, от мирожителя пустынножитель, от гордящагося и сластолюбца, смирен, воздержник, и терпения всекрасный адамант показася; и понеже убо толико естественною силою изобильствова, елико за три человека и множае можаше и носити и делати: железы свою силу самоизволительно смиряет, вериги тяжки на себе положив, железами же чресла своя опоясав; тако крестоносно страдаше; тако терпение Владычне всекрасно собою изображаше; прежде же всех свою волю и своя*

желания, мечем послушания заклав умертви».

Вавила становится послушником и учеником отца Прохора, неотлучно пребывая при нём. Никоновские реформы, до основания потрясшие корабль Русской Церкви, заставили Вавилу выйти из своего лесного затвора, где он пребывал в безмолвии, и выступить с открытыми обличениями новшеств. Его проповедь пользовалась большим успехом среди народа. Обладая даром красноречия и будучи человеком глубоко образованным, в особенности же в вопросах богословия, Вавила представлял для никониан серьезную опасность. Он был арестован и доставлен в город на допрос.

На предложение принять новые книги и обряды Вавила смело отвечал: *«Аз, о судие, не зело в древних летех: к российстей кафолическаго православия приступих церкви, не мно бо вьшьши тридесятих лет сему быти; не яко во младенчестве неразумия безъиспытно приях веру. Но испытуя испытах православия непорочность. Испытав же познах чудное доброты, познав, всеверне приях, прием же очистихся, просветихся и обогатихся дивным православия богатством. Еда убо неправославна бяше в России вера, ейже благовразумительно научихся? Ей, православна! Еда неправославно бяше крестное знамение, ему же всепрелюбезно от души привязахся? Ей, православно! Еда догматы и предания неблагочестны беша, ими же мя тогда увериша? Воистину благочестивы и православны! Аще же православны якоже и суть: кая ина есть вера паче православныя? Кия догматы ины паче благочестивых? Кая церковь иная паче кафолическия, к ней же приступих? То ныне мя увещевает: яко един Господь, едина вера древлеправославная, едина церковь древлекафолическая, едино всеблагодатное крещение, во оной совершаемое церкви. Не солгу тебе, святая и православная веро. Не солгу тебе, православно-кафолическая церкви. Испытах единожды, веровах единожды, обещахся единожды; и приях претеплою всежелательне верою всерадостно и до ныне содержу богатство онаго многоценнаго сокровища всерадостно и душею моею просвешаюся. Аще же толикою верою приях и тако содержу, еже веровах, лист ли ныне трясомый ветром буду? Никакоже. Облак ли безводный, вихром преносимый явлюся? Никогдаже. В научение ли странное и новое прилагатися возжелаю? Не даждь ми, Боже! Се убо праведно и ясно тебе, о судие, извещаюся: не сломяю моих обетов, ими же всеблагодатне просветихся, не приемлю новаго сего вновоправленнаго вами благочестия, наводящаго ми отеческия клятвы и Божие негодование! Ибо самое имя новости нетвердость основания являет, все бо новое, не есть древнее. Аще же не древнее есть: убо ниже*

отеческое. Аще же не отеческое, убо ниже предание глаголатися может: но вымышление некое вновь смышленное, человеческими хитростями изобретенное. Откуда и всякия твердости отлучено есть, всякия же гнилости преполно. Есть ли не твердо и гнило, убо ниже приятно быти может. Верно слово и всякаго приятия достойно... Аз Никонова правления новин яко сам весьма соблюдаюся и бегаю, тако и прочым православным христианом всячески новин отвращатися советую, всеблагодатно трепещущым отеческаго запрещения, иже соборне всеявственно вопиют: вся, яже кроме церковнаго предания, и воображения святых и приснопамятных отец содеянная, или по сем содеятися хотящая анафема».

Посрамлённые этими словами Вавилы судьи не знали, что отвечать, и хмуро молчали. Тогда Вавила стал упрашивать, чтобы его отпустили в Москву на «разглагольствие» о вере с патриархом и другими архиереями. Судья написал об этом прошении старца в Москву царю и патриарху. Но у защитников новой веры был единственный «аргумент» в спорах — пытки и казни. В ответ на предложение о диспуте из столицы пришёл грозный указ: пытаться немилостиво и предать смерти. В январе 1666 года произошла расправа над руководителями лесных старцев — Вавилой, Леонидом и Вавилой «молодым». После долгих изуверских пыток они были сожжены в срубках: первый — в Вязниках, двое других — во Владимире.

Расправившись с вязниковскими старцами, Лопухин «зачистил» Керженецкие леса, где захватил непримиримого противника никоновских новин старца Ефрема Потёмкина, а затем прошёлся и по всему Среднему Поволжью. Со своей стороны, на северном берегу Волги воевода Степан Зубов «чистил» район Костромы и Вологды. Ему помогали знаменитый впоследствии полковник Артамон Матвеев и дьяк Феодор Михайлов.

Однако полностью уничтожить лесное движение правительству так и не удалось. Уже в феврале 1666 года, после казни Вавилы и Леонида, новообрядческий монах Серапион отправил в приказ Тайных дел два доноса, в которых сообщал о продолжении движения лесных старцев и о том, что во главе пустынников Владимирского края встала некая старица Евпраксея...

В Москве после ссылки Аввакума в защиту старой веры открыто выступила боярыня Морозова. *«Она же, Феодосья, — вспоминал Аввакум, — прилежаше о благочестии и бравшеся с еретики мужественне, собираше бо други моя тайно в келью к... нищему Феодоту Стефанову и писавше выписки на ересь никониянскую, готовляше бо ожидающе собора праваго».* Укрепляясь в вере, боярыня всё чаще уклонялась от

богослужений в придворных храмах, где она должна была присутствовать в соответствии с придворным этикетом. Старалась она реже бывать и при царском дворе. Это не могло не бросаться в глаза, и о симпатиях боярыни к старой вере скоро становится известно царю (не в последнюю очередь благодаря её родственникам Ртищевым). Осенью 1664 года Алексей Михайлович присылает к ней для уговоров архимандрита Чудова монастыря Иоакима (будущего патриарха) и ключаря Петра, дабы «развратить от правоверия» упрямую боярыню. Аввакум вспоминал, как боярыня Морозова бранилась с Иоакимом: *«Скажите царю Алексею: почто-де отец твой, царь Михайло, так веровал, яко же и мы? Аще я достойна озлоблению, — извергни тело отцово из гроба и предай его, проклявше, псом на снесь»*. Уговоры царских посланцев оказались напрасны, и тогда власти решили действовать иначе: летом 1665 года у Морозовой отобрали половину её вотчин. Однако физически расправиться с такой близкой к царской семье и родовитой боярыней пока опасались.

Менее щепетильны были власти по отношению к прочим «церковным мятежникам». Уже в ноябре 1665 года из Сибири в Москву привезли более десятка вождей сопротивления во главе с иереем Лазарем. Некоторых в ожидании предстоящего собора сразу же сослали на Север — из Мезени их было легче и быстрее привезти на соборный суд. В декабре арестовали диакона Феодора и попа Никиту Добрынина. Других «церковных мятежников» — в их числе игумена Сергия Салтыкова, соловецкого старца Герасима Фирсова, архимандрита Антония, юродивых Авраамия, Феодора и Киприана — задержали и посадили под наблюдение. В августе 1665 года в Вологду сослали и старика Неронова. Одному игумену Досифею, всегда осторожному и неуловимому, удалось избежать ареста и скрыться.

*

Новые гонения вызвали глубокое уныние у многих московских защитников старой веры, оказавшихся без духовного руководства. *«Раздались в их среде жалобы на Аввакума, что он только вредит общему делу, дразня еретиков; некоторые, наиболее раздражённые, даже говорили и писали самому протопопу, что лучше было бы ему умереть в Даурии, чем приезжать в Москву. В виду такого настроения товарищей Аввакуму приходилось одновременно и возбуждать в них большую смелость и ревность к защите своего дела, и оправдывать перед ними свои личные действия...»* (Мякотин). С этой целью он отправляет в Москву послание

«Игумену Феоктисту и всей братии». С удивительным смирением и любовью возражает он на гневные обвинения своих братьев по вере:

«Я, протопоп Аввакум, пред Богом и пред вами согрешил и истинну повредил: простите мя, безумнаго и нерассуднаго, имущаго ревность Божию не по разуму. Глаголете ми, яко мною вредится истинна и лутче бы мне умереть в Даурах, а нежели бы мне быть у вас на Москве. И то, отче, не моею волею, но Божиею до сего времени живу. А что я на Москве гной росшевевил и еретиков раздражил своим приездом из Даур: и я в Москву приехал прошлаго году не самозван, но взыскан благочестивым царем и привезен по грамотам. Уи-то мне так Бог изволил быть у вас на Москве. Не кручиньтесе на меня Господа ради, что моего ради приезда стражете».

Вместе с тем Аввакум подбадривает своих единомышленников, убеждая их не бояться человеческого суда и телесной смерти и предостерегая от впадения в дьявольские сети.

«Аще Бог по нас, кто на ны? Кто поемлет на избранныя Божия? Бог оправдай и кто осуждай? Христос Исус умерый, паче ж и воскресый, Иже и проповедует о нас. Отче, что ты страшлив? Феоктист, что ты опечалился? Аще не днешь, умрем же всяко. Не малодушствуй, понеже наша брань несть к крови и плоти. А что на тебя дивих? Не видишь, глаза у тебя худы. Рече Господь: “ходяй во тьме не весть, камо грядет”. Не забреди, брате, со слепых тех к Никону в горькой Сион! Не сделай беды, да не погибнем зле! Около Воскресенскова ^[57] ров велик и глубок выкопан, прознаменует ад: блюдиися, да не ввалисся, и многих да не погубиши. Я-су право, блюдуся горькаго того Сиона, понеж в нем не сладки песни поет дщи Вавилоня, окаянная! Расширила и народила выблядков Родиона и Ивана и иных душепагубных волков, и оне пожирают стадо Христово зле. И я, отче Феоктисте, видя их, хищников, ловящих овец Христовых, не умолчал ему, Родиону, и Ивану и начальнику их Илариону, понеж возбудил вас, рабов Христовых, приездом своим. А аще бы нам умолчать, камене возопиет ^[58]. И ты не кручинься на меня, миленькой! Я поехал от вас с Москвы паки по городом и по весем словесныя рыбы промышлять: а вы там бегайте от никониян! Поминайте реченное: “не бойся, малое Мое стадо, яко Отец Мой благоизволи вам дати Царство” ^[59]».

В заключение Аввакум просит Феоктиста писать ему о московской жизни, о своих друзьях, единомышленниках и даже о недругах («отпиши ко мне, как живут отщипенцы, блядины дети, новые уняты, кои в рогах ходят»). Просит «не досаждать» только одним: не писать ничего о старце

Григории — Иоанне Неронове. Протопоп Аввакум весьма болезненно переживал малодушие своего старого друга и наставника (*«грех ради моих в сложении перстов малодушествует»*), но при этом не смел его осуждать: *«не могут мои уши слышать о нем хульных глагол ни от ангела»*. Дальнейшая судьба Неронова была трагична. Отправленный под «строгий начал» в Иосифов Волоколамский монастырь, он вынужден был на Соборе 1666–1667 годов принести покаяние и отречься от дела, за которое боролся и страдал всю свою жизнь. Впоследствии его поставили архимандритом Данилова монастыря в Переяславле-Залесском и даже разрешили служить по старым книгам. Там он в самом начале 1670 года и скончался...

Ты была Христова
До шездесят шестова...

Старообрядческий духовный стих «О
никонианах»

Наступил роковой 1666 год... В Москве полным ходом шла подготовка к церковному собору. О необходимости такого собора говорили как сторонники никоновских новин, так и их оппоненты. Рядовое духовенство в массе своей не желало принимать реформы, а те, кто вынужден был служить по-новому, переучивался с трудом и нехотя. В результате в богослужебной практике того времени царил полный хаос. Эту богослужебную какофонию ярко изобразил в своей челобитной к царю священник Никита Добрынин:

«Во многих градех твоя благочестивыя державы, наипаче же в селех церкви Божии зело возмущены. Ежже есмь много хождах и не обретох двух или трех церквей, чтобы в них единочинно действовали и пели, но во всех разнствие и велий раздор. В той церкви по книгам Никоновым служат и поют, а в иной по старым. И где на праздники, или на освящении церкви два или трое священников литоргию Божию служат, и действуют по разным служебникам. А иные точию возгласы по новым возглашают, и всяко пестрят. Наипаче же в просформисании священнодействуют и просформисают семо и овамо. Овии от них по старине Агнец Божий прободают, инии же — по Никонову толкованию, в другую страну; и богородичну часть с девятью частми полагают. А прочии части выимают и полагают, что и сказать неведомо как: овии от них треугольно части выимают, инии же щиплят копием и части все смешивают в груду. К тому и диаконы со иереи не согласуются: ов священнодействует по новому, а другой по старому. Инии же священники, против 52 главы никоницкие книги, велят диаконам Агнец выимати. И о том в смятении все. Такожде и певцы меж собою в несогласии: на клиросе поют тако, а на другом инако. И во многих церквах служат и поют ни по новым книгам, ни по старым. И Евангелие и Апостол и паремии чтут и стихиры кананархисают ни греческим, ни словенским согласием: понеже старое истеряли, а новое не обрели. И священнотаинственная Божия служба и

весь чин церковный мнется: одни служат и поют тако, инии же инако; или — ныне служат тако, наутрие инако. И указуют на Никоновы печатные книги и на разные непостоянные указы. Такожде и в прочих всех службах раздор и непостоянство... И во всем, великий государь, в христоименитой вере благочестивого твоего государства раскол и непостоянство. И оттого, великий государь, много христианских душ, простой чади, малодушных людей погибает, еже во отчаяние впали и к церквам Божиа пооскуду учили ходить, а инии и не ходят и отцов духовных учили не иметь».

Внутренней разноголосице богослужения соответствовала и её внешняя «пестрота», бросающаяся в глаза, прежде всего в одеждах духовенства.

«Богомольцы твои, — продолжает Никита Добрынин, — святители Христовы меж собою одеждою разделились: ови от них носят латынские рясы и новопокройный клобук на колпашных камилавках, инии же боясь суда Божиа, старины держатся. Такоже и черные власти и весь священнический чин одеждами разделилися ж: овии священники и диаконы ходят в однорядках и скуфьях, инии же поиноземски в ляцких рясах и в римских и в колпашных камилавках. А иные, яко ж просты людины, просто волосы и шапку с сободем с заломы носят. А иноки не по иноческому чину, но поляцки, без манатей, в одних рясах аки в жидовских кафтанах и римских рогатых клобуках. В том странном одеянии неведомо: кое поп, кое чернец, или певчий дьяк, или римлянин, или лях, или жидовин».

Сам царь Алексей Михайлович в 1665 году в своём письме иерусалимскому патриарху жаловался: *«В России весь церковный чин в несогласии, в церквах Божиих каждый служит своим нравом».* Впрочем, это вовсе не означало, что царь готов вернуться к старому обряду.

Пользовавшийся общепризнанным авторитетом среди ревнителей древнего благочестия старец Спиридон Потёмкин видел в будущем церковном соборе единственное средство устранить все еретические нововведения реформаторов и восстановить в Церкви желанный мир, а в храмах Божиих — былое благолепие. По свидетельству диакона Феодора, старец Спиридон *«проси собора у царя Алексея часто на никониянскую пестрообразную прелесть и на новыя книги его, хотя их обличите dokonца, понеже зная откуда приидоша, и что в себе принесоша. Царь же глагола ему с лестию: “Будет собор, отче!” И тако много время манили ему, ждуще смерти его, понеже ведуще его мужа мудра, и всякому нечестию обличителя велика, и яко за новыя книги противу ему никтоже может стояти».* Сам Спиридон пророчески говорил своим сподвижникам:

«Братие, не будет у них собора, дондеже Спиридон жив; егда же изволит Бог скончаться ми, по смерти моей в той же месяц воскипит у них собор скоро».

И действительно, как только старец Спиридон отошёл к Богу (случилось это 2 ноября 1665 года), царь Алексей Михайлович сразу же решил вопрос о соборе в положительную сторону. Во все концы государства Российского были разсланы царские грамоты. Большой Московский собор, на который для придания ему большей авторитетности приглашались и восточные вселенские патриархи, должен был, по замыслу царя, убить сразу двух «зайцев». Предполагалось превратить его в грандиозный судебный процесс, с одной стороны, над превысившим свои полномочия бывшим патриархом Никоном, а с другой — над упорствующими вождями церковной оппозиции. Вместе с тем собор должен был, наконец, избрать нового патриарха.

В конце 1665-го — начале 1666 года были арестованы все находившиеся на свободе вожди старообрядческой оппозиции, а в феврале 1666 года в Москву по царским грамотам съехались все русские архиереи и видные представители духовенства. Однако ещё до открытия большого собора с участием вселенских патриархов царь хотел заручиться поддержкой русских архиереев. Для этого он устроил у себя предварительное заседание всех высших русских иерархов и заставил каждого письменно ответить на три вопроса, обеспечивающих признание начатых им церковных реформ: 1) являются ли греческие патриархи — Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский — православными? 2) достоверны ли используемые в греческих церквях рукописные и печатные богослужебные книги? 3) является ли правильным Московский собор, бывший в 1654 году в царских палатах при патриархе Никоне?

К концу февраля царь уже имел на руках подписанные всеми русскими архиереями ответы, в которых в один голос говорилось, что греческие патриархи, греческие книги и церковные чины православны и священны, а Московский собор 1654 года — законен и, следовательно, его постановления обязательны для всех православных русских людей.

Такому единодушию русских церковных иерархов не следует удивляться. Достаточно поверхностного взгляда на «послужной список» участников злополучного Собора 1666 года, чтобы понять, что все эти люди оказались во главе Русской Церкви далеко не случайно. Фактически это была уже в прямом смысле слова созданная царём Алексеем Михайловичем «карманная» церковь, беспрекословно выполнявшая все его

«затейки» и указания. Олицетворением этой новой церкви стал архимандрит кремлёвского Чудовского монастыря Иоаким — по меткой характеристике диакона Феодора, «человекоугодник и блюдолиз», впоследствии выслужившийся до патриаршего сана. *«Аз-де, государь, — говорил он царю, — не знаю ни старья веры, ни новья, но что велят начальницы, то и готов творити и слушати их во всем».* К тому же за поддержку царских реформ, как свидетельствует диакон Феодор, каждому архиерею было «дарствовано» Алексеем Михайловичем по 100 рублей «милостыни» (сумма по тем временам весьма значительная). Причём с каждым царь проводил накануне собора предварительную беседу с глазу на глаз о том, как нужно себя вести и что говорить.

Естественно, никто не посмел возражать царю. Как отмечает историк В. О. Ключевский, новые владыки испугались за свои кафедры: *«Все поняли, что дело не в древнем или новом благочестии, а в том, остаться ли на епископской кафедре без паствы, или пойти с паствой без кафедры».*

За несколько лет, прошедших с начала реформ, царь полностью сменил всё высшее руководство Русской Церкви, весь епископат и руководителей крупнейших монастырей. Даже Никон теперь обвинял Алексея Михайловича в том, что тот без всякого стеснения вмешивается в церковные дела: *«Когда повелит царь быть собору, то бывает, и кого велит избрать и поставить архиереями, избирают и поставляют, велит судить и осуждать — судят, осуждают и отлучают».* Из прежних архиереев, участников Собора 1654 года, имевших ещё старое поставление, митрополита Корнилия Казанского, рукополагавшего Никона в патриархи, уже не было в живых (скончался в 1656 году), сторонников церковной старины Макария, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук, и Маркела, архиепископа Вологодского и Великопермского, — тоже (оба умерли в 1663 году), архиепископа Симеона Сибирского отправили в 1664 году на покой, в том же году — и архиепископа Макария Псковского (скончался в следующем году).

Остальные архиереи были уже или поставлены лично Никоном или по «исправленным» при нём книгам. Так, митрополит Ростовский и Ярославский Иона (Сысоевич) был поставлен Никоном в 1652 году из архимандритов ростовского Богоявленского монастыря и почти один в один повторил его путь «наверх». Со 2 сентября 1664 года он являлся местоблюстителем патриаршего престола, однако не мог «соблюсти» его должным образом, когда 18 декабря 1664 года в Успенском соборе неожиданно появился Никон, пытавшийся вернуться на патриаршество. Иона принял у бывшего патриарха благословение, подав тем самым дурной

пример церковному причту. Созванный 10 февраля 1665 года собор постановил, что митрополит Иона недостоин впредь оставаться местоблюстителем.

Лаврентий Тверской был рукоположен Никоном в 1654 году из патриарших иеродиаконов и ризничих в тверские епископы, через год уже был возведён в сан архиепископа, а после Собора 1666–1667 годов назначен казанским митрополитом.

Александр Вятский, хотя и не одобрявший реформы, поставлен был в своё время Никоном в 1655 году — вместо низверженного и впоследствии убиенного Павла Коломенского на коломенскую кафедру, правда, вскоре, в 1657 году, переведён на менее богатую кафедру — вятскую.

Питирим посвящён в 1656 году в митрополиты Сарские и Подонские, или Крутицкие, из архимандритов Новоспасского монастыря (родного и для Алексея Михайловича, и для Никона), затем (с 1664-го) стал митрополитом Новгородским, а впоследствии — патриархом Московским и всея Руси.

Иосиф — тоже «свой», в 1656 году поставлен в епископа с возведением в сан архиепископа Астраханского и Терского, в 1667 году возведён в сан митрополита. Впоследствии, в 1671 году, был убит в Астрахани участниками Разинского восстания.

Филарет поставлен Никоном в 1656 году из ризничих Саввино-Сторожевского монастыря в архиепископы Суздальские, с 1658 года — архиепископ Смоленский и Черниговский (после присоединения этих земель к России в ходе русско-польской войны).

Иоасаф поставлен Никоном в 1657 году в архиепископы Тверские и Кашинские, Иларион в том же году — в архиепископы Рязанские и Муромские.

Стефан в 1658 году из архимандритов Воскресенского Новоиерусалимского монастыря поставлен Никоном в архиепископы Суздальские и Тарусские. Единственный из никоновских клевретов выступил на Соборе 1666 года в защиту Никона. Впоследствии, в 1679 году, был лишен сана и заточён в монастырь.

Трое остальных — Павел, Симон и Арсений — были рукоположены в архиереи не Никоном, но по прямому указанию царя. Павел поставлен в 1664 году в митрополиты Сарские и Подонские из архимандритов кремлёвского Чудовского монастыря (где находился с 1659 года). Никон не желал признавать его архиерейской хиротонии: *«Тебя я знал в попах, а в митрополитах не знаю, кто тебя в митрополиты поставил — не ведаю!»* — и отказался отдавать ему патриарший посох, когда тот явился к нему по

царскому указу.

Симон был рукоположен в 1664 году из игуменов Александровского монастыря в архиепископы Вологодские и Белозерские. Характерен эпизод, произошедший при архиерейской хиротонии Симона. При поставлении его на вологодскую кафедру по рекомендации митрополита Крутицкого Павла Симон случайно обмолвился и прочёл Символ веры по-старому («рожденна, а не сотворенна»), что привело царя Алексея Михайловича в бешенство. *«Не хоте ево царь поставити во архиепископы; озрелся, стоя, на Павла митрополита оного, и с яростию пыхнул, рек: “Ты мне хвалил его; не хошу его аз”. И поиде с места своего...»* Павлу еле удалось уверить царя, что игумен обмолвился, и того заставили ещё раз прочесть Символ веры, уже по-новому, без «аза». Только после этого царь согласился поставить Симона в архиереи.

Арсений был поставлен в архиепископы Псковские, Изборские и Нарвские за год до собора, в 1665 году (до того, с 1661 года был игуменом московского Воздвиженского монастыря). В 1666 году по поручению участников собора ездил за Никоном в Воскресенский монастырь.

Наконец, ещё одним участником Собора 1666 года был иностранец — сербский митрополит Феодосий. Впервые он приехал в Россию за милостыней в 1663 году в сане епископа. В 1665 году прибыл уже в сане митрополита Венчатского и навсегда остался в России, пользуясь особым расположением царя Алексея Михайловича. Он жил при Архангельском соборе Кремля, именуясь митрополитом Сербским и Архангельским, и отправлял богослужение в этом соборе *«по родителях царских у царских гробов»*. На Большом Московском соборе 1666–1667 годов был переводчиком у восточных патриархов. Впоследствии за эту службу был назначен митрополитом на вновь открытую Белгородскую митрополию (1667).

Так что Аввакум имел все основания писать царю Алексею Михайловичу о новых «никонианских» архиереях в следующих словах: *«Архиереи те не помогают мне, злодеи, но токмо потакают тебе: жги, государь, крестьян тех, а нам как прикажешь, так и мы в церкви и поем; во всем тебе, государю, не противны; хотя медведя дай нам в олтарь-ет и мы рады тебя, государя, тешить, лише нам погребы давай, да кормы с дворца. Да, право, так, — не лгу»*. Кстати, что касается медведя, то он здесь упомянут не ради красного словца. Аввакум вспоминает такой случай: *«Медведя Никон, смеясь, прислал Ионе Ростовскому на двор, и он челом медведю — митрополитищу, законоположник!»*

Относительно духовного состояния большинства новых «князей

церкви» тот же протопоп Аввакум пишет удивительно метко:

«Посмотри-тко на рожу ту, на брюхо то, никониян окаянный, — толст ведь ты! Как в дверь небесную вместится хочешь! Узка бо есть и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть Царство Небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие. Воззри на святые иконы и виждь угодившия Богу, како добрыя изуграфы подобие их описуют: лице, и руце, и нозе, и вся чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякия им находящия скорби. А вы ныне подобие их переменили, пишете таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих и ноги и руки яко стульцы. И у кажного святаго, — спаси Бог-су вас, — выправили вы у них морщины те, у бедных: сами оне в животе своем не догадалися так сделать, как вы их учинили!.. Разумныи! Мудрены вы со дьяволом! Нечего рассужать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олtare за афедрон ^[60] хватать. А иное мне и молвить тово сором, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна, воры, прелagатаи, другия немцы русския».

Ставя в пример нынешним архиереям ветхозаветного царя Мелхиседека как истинного священника, Аввакум писал, мысленно обращаясь к другу своей молодости архиепископу Илариону Рязанскому:

«Сей Мелхиседек, живый в чащи леса того, в горе сей Фаворской, седьм лет ядый вершия древес, а вместо пития росу лизаше, прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных, и пива с кордомоном, и медов малиновых, и вишневых, и белых розных крепких. Друг мой Иларион, архиепископ Рязанской. Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты хто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! Недостоин суть век твой весь Макарьевского монастыря единыя ноци. Помнишь, как на комарах тех стояно на молитве? Явно ослепил тебя диявол! Где ты ум-от дел? Столько добра и трудов погубил! На Павла митрополита что глядишь? Тот не живал духовно, — блинами все торговал, да оладьями, да как учинился попенком, так по боярским дворам блюдолизить научился: не видал и не знает духовнаго тово жития. А ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением тем в тебя бросали на Лыскове том у мужика того, как я к тебе

приезжал! А ныне уж содружился ты с бесами теми, мирно живешь, в карете с тобою же ездят и в соборную церковь и в верх к царю под руки тебя водят, любим бо еси им».

Предостерегая правоверную «братию» от общения с подобными «духовными властями», Аввакум призывает смотреть прежде всего на их дела: «А о нынешних духовных не чаю так: словом духовнии, а делом беси: все ложь, все обман. Какой тут Христос? Ни блиско! Но бесов полки. От плод Христос научил нас познавать, а не от басен их. Можно вам, братия, разуметь реченная. По всей земли распространися леть, а наипаче же во мнимых духовных. Они же суть яко скомраси, ухищряют и прелщают словесы сердца незлобных. Да воздаст им Господь по делом их! Блюдитесь от таковых, и не сообщайтесь делом их неподобным и темным, паче же обличайте».

Итак, русские архиереи и архимандриты съехались в Москву для решения насущных церковных вопросов. Представители белого духовенства в соборе не участвовали. Что касается приглашённых восточных патриархов, то двое из них — Дионисий Константинопольский и Нектарий Иерусалимский — предпочли уклониться от суда над своим собратом Никоном, а двое других, более сговорчивых, — Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский — прибыли в Москву только к концу 1666 года. Тем самым первая часть собора, открывшегося 29 апреля, проходила только с участием русских иерархов. Возможно, этим объясняется меньшая радикальность решений, принятых на первой части собора, по сравнению с решениями, принятыми на второй, которая, по сути, стала уже другим, совершенно самостоятельным собором (так называемый Большой Московский собор 1666–1667 годов).

*

Понимая, что одной силой вопрос о законности церковных реформ не решить, царь усиленно стремился склонить на свою сторону Аввакума и его сторонников и приказал заранее привести их из ссылки в столицу. К началу собора в Москву привезли диакона Феодора Иванова, священника Лазаря, старца Ефрема Потёмкина, Григория Неронова, нескольких соловецких старцев, в том числе Герасима Фирсова, бывшего архимандрита Саввино-Сторожевского монастыря Никанора и других — всего 18 человек. Для переубеждения противников никоновских реформ проводились предварительные беседы-увещевания, которыми руководили крутицкий

митрополит Павел и чудовский архимандрит Иоаким.

1 марта 1666 года в Москву привозят и Аввакума вместе со старшими сыновьями Иваном и Прокопием. Протопопица и младшие дети остались на Мезени дожидаться решения его участи. В первые же дни своего пребывания в столице Аввакум тайно встретился с боярыней Морозовой. *«Аз же, приехав, отай с нею две ноци сидел, несытно говорили, како постражем за истинну, и аще и смерть примем — друг друга не выдадим. Потом пришел я в церковь соборную и ста пред митрополитом Павликом, показуяся, яко самовольне на муку приидох. Феодосья же о мне моляшеся, да даст ми ся слово ко отвержению устом моим. Аз же за молитв ея пылко говорю, яко дивитися и ужасатися врагом Божиим и нашим наветникам».*

После этого состоялись продолжительные прения Аввакума с крутицким митрополитом Павлом. *«Он же меня у себя на дворе, привлекая к своей прелестной вере, томил всяко пять дней, и козновав и стязався со мною»,* — вспоминал Аввакум. Убедившись в бесполезности увещаний, Павел велел 9 марта отправить непокорного протопопа под «начал» в Боровский Пафнутьев монастырь и посадить на цепь. В монастыре, который представлял собой самую настоящую крепость, окружённую каменной стеной с башнями, Аввакум пробыл девять с половиной недель, и в течение всего этого времени игумен «зело гораздо мучил» его, силою принуждая каждый день ходить в церковь к никонианской службе и говоря: *«Приобщися нам!»* Но Аввакум только смеялся такому «безумию»: *«Оставили Бога и возлюбили диявола, поют в церквах бесовския песни, не стало у них что у римлян ни поста, ни поклонов, ни крестнаго знаменья, и правую веру нашу христианскую изгубя, возлюбили латынскую веру».*

Продержав Аввакума «на чепах» десять недель в Пафнутьевом монастыре, его, наконец, 12 мая в срочном порядке привезли в столицу для соборного суда. *«Свезли томнова человека, посадя на старую лошадь, — вспоминал Аввакум, — пристав создади — побивай, да побивай; иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову; и днем одним перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы».*

На следующее утро в патриаршей Крестовой палате, где проходили заседания церковного собора, состоялся очередной диспут Аввакума с духовными властями. *«Стязавшеся власти много со мною от Писания: Иларион Рязанский и Павел Крутицкой, Питирим же, яко красная девка, нишкнет, — только вздыхает. Оне же не возмогоша стати противо премудрости и силы Христовы, но токмо укоряху. И лаяше меня Павел, и посылаше к чорту».* Согласно записи в официальном соборном акте, Аввакум «покаяния и повиновения не принес, а во всем упорствовал, еще

же и освященный собор укорял и неправославными называл». Его обвиняли в том, что он своими «лжеучениями» производил в церкви «расколы и мятежи», также «писа хулы на святого Символа исправление», на троеперстное сложение руки для крестного знамения, на «исправление книжное» и на самих исправителей, даже запрещал православным принимать таинства и священнодействия от священников, служивших по новым книгам, и вообще «многия лжи и клеветы не убоясь Бога написати».

Так и не сумев переубедить Аввакума, церковные иерархи решили расстричь его и предать анафеме как еретика. В тот же день, 13 мая 1666 года, в Успенском соборе Кремля во время литургии после «переноса», то есть Великого входа и перенесения даров, Аввакум был расстрижен и проклят вместе со своим сподвижником диаконом Феодором. В свою очередь, Аввакум и Феодор при всём народе прокляли своих гонителей. *«Зело было мятежно в обедню тут!»* За несколько дней до того, 10 мая, расстригли и прокляли священника Никиту Добрынина, прозванного недругами «Пустосвятом».

За Аввакума пыталась заступиться сама царица Мария Ильинична, всегда сочувствовавшая ему, и по этому поводу у неё с Алексеем Михайловичем было даже «великое нестроение». Но царь уже сделал свой выбор, и пришлось ему в этот день уехать без царицы в «поход совсем в село Преображенское», где царь находился более недели. Тем не менее окончательное решение судьбы протопопа и его сторонников, равно как и судьбы Никона, было отложено до приезда «вселенских» патриархов.

Собор 1666 года, который продолжал свою работу после расстрижения и анафематствования главных вождей церковной оппозиции, объявил все произведённые в ходе никоно-алексеевской реформы изменения в богослужебных книгах и церковных чинах православными и во всём согласными с древними греческими и славянскими книгами. Собор утверждал, что церковная реформа и книжная «справа» патриарха Никона соответствуют воле восточных Церквей и якобы их древней практике, а также осуществлены с совета и благословения восточных патриархов. Как первое, так и второе было ложью. Наряду с новопечатными книгами, содержащими в себе множество ошибок и изменений в текстах молитв и церковных уставах по сравнению с книгами старопечатными, Собор 1666 года утвердил следующие нововведения в церковной практике:

1) двоеперстное перстосложение для крестного знамения было заменено троеперстным, при этом собор вопреки исторической правде утверждал, что именно троеперстием «отцы и деды и прадеды издревле

друг от друга приемлюще тако знаменовахуся»;

2) двоеперстное перстосложение для священнического благословения было заменено так называемым имянословным перстосложением («малаксой»);

3) восьмиконечный крест на просфорах заменялся четырёхконечным;

4) была изменена форма молитвы Иисусовой (вместо «Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас» собор предписал произносить: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»);

5) сугубая (двойная) аллилуйя в богослужении была заменена на трегубую (тройную), то есть вместо славословия «аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже» собор предписывал произносить «аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже».

И хотя Собор 1666 года формально не проклинал старых обрядов — это было сделано позже, в 1667 году, на соборе с участием «вселенских» патриархов, — тем не менее он полностью запретил их употребление в церкви, утверждая, что единственно правильными являются новопечатные книги и введённые в ходе никоновской реформы обряды.

Участники собора приняли обращённое ко всему духовенству «Наставление духовное», в котором выразили своё общее определение относительно церковного раскола. «Наставление» начиналось с перечисления «вин» старообрядцев, далее следовало повеление совершать богослужения только по новоисправленным книгам, говорилось о необходимости причащаться и исповедоваться (против вождей старообрядчества, призывавших не принимать никаких таинств от никонианских попов). В конце было сказано о том, что все священнослужители должны иметь «Наставление» и действовать в соответствии с ним, иначе они будут подвергнуты суровым наказаниям.

22 июня 1666 года русским людям было явлено мрачное знамение, ничего хорошего не предвещавшее: *«В Петров пост, в пяток, в час шестый, тьма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев Божий являя...»* К началу июля завершился печально знаменитый Московский собор 1666 года. Все предсказания учёных-богословов и боговдохновенных старцев сходились в одну точку, находя страшное подтверждение в действительности...

*

Расстриженных Аввакума, Феодора и Никиту заковали в цепи и

посадили за решётку на Патриаршем дворе. Особенно сокрушался Аввакум о поругании «тёмными властями» его христианского облика: *«И бороду враги Божию отрезали у меня... Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу»*. Продержав заключённых на Патриаршем дворе два дня, их отправили 15 мая в Николо-Угрешский монастырь. В полночь вывели к спальному крыльцу перед царским теремом. После досмотра царской стражей узников повели к «тайнишным водяным воротам» — здесь Аввакум решил, что их хотят утопить — и далее через Житный двор на Трёхсвятский мост. По пути их встретил «от тайных дел шиш антихристов» Дементий Башмаков, присланный царём. Между ним и Аввакумом состоялся весьма характерный диалог: *«Учал мне говорить: “протопоп, велел тебе государь сказать — не бойся ты никово, надейся на меня!” И я ему, поклонясь, а сам говорю: “челом, — реку, — бью на ево жалованье; какая он надежда мне? надежда моя Христос!” Да и повели меня по мосту за реку; я, идучи, говорю: “не надейтесь на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения”* ^[61], *и прочая»*.

Везли ночью, тайно, не дорогою, а болотами да грязью, «чтоб люди не сведали». Как вспоминал диакон Феодор, *«мимо Коломенскова, не вем куды, странным путем, по берегу Москвы реки да по болотам, чтоб никто не видал знакомой, куды посадят. На Угрешу привезли во осьмом часу. И как привезли к монастырю нас, и взяли отца Аввакума два стрелца под руки, и обвиша главу его япанчею и повели на монастырь сторонними враты, что от рощи. И аз, необычное зря, ужасом одержим, стах, помнех в себе: в пропасть глубокую хотят нас сажать на смерть; начах прощатися с женою и чады и со всеми вами верными. И отведше Аввакума, не ведал, камо его деша»*.

В Никольском Угрешском монастыре Аввакума поместили в отдельную «палатку студёную над ледником», никуда из неё не выпуская. Поставили стражу у дверей («голову со стрельцами»), Дякона Феодора и попа Никиту посадили в отдельных башнях. Монастырь был расположен всего в 15 километрах к юго-востоку от столицы, на левом берегу реки Москвы, так что желающие видеть протопопа могли приехать в монастырь, как это сделал князь Иван Воротынский. Однако к Аввакуму князя не пустили. И даже денег не взяли, хотя князь предлагал стражникам немалую сумму. Из заточения Аввакум писал жене на Мезень «лучинкою» 30 мая 1666 года: *«У Николы на Угреше сежю в темной полате, весь обран и пояс снят со всяцем утвержением, и бюстители пред дверьми и внутрь полаты — полуголова со стрельцами. Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи. Дети бедные к монастырю приезжают, да получить меня не могут:*

всяко крепко от страха, насили и домой уйдут. Нет у меня строки книжные, пою Богу моему наизусть: глагол Божий во устех моих. Подстилаю плоть души моей и почиваю на ребрах, одеваюся слезами и въздыханием, видя людей, в конец прельстившихся». Поддерживала его боярыня Морозова — присылала в темницу «потребное».

На Угреше оказавшегося отрезанным от внешнего мира, от родных и единомышленников, впавшего в тягостные сомнения и уныние Аввакума посетило видение Божественного света. Было это 24 мая 1666 года, на праздник Вознесения Господня. В своей челобитной царю Алексею Михайловичу он в следующих словах описывал это «Божие присещение»:

«Егда мне темная твоя власти волосы и бороду остригли и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице держали, — о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет, — тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якож меня ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияня, пуци отца своего Никона надо мною, бедным, сотворили. И о том стужах Божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание. И в полунощи во всенощное, чтущу ми наизусть Святое Евангелие утреннее, над ледником на соломке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день Вознесения Господня, бысть в душе весть, и ста близ меня по правую руку Ангел мой хранитель, улыскаяся, и приклоняся ко мне, и мил ся мне дея; мне же чтущу Святое Евангелие, не скоро и ко Ангелу радость имущу, а се потом изо облака Госпожа Богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими и рече ми: “не бойся, Аз есмь с тобою!” Мне же к тому прочетше к концу Святое Евангелие и рекушу: “слава Тебе, Господи”, и, падушю на земли, лежащу на мног час, и, егда отъиде слава Господня, востах и начах утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченна, ея же невозможно исповедати ныне».

Это видение вдохновило Аввакума на новые духовные подвиги и придало сил в борьбе за попоранную веру. Напротив, заключённые в Угрешском монастыре поп Никита Добрынин и диакон Феодор Иванов, не выдержав голодовки и сурового заключения, 2 июня дали на допросе игумену монастыря Викентию «покаянные письма», в которых признали церковные реформы. Но едва ли раскаяние их было искренним. Переведённый в Покровский монастырь диакон Феодор вскоре «ужаснулся своему отступничеству», бежал оттуда и «выкрадчи из дому своего, где преж сего жил, жену свою и детей, бежал», затем «был сыскан» и окончательно осуждён собором. Никита Добрынин тоже впоследствии

вернётся к старой вере и будет одним из главных действующих лиц в событиях знаменитой Хованщины, участвуя в спорах с никонианами в Грановитой палате. За свои убеждения ему суждено будет сложить голову на плахе 11 июля 1682 года...

Несмотря на то что к Аввакуму никого не пускали, вскоре в народе начинают распространяться слухи о его чудесных видениях. 7 июля в монастырь пришли из Москвы сыновья Аввакума Иван и Прокопий с племянником Макарием Козьминым. Они отстояли всенощную и ночевали в монастырской трапезной вместе с богомольцами. Наутро они имели разговор с Аввакумом через окно, но были немедленно схвачены и допрошены игуменом Викентием. Сначала все они выдавали себя за племянников протопопа, но затем вынуждены были во всём признаться. Выяснилось, что они ходили к отцу *«под окошко и спрашивали его о здоровье, и он-де им сказал: “Живете-де не тужите”. А о явлении-де и ни о чем иных слов... не говорил»*. Сыновья и племянник Аввакума подтвердили, что *«видения никакова от него не слыхали»*. Через два месяца митрополит Павел Крутицкий велел их освободить *«с записью, чтоб им... ложных снов отца своего Аввакума никому не розсказывать»*.

Невдалеке от Никольского монастыря находилось царское «потешное село» Остров, откуда царь нередко навещался в монастырь. Аввакум вспоминал, как однажды в обитель приехал царь, но к нему зайти так и не решился: *«И, посмотря около полатки, вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал, подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним, кое-што говоря про меня, да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да видит, Богу уж то надобно так»*. Вероятно, это произошло 30 июля 1666 года, когда царь «изволил итить в Остров».

В Никольском Угрешском монастыре Аввакум пробыл 17 недель. 2 сентября царь приказал отослать его подальше от столицы, в Боровский Пафнутьев монастырь, причём игумену Парфению был дан строгий наказ *«посадить Аввакума в тюрьму и беречь ево накрепко с великим опасением, чтобы он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать, как и прочим колодникам»*. 5 сентября 1666 года Аввакума доставили в Боровский Пафнутьев монастырь. Здесь он пробыл до 30 апреля 1667 года. Несмотря на строгие условия, в которых содержался Аввакум, время от времени боярыне Морозовой удавалось передавать в монастырь «потребная и грамотки».

В Пафнутьевом монастыре знаменитого узника посещали различные духовные лица, пытавшиеся его увещевать и склонить на сторону

реформаторов. Так, 12 сентября приезжали ярославский диакон Козьма и подьячий Патриаршего двора Василий Васильев «из Пушкарей», привозили с собой какие-то «выписки в тетрадах от властей» и долго уговаривали Аввакума принять новую веру. При этом Козьма вёл себя двусмысленно. Вместо того чтобы «вразумлять» протопопа, Козьма всячески поддерживал его, втайне ободряя в следующих словах: *«Не отступай ты старого того благочестия! Велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь; не гляди на нас, что погибаем мы!»* Всё закончилось тем, что Аввакум написал «духовным властям» «сказку с бранью с большою» и отослал с диаконом и подьячим. 4 декабря прибыл игумен Парфений из Москвы, *«морил Аввакума три дни и в студеной тюрьме держал ево»*. 30 января вновь приехал диакон Козьма и от имени Павла Крутицкого и Илариона Рязанского вновь уговаривал Аввакума, причём *«приходил к нему пьян ночью, хотел извести ево»*.

Келарь Никодим, который в период первого заточения Аввакума в Пафнутьевом монастыре был «добр» к узнику, во время второго его привоза «ожесточал»: *«задушил было меня, завалил и окошка и дверь, и дыму негде было итти, — тошнее мне было землянья тюрьмы: где сижу и ем, тут и ветхая вся срание-сцание; прокурить откутают, да и опять задушат»*. Хорошо зашёл к протопопу добрый человек, дворянин Иван Богданович Камынин, вкладчик монастыря. Покричал на келаря и *«лубье и все без указа разломал»*. С тех пор у Аввакума в темнице хотя бы появилось окно и он мог свободно дышать.

Но когда протопоп попросил Никодима открыть дверь темницы в день Пасхи, «Велик день», святой для каждого православного, и посидеть на пороге — келарь отказал, при этом ещё и обругав узника. Вскоре Никодим тяжело заболел: *«маслом соборовали и причащали, и тогда-сегдадохнет»*. В ночь со Светлого понедельника на вторник было ему видение: *«прииде к нему муж во образе моем, — пишет Аввакум, — с кадилом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав»*. Исцелённый келарь вместе с келейником, который также был свидетелем этого великого чуда, пришёл к Аввакуму ночью в темницу и сказал: *«Блаженна обитель, — таковыя имеет темницы! блаженна темница — таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!»* Упав перед протопопом на колени, Никодим просил у него прощения: *«Прости, Господа ради, прости, согрешил пред Богом и пред тобою; оскорбил тебя, — и за сие наказал меня Бог»*. Аввакум приказал Никодиму и келейнику никому не рассказывать об этой тайне. Однако наутро за трапезою келарь не мог удержаться и поведал о произошедшем чуде всей братии монастыря.

К Аввакуму за благословением и молитвой потянулись иноки — «бесстрашно и дерзновенно». Протопоп поучал их от Писания, призывая держаться древнего благочестия, хотя бы «втай». Даже враги его и противники примирились в тот день с ним.

Тайно навещали Аввакума в темнице и его сыновья вместе с юродивым Феодором. Спрашивал Феодор: *«Как-де прикажешь мне ходить — в рубашке ли по-старому или в платье облещись? — еретики-де ищут и погубить меня хотят»*. Рубашка была единственной одеждой, которую носили люди, взявшие на себя подвиг юродства, и при такой бросавшейся в глаза особой примете Феодору было трудно укрыться от властей, развязавших гонения на юродивых. Если раньше юродивых, всегда особо почитавшихся на Руси, можно было встретить даже за царским столом, то с началом церковной реформы отношение к ним резко изменилось — Никон *«юродивых святых бешеными нарицал и на иконах их лика писать не велел»*.

Рассказал Аввакуму юродивый Феодор и о чуде, бывшем с ним: *«Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня, — реткой день коли плетью не бьет и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинству. И я-де уже изнемог, в нощи моляся и плача говорю: Господи! аще не избавишь мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотворишь? — И много плачючи говорил. — А се-де вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилась сама. Я-де Богу поклоняюсь, да и пошел; к воротам пришел — и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москве напрямик! Егда-де россветало, — ано погоня на лошедях! Трое человек мимо меня пробежали — не увидели меня. Я-де надеюся на Христа, бреду-таки впредь. Помале-де оне едут навстречу ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын, — где-де ево возьмешь! Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибрел: туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?»* Аввакум велел своему духовному сыну до времени «таиться» и благословил надеть обычное платье.

Этот эпизод опровергает расхожее мнение о пресловутом «фанатизме» Аввакума, мнение, которое, кочуя из одного миссионерского сочинения в другое, успешно дожило до наших дней, и порою нет-нет да и встретится в каком-нибудь историческом труде, а то и в школьном учебнике... Однако, как справедливо замечает современная исследовательница истории раскола, *«если кто-то и относился в ту эпоху с уважением к человеческой жизни и убеждениям личности, то это как раз и был Аввакум. А ведь для фанатика*

человеческая жизнь — ничто по сравнению с его идеями. Аввакум был религиозным человеком, страстным спорщиком, но в нём было слишком много любви и уважения к человеческому достоинству, чтобы быть фанатиком. Гневные высказывания, угрозы и пожелания, срывавшиеся время от времени с его уст по адресу его идеологических противников, не могут перечеркнуть ни общей гуманистической сущности его учения, ни реального опыта его жизни» (Глинчикова).

На Боровской земле осталось немало сторонников Аввакума. Впоследствии некоторым из них суждено будет принять мученический венец за старую веру. 8 октября 1675 года на городской площади будут сожжены 14 человек во главе со священником Полиевктом, знакомым Аввакуму ещё по Тобольску. Затем за приверженность древнему благочестию схватят и сожгут еще 30 боровчан. Но все эти драконовские меры приведут к прямо противоположному результату — количество сторонников старой веры среди жителей Боровска стремительно будет расти.

«Разбойничий собор»

Собор 1666 года не выполнил всех задач, поставленных перед ним главным «заказчиком» — царём Алексеем Михайловичем. Хотя собор благословил начатую церковную реформу, а также расправу с главными вождями старообрядчества, ещё одна важная цель оставалась пока нерешённой: в России до сих пор не было патриарха. Царь не решался предать Никона духовному суду и извергнуть его из патриаршего сана без участия «вселенских» патриархов. К тому же и самому будущему собору уж очень хотелось придать вид вселенского. Видно, духовного авторитета собственных, купленных за деньги и запуганных до смерти архиереев не хватало...

2 ноября 1666 года прибыли в Москву долгожданные «вселенские» — патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Как выяснилось позже, оба они к тому времени были свержены со своих престолов и лишь впоследствии вновь заняли патриаршие престолы благодаря вмешательству русского правительства и с помощью турецких властей. *«Двух... приехавших в Москву патриархов привели туда... не заботы о русской церкви, а просто желание получить от русского правительства соответствующую мзду за осуждение своего же собрата по сану, — пишет С.А. Зеньковский. — В этом отношении они не ошиблись, и за свою услугу государю каждый из них лично получил из русской казны мехов, золота и подарков на 200000 рублей по курсу 1900 года. Когда у них появлялись какие-либо сомнения или угрызения совести, то таковые легко устранялись соответствующим финансовым давлением. Каноническое право этих двух восточных патриархов на участие в русском соборе было крайне сомнительным. Возмущённый их поездкой на суд Никона, константинопольский патриарх Парфений и созванный им собор добились у турецкого правительства смещения этих обоих неколлегиальных владык под предлогом оставления ими паствы и церкви без разрешения властей. Вообще оба патриарха были постоянно в долгах и денежных перипетиях, а патриарх Паисий по возвращении из России на Восток попал в тюрьму по обвинению в присвоении колоссальной по тому времени суммы в 70000 золотых».*

Свою ненависть к старому русскому обряду «вселенские» патриархи-авантюристы показали уже по пути в столицу, арестовав (на чужой канонической территории!) в Симбирске престарелого местного

священника Никифора, служившего по дониконовским книгам. На обратном пути из России Макарий Антиохийский написал новому патриарху из Макарьевского Желтоводского монастыря очередной донос: *«В здешней стране много раскольников и противников не только между невеждами, но и между священниками: веди их смирать и крепким наказанием наказывать»*. В результате против одного из знаменитейших монастырей в России были приняты самые строгие меры...

5 ноября восточные патриархи имели наедине с Алексеем Михайловичем достаточно продолжительную — около четырёх часов — беседу, а уже 7 ноября царь пригласил в свою Столовую палату восточных патриархов, русских иерархов, бояр, окольных и думных людей. Царь обратился к восточным патриархам с торжественной речью и передал им все материалы по «делу Никона». На ознакомление с документами было дано 20 дней. В качестве консультанта по русским делам к восточным патриархам был приставлен Паисий Лигарид, который и играл «первую скрипку» на соборе. На личности этого человека следует остановиться отдельно, поскольку в заседаниях собора он сыграет роковую роль.

Паисий Лигарид (в миру Пантелеймон, или Панталеон) — личность крайне одиозная, бывший митрополит Газы (Палестина), тайный католик, агент иезуитов. С тринадцати лет воспитывался и обучался в иезуитской греческой коллегии святого Афанасия в Риме, а после её окончания получил степень доктора богословия и философии и был поставлен в священники униатским митрополитом Рафаилом Корсаком. В 1641 году покинул Рим и отправился в Константинополь для распространения католической веры. Позднее направился в Молдавию и Валахию, где был дидакалом в яесской школе. В 1650 году принимал участие в споре о вере старца Арсения Суханова с греками. На следующий год постригся в монахи, а ещё через год был поставлен иерусалимским патриархом в митрополиты Газы Иерусалимской.

Хотя Лигарид и принял для видимости православие, он продолжал вести активную переписку с иезуитской конгрегацией «Пропаганда», у которой состоял на жалованье в качестве католического миссионера, и с варшавским нунцием Пиньятелли — впоследствии римским папой Иннокентием XII. Как ловкий дипломат, Лигарид впоследствии вёл в Москве пропаганду унии Русской Церкви с Римом. Польский король Ян-Казимир так обращался к Паисию: *«Достопочтенный во Христе отец и свято нам любезный, в благочестивом нашем желании мы имеем ваше преосвященство единственным орудием в соседнем и дружественном нам великом княжестве Московском... Мы ещё и ещё просим ваше*

преосвященство сообщить всякое своё прилежание в составлении мира и единства латинской и греческой церкви» и обещал ему при этом «нашу королевскую милость».

Изверженный из сана иерусалимским патриархом Нектарием, Лигарид прибыл в Москву в 1662 году по приглашению патриарха Никона для помощи и придания авторитетности его реформам. Однако после падения Никона сразу же от него отвернулся и на Соборе 1666–1667 годов активно помогал царю Алексею Михайловичу расправиться со своим бывшим благодетелем. Характерны взаимные отзывы друг о друге Никона и Паисия Лигарида. Никон утверждал, что Паисий «на развращение святей церкви новые законы вводит: ово от отреченных книг, ово от внешних баснословных блужений», «ложными шпынскими проклятыми книгами» руководствуется, обращается к нему: «новый раскольник, а реку — еретиче», «новый Люторе, поругателю евангельский», «безумный раскольник и преступник святых отец установленных вечных предел», называет его «лицемером», «человекоугодником», «враждотворцем», «жидовским подражателем». Наконец, бросает в его адрес: «Ты же аще не имеешь, яко ворона, дому, от него взятися древу, но на разбойническом древе достойно тя есть повесити». В свою очередь, Лигарид в беседе с царём замечает о Никоне: «Поистине лучше было бы мне никогда не видать такого чудовища; лучше бы я хотел быть слепым и глухим, лишь бы не слышать его киклопских криков и громкой болтовни»...

Начитанный и обходительный Паисий сумел закрасться в доверие царю, угадав сокровенные его мысли: поведал о пророчестве, согласно которому греков от турок якобы должен освободить именно царь Алексей. Сохранилась его книга «пророческих сказаний» под названием «Хрисмос». Архидиакон Павел Алеппский сообщает об этой книге следующее: «Мы (патриарх Макарий Антиохийский и сам Павел. — К.К.) добыли ещё от митрополита Газского другую греческую книгу, которую он составил в разных странах и из многих книг и назвал “Хрисмос”, то есть книга предсказаний. Она единственная и не имеетя другого списка её. Содержит в себе предсказания, (выбранные) из пророков, мудрецов и святых, касательно событий на Востоке: об агарянах, Константинополе и покорении ими этого города — известия весьма изумительные; также о будущих и имеющих ещё совершиться событиях. Я заставил того же писца снять с неё также два списка. С большим трудом митрополит дал её нам для переписки, но он, то есть митрополит Газский, не желал этого, пока я не добился его согласия при помощи подарков, и потому, что ему стало совестно перед нами, и он разрешил нам списать её. Кто

прочтёт эту превосходную книгу, будет поражён изумлением перед её пророчествами, изречениями и прочим содержанием...» Если уж достаточно хорошо знавшие Лигарида восточные иерархи всерьёз восприняли эту состряпанную иезуитами сомнительную компиляцию, то что уж говорить о недалёком и падком на лесть Алексее Михайловиче!..

За время пребывания в Москве Лигарид постоянно выпрашивал у царя деньги якобы на содержание Газской епархии, к которой уже не имел никакого отношения. Также подделал грамоту патриарха Дионисия Константинопольского, выдавая себя за патриаршего экзарха. Зарабатывал тем, что нелегально торговал мехами, драгоценными камнями, вином и запрещённым в России под страхом смертной казни табаком. *«У Газского митрополита, — сообщает Аввакум, — выняли напоследок 60 пудов табаку, да домуру, да иные тайные монастырские вещи, что поигравшие творят».* Для этого церковного авантюриста не существовало не только нравственных и конфессиональных границ, но также и сексуальных. Подобно многим заезжим грекам Лигарид не был чужд «содомскому греху».

«Митрополит Паисий Лигарид, — замечает историк С. Зеньковский, — в свою очередь был проклят и отлучён от церкви своим же владыкой, патриархом Нектарием Иерусалимским, а за свои нехристианские поступки и измену православию скорее заслуживал находиться на скамье подсудимых, чем среди судей». Патриарх Нектарий в письме к царю Алексею Михайловичу писал, что Паисий Лигарид *«называется с православными православным»*, а *«латыни свидетельствуют и называют его своим, и папа римский емлет от него всякий год по двести ефимков».* Ему вторил константинопольский патриарх Дионисий: *«Паисий Лигарид лоза не константинопольского престола, я его православным не называю».*

Однако, получив от патриарха Нектария такие компрометирующие сведения, царь вовсе и не думал изгонять Лигарида как обманщика и «папешника». Он... решил купить ему разрешение и прощение у иерусалимского патриарха. Уж слишком он в нём нуждался. Новый патриарх оказался более покладистым и за большие деньги дал такое разрешение, хотя впоследствии и пожалел и даже вновь запретил Лигарида в служении как «латынщика».

28 ноября 1666 года в государевой Столовой палате открылся Большой Московский собор. На нём присутствовали 29 архиереев, из которых 12 были иностранцами. Присутствовали представители всех главных церквей Востока, так что действительно возникала иллюзия некоего нового «вселенского собора». Кроме двух «вселенских» патриархов Макария

Антиохийского и Паисия Александрийского, для соборного суда над Никоном в Москву прибыли пять митрополитов Константинопольского патриархата — Григорий Никейский, Козьма Амасийский, Афанасий Иконийский (который, впрочем, за подделку полномочий вместо собора оказался в заключении в Симоновом монастыре), Филофей Трапезундский, Даниил Варнский и один архиепископ — Даниил Погонианский; из Иерусалимского патриархата и Палестины — уже упомянутый выше низверженный газский митрополит Паисий и самостоятельный архиепископ Синайской горы Анания, из Грузии митрополит Епифаний; из Сербии епископ Иоаким Дьякович; из Малороссии — епископ Черниговский Лазарь (Баранович) и епископ Мстиславский Мефодий (местоблюститель Киевской митрополии). Русских архиереев участвовало 15, а именно: митрополиты — Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Иона Ростовский, Павел Крутицкий, архиепископы — Симон Вологодский, Филарет Смоленский, Стефан Суздальский, Иларион Рязанский, Иоасаф Тверской, Иосиф Астраханский, Арсений Псковский; епископ — Александр Вятский. Вскоре к ним присоединились вновь избранный московский патриарх Иоасаф II и архиереи двух новооткрытых епархий: Белгородской — митрополит Феодосий и Коломенской — епископ Мисаил. Также присутствовало множество русских и иноземных архимандритов, игуменов, иноков и священников.

Всего состоялось восемь заседаний собора по «делу Никона»: три предварительных, четыре — посвящённых собственно самому суду (два — заочных, два — в присутствии обвиняемого) и ещё одно — заключительное, на котором был оглашён окончательный приговор. Никон обвинялся в самовольном оставлении им патриаршей кафедры, оскорблении церкви, государя, собора и всех православных христиан, оскорблении восточных патриархов, самовольном свержении с кафедры и изгнании епископа Павла Коломенского, в следовании католическому обычаю, что выражалось в повелении Никона носить перед собой крест, а также в незаконном устройении монастырей за пределами Патриаршей области на землях, отнятых у монастырей других епархий. По результатам соборных заседаний Никон был приговорён к лишению сана патриарха и священства. Под приговором подписались два патриарха, десять митрополитов, семь архиепископов и четыре епископа. В ответ бывший патриарх, обращаясь к царю, сказал: *«Кровь моя и грех всех буди на твоей главе»*, а вечером пророчествовал о том, что всех осудивших его участников собора ждут нестерпимые муки.

12 декабря 1666 года «вселенские» патриархи сняли с Никона чёрный

клубук с херувимом и жемчужным крестом — знак патриаршего достоинства — и панагию и возложили на него простой монашеский клубук, сняв его с присутствовавшего здесь греческого монаха. Низложенному патриарху прочитали поучение, что он не может более называться патриархом и жить в Воскресенском монастыре, но должен отправиться в Ферапонтов монастырь, жить там тихо и немятежно и каяться в своих прегрешениях. В ответ Никон сказал: *«Знаю-де и без вашего поучения, как жить, а что-де клубук и панагию с него сняли, и они бы с клубука жемчуг и панагию разделили по себе, а достанется-де жемчугу золотников по 5 и 6 и больше, и золотых по 10» ...*

Так бесславно оканчивалось патриаршество, некогда начинавшееся столь многообещающе. Никона, которого когда-то торжественно провозглашали патриархом в переполненном Успенском соборе в присутствии царя и многочисленного православного народа, на коленях со слезами умоляя его занять первосвятительскую кафедру, теперь расстригали тайно, в отсутствие и царя, и народа.

Последующие заседания Большого Московского собора проходили в Патриаршей Крестовой палате уже без участия Алексея Михайловича. Состоялись выборы нового патриарха Московского и всея Руси. 31 января 1667 года участники собора подали царю имена трёх кандидатов: Иоасафа, архимандрита Троице-Сергиева монастыря, Филарета, архимандрита Владимирского монастыря, и Саввы, келаря Чудова монастыря.

Характерно, что среди кандидатов на патриаршество не было ни одного архиерея. Это отчасти объясняется позицией, занятой некоторыми из них после низложения Никона. Так, митрополит Павел Крутицкий и архиепископ Иларион Рязанский всесоборно объявили, что «степень священства выше степени царского». *«В этот драматический момент и выяснилось, что не напрасно Алексей Михайлович привечал греков. Последние были равнодушны к кровным интересам русских архиереев, не говоря уже о том, что выстраивали свои взаимоотношения с царской властью на иных началах. Потому оба восточных патриарха, под одобрительные голоса остальных греков, обвинили русских “князей церкви” в цезарепапизме и своим авторитетом помогли задавить новый бунт ещё в зародыше»* (Андреев).

Особенно лез из кожи Паисий Лигарид, без меры льстя Алексею Михайловичу и заявляя, что *«царю надлежит казаться и быть выше других»* и соединять в своем лице *«власть государя и архиерея»* ^[62]. *«Поистине, — заливался соловьём Лигарид, — наш державнейший царь, государь Алексей Михайлович, столь сведущ в делах церковных, что можно*

подумать будто целую жизнь был архиереем... Ты, Богом почтенный царю Алексие, воистину человек Божий... Вы боитесь будущего, чтобы какой-нибудь новый государь, сделавшись самовластным... не поработил бы церковь российскую. Нет, нет! У доброго царя будет ещё добрее сын его наследник. Он будет попечителем о вас. Наречётся новым Константином, будет царь и вместе архиерей...» В свете последующего «синодального пленения» господствующей Русской Церкви, осуществлённого сыном Алексея Михайловича Петром I, который не только подчинил Церковь государству, но и объявил самого себя её главой, эти «пророчества» старого иезуита звучат как мрачная насмешка и издевательство.

В результате на соборе было объявлено, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — в церковных. Однако это была не более чем этикетная формула. Гораздо чаще соборные заседания проходили в царской Столовой палате, чем в Патриаршей Крестовой. Иларион Рязанский и Павел Крутицкий были обвинены собором в том, что они «никонствуют и папствуют», и на них была наложена епитимья. Другие русские иерархи, по замечанию Паисия Лигарида, «*пришли в страх от сего неожиданного наказания*».

В конечном итоге царь отдал предпочтение троицкому архимандриту Иоасафу, который был «*уже тогда в глубочайшей старости и недужен повседневных*». Такой выбор свидетельствовал, видимо, о том, что Алексей Михайлович не хотел видеть во главе Русской Церкви деятельного и независимого человека. 10 февраля 1667 года на патриаршество был возведён новый патриарх под именем Иоасафа II. «*Молчаливый потаковник прелести сатанине*», — кратко и ёмко охарактеризует его диакон Феодор.

*

Однако хотя Большой Московский собор осуществил главную свою задачу — осудил и лишил сана патриарха Никона, церковная смута на этом не закончилась, но, наоборот, ещё более усугубилась. Русский православный народ ожидал от собора не просто осуждения Никона, но отказа от всех дел его и всего наследия его. «*Удаление Никона в Новоиерусалимский монастырь было воспринято сторонниками старого обряда как благоприятный знак, — пишет современный историк, — ушёл главный инициатор пагубных новшеств, и с ним, по их убеждению, должны были кануть в вечность и его дьявольские нововведения*» (Андреев). В связи с этими событиями старообрядческая проповедь ещё

более усилилась. Усилилось и её влияние на народ, что не могло не волновать царя и «духовные власти». После февральских и мартовских заседаний, на которых решались второстепенные вопросы, в апреле 1667 года иерархи вновь обратились к проблеме «церковных мятежников» и к проблеме церковного обряда.

Вновь перед участниками собора предстали уже покаявшиеся церковные оппозиционеры — для нового суда и для нового покаяния. *«Прибывший из Соловков архимандрит Никанор был судим первым, 20 апреля. За ним прошествовали, так же каясь в своих заблуждениях, священник Амвросий, диакон Пахомий, инок Никита и уже раскаявшиеся отец Никита Добрынин и старец Григорий Неронов»* (Зеньковский). Вслед за ними на собор доставили тех, кто принимать никонианских новшеств не хотел: диакона Феодора, раскаявшегося в своём отказе от старой веры и вновь начавшего борьбу с «никонианством», соловецкого инока Епифания, специально пришедшего на собор из далёкого северного скита и подавшего царю книгу обличений на новый обряд, священника Никифора, арестованного восточными патриархами в Симбирске за преданность двоеперстию и старым обрядам и привезённого в Москву романовского священника Лазаря. Последний, представ перед судом восточных патриархов ещё в декабре 1666 года, поразил их неожиданным для них предложением: определить правоту старого и нового обряда Божьим судом на костре. *«Повелити ми идти на судьбу Божию во огонь»*, — сказал он. Если он сгорит, значит, новый обряд правилен и правы «новые учителя», а если уцелеет — значит, старый обряд является истинно православным обрядом и правда за ревнителями древнего благочестия. Ошеломлённые таким аргументом патриархи не знали, что отвечать.

Призвав к себе боярина и голову, они велели через переводчика Дионисия Грека сказать царю: *«Древле убо ваши русские люди не прияли просто святого крещения от наших греческих святителей, но просили знаменья, — Евангелие Христово положите на огонь, и аще не сгорит, тогда веруем и крестимся вси. И Евангелие кладено бысть на огонь, и не сгорело: тогда русове вероваша и крестишася. И ныне такожде поп ваш Лазарь без извещения не хочет приимати новых книг, но хочет идти на судьбу Божию во огонь; и не мы его к тому принуждали, но сам он тако изволил... А больше сего мы судить не умеем! Скажите царю»*. Царь «умолче», а «духовные власти» *«вси возмутишася и страх нападе на них: от кого нечаяли, сие изыде!»*. Семь месяцев царь находился в раздумье: положиться на «судьбу Божию» или не положиться, *«понеже, — замечает диакон Феодор, — совесть ему зазираше»*. Наконец «помазанник Божий»

решил, что уповать на «Божью правду» не очень-то надёжно. А вдруг староверы окажутся правы и *«не по нас Бог сотворит»*? Тогда царю со всеми «властьми» *«срам будет и поношение от всего мира»*.

Тем временем шла «промывка мозгов» восточных патриархов, которые вскоре начали смотреть на русские церковные дела глазами иезуитского выученика Паисия Лигарида. А Лигарид хотел представить старообрядцев лишь как врагов греков, грубых невежд и церковных нововводителей, прекрасно понимая, что эти истинные ревнители православия и являются главным препятствием на пути проведения будущей церковной унии с католическим Римом. Вот как пристрастно витийствовал этот изящный знаток античной языческой мифологии по поводу событий церковного раскола в Русской Церкви: *«Внезапно устремился на дело лукавое другой шумный рой больших бедствий, за которыми последовал какой-то всенародный избыток соков, причинивший неисцелимую болезнь православной русской церкви... Так по чрезмерной беспечности Никона, вовсе не стоящего на одном твёрдом мнении, но беспрестанно меняющегося, как Протей, для всеобщей заразы российской церкви возникли некоторые новые раскольники: Аввакум, Лазарь, Епифаний, Никита, Никанор, Фирс невоздержный на слова, как Ферсит, Григорий, носящий прозвание Нерона. Бездну лжи написали они против нас, далеко превзошедшую зловонный навоз Авгия... Против сих мужей-губителей, которые для губельного заблуждения и для распространения зла извращают древние нравы церковные и обычаи отцовские, которые однако думают, что хранят постановления как бы законные; когда совершилось много преступных волнений, когда несказанные нововведения наполнили эту царственную столицу: против сих мужей, поднявшихся на человеческие ухищрения и облекшихся в неправоверие, на продолжительное обличение и достаточное опровержение ереси возникшей и преуспевшей, составили мы книгу, по царскому и соборному повелению, в которой с большою подробностью опровергли писания Никиты, ефемерного Феолога, даже и концем перста не вкусившего феологии. Книга наша потом сокращённо была переведена иеромонахом Симеоном и предана тиснению на память вековечную, на бессмертную славу»*.

Как говорится, с больной головы на здоровую... К великому несчастью, эта чудовищная ложь, лившаяся из ядовитых уст заезжих греческих авантюристов, готовых за ворох сибирских соболей продать и совесть, и душу, не только легла в основу соборных постановлений, но и успешно дожила до наших дней и продолжает кочевать из учебника в учебник.

30 апреля, после восьмимесячного тюремного заточения в Боровске, в Москву был привезён закованный в кандалы протопоп Аввакум. Его поставили на подворье Боровского Пафнутьева монастыря на Посольской улице. Здесь он пользовался относительной свободой, имел возможность общаться со своими друзьями, единомышленниками и духовными детьми. Боярыня Морозова, вспоминает он, «яко Фекла Павла ищущи, — увы мне, окаянному! — и обрете мя, притече во юзилице ко мне, и по многим временам беседовахом. И иных с собою привождаше, утвержая на подвиги. И всех их исповедал во юзилице: ея и Евдокею, и Иванушка, и Анну, и Неонилу, и Феодора, и святого комканя сподобил их. Она же в пять недель мало не всегда жила у меня, словом Божиим укрепляясь. Иногда и обедали с Евдокеею со мною во юзилице, утешая меня, яко изверга».

3 и 11 мая Аввакума по царскому указу водили в Чудов монастырь, где чудовский архимандрит Иоаким и спасский архимандрит Сергей Волк из Ярославля допрашивали его и пытались склонить к новой вере. «Грызлись что собаки со мною власти», — вспоминает Аввакум.

Наконец перед судом «вселенских» предстал протопоп Аввакум. Позднее он писал: «Июня в 17 день имали на собор сребролюбных патриархи в крестовую, соблажняти...» Здесь же присутствовали и русские архиереи — «что лисы сидели». На соборе мятежный протопоп не покорился, «от Писания с патриархами говорил много», ибо тогда, замечает он, «Бог отверз грешные мои уста, и посрамил их Христос!». Патриархи прибегли к последнему аргументу: «Что-де ты упрям? Вся-де наша Палестина, — и серби, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи, — все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестисься пятью персты! ^[63] — так-де не подобает!» Аввакум обратился к «сребролюбным патриархам» с такой речью:

«Вселенстии учителяе! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета, — да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодержство. До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна. Никон волк со дьяволом предали трема персты креститца; а первые наши пастыри яко же сами пятью персты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших Мелетия антиохийского и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая персты

крестится и благословляти повелевает, яко ж прежнии святии отцы Мелетий и прочии научиша. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий, казанские чудотворцы и Филипп, соловецкий игумен, от святых русских».

Восточные патриархи «задумались», не зная, что отвечать, а русские архиереи, «что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: “глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не учоные-де люди были, — чему им верить? Они-де грамоте не умели!”». Как же заезжие «просвещённые» греки сумели задурить головы русским архиереям, если те всерьёз стали считать, что святость напрямую зависит от учёности!..

На такой неожиданный аргумент Аввакуму только и оставалось, что «побраниться». «Чист есмь аз, — сказал он напоследок, — и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: “лучше един творяй волю Божию, нежели тьмы беззаконных!” ^[64]» Исчерпав все свои аргументы, «отцы освященного собора» пришли в неизъяснимое бешенство и, уже ничего не стесняясь, дали волю рукам: «“Возьми, возьми его! — всех нас обесчестил!” Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было, — велико антихристово войско собралось! Ухватил меня Иван Уаров да потащил. И я закричал: “постой, — не бейте!” Так оне все отскочили. И я толмачю-архимариту говорить стал: “говори патриархам: апостол Павел пишет: таков нам подобаше архиерей — преподобен, незлобив ^[65], и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать станете?” Так оне сели». Видя, что разумные аргументы не действуют на умы «просвещённых» архиереев, Аввакум прибегает к традиционному для Руси «юродскому дурачеству»: «И я отшел ко дверям да набок повалился: “посидите вы, а я полежу”, говорю им. Так оне смеются: “дурак-де протопоп-от! и патриархов не почитает!”» Однако «дурачество» это было полно глубокого смысла. Оправдывая своё поведение от Писания, Аввакум отвечал архиереям новозаветной фразой, обосновывавшей с богословской точки зрения подвиг юродства: «Мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестни; вы сильни, мы же немощни! ^[66]»

«Этот жест, — пишет академик А.М. Панченко, — расшифровывается с помощью Ветхого Завета. Аввакум подражал пророку Иезекиилю: “Ты же ложись на левый бок твой и положи на него беззаконие дома Израилева... Вторично ложись уже на правый бок, и сорок дней носи на себе беззаконие дома Иудина”. По велению свыше

Иезекииль обличал погрязших в преступлениях иудеев, предрекал им смерть от моровой язвы, голода и меча. Это предсказание повторил и Аввакум. О “моровом поветрии” (пережитой Москвою чуме) и “агарянском мече” как наказании за “Никоновы затейки” Аввакум писал царю еще в 1664 году, в первой своей челобитной. К этой теме он возвращался не раз и в пустозёрской тюрьме: “Не явно ли то бысть в нашей России бедной: Разовщина — возмущение грех ради, и прежде того в Москве коломенская пагуба, и мор, и война, и иная многа. Отврати лице свое, Владыко, отнеле же Никон нача правоверие казити, оттоле вся злая постигоша ны и доселе”».

Закончился спор с патриархами обсуждением «сугубой» и «трегубой» аллилуйи. Но и здесь вдохновенный Аввакум «посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопагитом». Чудовский келарь Евфимий, сам переводивший богословские трактаты Дионисия, ничего не мог ответить, а только сказал: «Прав-де ты, — нечева-де нам больши тово говорить с тобою». После этого Аввакума на цепи вывели из Крестовой палаты.

*

После спора со «вселенскими» патриархами Аввакума под караулом из тридцати стрельцов доставили на Воробьёвы горы. Вместе с ним туда же привезли и других «церковных мятежников» — инока Епифания и священника Лазаря, «остриженных и обруганных». 30 июня их перевели в Андреевский монастырь на Конюшенный двор. Монастырь этот, расположенный у подножия Воробьёвых гор, был основан Ф.М. Ртищевым у старинной церкви Святого Андрея Стратилата. Именно здесь жили приглашённые Ртищевым из Малороссии учёные монахи. Затем заключённых перевели в Саввину слободу, также находившуюся поблизости — при Саввином монастыре, присоединённом в 1649 году к Новодевичьему. При этом повсюду их сопровождал крепкий караул. «*Что за разбойниками, — не без иронии замечает Аввакум, — стрельцов войско за нами ходит и срать провозжают; помянется, — и смех и горе, — как то омрачил дьявол!*»

Но даже в монастырской темнице, под крепкой стрелецкой охраной не давал «богатырь-протопоп» покоя своим врагам. Неоднократно после соборного осуждения пытались склонить они Аввакума и его единомышленников к новой вере. Так, 26 июня царь присылал к нему для увещания старца Григория Неронова, принёсшего покаяние перед

никонианским собором, и дьяка Конюшенного приказа Тимофея Семёновича Маркова. *«Много кое-чево говоря, с криком разошлись и со стыром (спором. — К.К.) большим, — вспоминал Аввакум. — Я после его написал послание и с сотником Иваном Лобковым к царю послал; кое о чём многонько поговоря, и благословение ему и царице и детям приписал»*. 4 июля на Андреевское подворье приезжал «шпынять» дьяк Тайного приказа Дементий Минич Башмаков: *«Бытто без царева ведома был, а опосле, бывше у меня, сказал: по цареву велению был. Всяко бедные умышляют, как бы им меня прельстить, да Бог не выдаст за молитв Пречистыя Богородицы: Она меня помощница, обороняет от них»*.

Появление Дементия Башмакова в темнице у Аввакума далеко не случайно. *«Дементий — фигура знаковая, лицо не просто доверенное — посвящённое в самые сокровенные тайны Алексея Михайловича»*, — пишет И. Л. Андреев. Иностранцы называли его «вице-канцлером». В своё время царь подсылал его к оставившему патриаршую кафедру Никону, пытаясь договориться с ним.

Через месяц после «стязания со вселенскими», 17 июля 1667 года, Аввакуму, священнику Лазарю и соловецкому иноку Епифанию за их упорство вынесли окончательный приговор: Аввакума и Лазаря *«паки... проклятию предаша»*, а Епифания — *«проклятию предаша, и иночества обнажиша, и острищи повелеша, и осудиша отослати к грацкому суду»*. 20 июля узников перевели из Москвы в монастырь Николы на Угреше. Сюда приезжал к Аввакуму 22 июля стрелецкий голова Юрий Петрович Лутохин, управляющий царским имением в селе Измайлове, также доверенное лицо Алексея Михайловича. *«Кое о чем много говорили»*, — скупно бросает Аввакум в основной редакции «Жития», а в другом месте добавляет: *«Тут голову Юрья Лутохина ко мне опять царь присылал и за послание “спаси Бог” с поклоном большое сказал, и, благословения себе и царице и детям прося, молитце о себе приказал»*. Царь желал сохранять хорошее лицо при дурной игре. Протопоп Аввакум, всегда привыкший думать о людях лучше, чем они есть на самом деле, продолжал наивно верить в «доброе царя».

5 августа Аввакума, Лазаря и Епифания привезли в Москву на Никольское подворье, где их вновь допрашивали, на этот раз три архимандрита — владимирского Рождественского монастыря Филарет, новгородского Хутынского Иосиф и ярославского Спасского Сергей: *«взяли у нас о правоверии еще сказки»*. Заключённым были заданы следующие вопросы: признают ли они Восточную Церковь истинно святою и православною, а таинства и богослужебные чины, в ней совершаемые, — истинными; признают ли царя Алексея Михайловича, вселенских

патриархов, новопоставленного московского патриарха Иоасафа II и весь священный собор православными и пастырями и учителями всем христианам; считают ли они новоисправленные книги «святыми, честными и правыми» и что думают о Символе веры, о трегубой аллилуйе, о троеперстном сложении руки для крестного знамения, о четвероконечном кресте и о других «новоисправленных» обрядах? Судя по стилю, эти явно провокационные вопросы готовились не кем иным, как прилежным учеником иезуитов Паисием Лигаридом.

Отвечая на поставленные вопросы, Аввакум «подал письмо своей руки», в котором достаточно дипломатично старался обойти вопрос о вере царя, обвиняя в «церковном нестроении» Никона. Однако, учитывая, что инициатором церковной реформы был сам царь, ответ Аввакума звучал откровенно вызывающе: *«Церковь православна, а догматы церковныя от Никона еретика бывшего патриарха искажены новоизданными книгами — первым книгам, бывшим при пяти бывших патриархах во всем противны, в вечерни и в заутрени и в литургии и во всей Божественной службе не согласуются. А государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, православен, но токмо простою душею принял от Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая их православны, не рассмотря плевел еретических в книгах, внешних ради браней, понял тому веры, и впредь чаю по писанному: праведник аще падет, не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его. А про патриархов слышал я от братий духовных, что у них в три погружения не крестятся, но обливаются по-римски, и крестов на себе не носят, и в сложении перст знаменующихся, слагая три персты, Христово вочеловечение отмежут, и сие есть все неправославно, но противно святей соборной и апостольской Церкви. А я держу православие бывшее и прежде Никона патриарха и книги держу письменныя и печатныя, изданныя от пяти патриархов: Иева и Ермогена, Филарета, Иоасафа и Иосифа московских и всея Руси, и выше их от митрополитов и архиепископов и епископов московских и всея Руси, и хошу собором бывшим при царе Иване Васильевиче прав быти, на немже был и Гурий наш казанский чудотворец, с сими книгами живу и умираю».*

8 августа к Аввакуму ночью приезжали «уговаривати же» Дементий Башмаков и Артамон Сергеевич Матвеев, тот самый, что участвовал в 1665 году в сыске старца Капитона и в разорении Вязниковских скитов. Взятый в 13 лет в царский дворец, Артамон Матвеев рос и воспитывался вместе с будущим царём Алексеем Михайловичем, который в дальнейшем был очень привязан к Матвееву и в письмах называл его не иначе как «мой друг

Сергеич». Женатый на шотландке из Немецкой слободы, Матвеев отличался своими прозападными настроениями, увлекался оккультизмом, астрологией. Дом его был обставлен по-европейски. В этой атмосфере провела детство и юность его воспитанница — будущая мать Петра I Наталья Нарышкина. Диакон Феодор недаром сравнивал игравшего далеко не последнюю роль на Соборе 1666–1667 годов и приставленного к восточным патриархам Артамона Матвеева с Малютой Скуратовым и писал о нём: *«Артемон, льстец нынешнего царя Алексия, душепагубной потаковник и верным всем наветник лютый»*.

От имени царя нежданные ночные посетители говорили льстивые слова: *«Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоего благословения и с царицею и с чады, — помолися о нас!»* Эти слова посланник произносил, низко кланяясь Аввакуму. Но в конечном итоге вся речь свелась к следующему: *«Пожалуй-де послушай меня: соединишь со вселенскими теми хотя небольшим чем!»*

Однако для Аввакума, который призывал своих сторонников «ни в малом, ни в великом» не соединяться с «никонианской прелестью», это было совершенно неприемлемо. Он твёрдо отвечал посланникам царя: *«Аще и умрети ми Бог изволит, с отступниками не соединяюся! Ты, — реку, — мой царь; а им до тебя какое дело? Своево, — реку, — царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я, — реку, — не сведу рук с высоты небесных, дондеже Бог тебя отдаст мне»*.

10 августа Аввакума перевезли в Чудов монастырь, куда приходили его «прелщати» митрополит Павел Крутицкий, архиепископ Иларион Рязанский, а затем архимандрит Чудовский Иоаким. Все эти уговоры, непосредственно направляемые царём, также не дали никаких результатов.

Наконец 22 и 24 августа прошли последние «увещания». Снова приходил Артамон Матвеев, а с ним Симеон Полоцкий. *«Зело было стязание много, — вспоминал позднее Аввакум, — разошлись яко пьяни, не мог и поесть после крику. Старец мне говорил: “острота, острота телеснаго ума! да лихо упрямство; а се не умеет науки!” И я в то время плюнул, глаголя: “сердит я есмь на диявола, воюющаго в вас, понеже со дияволом исповедуеши едину веру и глаголеши, яко Христос царствует несовершенно, равно со дияволом и со елины исповедуеши по своей вере”. И говорил я ему: “ты ищешь в словопрении высокия науки, а я прошу Христа моего поклонами и слезами: и мне кое общение, яко свету со тьмою, или яко Христу с Велиаром? ^[67]” И ему стыдно стало, и против тово сквозь зубов молвил: “нам-де с тобою не сообщно!” И Артемон,*

говоря много, учнет грозить смертью. И я говорил: смерть мужю покой есть [68], и смерть грехом опона, не грози мне смертию; не боюсь телесныя смерти, но разве греховныя. И паки подпадет лестию. И пошед спросил: “что, стар, сказать государю?” И я ему: “скажи ему мир и спасение, и телесное здравие”».

В дальнейшем судьба ещё раз сведёт протопопа Аввакума и Артамона Матвеева — в далёкой пустозёрской ссылке, куда попавший в опалу ближний боярин будет сослан после смерти царя Алексея Михайловича по обвинению в колдовстве (читал «чёрную книгу») и в умысле на жизнь слабого здоровьем молодого царя Феодора Алексеевича. В отличие от нестигаемого духом Аввакума, Матвеев впадёт в глубокое уныние и будет постоянно «докучать» царю письмами с жалобами на тяжёлую жизнь, мелочно высчитывая, сколько денег отпускается на содержание «церковных мятежников», а сколько на его «благочестивую» персону. В 1682 году, после смерти царя Феодора, Матвеев будет возвращён в Москву, но здесь он встретит свою смерть — в Кремле во время народного восстания его сбросят на стрелецкие копья прямо на глазах его воспитанницы царицы Натальи Кирилловны и юного царя Петра...

Так и не добившись от «церковных мятежников» покаяния, Алексей Михайлович издал 26 августа 1667 года указ о ссылке протопопа Аввакума, священника Лазаря, симбирского священника Никифора и инока Епифания в Пустозёрск. На следующий день, 27 августа, Лазарю и Епифанию резали языки в Москве, «на Болоте». «Отцу Лазарю до вилок язык вырезан и старцу Епифанию такожде. И егда Лазарю язык вырезали, явися ему пророк Божий Илия и повеле ему о истине свидетельствовати. Он же выплюнул изо уст своих кровь и начат глаголати ясно, и бодре, и зело стройне». Правая рука Лазаря вся была в крови, и когда его везли из Москвы через Калужские ворота, по Даниловскому мосту, мимо Симонова, Новоспасского и Андроникова монастырей, по Троицкой дороге в Братошино (Братовщино), по всему своему пути благословлял он народ окровавленной десницей.

В Братошине уже находился Аввакум, который спасся чудом — «лукавыя власти» сначала хотели его сжечь, даже «с сердца» написали приговор, но лишь благодаря очередному заступничеству его доброго ангела — царицы Марии Ильиничны — казни ему удалось избежать. Однако сам Аввакум искренне сожалел, что ему не довелось пострадать так, как пострадали его благочестивые союзники, о которых он пишет с восхищением, как о святых мучениках: «Аз же, грешный Аввакум, не сподобихся такового дара, плакал над ними и перецеловал их кровавая

уста, благодарив Бога, яко сподобихся видети мученик в наша лета. И зело утешихся радостию великою о неизглаголанем даре Божии, яко отцы мои и братия, Христа ради и Церкви ради Христовы, — хорошо так! — запечатлели кровию церковную истину. Благословен Бог, изволивый тако!»

30—31 августа всех осуждённых из подмосковного села Братошина повезли в Пустозёрский острог: *«Таже, братию казня, а меня не казня, сослани в Пустозерье»* ... Везли на «ямских подводах», в сопровождении стрелецкого сотника Фёдора Акишева и десяти стрельцов приказа Василия Бухвостова.

*

Между тем работа Большого Московского собора 1666–1667 годов продолжалась, и на соборе были приняты роковые решения, которые окончательно закрепили раскол в Русской Церкви. На соборе вновь был поднят вопрос о проведённой Никоном церковной реформе, и участники собора, осудившие самого Никона, не только единодушно утвердили его дело, но и произнесли ещё более тяжкие проклятия на древлеправославных христиан как на еретиков. 13 мая 1667 года на соборе торжественно были преданы проклятию древлеправославные церковные чины и обряды, свято хранимые Русской Церковью до лет патриаршества Никона: *«Сие наше соборное повеление и завещание ко всем, вышереченным, чином православным. Предаем и повелеваем всем неизменно хранить и покоряться святой Восточной церкви. Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой Восточной церкви и сему освященному собору, или начнет прекословити и противлятися нам: и мы такового противника данною нам властью от всесвятаго и животворящаго Духа, аще ли будет от освященнаго чина, извергаем и обнажаем его всякаго священнодействия и проклятию предаем. Аще же от мирскаго чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца, и Сына, и Святаго Духа: и проклятию, и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православнаго всесочленения и стада, и от церкви Божия отсекаем, дондеже уразумится и возвратится в правду покаянием. А кто не уразумится и не возвратится в правду покаянием, и пребудет во упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен, и часть его, и душа со Иудею предателем, и с распятыми Христа жидовы, и со Арием, и со прочими проклятыми еретиками: железо, камень, и дресеса да разрушатся, и да растягнутся, а той да будет не разрешен и не*

растлен, и яко тимпан, во веки веков, аминь».

«Первую скрипку» на продолжившихся в 1667 году соборных заседаниях на этот раз играл скандально известный архимандрит Дионисий Грек. Он стал достойным преемником сосланного в 1662 году на Соловки Арсения Грека, сменив его на посту справщика на Печатном дворе. О «подвигах» архимандрита Дионисия с молодыми иподьяконами в Успенском соборе уже говорилось выше. Неплохо владевший русским языком и приставленный к восточным патриархам в качестве толмача, Дионисий сумел внушить им «нужные» мысли относительно старых обрядов — то, что хотел от них услышать сам царь. Диакон Феодор пишет: *«Все же власти русския... на толмача онаго патриарша, Дениса архимандрита, трапезы многоценныя уготовляху, и в дома своя призываху его, и дарами наделяху его, и ласкающе всяко, еже бы он патриархов своих уговорил, дабы по их хотению устроили вся, и сотворили деяние соборное их и не разорили бы, и царь-де любит то... Толмачь же той... и русскому языку и обычаем всем навычен бе, и всем новым властем знаем до конца; а патриархи те внове пришли и ничего не знали, но что он им скажет, то они и знают, тому и верят, — такова плута и приставили им нарочно, каковы и сами. И той Денис блудодей развратил душа патриархов...»* При этом Дионисий недвусмысленно запугивал патриархов, напоминая им о судьбе Максима Грека, не покорившегося воле великого князя Московского и сосланного за это в монастырь.

По сути, «вселенские» начали смотреть на раскол в Русской Церкви глазами Дионисия, незадолго до собора написавшего обширное полемическое сочинение против старообрядцев — первое в своём роде. *«Беспринципный наёмник, Дионисий знал, что ждёт от него царь Алексей, знал также западническую ориентацию царя, ставившего всё русское ни во что, поэтому и не постеснялся предать поруганию русскую церковную старину, нагло ошельмовать её. Все особенности русского обряда церковного, заверял Дионисий, были созданы исключительно на русской почве, как следствие невежества, неразумия и самочиния русских; созданы были какими-то еретиками по наущению самого сатаны и потому “носят неправославный характер, содержат в себе прямо еретическое учение”»* (Кутузов).

Таким образом, на Большом Московском соборе 1666–1667 годов, недаром прозванном в народе «разбойничим» и «бешеным», судьба Русской Церкви оказалась в руках шайки заезжих авантюристов и откровенных корыстолюбцев, готовых за звонкую золотую монету продать свою совесть и душу. Это сыграло роковую роль во всей последующей

судьбе России. Народу православному стало предельно ясно, кто заправлял в те дни судьбами земной церкви, и народ в ужасе отшатнулся от предавших его иерархов.

В те дни, когда в Москве проходили заседания «разбойничего собора», Великим постом 1667 года было видение стрельцу, стоявшему на страже в Кремле у Флоровских ворот. *«Виде он, — пишет диакон Феодор, — во един от дней, по утрени, на воздухе сядяща сатану на престоле, и грекотурских патриархов и русских властей сядящих окрест его, и Артемона голову стрелецкаго предстояща ту, и прочих от царскаго чина, над тем местом, идеже они вси собирахуся, сядяще и утверждающе Никонову прелесть и новыя книги заводу его, и на кровопролитие христианское наряжающесе, и устрояюще по нашептанию льстиваго змия, иже присно кровопролитию радуяся. И воин той нача сказовати то Богом показанное видение явно всем людем, и за сие сослан бысть в ссылку без вестии. И се показа Бог простых ради людей, да разумеют вси, яко на соборе их лукавом со властми не Христос седел и не Дух Истинный учил их неправде всей, но лукавый сатана, богопротивный враг и человекоубийца. И всякое дьявольское дело и действие без кровопролития не бывает; Христово же божественное дело и действие Его любовью и советом благим бывает, миром и тишиною исправляется и совершается».*

Вместе с проклятием всех старых чинов и обрядов собор, возглавляемый «грекотурскими патриархами», предал поношению и преждебывшие русские церковные соборы, в первую очередь знаменитый Стоглавый собор 1551 года: *«А собор иже бысть при благочестивом великом Государе Царе, и великом Князе Иоанне Васильевиче всея России, самодержце, от Макария Митрополита Московского, и что писаша о знамени Честнаго Креста, сиречь о сложении двою перстов, и о сугубой Аллилуии, и о прочем, еже писано не разумно, простотою и невежеством, в книзе Стоглаве... Зане той Макарий Митрополит, и иже с ним, мудрствоваша невежеством своим безрассудно якоже восхотеша».* Среди этих «иже с ним» были прославленные Русской Церковью святые — Филипп, будущий митрополит Московский и всея Руси, Акакий Ростовский, Гурий и Варсонофий, Казанские чудотворцы, преподобный Максим Грек... Этими безрассудными постановлениями вся многовековая традиция русской святости была поругана и предана проклятиям.

Собором была также утверждена состряпанная Симеоном Полоцким книга «Жезл правления», которую Аввакум совершенно справедливо называет «лукавой и богомерзкой». Эта книга не только содержала в себе множество порицательных выражений в адрес древлеправославных

преданий, но и откровенные латинские ереси. В частности, в ней содержалось католическое учение о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Относительно зачатия человека Симеон Полоцкий излагает совершенно еретическое учение о вхождении души в тело младенца мужского пола на сороковой, а женского — на восьмидесятый день после зачатия. Это учение напрямую перекликается с идеями осуждённых Древней Церковью манихеев и оригенистов. Как отмечал в «Поморских ответах» выдающийся старообрядческий богослов и апологет Андрей Денисов, *«сие новопечатных книг мудрствование, еже учат плоти человечестей кроме души, во утробе возрастати и вообразатися, несогласно есть святым великим богословцем и учителем, научающим вкупе души и телу быти в зачатии человечестем, а не прежде друг друга»*. Опровергая это нелепое учение, Андрей Денисов ссылается на таких авторитетных для православия мыслителей, как святые Афанасий Великий, Иоанн Дамаскин и Симеон Солунский. Наконец, в «Жезле правления» Симеон Полоцкий излагает совершенно католическое учение о времени пресуществления Святых Даров на литургии.

О протопопе Аввакуме и его единомышленниках, мужественно ставших на защиту поруганной православной веры и отдавших за неё впоследствии свои жизни, в «Жезле» написано следующее: *«Ныне же новоявльшимися отступники Никитою, Аввакумом, Лазарем, Феодором, Феоктистом, Спиридоном со суетумудренными пустынниками и прочими оторгнувшимися от единства церкви и своя богоненавидимья блядилица составляющими и строящими... велия буря и нестерпимое волнение ударяет ныне на храмину божественная церкви чрез злохульные уста Никитины и его единомысленников: Лазаря попа, Аввакума, Феодора диакона и прочих, клеветующих, яко несть предание святых отец, еже трети персты первыми крест святой на себе вообразати православным людем»*.

Какое влияние имели постановления «разбойничего» собора на Аввакума и его единомышленников? С точки зрения православного человека, эти постановления и клятвы не имели никакой силы. Будучи произнесены, несправедливые клятвы обращались на головы самих проклинаящих. Расстриженный по постановлению собора Аввакум всё равно продолжал на подворье Боровского монастыря исповедовать и причащать запасными дарами своих духовных чад. Ещё более резко пишет он о соборных постановлениях 1666–1667 годов в своём «Житии»: *«А что запрещение то отступническое, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою, — дурно молить! — гузно тру. Меня благословляют*

московские святители Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп, — я по их книгам верую Богу моему чистою совестью и служу; а отступников отрицаюся и клену, — враги они Божии, не боюсь я их, со Христом живучи!»

Заключительным аккордом Собора 1666–1667 годов, окончательно разоблачившим его пролатинскую сущность, стало ещё одно, противное практике дораскольной Церкви, постановление: *«О латинском убо крещении еже действуется во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, трикратным обливанием... весь освященный собор, слушавше выписки сия дело рассудиша: Яко не подобает приходящих от латин к святей апостольстей восточней церкви покрещевати»*. Католики, по сути, были объявлены собором правоверными и православными, а их обливательное крещение признано истинным. Всякий священник, который бы теперь дерзнул принять католика через крещение, должен был быть извергнут из священного сана: *«Аще же кто упорством восхоцет покрещевати латины, памятовати подобает правило святых апостол 47-е, глаголющее сице. Второе крещаяй крещеннаго истинным крещением, и не покрещеваяй оскверненнаго от зловерных, таковый святитель не священ»*.

В принятии такого решения, прямо противоречившего не только Поместному собору 1620 года, бывшему при патриархе Филарете, но и всей практике Древней Церкви, идущей от апостольских времен, несомненно, просматривается «рука иезуитов», действовавших на соборе через своих тайных агентов Паисия Лигарида и Дионисия Грека и давно мечтавших подчинить Москву посредством унии римскому папе. Вместе с тем была здесь и личная заинтересованность царя Алексея Михайловича ввиду сложившейся в Европе политической ситуации.

Еще в 1656 году, когда Речь Посполитая оказалась в критическом положении, теснимая с одной стороны русскими войсками, а с другой — шведскими, поляки попытались приложить все усилия, чтобы вывести Россию из войны и столкнуть её со Швецией. Для этого они на мирных переговорах в Вильно пообещали царю Алексею Михайловичу ни больше ни меньше, как... польскую корону, но только после короля Яна-Казимира. *«В Вильно польские и литовские послы принялись всеми способами поддерживать надежды царя на благополучное разрешение вопроса о престолонаследии. Они уверяли, что избрание — дело решённое и надо запастись лишь терпением и дожидаться сейма. В проекте Виленского договора первая статья прямо говорила об избрании на польский трон Алексея Михайловича, так что московскому государю остаётся рассматривать Речь Посполитую как своё будущее достояние. И,*

соответственно, беречь её» (Андреев).

Одержимый бредовыми идеями «греческого проекта» и построения «вселенской православной империи», царь Алексей попался на очередную иезуитскую удочку — заключил перемирие с почти разгромленной Речью Посполитой и неосмотрительно начал войну со Швецией, которая закончилась полным поражением русских. Немалую роль в том, чтобы прекратить войну с Польшей и начать войну со шведами, сыграл патриарх Никон, по некоторым сведениям, получивший за это немалую взятку от поляков. А польские шляхтичи, оправившись от прежних поражений, впоследствии выставят 21 условие, по которым русский царь не сможет получить польскую корону. Воистину, как скажет позднее протопоп Аввакум, «безумный царишко»!

В 1667 году «польская карта» была разыграна вновь, и вновь с ущербом для государства Российского. В этот год в Москву для ратификации Андрусовского мира прибыла польская миссия. Для неё была устроена «приватная аудиенция», на которой присутствовали сам царь, наследник престола царевич Алексей Алексеевич и ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин — еще один западник и любимец царя. Характерно, что на этой «приватной аудиенции» присутствовали также восточные патриархи — Антиохийский и Александрийский и ни одного русского архиерея.

Ордин-Нащокин от имени Алексея Михайловича предложил послам план объединения России с Речью Посполитой с сохранением польских свобод и вольностей при условии избрания на польский престол царевича Алексея Алексеевича. При этом немаловажное значение в деле будущего объединения двух государств должна была играть религиозная политика. *«Как следует из слов Ордина-Нащокина, во внутренней политике это будущее объединённое государство важнейшей задачей должно было иметь полное уничтожение свободы вероисповедания, которая ещё была в Польше, поэтому приветствовалась польская католическая контрреформация, и, одновременно, должны были быть искоренены старообрядцы (которых власть именовала “враждующими врагами святой православной церкви”) как на территории России, так и в Польше. При этом контрреформация рассматривалась как полный аналог преследования старообрядцев в России и всячески поддерживалась и, одновременно, указывалось, что примером такого религиозного преследования диссидентов для Польши может служить Россия. Таким образом, правящая московская элита рассматривала преследование староверов через призму опыта европейской инквизиции»* (Тимофеев).

Затем перед польскими послами с пространной речью наполовину по-латыни, наполовину по-польски выступил тринадцатилетний царевич Алексей Алексеевич. Он говорил о взаимной выгоде будущего русско-польского объединения ввиду *«обоюдной нам грозившей опасности от варваров татар, требующей неразрывного согласия, единомыслия и единодействия»*.

Высказали своё мнение и «вселенские» патриархи. Антиохийский патриарх Макарий, покорно плясавший под царскую дудку на Большом Московском соборе, недолго думая, предложил польским послам соединить воедино Католическую и Восточную Церкви: *«Не недостаточно ещё совершения союза вашего гражданским путём и порядком, хотя и под присягой, а предстоит вам всенепременно соединиться воедино не только телесами вашими, но наипаче сердечно и душевно, и потому необходимо возвратиться вам к единому вероисповеданию и согласию»*. При этом патриарх Макарий предлагал католикам в качестве условия заключения церковной унии официально признать за ним и за александрийским патриархом титул папы, а также сохранить за ними все их достоинства и права. Не стали камнем преткновения и существенные различия в догматике католичества и православия. Так, например, серьёзнейший догматический вопрос о Filioque (исхождении Святого Духа от Бога-Сына), на протяжении веков вызывавший бурные богословские дискуссии между католиками и православными, патриарх Макарий признал *«не заслуживающим упорного спора»*. *«Да и во многом ли рознится ваша западная церковь от нашей восточной? — витийствовал восточный патриарх. — Одно только истолкование о происхождении Святого Духа разделяет нас с вами. Веруем и мы, что Святой Дух послан был и снизошел через Сына, но не иначе, по учению нашему, как соизволением Отца: и святые отцы латинские называют также Отца творцом и началом, но наши называют Отца причиной всего, в том числе и Сына; и разногласие сие не заслуживает столь упорного спора. И потому употребите, знаменитейшие мужи, возможное старание и ходатайствуйте при светлейшем короле вашем и республике о восстановлении союза между обеими церквами»*.

Уния в обмен на военную помощь католиков в войне с Турцией за Константинополь и «освобождение греков» — такова была цена сделки. История повторялась. Так некогда византийский император Иоанн VIII и восточные патриархи пошли на сделку с римским папой, заключив Флорентийскую унию 1439 года. Но, погубив свои души, в обмен они не получили ничего...

Польские послы отвечали патриарху Макарию: *«Сие же великое дело касается всех вас, стенающих под жестоким и лютым рабством вашего восточного злейшего тирана (турецкого султана. — К.К.). Но безумные покушения его и дерзостные и богопротивные его замыслы легко, надеемся, сокрушатся перед преградой настоящего союза доблестных государей и могущественных двух народов. Что же касается устройства церковных дел, мы как христиане душевно желаем, чтобы упомянутое вами примирение состоялось при посредничестве влиятельных лиц из православных [и] католиков; однако же пояснить следует, что представляем все такового рода дела епископам и прочим духовным людям, на которых исключительно возложено попечение о спасении душ наших, и потому одним им подлежит разбирательство подобных вопросов».*

В связи с этим становится совершенно очевидным, почему на Большом Московском соборе было признано истинным обливательное крещение, а католиков под угрозой извержения из сана запрещалось крестить вновь в соответствии с апостольскими правилами. Тем самым в угоду политическим авантюрам взбалмошного русского царя была стёрта грань между католичеством и униатством и восточными церквями, что открывало широкую дорогу для будущей церковной унии.

*

Большой Московский собор 1666–1667 годов привёл к окончательному расколу в Русской Церкви и благословил развязанный светскими и духовными властями геноцид русского народа. Как писал историк А.С. Пругавин, *«при самом появлении раскола власть захотела покончить с ним крутыми, суровыми мерами. И вот, кровь полилась рекой. Все первые вожаки и предводители раскола умерли на плахе, сгорели в срубах, исчапли в заточениях. Беспощадные пытки, бесчисленные, мучительные казни следуют длинным, непрерывным рядом. Раскольников ссылали, заточали в тюрьмы, казематы и монастыри, пытали и жгли огнём, накрепко секли плетьюми, нещадно ломали ребра, кидали в деревянные клетки и, завалив там соломой, сжигали, голых обливали холодной водой и замораживали, вешали, сажали на кол, четвертовали, выматывали жилы... Словом, всё, что только могло изобрести человеческое зверство для устрашений, паники и террора, всё было пущено в ход. Население, исповедовавшее правую веру, пришло в ужас».*

Чтобы заставить народ принять новую веру и новые книги, «разбойничий» собор благословлял подвергать ослушников соборных определений тягчайшим казням: заточать их в тюрьмы, ссылать, бить говяжьими жилами, отрезать уши, носы, вырезать языки, отсекал руки. В наказе собора духовенству говорилось: *«Аще кто не послушает нас в едином чесом повелеваемых от нас или начнет прекословити и вы на таких возвещайте нам, и мы таковых накажем духовно, аще же и духовное наказание наше начнут презирати, мы таковым приложим и телесные озлобления»*. В оправдание гонений участники собора ссылались на Священное Писание, по-иезуитски перетолковывая его на свой лад: *«Но зане же в Ветхом Завете бывшая сень, образ и прописание бяху в новой благодати содеваемых, убо и жезл сей видится нечто прообразование быти»*. Это незаконное и противоречащее евангельскому духу любви постановление собора церковных иерархов легло в основу всех последующих репрессий как духовной, так и светской власти по отношению к старообрядцам. Церковный историк А.В. Карташев прямо называет вещи своими именами, отмечая, что именно в этот период *«впервые в жизни Русской Церкви и государства применена была система и дух западной инквизиции»*. Появление «православной» инквизиции, созданной по образцу католической, явилось одним из наиболее «выдающихся» результатов церковной реформы XVII века. Впоследствии в книге «Пращица» «Святейший Синод», обосновывая необходимость создания инквизиции, будет прибегать к такому кощунственному разъяснению: *«Если в ветхозаветной церкви непокорных “повелено убивати”, кольми паче в новой благодати непокоряющихся святей восточной и великороссийстей церкви подобает наказанию предавати, достойно бо и праведно есть: понеже тамо сень, zde же благодать; тамо образы, zde же истина, тамо агнец, zde же Христос»*. Эту идею разделяли ведущие архипастыри господствующей церкви. Так, местоблюститель патриаршего престола, митрополит Рязанский Стефан (Яворский) утверждал в начале XVIII века: *«Сия же вся прилична суть еретиком: убо тех убивати достойно и праведно»*, и в своей книге «Камень веры» доказывал, что *«Златоустый святой с прочими татей и разбойников толкует быти еретиков... Иного на еретика врачевания несть паче смерти»*.

Мучения и казни совершались в различных частях Русского государства. Увлечённое «греческим проектом» правительство и покорные ему церковные иерархи жестоко преследовали людей старой веры: повсюду горели костры, людей сжигали сотнями и тысячами, резали языки, рубили

головы, ломали клещами ребра, четвертовали. Все те ужасы, которые были хорошо известны русскому человеку из житий святых мучеников, пострадавших во времена языческого Рима, теперь стали страшной явью на Руси! *«Чюдо, как то в познание не хотят приити, — писал протопоп Аввакум, — огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить... Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: “непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити”. А наш Христос ученикам Своим никогда так не повелел. И те учителя явны яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же».*

Духовенство и гражданское правительство беспощадно истребляли своих же родных братьев — русских людей. Пощады не было никому: убивали не только мужчин, но и женщин, и даже детей. *«Мрачный герой средневековья — испанский инквизитор Торквемада — иногда бледнеет пред нашими русскими инквизиторами-палачами в митрах и вицмундирах».* Но русские люди при этом являли необычайную силу духа, терпя все лишения и пытки. Многие шли на смерть смело и решительно, подобно первым христианам.

В XVII веке лучшие представители русского народа земным благам предпочли путь сораспятия Христу. Не желавшие предавать веру своих предков, десятки, сотни тысяч русских людей выбрали путь мученичества и исповедничества. Другие (по подсчётам историков, от четверти до трети населения Русского государства!), не дожидаясь грозивших им мучений, устремились в непроходимые леса, на окраины государства, за его рубежи. Спасаясь от преследований, староверы бежали во все концы необъятной Руси: на Дон, в Сибирь, Керженец, Стародубье, где основывали целые поселения и скиты, бежали за границу — в Литву и Польшу, Курляндию и Швецию, Пруссию и Турцию. Хранители древлего благочестия бросали свои дома и имущество, забирая с собою лишь иконы и старопечатные книги, и на новом месте, куда их кидала судьба, бережно, по крупницам, возрождали Древнюю Русь.

Невольно возникает вопрос: а возможно ли объяснить столь беспрецедентное сопротивление как минимум трети русских людей церковной реформе Никона исключительно «религиозным фанатизмом» и «невежеством», выросшим на почве «обрядоверия», как это пытались представить сначала синодальные, а затем и некоторые советские историки? Безусловно, нет. И в первую очередь дополнительных

комментариев требует само понятие «обряда».

Понятие это не православное и, по сути своей, глубоко чуждое духу христианского вероучения. Святой Иоанн Златоуст писал: *«Господь Бог глубиной мудрости Своя человеку, видимым телесем облеченному, под видимыми и телесными знамении невидимыя дары Своя дает. Ибо аще бы точию едину имел человек душу без телесе, яцыи же суть ангели, то убо без сих вещественных и чувственных и видимых знамений взимал бы дары Божию, но понеже телесем обложен есть человек, сего ради кроме видимых и чувственных знамений благодать Божию не может прияти»*. Аналогичную мысль высказывает святой Симеон Фессалоникийский: *«Так как мы двойственны, состоя из души и тела, то и священнодействия Христос предал нам, имеющие две стороны, так как и Сам истинно соделался ради нас сугубым пребывая истинным Богом и соделавшись истинным Человеком. Таким образом, Он благодатию Духа мысленно освящает наши души, а чувственными водою, елеем, и хлебом и чашею, и прочим, что освящается Духом, освящает и тела наши и дарует всесовершенное спасение»*.

Следовательно, внутреннее и внешнее, духовное и материальное неразрывно связаны в церковных таинствах и чинах, как, по определению Халкидонского собора, «нераздельно и неслиянно» сочетаются во Христе две Его природы — Божественная и человеческая. Идея о том, что в священнодействиях и таинствах можно выделить «внутреннее» (существенное и первостепенное) и «внешнее» (якобы несущественное и второстепенное), впервые появляется в католическом богословии. *«Западная схоластическая мысль, — пишет профессор М.О. Шахов, — восприняла в качестве парадигмы умствования философию Аристотеля — философию логических форм, приучившую умы “облекать идеи в твердые, устойчивые формы, разграничивать понятия, классифицировать их, вводить в область мысли внешний порядок, стройность, а в способе выражения — однообразие”*. Лишь после этой смены типа умствования в религиозно-философской мысли Запада начинает доминировать аналитический, систематизаторский метод, стремящийся разделить в бытии Церкви “главное” от “второстепенного”, заменить синтез всеединства схоластической классификацией. Православная Русь не подверглась влиянию схоластического мировоззрения и сохранила образ мышления, унаследованный от восточной патристики. Поэтому для традиционного православного мировоззрения были вдвойне чуждыми аргументы, направленные на преуменьшение значимости изменения материальных форм богочитания. С одной стороны, православные

философско-мировоззренческие представления о взаимосвязанности материального с идеальным не допускали возможности того, чтобы искажение первого не оказало влияния на второе. С другой стороны, схоластическое разделение церковной жизни на “важнейшее” и “второстепенное”, которое можно произвольно изменять, не могло быть согласовано с православным мировоззрением, видевшим элементы не в противопоставлении, а в гармоническом единстве, при котором общая гармония обусловлена всеми элементами и их сочетанием. Православные традиционалисты и представители “европейского типа мышления”, развившегося из схоластики, в принципе не могли понимать друг друга в таком споре».

Как писал известный церковный историк профессор А.П. Лебедев, «причина раскола лежит гораздо глубже, — она касается самого существа Церкви и основ церковного устройства и управления. Различие в обрядах само по себе не привело бы к расколу, если бы дело обрядового исправления велось не так, как повело его иерархическое всевластие. “Ничто же тако раскол творит в церквах, якоже любоначалие во властех”, — писал... протопоп Аввакум в своей челобитной к царю Алексею Михайловичу. И вот это-то любоначалие, угнетающее Церковь, попирающее церковную свободу, извращающее самое понятие о Церкви (церковь — это я), и вызвало в русской церкви раскол как протест против иерархического произвола. Любоначалие было виною, что для решения религиозно-обрядового спора, глубоко интересовавшего и волновавшего весь православный люд, собран был собор из одних иерархов без участия народа, и старые, дорогие для народа обряды, которыми, по верованию народа, спасались просиявшие в русской церкви чудотворцы, беспощадно были осуждены; и на ревнителей этих обрядов, не покорявшихся велениям собора, изречена страшная клятва, навеки нерушимая».

Несмотря на всю важность обрядов и священных текстов, вообще религиозной символики для людей того времени, речь здесь всё-таки шла не о простом изменении обрядов и богослужебных текстов, а об изменении всей жизни, характера и духа народа, о подчинении чуждой, навязываемой сверху воле, что через некоторое время стало совершенно очевидным. И пусть бессознательно, но русский православный народ почувствовал это.

Впоследствии благодаря трудам не одного поколения независимых историков стало очевидно: «Решительное и резкое осуждение собором 1667 года, руководимого двумя восточными патриархами, русского старого обряда было, как показывает более тщательное и беспристрастное исследование этого явления, сплошным недоразумением,

ошибкою и потому должно вызвать новый соборный пересмотр всего этого дела и его исправление, в видах умиротворения и уничтожения вековой распри между старообрядцами и новообрядцами, чтобы Русская Церковь по-прежнему стала единою, какою она была до патриаршества Никона», — писал Н.Ф. Каптерев. В апреле 1929 года на заседании Синода Патриаршей церкви было постановлено: клятвенные запреты, изречённые антиохийским патриархом Макарием и подтверждённые митрополитами Сербским Гавриилом, Никейским Григорием, Молдавским Гедеоном и русскими архиереями и священниками на Соборе 1656 года, а равно клятвы соборов 1666–1667 годов, отменивших определения Стоглавого собора 1551 года, — разрушить и уничтожить и «яко не бывшие вменить». На Поместном соборе Русской Православной Церкви, созванном в 1971 году, вновь был рассмотрен вопрос о «клятвах на старые обряды и на придерживающихся их». Было принято решение утвердить постановление Синода от 23 (10) апреля 1929 года в части отмены клятв. Собор также признал старые обряды «спасительными, как и новые обряды, и равночестными им».

Однако новое решение не возымело почти никакого действия, прежде всего внутри самой Русской Православной Церкви. К сожалению, вопреки собственным соборным постановлениям, в литературе, выпускаемой сегодня по благословию иерархов Русской Православной Церкви, содержится немало искажений исторических фактов, старые обряды и старообрядцы подвергаются хулению и насмешкам; в учебниках Закона Божиего и молитвословах указывается только троеперстный вид крестного знамения, а так называемые «старообрядные» (единоверческие) приходы внутри Русской Православной Церкви продолжают оставаться своего рода резервацией для любителей церковной старины. Но главное: пролились реки крови, были загублены сотни тысяч жизней неповинных людей — и не было произнесено ни одного слова покаяния, казалось бы, столь естественного в устах подлинно христианских пастырей... Зато всё чаще и чаще приходится слышать голоса не в меру ретивых «ревнителей» о пересмотре решений Поместного собора 1971 года. Как бы и его постановления вскорости не были объявлены «яко не бывшими»...

Глава восьмая

**«А ПОТОМ БОГ ВМЕСТИЛ В МЕНЯ
НЕБО, И ЗЕМЛЮ, И ВСЮ ТВАРЬ...»**

*Видите обидливи, смотрите и чудитесь чудеси и
исчезнете,
понеже дело аз делаю во днех ваших,
ему же не имате веровати аще кто исповестъ.*

Книга пророка Аввакума, гл. 1, ст. 5

В темнице пустозёрской

12 декабря 1667 года осуждённых Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания доставили в Пустозёрск. Здесь их поместили *«порознь, очистя пустозерских крестьян избы, по одному человеку в избе»*, под надзором сопровождавшего их по всему пути следования сотника Феодора Акишева и девяти стрельцов. Народное предание говорит, что во время пути в Пустозёрск и остановки стражи у села Усть-Цильма на Печоре *«Аввакум к народу обращался, просил, чтобы старых обрядов держались... руку высоко взметнул с крестом верным и крикнул: “Этого держитесь, не отступайтесь!”»*.

Пустозёрский острог был основан в 1499 году по повелению великого князя Московского Иоанна III в устье разветвлённой реки Печоры. По сведениям переписной книги 1679 года, в остроге было 90 дворов, жителей более 600 человек, три церкви, воеводская изба, таможня, тюрьма. По отписке воеводы Ивана Неелова, строившего тюрьму для Аввакума и его товарищей, это *«место тундряное, студёное и безлесное»*. Будучи промысловым и торговым городом, Пустозёрск играл роль крайнего военного форпоста страны. Вместе с тем Пустозёрский острог служил местом ссылки особо опасных государственных преступников: после Аввакума сюда будут сосланы участники Соловецкого восстания, повстанцы Степана Разина, дипломат и государственный деятель боярин Артамон Матвеев с сыном, начальник Посольского приказа, фаворит царевны Софьи князь Василий Голицын с женой и детьми и другие.

Через несколько месяцев по прибытии в Пустозёрск представился престарелый священник Никифор, видимо, не выдержавший суровых условий заточения. А условия, в которых содержали узников, действительно были тяжелейшими. Так, священник Лазарь в феврале 1668 года в своей челобитной царю Алексею Михайловичу писал: *«Книг не имеем... а хлеба дают нам по полутора фунта на сутки, да квасу нужна, — ей, ей, и псом больше сего метают! — а соли не дают, а одежишка нет же, ходим срамно и наго»*.

20 апреля 1668 года в Пустозёрск привезли диакона Феодора Иванова. По решению «разбойничего» собора он был предан «градскому суду» и осуждён на «казнь» и ссылку — *«хулнаго и клеветнаго языка лишитися отсечением и в далнее заточитися изгнание»*. 25 февраля 1668 года

Феодору «урезали» язык в Москве, на «Болоте», и в тот же день сослали в Пустозёрск, куда он был доставлен в сопровождении сотника Перфилия Чубарова.

Дело со строительством особых тюрем для ссыльных затягивалось. Хотя ещё 13 декабря 1667 года из Пустозёрска воевода Неелов послал особые воеводские памяти в Ижемскую и Усть-Цилемскую слободки о присылке «по первому вешнему водяному пути» строевого леса и плотников для строительства тюрем для Аввакума со «товарищи», жители этих слободок исполнять указ отказались, мотивируя это тем, что раньше они-де с пустозёрцами никаких «поделок не делали, и им и ныне делать не велеть». Более того, усть-цилемцы и ижемцы послали царю Алексею Михайловичу челобитную об освобождении их от этой повинности. *«Воевода требовал, угрожал и на следующий год печоряне, видя, что их челобитная не дошла до цели, послали своего ходока к царю. К сожалению, из грамот не ясно, чем закончилось дело, но протест против поставки леса для строительства тюрьмы для опального Аввакума говорит о скрытой поддержке усть-цилемцами Аввакума, прикрытой отказом об отсутствии совместных работ пустозёрцев и усть-цилемцев»* (Чупров).

Благодаря тому что дело со строительством тюрем затянулось, ссыльные получили счастливую возможность какое-то время достаточно свободно общаться между собой, а также поддерживать связи с внешним миром. *«Этот первый и сравнительно лёгкий период пустозёрской жизни соузников (до 1669 года) не был особенно плодотворным в литературном отношении, — писал А.Н. Робинсон. — Но зато это было время их устного общения, углубления знакомства друг с другом и формирования взаимоотношений. Именно тогда Аввакум в своих долгих беседах с Епифанием неоднократно сообщал ему различные эпизоды из своей богатой приключениями жизни. Такие автобиографические беседы, украшенные фантазией, вообще вполне естественные в условиях суровой ссылки, были особенно уместны в среде первоучителей старообрядчества, которые осознавали себя мучениками за “истинную” веру. Епифаний впоследствии потому и “понудил” Аввакума написать его “Житие”, что уже ясно представлял себе важность этого труда для их общего дела».*

В 1668-м — начале 1669 года Аввакум пишет челобитную — четвертую по счету — царю Алексею Михайловичу. Челобитная эта — образец поистине христианского смирения и незлобия. Находясь в заточении, разлучённый с семьёй, Аввакум не помнит зла и продолжает благословлять своего мучителя, «державного света», вместе со «светом государыней-царицей» и «детушками», надеясь на его исправление:

«Якож зрит Господь, сердце мое не притворяя, говорю: аще получю дерзновение и в будущем веце, и там о тебе хошу припасти ко всех Владыце, не токмо zde, в темнице. Протопоп Аввакум не помнит тово ничево, благодатию Божию, что над ним делается. Одново желаю — пред Богом стати вам непостыдным. Да и много столько мне, грешному, — забыти ваше благородие! Один ты у нас царь на сем свете. Да и надеюся, яко силен Бог спасти нас с вами. Ну, государь, моли ж ся и за мя, грешнаго, и в чем перед тобою погрешил, прости мя; а тебя тако ж да простит Господь Боги да помянет любовь твою ко мне, нищему, во Царствии Своем, егда приидет воздати комуждо по делом его.

Да и заплутаев тех Бог простит, кои меня проклинали и стригли: рабу Господню не подобает сваритися, но кротку быти ко всем ^[69]. Не оне меня томят и мучат, но диявол наветом своим строит; а оне тово не знают и сами, что творят. Да уж, государь, пускай, быти тому так! Положь то дело за игрушку! Мне то не досадно. Посем паки да благословит тя третицею Господь и дух мой здесь и в будущем веце.

Прости ж, государе, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, и недоумением содержим есмь; помышляю моя деяния и будущего судища ужас. Брат наш, синбирской протопоп Никифор, сего суетнаго света отъиде; посем та же чаша и меня ждет. Ох, увы мне, окаянному, и горе! Како отвещаю бессмертному Судии, Царю всех и Богу! Токмо надеюся на Его праведныя щедроти, понеж любящим Его вся поспешествуют во благое. Подобает, государь, и всем нам помышляти смерть, ад, небо, и отца нашего, протопопа Стефана, учение помнить. Паки тя, государь, благословляю и, опрятне став, поклоняюся тебе, самодержавному, честне.

А корму твоего, государева, дают нам в вес — муки по одному пуду на месяц, да и о том слава Богу. Хорошо бы, государь, и побольши для нищие братии за ваше спасение.

Изволь, самодержавне, с Москвы отпустить двух сынов моих к матери их на Мезень, да тут, живучи вместе, за ваше спасение Бога молят; и не умори их с голоду, Господа ради. А обо мне, якож Богу и тебе годе: достоин я, окаянный, грехов ради своих, темнице пустозерской. Умилися, святая душа, о жене моей и о детех».

4 июля 1669 года из приказа Сыскных дел в Пустозёрск пришла грамота о немедленной постройке тюрьмы. Вскоре приказание было исполнено. «Тюрьмы нам зделали, — сообщает диакон Феодор в письме к семье Аввакума на Мезень, — по сажени, а от полу до потологу головой достать». Но и в темницах общение единомышленников продолжалось. «К старцу пойду посидеть в ево темницу», «у старца сижу», — писал

Аввакум. Инок Епифаний становится в эти годы духовным отцом Аввакума.

Продолжалось общение с соузниками по «темничному заточению», продолжалось и общение с единомышленниками, остававшимися пока на свободе. Аввакум и его соузники поддерживали связи с внешним миром благодаря «верным людям», через которых им удавалось посылать на Русь свои «грамотки». «Грамотки» передавались сперва на Мезень, в Окладникову слободу, где в то время находилась в ссылке семья Аввакума, а затем — в Москву, в Соловецкий монастырь, в Поволжье и Сибирь. Они многократно переписывались от руки и рассылались во все отдаленные уголки Руси великой, где ещё продолжали верить и молиться по-старому.

В пустозёрской ссылке узникам суждено будет протомиться 14 лет, терпя голод, холод, наготу, мрак землянок, тяжёлый труд, унижения и оскорбления. Но такие суровые, нечеловеческие условия не смогли сломить духа Христовых воинов, вставших на защиту отеческой веры. В тюремных земляных ямах у полярного круга была создана настоящая литературная школа. Пустозёрскими «сидельцами» составлялись послания, апологетические трактаты, целые книги, обличавшие никоновские новины и защищавшие древнее благочестие. За годы пустозёрского заключения одним только Аввакумом было написано свыше сорока сочинений, в которых он то обращался к властям с увещанием вернуться к старой вере, то писал к своим единомышленникам и духовным чадам, ободряя их, возбуждая их ревность, увещевая их к страданиям за истинную веру, наставляя, как устроить свою жизнь, разрешая различные их недоумения. *«Старообрядческие руководители как до, так и во время пустозёрской ссылки вели непрекращавшуюся оживлённую полемику с организаторами церковной реформы, критикуя издания Московского печатного двора, — пишет Н.Ю. Бубнов. — Взввшись за перо, пустозёрские “сидельцы” с успехом противопоставили себя и свои писания мощной корпорации господствующей православной церкви, в ведении которой находились сотни людей — писатели, справщики, переводчики, библиотекари, а самое главное — мощные государственные типографии. В подобных условиях соперничать с идеологическим противником в борьбе за читателя можно было лишь обратившись к испытанным дедовским методам, а именно — использовать традиционную на Руси переписку книг от руки. При этом основную работу по тиражированию книг и их распространению должен был взять на себя сам читатель».*

Писали и сподвижники Аввакума — инок Епифаний, священник Лазарь и диакон Феодор. *«За 14 лет совместного заключения в непомерно*

суровых условиях, лишённые книг, бумаги и чернил, вынужденные общаться тайно по ночам, пустозёрские узники создали около ста оригинальных публицистических сочинений, в том числе послания, “беседы”, челобитные, “толкования” на различные священные тексты, автобиографические повести и жития. Эта эмоциональная, насыщенная художественными образами литература оказала огромное влияние на русскую читательскую аудиторию, и прежде всего на многомиллионное крестьянство» (Бубнов). Но и это ещё не всё. «За период ссылки пустозёрскими узниками были не только созданы эмоциональные публицистические сочинения для народа, но и организовано своеобразное подпольное “издательство”. Тематические сборники сочинений пустозёрской четвёрки, составившиеся чаще всего коллективно, редактировались самими авторами и передавались ими для переписки искусным писцам, жившим как в самом Пустозёрске, так и в Окладниковой слободе на Мезени. Переписанные “добрым письмом” рукописные сборники часто вновь возвращались к авторам, где вычитывались и заверялись собственноручными подписями, а затем переправлялись “верным” в Москву, Поморье, и в другие места для последующей переписки и распространения» (Бубнов).

Уже осенью 1669 года из Пустозёрска с неким Поликарпом была отправлена на Русь книга диакона Феодора «Ответ православных» — от имени всей пустозёрской «четверицы». «Еже от меня и от братии дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинца, книга “Ответ православных” и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматах церковных», — говорит протопоп Аввакум, который приложил к книге подробную одобрительную «рецензию» — «Припись ведения ради сему». Это своё сочинение диакон Феодор начал писать ещё в 1667 году в Москве. В «Ответе православных» диакон Феодор выступил не только как яркий полемист, убеждённый в своей правоте, но и как глубоко начитанный в святоотеческой литературе богослов:

«И егда убо исполнися Писание, и настоящее время откры тайну во Откровении Богословле. По числу зверя 600, исполнися по римском отступлении, тогда Малая Русь отступила веры, иже глаголются униаты. И посем, егда преиде 60 лет, тогда Богу попустившу сатане свое дело совершити и великое Российское наше царство, увы, отторже сатана хоботом своим, Никоном. Тои бо волк подкраде Христово стадо, во овчей коже пришед, исперва и показася ревнуя по истинне, и тем пронырством своим добре возделанную ниву сердца Алексия Михайловича злым тернием насея, плевелами и окраде святопомазанную душу его. Не

дверию бо вниде лстивый во двор овчий, но прелез ограду священнх правил: поп бяше в мире и пострижесе, не вем где и от кого, и таковых священна правила отсекают и священнику быти възбраняют, не токмо архиерею, еще же и не по жребию Святаго Духа избран, но царем понужен незаконне. И тако неверный строитель приставлен бысть к дому Владычню, нача церковь Христову разоряти, и церковныя догматы превращати, и святыя непорочныя книги, и уставы, и чины вся церковныя святых отец опрометати, и все по своему прелагати, и начинающих ему о сих възбраняти, тех церковных чад бия, и умучая, и в далних странах заточая, а иных и без вести сотворяя, якоже преосвященнаго епископа Павла Коломенскаго, добраго пастыря, полагающаго душу свою за Христово стадо, разбойнически ободра, и никто же вестъ, како его оконча, и прочих».

Тогда же Аввакумом была послана царю Алексею Михайловичу челобитная — пятая и последняя. Обращаясь к царю, Аввакум призывает его примириться с Богом и с Церковью Христовой и оставить раскол: «И ныне последнее тебе плачевное моление приношу, из темницы, яко из гроба, тебе глаголю: помилуй едиnorodную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси с прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители; и с нами, богомольцы своими, во единой святой купели ты освящен еси; единыя же Сионския Церкви святых сосец ея нелесным млеком воспитен еси с нами, сиречь единой православной вере и здравым догматом с нами от юности научен еси».

Совершенно напрасно, пишет Аввакум, назвали его и его сподвижников еретиками и предали анафемам, ибо в таком случае подобной участи заслуживают и все прежде бывшие русские иерархи и государи, придерживавшиеся старых обрядов:

«Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во Церковь, якож блядословят о нас никонияня, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерском Жезле, а инде и предотечами антихристовыми? Не постави им, Господь, греха сего, не ведут бо беднии, что творят. Ты, самодержче, суд подымеши о сих всех, иже таково им дерзновение подавый на ны. Не вемы в себе ни следу ересей, коих пощади нас Сын Божий от такова нечестия и впредь, ниж раскольства: Бог сведетель и Пречистая Богородица и вси святии! Аще мы раскольники и еретики, то и вси святии отцы наши и прежнии цари благочестивии, и святейшия патриархи такови суть. О, небо и земле, слыши глаголы сия потопныя и языки велеречивыя! Воистинну, царь-государь, глаголем ти: смело

дерзаете, но не на пользу себе. Кто бы смел реци таковыя хульныя глаголы на святых, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, с кою правдою хочещи стати на Страшном Суде Христове пред т[мы] анг[ельскими и пред всеми племены] язык верных и зловерных. Аще во православии нашем, отеческих святых книгах и в догматех их хотя едина ересь и хула на Христа Бога и Церковь Его обрящется, ей, ради мы за них прощатся пред всеми православными, паче же за то, аще мы что от себя внесохом — соблазны или раскол — во Церковь. Но несть, несть! Вся церковная права суть разумевающим истинну и здрава обретающим разум по Христе Исусе, а не по стихиям сего мира, за ню же мы страждем и умираем и крови своя проливаем».

Аввакум пишет о близости «последних времён», прореченных Писанием. В современности он уже видит все признаки их наступления, и воистину пророчески звучат его огнепальные слова: «яко в последняя времена исправления веры и обретения истинны нигде же несть и не будет, но везде писано есть, что в последняя времена отступят веры, а не исправят ю, и исказят Писания, и превратят, и внесут ереси погибельныя, и многих прельстят. Сице везде суть в Писаниих Святых узриши. И не дивися, тако истинна. Христос Сам рече: “егда приидет Сын Человеческий, обрящет ли веру Свою на земли?”»

Отступление православного епископата и священства от древлего благочестия также воспринимается Аввакумом как явный признак «последних времён». «На се богословцы глаголют: не обря[ще]т, кроме малых избранных, забегших в горы, а во градах и селех не обрящется ни единаго православна[го] епископа и попа». На этот раз Аввакум прямо бросает царю обвинение в расколе Русской Церкви: «Здесь ты нам праведнаго суда со отступниками не дал, и ты тамо отвещати будещи сам всем нам, а льстящи и ласкающи тебе, им же судом судиша нас, тако ж и сами от Христа и святых Его осудятся, и в ню же меру мериша нам, возмерится им от Сына Божия. Несть бо уже нам к ним ни едино слово. Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит. Жаль нам твоя царския души и всего дому твоего, зело болезнуем о тебе, да пособить не можем ти, понеж сам ты пользы ко спасению своему не хочещь».

Гонения, воздвигнутые на староверов отступившим от древлего благочестия царём, Аввакум принимает со всем смирением, как и подобает истинному пастырю стада Христова: «А еже нас не велишь, умерших, у церкви погребати, и исповеди и Святых Таин лишать в животе сущих еще коих, да Христос нас не лишит благодати Своя: Той есть присно с нами и

будет, надеем бо ся на Нь крепко, и никто ж — человек смертной и тленной — отлучити нас от Него возможет, с ним бо стражем и умираем. А по смерти нашей грешная телеса наша — добро так, царю, ты придумал со властью своими, что псом пометати или птицам на растерзание отдати. Вемы бо, да и ты слышишь по вся дни во церкви, яко святым мучеником ни единому честнаго погребения не бысть от убивающих их или в темницах уморяющих, но метяху их в бесчестныя места, и в воду иных, и в ровы, и в кал, овых же и сожигали мощи, да Христос их нигде не забыл. Тако ж и нас негли не забудет надежда наша и купно с первыми соберет кости наша в последний день и оживотворит мертвенная телеса наша Духом Святым. Несть мы лутши древних мученик и исповедник — добро так нам валятися на земли! Земли же есть и добровольне себе святии отцы погребати себе не повелеша, великаго ради смирения, да большую мзду восприимут от Христа Бога. И елико ты нас оскорбляеши больши и мучишь, и томишь, толико мы тебя любим, царя, больши и Бога молим до смерти твоей и своей о тебе и всех кленущих нас: спаси, Господи, и обрати ко истинне Своей! Аще ж не обратитесь, то вси погибнете вечно, а не временно».

Кульминацией последнего послания Аввакума к царю становится описание чудесного видения, которого он сподобился на первой неделе Великого поста в 1669 году (то есть в период между 22 и 28 февраля). Это видение как бы подводит итог всей многотрудной и многострадальной жизни огнепального протопопа и показывает её в перспективе Вечности:

«Нынешня 177 году (то есть 1669 от Р.Х.), в великий пост на первой неделе по обычаю моему хлеба не ядох в понедельник, тако ж и во фторник, и в среду не ядох, еще ж и в четверг не ядше пребых, в пяток же прежде часов начах келейное правило, псалмы Давыдовы пети, прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило с дрожжи. Мне же, и лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы, понеж от Бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мне, — прости, царю, за невежество мое, — от дрожжи тоя нападе на мя мыт; и толико изнемог, яко отчаявшу ми ся и жизни сея, уже всех дней не ядщу ми дней с десять и больши. И лежащу ми на одре моем и зазирающу себе, яко в таковыя великия дни правила не имею, но токмо по чоткам молитвы считаю, и Божиим благоволением в ноци вторья недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом Бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь. Мне же, молитвы беспрестанно творящу и лествицу перебирающу в то

время, и бысть того времени на полчаса и больше, и потом восставши ми от одра лехко и поклонившуся до земля Господеви, и после сего присещения Господня начах хлеб ясти во славу Богу.

Видишь ли, самодержавне? Ты владеешь на свободе одною Русскою землею, а мне Сын Божий покорил за темничное сидение и небо и землю; ты, от здешняго своего царства в вечный свой дом пошедше, только возьмешь гроб и саван, аз же, присуждением вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачimy; так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеяну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь — Бог мне дал, якож выше того рекох. Да не первому мне показанно сице; чти, державный, книгу Палею: егда ангел великий Альтез древле восхитил Авраама выспрь, сиречь на высоту к небу, и показа ему от века сотворенная вся, Богу тако извольшу. А и ныне, чаешь, изнемог Бог? Несть, несть, той же Бог всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь».

*

Вскоре последовали новые репрессии по отношению к ревнителям древлего благочестия. Даже сосланные на край света, в заполярный Пустозёрск, не давали святые страдальцы покоя своим мучителям. В 1670 году, после того как в Москве получили челобитные Аввакума и Лазаря и «Ответ православных» диакона Феодора, присланы были царские «гостинцы»: «повесили на Мезени, — пишет протопоп Аввакум, — в дому моем двух человек, детей моих духовных, — преждереченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых». Старших сыновей Аввакума — Ивана и Прокопия — также сначала приговорили к повешению, но они «повинились» и вместе с матерью были посажены в земляную тюрьму. А вскоре и в Пустозёрск прибыл царский посланец — стрелецкий полуголова Иван Елагин с новым указом Тишайшего...

14 апреля 1670 года состоялась вторая «казнь» пустозёрских узников — Лазарю, Феодору Иванову и Епифанию вторично резали языки и рубили правые руки. Инок Епифаний сообщает: «Егда послали к нам никонияня, новья мучители, с Москвы в Пустозерье полуголову Ивана Ялагина со стрельцами, он же, приехав к нам, и взяв нас ис темниц, и поставил нас пред собою, и наказ стал прочитати. Тамо у них писано величество царево и последи писано у них сице: “Веруете ли вы в символе веры в Духа Святаго не истиннаго? И трети персты креститися хотите ли по

нынешнему изволу цареву? Аще примете сии две тайны, и царь вас вельми пожалует”. И мы отвещали ему противу наказу сице: “Мы веруем и в Духа Святаго, Господа Истиннаго и Животворящаго, а тремя персты креститися не хотим: нечестиво то”. И по три дни нудили нас всяко сии две отступныя вещи принята, и мы их не послушали. И они нам за то по наказу отрезаша языки и руки отсекоша: Лазарю-священнику — по запястие, Феодору-диякону — поперек долони, мне, бедному, — четыре перста (осмь костей)». И здесь не обошлось без чудес, о которых подробно сообщает Аввакум:

«Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало пошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Также, положя правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третьей день у него во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все, — без языка, а не болит. Дал Бог, во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнился два годы, иное чудо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступников порицая.

Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перста. И сперва говорил гугново. Посем молил Пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здешней, на воздухе; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретется во рте. Дивны дела Господня и неизреченны судьбы Владычни! — и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чудотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава Ему о всем!

Посем взяли диакона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле наось резан; тогда на той мере и зажил, а после и опять со старой вырос и за губы выходит, притуп маленько. У него же отсекли руку поперег ладони. И все, дал Бог, стало здорово — и говорит ясно против прежнева и чисто».

Эти новые казни пустозёрских узников последовали, по словам Аввакума, за их проповедь старой веры: «Указано за их речи языки резать,

а за крест (то есть за двуперстие. — К.К.) руки сечь». Инок Авраамий в своей челобитной царю так раскрывает смысл казней: «Языки резати, дабы не глаголали о истинне, и руце отсекати, дабы не писали на прелесть их обличительных словес». Диякон Феодор писал, что царь распорядился об этих казнях под влиянием «злых советников»: митрополиты Павел, Иларион и другие «духовные власти» жаловались царю на то, что пустозёрские мученики «хвастают после казни (бывшей в Москве), будто им паки Христос дал языки иныя, и говорят по прежнему ясно», и на то, что они «будто... послания писали на Дон к казакам и мир весь всколебали».

Аввакума снова не тронули, но при этом было указано «вместо смертной казни» держать его в тюрьме на хлебе и воде. Вряд ли этот шаг можно считать особой «царской милостью». Зная характер Аввакума, можно было предположить, что для него это станет не менее сильным ударом — больше всего он переживал, что его «отлучили от братии». Когда зачитывали царский указ, Аввакум «сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восемь и больши, да братья паки есть велели».

После второй казни всех узников развели по отдельным тюрьмам — «в старыя темницы», причем эти тюрьмы были превращены в «земляные» — «обрубшиа около темниц наших срубы и осыпаша в темницах землю, и тако погребоша нас живых в землю з горкими и лютыми язвами. И оставиша нам по единому оконцу, куды нужная пища приимати и дровишек принятьи», — пишет инок Епифаний. О таком новом способе заключения Аввакум сообщает в письме к Симеону со свойственной ему иронией: «Покой большой у меня и у старца милостию Божию, где пьем и ядим, тут, прости Бога ради, и лайно испряжняем, да складше на лопату, да и в окошко. Хотя воевода тут приходит, да нам даром. Мне видится, и у царя Алексея Михайловича нет такова покоя».

Но и в таких нечеловеческих условиях Аввакум и его союзники не впадали в уныние: «Таже осыпали нас землю: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; стражие же стрежасху темницу. Да ладно, так хорошо! Я о том не тужу, запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очию возвести на небо возможно, едина скважня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него же и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяся удушисься, насилу отдохнешь. А на полу том воды по колени, — все беда. От печали великия и туги неначаяхомся и живы быти, многожды и дух в телеси займетсся, яко

мертв — насилу отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест с гойтаном: нельзя мне, в грязи той сидя, носить одежды. Пускай я наг о Имени Господни, яко Мелхиседек древле в чащи леса или Иван Креститель в пещере, имея ризу от влас вельбуждь и пояс кожан о чреслах его, ядый траву с медом диким, донележе глаголу Божий бысть ко Иванну, сыну Захариину, в пустыни. И проповедаю в пустыни Иудейстей, глаголю: “покайтесь и веруйте во Евангелие”. И бысть страшен законопреступным, являясь, яко лев лисицам. Тако и здесь подобает быти в пещере сей ко отступникам о имени Иисус Христове».

Теперь узники могли общаться лишь по ночам, тайно вылезая из своих темниц через узкие окошечки и рискуя быть жестоко за это наказанными. Но и это их не останавливало. Продолжали они поддерживать связь и через охранявших их стрельцов, относившихся к ним сочувственно. Так, инок Епифаний рассказывает о том, как к нему обратился сотник с просьбой изготовить кипарисовые кресты, которые он собирался отвезти в Москву боголюбцам, но старец отослал его за благословением к протопопу Аввакуму. После того как сотник сходил к Аввакуму и получил благословение, инок Епифаний взялся за работу. Он был искусным резчиком и вырезал за 25 лет порядка 500–600 разнообразных крестов — малых и больших, поклонных и «воротовых». Благодаря его искусству поддерживали пустозёрские узники и связи с «миром»: вырезанные старцем кресты нередко служили тайниками, в которых были спрятаны адресованные «в мир» грамотки. *«Еще таинства в крестах, а грамоток в мир не чтите»*, — сообщает в письме к своим родным Аввакум. Придумал Епифаний ещё один способ передачи посланий своим единоверцам. *«И стрельцу у бердыша в топорище велел ящичек сделать, — пишет Аввакум боярыне Морозовой, — и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в бердыш... а ящичек стрельцу делал старец Епифаний».*

«Писано моею рукою грешною»

Поражает смирение, с каким Аввакум переносил выпавшие на его долю тяжкие испытания. *«Не знаю, как коротать дни, — писал он. — Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есм, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю. И мняся нечто быти, а кал и гной есм, окаянной, прямое говно. Отовсюду воняю и душою, и телом. Хорошо мне жить с собаками и со свиньями в конурах, так же и оне воняют. Да псы и свиньи по естеству, а я чрез естество от грех воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси Бог властей тех, что землю меня закрыли! Себе уже воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так!»*

Литературное творчество (если это слово вообще применимо к тому, что написано не чернилами, а кровью сердца) стало для пустозёрских узников единственной отдушиной в ужесточившихся после второй «казни» тюремных условиях. Хотя возможности творить были для них сильно ограничены. По-прежнему не хватало бумаги. *«Дорого столбец сей куплен, неколи много писать, писано же лучинкою»*, — сообщает Аввакум в своём письме к семье на Мезень. *«Писано в темнице лучинкою кое-как»*... *«Мелко писано, бумашки нет»*... *«Хотел писать, да бумаги не стало»*, — писал диакон Феодор в «Послании к сыну Максиму». И далее: *«Еще Бог прислал бумашки: пишу свидетельства от многих Святых Писаний...»* Поэтому многое приходилось сначала сочинять в уме и лишь потом, при появлении благоприятной возможности, записывать на бумаге. Но, с другой стороны, в такой сложной ситуации оттачивался стиль пустозёрских «сидельцев», отсекалось всё лишнее, второстепенное, несущественное.

Именно в этот период Аввакумом были созданы основные его произведения, и именно творчество вкупе с непоколебимою верой и ежедневным молитвенным правилом помогало ему не только выжить, но и сохранить человеческий облик, разум и память в поистине нечеловеческих условиях пустозёрского заточения.

Без сомнения, самое известное произведение Аввакума — это его автобиографическое «Житие», написанное в 1672–1675 годах по «понужению» его духовного отца инок Епифания. Обычно жития писались после смерти святых подвижников на основе преданий и воспоминаний непосредственных участников событий. Здесь же в качестве жития были представлены собственноручно написанные Аввакумом

воспоминания о своей жизни.

В биографической части «Жития» Аввакум пространно повествует о событиях нелёгкой судьбы, выпавшей на его долю и на долю всей его семьи, рассказывает о различных этапах своей многотрудной жизни, о вынесенных тяготах и мытарствах, о необыкновенных видениях и чудесах, бывших с ним, живописует сложную обстановку религиозных споров в русском обществе середины XVII века. Он создаёт выразительную галерею лиц разных сословий (от царя и патриарха до крестьян), которые непосредственно соприкасались с автором на разных этапах его жизненного пути. «Житие» протопопа Аввакума представляет собой новую страницу в истории русской литературы в целом. Будучи строгим традиционалистом в церковной области, Аввакум выступает в области литературы как новатор. Прежде всего на фоне предшествующей литературной традиции выделяются его стиль и поэтика. Язык Аввакума — подчёркнуто разговорный («*занеже люблю свой русский природный язык, виршами философскими не обыкл речи красить*»). Он лишён утончённых изысков, но при этом удивительно точен, правдив и впечатляюще образен. Аввакум широко использует народную речь даже в сюжетах, затрагивающих вопросы догматики. По ходу довольно пространного повествования он свободно варьирует приёмы рассказа, внутреннего диалога и полемики.

«Житие» сохранилось в трёх авторских редакциях, две из которых дошли в автографах (один найден В.Г. Дружининым, другой — И.Н. Заволоко). Существует также найденный В.И. Малышевым Прянишниковский список — отредактированный в XVIII веке текст самого раннего варианта «Жития», не дошедшего до нашего времени, и две позднейшие переработки произведения.

Этот, без сомнения, выдающийся памятник древнерусской литературы и одновременно старообрядческой богословской мысли был опубликован лишь в 1861 году. До этого «Житие» распространялось в рукописных списках, которые тайно переписывались в старообрядческих монастырях и скитах. Главное произведение Аввакума представляет величайшую ценность и как свидетельство о жизни священномученика и исповедника древлеправославной веры, и как исторический источник, характеризующий русское общество середины XVII века в его отношении к Никоновым новинам. Творчество протопопа Аввакума оставило заметный след в русской литературе и культуре XIX–XX веков. О нём неизменно высоко отзывались такие разные писатели, как Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, В.М. Гаршин, И.А. Гончаров, Н.С. Лесков, Н.Г.

Чернышевский, И.А. Бунин, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.М. Горький, С.В. Максимов, Л.М. Леонов, А.Н. Толстой и другие. Аввакумовское «Житие» было переведено на многие языки мира.

В те же годы, что и «Житие», Аввакумом была написана «Книга бесед». В ней нашли отражение его взгляды на современные события. «Книга бесед» включала в себя 10 глав: 1. Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания; 2. Об образе Креста Христова; 3. Об иноческом чине; 4. Об иконном писании; 5. О внешней мудрости; 6. О днях поста и мясоствия; 7. О старолюбцах и новолюбцах; 8. Об Аврааме. 9. Толкование на 87–88 зачало Послания к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна; 10. Беседа о наятых делателях. В старообрядческой среде «беседы» Аввакума объединялись в сборники, но ни один из них не содержит полного текста. Эти беседы Аввакум по мере написания отправлял вместе с сопроводительными письмами своим единомышленникам — «*всем горемыкам миленьким на всем лице земном*», «*старице Мелании с сестрами и подначальною Анисьею*», «*тричисленной единице*» (Морозовой, Урусовой и Даниловой).

«В этом сочинении, — пишет А.Т. Шашков, — ...церковная реформа предстаёт как возврат от евангельского учения к ветхозаветным установлениям и порядкам, происшедший под влиянием римлян и греков, в разное время отступивших от “истины”, что и является предвестием Второго Пришествия и Страшного Суда. В условиях открытого наступления зла, когда особенно остро встаёт необходимость выбора пути (“узкого” — к Богу, “широкого” — к диаволу), человек, несмотря на его двойственную природу, всё же способен проявить свою подлинную сущность, предпочтя греховному миру, захваченному антихристом, духовное делание в доме Бога».

Аввакум призывает своих единомышленников — «малых избранных» — хранить истинную веру и не бояться телесной смерти:

«...Молю убо аз, юзник, вас всех страждущих о Христе: претерпим мало здесь от никониян, да Бога вечно возвеселим. С Ним и мы возрадуемся: ныне же в зеркале и в гадании, таможе со Христом лицом к лицу. Ныне нам от никониян огонь и дрова, земля и топор, и нож и виселица; тамо ангельския честь, и вечное возрадование. Яра ныне зима, но тамо сладок Рай. Болезнено терпение, но блаженно восприятие. Да не смущается сердце ваше и устрашается. Слышите Господем реченное: “блажени плачущии, яко тии утешатся” ^[70], и: “многими скорбьми подобает нам внити в Царство Небесное” ^[71]. Не начный блажен, но

скончавый: “претерпевый до конца, той спасен будет” ^[72]. Всяк верный не развешивай ушей тех и не задумывайся: гряди со дерзновением во огонь и с радостью Господа ради постражи, яко добр воин Исус Христов правости ради древних книг святых! И мы с тобою же, вкупе Бога моля и Пречистую Владычицу нашу Богородицу и всех святых, уповаем, конечно: не оставит нас Господь и Богомати. Аще они нас и мучат и губят, а сами дрожат; шлюсь на их совесть нечистую. А праведник, уповая, яко лев рыкая, ходит, не имать попечения ни о чем, токмо о Христе. Станем, братие, добре, станем мужески, не предадим благоверия! Аше и покушаются никонияне нас отлучити от Христа муками и скорбми: да статочное ли дело избидить им Христа? Слава наша Христос, утвержение наше Христос, прибежище наше Христос».

В 1673–1676 годах появляется ещё одно крупное произведение Аввакума — «Книга толкований», адресованная его земляку и любимому ученику Симеону Ивановичу Крашенинникову (иноку Сергию). В неё вошли толкования на псалмы, на книги Притчей, Премудрости Соломоновой, пророка Исаяи, а также оригинальное аввакумовское сочинение «Что есть тайна христианская, и как жити в вере Христове». Сквозь призму ветхозаветных текстов Аввакум показывает события современности и тем самым даёт им духовную оценку.

В пустозёрской ссылке Аввакум (вероятно, под влиянием бесед с диаконом Феодором) начинает прозревать относительно истинного виновника церковной реформации в России. Толкуя в яркой образной манере псалмы и одновременно проецируя их на современную ему действительность, Аввакум обращается к самому царю и призывает его покаяться за все те злодеяния, виновником которых он стал, начав церковную реформу. «Также бы нам надобно царя тово Алексея Михайловича постричь беднова, да пускай поплачет хотя небольшое время. Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня, облетая по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бо их поглотить и во ад с собою свести. Но спаси его, Господи, имиже веси судьбами Своими, Христе...»

Ожидая, что Алексей Михайлович покается и вновь обратится к истинной вере, Аввакум, подобно ветхозаветному пророку Нафану, указывает царю всё ещё открытый для него путь покаяния, напоминая на примере царя Давыда и жителей Ниневии о безграничном милосердии Божиим:

«Хощеши ли, ин путь тебе покажу? Взри на невивтян. В три дни милость Божию к себе привлекли сицевым образом. Глагола Господь ко

пророку Ионе с повелением: “иди и проповеждь ниневитяном, да покаются, понеже грехи их внидоша во уши Моя; аще ли ни, погибнут пагубою”. Иона же, ведав Божие милосердие, яко милостив бывает кающимся, не восхоте в Неввию итти, но седше в корабль и в Фарсис побеже, да же не солжется пророчество. Став же корабль непоступно на пучине морстей, ветру велию дышущу. Иона же навклиром, еже есть кораблеником, рече: “вверзите мя в море, понеже мене ради не поступит корабль”. Егда же вовергоша, и повеле Бог киту великому, да пожрет его. И бысть три дни и три ноци во чреве китове, прообразуя Христово тридневное погребение в сердцы земли. И принесе его кит жива к Ниневию, граду великому, ему же обхождение седьмь дней. В книгах Ионы пророка, в Библии писано. Егда же испусти его зверь, он же проповеда людям, глаголя: “аще не покаетесь, тако глаголет Господь, в три дни погибнете”. И изыде на поле, седе под смерчем, ожидая граду погубления. Людие же умилишася и с сущими младенцы сосцы матери три дни постишася и плакавшие грех своих, во вретница облекошася и перстию главы своя посыпавше, и скоту не даша пици и пития. Много их бысть, иже не познаша десницы и шуйцы, больши дванадесяти тем, — сиречь робят тех столько, а старых тех и гораздо много. И виде Бог умиление и покаяние их, раскаявся Владыко и помилова их. Пророк же оскорбися, яко не сбысться пророчество его и уснув, сидя под смерчем, — сиречь древца некакие, — и он, милой, с кручины взвалился под куст и уснул. И възыде об ноць тыковъ над главою его, красна и лепа. Он же возрадовахся и возвеселихся о ней. И повеле Господь червю ночному подгрызти: и изсше из корени. Пророк паки оскорбися о ней. И глагола ему Господь: “како ты, Иона, ни садил, ни поливал тыковъ сию, — об ноць возрасте, об ноць и погипе, а скорбию великою оскорбился еси о ней? Кольми же в Ниневию людии Мои, иже не познаша десницы и шуйцы, больши паче, нежели дванадесят тем, вси оскорбишася и притекоша ко Мне”. Виждь, человеце, како любит Бог покаяние грешников, понеже праведника пророка тешит, а грешных милует. Прибегнем к Нему, милостивому Богу и Спасу нашему, и не отчаем своего спасения».

Однако после возобновившихся в 1670 году репрессий отношение Аввакума к царю резко изменилось. Теперь он называет Тишайшего и его будущего преемника на престоле не иначе как «антихристовыми рогами», то есть предтечами антихриста, который должен будет вскоре явиться в мир. В письме к Симеону Крашенинникову Аввакум пишет о посмертной участи гонителя христиан нечестивого царя Максимиана, за которым недвусмысленно вырисовывается личность Алексея Михайловича:

«А мучитель ревет в жупеле огня. На-вось тебе столовые, долгие и безконечные пироги, и меды сладкие, и водка процеженная, с зеленым вином! А есть ли под тобою, Максимиян, перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твоё здоровье, чтобы мухи не кусали великаго государя? А как там срать тово ходишь, спальники-робята подтирают ли гузно то у тебя в жупеле том огненном? Сказал мне Дух Святый, нет-де там уж у вас робят тех, все здесь остались, да уж-де ты и не серешь кушенья тово, намале самого кушают черви, великаго государя. Бедной, бедной, безумное царишко! Что ты над собою сделал! Ну, где ныне светлблещающися ризы и уряжение коней? Где златоверхие полаты? Где строение сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен? Где жезл и меч, им же содержал царствия державу? Где светлообразныя рынды, яко ангели, пред тобою оруженосны попорхивали в блещащихся ризах? Где вся затеи и заводы пустошнаго сего века, о них же упражнялся невестягнувенно, оставя Бога и яко идолом бездушным служаше? Сего ради и сам отриновен еси от лица Господня во ад кромешной. Ну, сквозь землю проподай, блядин сын! Полно христиан тех мучить, давно тебя ждет матица огня!»

Эпистолярное творчество составляет значительную часть литературного наследия протопопа Аввакума. Его взгляды на современность и на современников нашли отражение в челобитных царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу, в посланиях и письмах семье, Ф.П. Морозовой, Е.П. Урусовой и М.Г. Даниловой, царевне Ирине Михайловне, игумену Феоктисту, юродивому Афанасию (иноку Авраамии), Маремьяне Феодоровне, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, Алексею Копытовскому, отцу Ионе, старице Капетолине, Борису и «прочим рабам Бога Вышняго», «отцам святым» и «преподобным маткам», «отцам поморским», «верным», «горемыкам миленьким» и т. д.

В пустозёрских посланиях Аввакума к единомышленникам и духовным чадам поражает особенность, подмеченная ещё одним из первых его биографов В.А. Мякотиным, особенность, вообще присущая всей жизни огнепального протопопа — как человека и как духовного отца. «Как в догматических и полемических произведениях Аввакума выступают наружу его недюжинная эрудиция и диалектические способности, как его проповедь и поучения отличаются своей простотой, меткостью наблюдений и энергией выражения, так в наставлениях, обращённых им к ближайшим своим ученикам, крупную характерную черту составляет глубоко любовное отношение к ним, поразительная деликатность в

обращении с чувствами человека. Он так мягко и нежно дотрагивается в этих случаях до душевных ран человека, так умеет соединить порицание и даже наказание с ободрением и поддержкой, что в нём пришлось бы признать замечательно тонкого психолога, если бы для объяснения этой нравственной чуткости у нас не имелось более простого пути в признании его человеком с богато развитой духовной организацией, с глубоко любящим сердцем».

Обращаясь к боярыне Морозовой, потерявшей единственного сына Ивана, Аввакум сумел найти самые нежные, трогающие душу безутешной матери слова, когда та уже томилась в боровской земляной тюрьме:

«Увы, чадо драгое! Увы, мой свете, утроба наша возлюбленная, — твой сын плотской, а мой духовной! Яко трава посечена бысть, яко лоза виноградная с плодом, к земле приклонился и отъиде в вечная блаженства со ангелы ликовствовати и с лики праведных предстоит Святей Троицы. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебе уже неково чотками стегать и не на ково поглядеть, как на лошади поедет, и по головки неково погладить, — помнишь ли, как бывало? Миленькой мой государь! В последнее увидился с ним, егда причастил ево. Да пускай, Богу надобно так! И ты небожно о нем кручинься. Хорошо, право, Христос изволил. Явно разумеем, яко Царствию Небесному достоин. Хотя бы и всех нас побрал, гораздо бы изрядно! С Феодором там себе у Христа ликовствуют, — сподобил их Бог! А мы еще не вемы, как до берега доберемся».

Даже осуждая своих духовных чад за тяжкие грехи и налагая на них суровую епитимью, Аввакум вместе с тем заботится о том, чтобы в их душах не поселилось уныние — ещё более страшный грех. Подобное отношение, несомненно, привлекало к Аввакуму многих, и многие, видя, такие отношения духовного учителя и учеников, обращались к отстаиваемой ими старой вере. *«Насколько резкие обличения “никонианства” и смелая проповедь привлекали людей к расколу, настолько же эти заботы об учениках, нежность в обращении с ними, деликатное врачевание душевных скорбей их, вся эта особая чуткость к страданию другого человека должны были прочными узами приковывать к Аввакуму сердца его учеников»* (Мякотин). Так некогда первые христиане служили для язычников примером истинной любви, и многие язычники, видя такую нелицемерную любовь христиан друг к другу, принимали христианство.

Большое внимание в своих посланиях «верным» уделяет Аввакум такому непростому вопросу, как вопрос об отношении к таинствам реформированной новообрядческой церкви. Здесь его первоначальная позиция была не вполне последовательна в силу беспрецедентности самой ситуации, сложившейся в Русской Церкви после отступления епископата от древлеправославия. Первоначально Аввакум, отрицая действительность таинства рукоположения в новообрядческой церкви священников и уча паству прибегать в силу необходимости к всевозможным обманам при контактах с ними, тем не менее ещё в 1669 году не только разрешил своим духовным детям ходить в те храмы, где новопоставленные священники служили по старым книгам, но и позволял им брать таких священников в духовники.

Однако со временем Аввакум высказывается всё более определённо относительно безблагодатности совершаемых в новообрядческой церкви таинств. Характерным в этом смысле представляется коллективный ответ, составленный пустозёрскими мучениками протопопом Аввакумом, диаконом Феодором и иноком Епифанием на вопрос некоего Иоанна о священстве. В ответе все никонианские попы делятся на «студных» и «мерзких» (здесь прямая отсылка к Ветхому Завету — по аналогии с жрецами Ваала, истреблёнными пророком Илией). К «студным» относятся те жрецы Ваала, которые имели законное священническое достоинство ранее отпадения от веры царя Ахава (в применении к никонианам — попы старого, древлеправославного рукоположения); «мерзкие» — это Вааловы жрецы, поставленные, когда Ахав был уже идолопоклонником (соответственно, применительно к новообрядческой церкви — попы, получившие сан при Никоне после мора и особенно после Большого Московского собора 1666–1667 годов). И если дозволялось (и то только в случае крайней нужды!) принимать таинства от попов первой категории, то попы второй категории, как поставленные незаконными архиереями, по мнению авторов ответа, *«не священни суть, кононному суду подлежат и анафеме»*, от них повелевается *«православным христианом ни благословения приимати, ни крещения, ни молитвы, и в церкви с ними не молитися, ниже в домах»*. Они «самовластно отсекись от церковнаго исполнения» и представляют собой «часть антихристово войска».

Особенно ярко проявилось отношение протопопа Аввакума к таинствам реформированной церкви в послании к Маремьяне Феодоровне.

«Зело Богу гнусно нынешнее пение (то есть новообрядческая служба. — К.К.), — пишет Аввакум своей духовной дочери. — Грешному мне человек доброй из церкви принес просфиру и со крестом Христовым. А поп, является, по-старому поет, до тово пел по-новому. Я чаял, покаялся и перестал, ано внутрь ево поган. Я взял просвиру, поцеловал, положил в уголку, покадил, хотел по причастии потребить. В нощи той, егда умолкнуша уста моя от молитвы, прискочиша беси ко мне, лежащу ми, и един завернул мне голову, рек мне: “сем-ко ты сюды!” — только и дыхания стало. Едва-едва умом молитву Исусову сотворил, и отскочил бес от меня. Аз же охаю и стону, кости разломал, встать не могу. И кое-как встал, молитвуя довольно, опять взвалился и мало замгнул. Вижду: у церкви некия образ, и крест Христов на нем распят по-латыне, неподобно, и латынники молятся тут, приклякивают по-польски. И мне некто велел той крест поцеловать. Паки нападоша на мя беси и утрудиха мя зельно и покинуша. Аз же без сна ночь ту проводих, плачючи. Уразумех, яко просвиры ради стражду, выложил ея за окошко. Не знаю, что над нею делать — крест на ней! И лежала день. В другую ночь не смею спать, лежа молитвы говорю. Прискочиша множество бесов, и един сел с домрою в углу на месте, где до тово просвира лежала. И прочии начаша играти в домры и в гутки. А я слушаю у них. Зело мне груско, да уже не тронули меня и исчезли. Аз же, востонав, плакався пред Владыкою, обещался сожечь просвиру. И бысть в той час здрав. И кости перестали болеть, и во очию моею, яко искры огнены, от Святаго Духа являхуся. И в день сжег просвиру, и пепел за окошко кинул, рекше: “вот, бес, жертва твоя, мне не надобе”. И в другую ночь лежа по чоткам молитвую. Вошел бес в келию мою и ходил около меня. Ничево не сделал, лишо из рук чотки вышиб, и я, подняв, опять стал молитвы говорить. И паки в день с печалию стих лежа пою: “и печаль мою пред Ним возвещу, услыши ны, Господи!” И бес вскричал на меня зело жестоко. Аз вздрогнул и ужасся от него. И паки в ыную ночь, не вем как, вне ума, о просвире опечалился и уснул, и бес зело мя утрудил. С доски сваясь на пол, пред образом немощен, плачючи Никона проклял и ересь ево. И паки в той час здрав бысть».

Относительно «попов-нови́ков», то есть священников нового поставления, Аввакум писал, что если они «крепкие ревнители», то их можно принимать, но чтобы они при этом не служили литургию. Фактически это уравнивало их с мирянами. «Допускается совершение треб и таинств как новопоставленными попами, так и простыми людьми; в сущности, разницы между теми и другими не особенно много, так как перешедшие к старолюбцам новики представляются не более как

престецами, и, лишившись иерархии, старолюбцам поневоле пришлось признавать возможность обходиться без неё» (Бороздин). Само по себе признание возможности священнодействовать без благословения от православного епископа было уже первым шагом по пути к беспоповщине. «И дети, — писал Аввакум, — играюще на камени, певше литургию, и бысть жертва. Кольми ж в неимущее время плачущему послет Бог Духа Святаго освятити дары, или в крещении и в венчании, или ино что от таковых. И престолюдин плачуще призовет Духа Святаго, и будет ему, аще речет: всяк бо просяй примет и ищай обрящет, — Сам рече Владыка. Ныне еще перебиваемся кое-как, а тогда (то есть при антихристе. — К.К.) нужно будет не токмо церкви, но и книг православных; но и пошевелить губами нельзя, разве сердцем держатися Бога». Тем самым, вполне логично, протопоп Аввакум приходил к оправданию беспоповской практики. «Не всех Дух Святой рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует», — повторял он.

Впрочем, нельзя сказать, что практика бессвященнословной службы была для православной традиции каким-то новшеством. «Беспоповщинская» практика была распространена на Руси «с незапамятных времён, чуть не с самого начала христианства... — именно с той поры, когда выступают здесь простые иноки, подобные Кукуше, и наряду с духовенством являются распространителями Церкви и представителями её среди язычников» (Вознесенский). По причине огромных пространств и крайней малочисленности священства жители многих областей (особенно на Русском Севере) привыкли в своих религиозных нуждах обходиться без священников и без храмовых богослужений. Так, церкви они заменяли часовнями, церковную службу — часовенной или келейной, священника — заходим старцем-иноком, а то и просто грамотным благочестивым мирянином.

Одновременно развивался церковный устав, приспособленный к этим условиям. Это был так называемый келейный устав, из которого впоследствии произошёл устав скитский, то есть устав службы домашней. В нём чинопоследования разных церковных служб (за исключением всеобщего бдения и литургии) были приспособлены к отправлению их одним лицом в его келье, даже если это был простой инок, не имевший священного сана. Келейное правило, возникшее ещё на христианском Востоке, приобрело в жизни древнерусского подвижника первостепенную важность. Оно помещалось во всех Уставах, Псалтырях, Часовниках, Канониках, Старчествах, Сборниках и других богослужебных и учительных книгах. Постепенно келейное правило превратилось в

скитский устав, по которому совершали службы многие монахи, особенно старчествающие и отшельники. А кое-где службы по скитскому уставу совершались даже в целых общинах.

В послании к отцу Ионе Аввакум в соответствии со скитским уставом подробно пишет о том, какие молитвы можно произносить простому иноку или простолюдину, а какие не следует. *«Простому иноку не подобает глаголати “Благословен Бог наш” и “Боже, ущедри ны”, но “За молитв святых отец наших”, также Трисвятое, и прочая, и Канон за единоумершаго, также панахида, и кадить кадилом; також поет и молебен, емуж хошет, говорит каноны со Евангелием, и кончает по Трисвятом тропарь, и 40 “Господи помилуй”, или 100, ектеней же не глаголет, но “Честнейшую” и “Слава и ныне, Господи, помилуй” 3, да молитвою и кончает».*

Вместе с тем церковные правила позволяли мирянам в случае нужды совершать некоторые из таинств, в частности крещение и исповедь. В послании к сибирской братии протопоп Аввакум писал: *«Есть бо сицева правила, — повелевают и простолюдину крестити, по нужди, и простому иноку. “Аще простой инок или простолюдин крестит, по нужде, болящяго, и умрет крещеный, благодать таковаго совершит, и будет крещен; аще ли оздравеет, да несут его в церковь, и довершит его священник, поставя в купель и молитвы вся глаголет и прочая по вышереченному”. Виждь, велено и простолюдину крестить по нужди: кольми же ныне из нужди наша нужда. Судихом бо и повелеваем о Святем Дусе самем православным крестити и молитвы говорить, а ко отступником осквернятся не ити. Есть и се писано: лучше не помолитися, нежели зле помолитися, умереть не причастяся, нежели сквернаго агньца приобщитися».*

В переписке Аввакума с единомышленниками поднимались и обсуждались вопросы, которые впоследствии станут предметом самых ожесточённых споров в среде старообрядчества — в частности, вопрос о молении за царя и вопрос о браке. Аввакум решал эти вопросы со свойственной ему взвешенностью и жизненной мудростью, руководствуясь при этом церковными правилами. Так, в послании к отцу Ионе по поводу молитвы за царя Аввакум пишет:

«А иже в тропаре Кресту: “Победы благоверному царю даруй на сопротивныя”, и о сем суетное словопрение: которой благоверен, о том Церковь и молит, а которой зловерен, тому и ничево.

А молитися и о зловерном надобно; Златоуст повелевает и в Беседах Апостольских и в Маргарите на иудея в Слове; молитися о обращении и всех никониян, — не согрешити. Я бы хотел и дияволу в чувство прити, да

не может старая мерзость быти нова; а никонияня братия наша были, и украл их тать диявол. Проси Бога, да отъимет у него плоть и душу одушевленную и сочетает ко Святей Церкви Своей. Егда ж умрет в нечестии, тогда не стужати о нем Божеству, пускай ево к чертям пойдет; а о живых молись и уповай, яко силен Бог всех спасти.

Егда и о царе-отщепенце молился, благоверным его не нарицай, но просто имя рцы: “Спаси, Господи, царя, имрека”, или “Победы царю, имяреку, на сопротивныя даруй”, сиречь на бесовы и на дьяволы, да и прочая по тому же о обращении их, на просвиромисании и везде.

А буде, совестью угнетаем, не можешь на имя царя и патриарха просвирцы вынять, понеже оттекли от телесе Церкви, и ты о благоверных князех вынимаи и о священстве безъимянно».

Вопрос о браке обсуждается в письме к попу Исидору. В связи с падением епископата и оскудением священства невольно возникал вопрос о возможности христианского брака, который должен быть благословлён Церковью. Некоторые старообрядцы (в том числе и поп Исидор) стали склоняться к мысли о том, что в наступающие «последние времена» брак невозможен, а потому следует воздерживаться от него. Это мнение, опираясь на авторитет Священного Писания, Аввакум подверг резкой и обоснованной критике.

«Исидор! — обращается он к своему адресату. — Веси ли ты, почто х Коринфом апостол послание пишет? Аль не помнишь? Ино аз о Христе помню. А то такие же суесловцы, что и ты, изветом благоверия возбраняюще женитву и брачное совокупление, взимахуся разумы своими.

Уведав же, апостол Павел пишет к ним о женитве, убо не распряженну быт сопряжению, и на время точию воздержатися молитвы ради, сиречь в праздники и посты. А еже кто изволит воздержание, пишет о девстве, яко не по нужи, но по изволению сему быт подобает. Прочти в первом послании, глава 7, зач. 136: уж-жо тебе сором апостола — тово будет.

Вот Павел, блуда ради, жену свою велел держать, а жене мужа. Полно ж ковырять тово, — по содомски учиши жить, или Кваковскую ересь заводишь.

А обвенчал, где ни буди, православно, ино и добро: коли уж нужда стала, и изба по нуже церковь. Не стены, но законы церковь, Златоуст пишет, ниже место, но нрав. На всяком месте владычество Его: благослови, душе моя, Господа! А буде не возможно обрести церкви, а опоганено православное священство: ино молитву проговорил, да водою покропил, да и ладно, — действуй! А после тебя Бог волен и с нею. Есть и

то писано: “скверное святится, а святое скверно не бывает”».

Наконец, к Аввакуму обращались за разрешением ещё одного крайне сложного вопроса, вызывавшего споры и недоумения в среде староверов. Это был вопрос о так называемых горях, или массовых самосожжениях, прокатившихся по всей стране.

Церковные историки XIX века видели в «горях» склонность староверов к самоистреблению и даже преступление против христианских заповедей, светские же историки пытались всё свести к слепому фанатизму. Однако в свете выявленных в недавнее время архивных документов ситуация представляется совершенно иной.

Самосожжения были напрямую связаны с резким обострением гонений в 70–80-е годы XVII века. Сведения о первых «горях» относятся ещё к 1665 и 1666 годам. Начавшись в Поволжье, волна массовых самосожжений вскоре достигла Северо-Запада, докатившись до Онеги и Белого моря, и пошла далее на восток. В 1671 и 1672 годах массовые «гари» имели место близ Нижнего Новгорода. 6 января 1679 года в Сибири сгорели настоятель Тюменской пустыни поп Доментиан (знакомый Аввакума по сибирской ссылке) и все его 1700 сподвижников. «Гари» являлись порою единственным выходом в той безвыходной ситуации, в которую были поставлены последователи древнего благочестия, ведь староверы поджигали свои избы только в том случае, когда их поселения были окружены воинской командой. Если староверы попадали в руки солдат и отказывались переменить свои убеждения, их не ожидало ничего иного, кроме смертной казни в том же горящем срубе после долгих изощренных пыток и насильственного «причащения» посредством специального «кляпа». Так что выбор был только один: сгореть в срубе, сохранив верность Христу, или сгореть в срубе, отрёкшись от Христа. Для огромного множества русских людей, оставшихся верными древлеправославию, второй путь был неприемлем.

В своём послании к Симеону Крашенинникову протопоп Аввакум высказывает своё одобрительное отношение к «горям», но видит в них отнюдь не средство душевного спасения, а порою единственный способ «урываться» из рук «безбожных мучителей». Вспоминая о начале церковного раскола в России, Аввакум пишет:

«И оттоле двадесяте три лета и поллета и месяц по се время беспрестани жгут и вешают исповедников Христовых. Оне, миленькие, ради Пресветлыя и Честныя, и Вседетельныя, Пренеисчетныя и Страшныя Троица несытно пуще в глаза лезут, слово в слово яко комары или мушцы. Елико их больше подавляют, тогда больши пищат и в глаза

лезут. Так же и русаки бедные, — пускай глупы! — ради: мучителя дождались, полками во огонь дерзают за Христа, Сына Божия, Света. Мудры блядины дети греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают рафленья курки. Русачки же миленькия не так: во огонь лезет, а благоверия не предает. В Казани никонияня тридесять человек сожгли, в Сибире столько же, в Володимере шестеро, в Боровске четыренадесять человек; а в Нижнем преславно бысть: овых еретики пожигают, а инии, распальшеся любовью и плакав о благоверии, не дождався еретического осуждения, сами во огонь дерзнувше, да цело и непорочно соблюдут правоверие. И сожегше своя телеса, душа же в руце Божии предаша, ликовствуют со Христом во веки веком, самовольны мученички, Христовы рабы. Вечная им память во веки веком! Добро дело содеяли, чадо Семионе, надобно так. Рассуждали мы между собою и блажим кончину их».

В связи с «гарями» возникал очень важный с точки зрения церковного сознания практический вопрос: можно ли поминать на панихидах скончавшихся таким образом православных христиан или же их следует считать самоубийцами, а потому не удостаивать церковного поминовения? Отвечая на этот вопрос, Аввакум прежде всего обращается к церковному преданию, ища аналогичные случаи в истории раннего христианства.

В послании к сибирской братии для оправдания охвативших страну «гарей» Аввакум приводит множество аналогичных примеров из Пролога и других сочинений, в которых самоубийство во имя веры совершали христианские святые, мученики и праведники:

«Святая мученица Соломония, после мучения детей своих, не дождавшись рук человеческих нападения, помолившись Богу, и в разжегшуюся сковраду себе вверже, и тако Богу дух свой предаде. В книге Максима Грека писано: и седьмый сын, меньший, во огонь себя рину.

Мар[та] 22: при Трояне царе, виде дщи царева, яко кождо от христиан, веры ради и любве Христовы, вревают сами себя в пещь.

Октяб[ря] 4: о Домнине мученице со дщерьми ея: утаишася от воин, ядущим им хлеб, и, молитвы сотворше, наскоре внидоша в реку; тако и оставиша себе, вдашася струям водным, и тако скончашася, разсудивше же, яко любве ради Христовы лучше есть водою утопитися, нежели беззаконным в руце вдатися.

Зерцал Великое, глав 21: о жене, иже не восхоте ложа осквернити, сама ся зареза, при царе Максентии; имя ей Софрония, старосты Римскаго жена.

Рязанская княгиня со младенцем с высокия храмины бросилася, так и

скончася, не восхоте злочестивому царю Батью предатися.

Ноября 13: святыя мученицы Манефы девицы: мучена же бысть, и по многих муках освобождена бысть; последи же в разженую пещь сама вниде в ню, тако и скончася.

В житии Арефы мученика пишет: жену некую мучаша нечестивый царь, а младенца ея вдаде боярину на воспитание; и ведяше его за руку боярин, и узре на пути мать мучиму, отторжесе из рук, и убежа к матери во огонь; тако и скончася за Христа мученик Христов».

*

Что касается полемического произведения, известного под названием «Книга обличений, или Евангелие вечное», то вопрос о его авторстве — далеко не однозначный. Во-первых, книга эта дошла до нас фрагментарно в единственном списке XVIII века, и не сохранилось ни одного автографа этого произведения. Во-вторых, некоторые мысли, высказываемые в книге, вряд ли могли принадлежать Аввакуму.

Это произведение принято связывать с так называемыми догматическими спорами протопопа Аввакума с диаконом Феодором, разгоревшимися в пустозёрском заточении вскоре после второй «казни». Стало общим местом (особенно в новообрядческой миссионерской литературе) приписывать Аввакуму какие-то еретические мысли, высказываемые им в этом споре. Так, например, заявляют, что он якобы отрицал единосущность Святой Троицы, поскольку утверждал, что в Святой Троице — три существа, «три цари небесные», каждому из которых принадлежит «особое седение»; якобы он отделял Христа от третьего Лица Святой Троицы, или «четверил» Её; якобы Аввакум утверждал, что в третий день после смерти «воста Сын Божий, сниде телом и душою во адово жилище» и некоторые другие мнения.

Это полный бред. Все подобные мнения были приписаны Аввакуму «обличителями раскола». Так, вырванные из контекста отрывки и цитаты из «Книги обличений» и других «еретических» сочинений Аввакума приводятся в пресловутом «Розыске о раскольничьей брынской вере» митрополита Димитрия Ростовского, в «Пращице» Нижегородского архиепископа Питирима, в сочинениях основателя Саровской пустыни иеросхимонаха Иоанна, протоиерея А.И. Журавлёва, бывшего беспоповца Г.Яковлева, всячески пытавшегося очернить староверов и выслужиться перед своими новыми хозяевами. Однако хорошо известно, что эти

«обличители», когда все аргументы у них были исчерпаны, не брезговали прибегать к самым грубым подлогам и фальсификациям. В своё время имел место случай с «Соборным деянием на еретика Мартина» и Феогностовым требником. Эти произведения были написаны для борьбы со староверами в начале XVIII века и выдавались за древние рукописи. Но подлог вскоре был обнаружен выдающимся старообрядческим богословом и первым русским палеографом Андреем Денисовым, доказавшим, что текст написан по соскоблённому, начертания букв не соответствуют древним, а листы пергамента переплетены заново.

Авторы «Розыска о брынской вере» и «Пращицы» приводят цитаты из так называемых Аввакумовых писем, которые якобы объявились в Нижегородских лесах на Керженце в старообрядческом Онуфриевском скиту. Здесь произведения Аввакума действительно пользовались огромной популярностью. Однако известно и то, что ходило немало подложных сочинений, приписываемых Аввакуму. Евфросин, автор «Отразительного послания» 1691 года, писал: *«Где увидите письмо, надписание имьи Аввакума, не верьте тому. Мне не един уже покался, “аз-де многих прещал, сложа писмо сам, как знаю, и подписал Аввакумово имя”»*. Впоследствии керженские старообрядцы отвергли эти письма как «подмётные» и ложные.

Известный старообрядческий богослов и историк XVIII века Симеон Денисов назвал клевету на Аввакума «неистинным баснословием». Логика его рассуждений предельно ясна и неопровержима: *«Аще “Пращицы” списатель неправедными наношеньми неистинныя баснословия шивати на вседобляго тщится, аки о Троице неправдомудрствующа вменяет, но разрешается отсюда наношение неправды. Колико убо всепредоблий сей име разглагольствий, колико сопрений, колико о вере состязаний с Никоном, со архиереи, со вселенскими патриархи, и ни един от сих порече того, или обличи. И не токмо сии, но и послежде не быша умолчали. А понеже вси сии ниже до мала о сем зазреша или прорекоша, явственно есть, яко солгаша по причти общеглаголаня: ничтоже тако удобнейше есть солгати, якоже на умершаго»*.

Действительно, до наших дней дошло большое количество архивных материалов XVII–XVIII веков о старообрядцах. Известно, как тогда велись следствия и допросы «с пристрастием» о вере. Велись допросы и в Пустозёрске в 1670 году. Но нет даже намеков на то, что Аввакум неправильно учил о Святой Троице. *«В подлинных сочинениях Аввакума, — писал известный ученый Иван Никифорович Заволоко, открывший миру один из автографов аввакумовского «Жития», — никаких “отступлений”*

от догматического богословия мы не находим, в вопросах догматики протопоп Аввакум был традиционалистом. Он был достаточно начитан, в своих сочинениях он постоянно ссылается на святых отцов Церкви Христовой: Афанасия Александрийского, Василия Великого, Иоанна Златоустого и др. Протопоп был знаком с их учением о Святей Троице и другими основами христианства».

Всё православное богослужение — это догматическое богословие в чтении и пении. Протопоп Аввакум с детских лет прекрасно в нём разбирался и мог «разумно» истолковать сложнейшие места богослужебных текстов. Ежедневно читал он Символ православной веры, в котором утверждается Единосущность Лиц Святой Троицы, и нужно обладать очень сильным, или, скорее, сильно извращённым воображением, чтобы приписывать Аввакуму проповедь троeboжия или несторианства.

Достаточно прочесть вступление к знаменитому «Житию», подлинность которого засвидетельствована автографом самого протопопа Аввакума, чтобы все сомнения в православности его взглядов рассеялись как дым:

«Вера ж кафолическая сия есть, да Единаго Бога в Троице и Троицу во Единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще Существо; ин бо есть состав Отець, ин — Сыновень, ин — Святаго Духа; но Отчее, и Сыновнее, и Святаго Духа Едино Божество, равна слава, соприсуцно величество; яков Отец, таков Сын, таков и Дух Святый; вечен Отец, вечен Сын, вечен и Дух Святый; не создан Отец, не создан Сын, не создан и Дух Святый; Бог Отец, Бог Сын, Бог и Дух Святый не три Бози, но Един Бог; не три несозданнии, но Един Несозданный, Един Вечный. Подобне: Вседержитель Отец, Вседержитель Сын, Вседержитель и Дух Святый. Равне: непостижим Отец, непостижим Сын, непостижим и Дух Святый. Обаче не три вседержители, но Един Вседержитель: не три непостижими, но Един Непостижимый, Един Пресущный. И в сей Святей Троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприсносуцны суть себе и равны. Особно бо есть Отцу нерождение, Сыну же рождение, а Духу Святому исхождение: обще же Им Божество и Царство... Сице всяк веруай в Онъ не постыдится, а не веруай осужден будет и во веки погибнет... Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю».

Что касается пресловутых «догматических споров» Аввакума с диаконом Феодором, то ещё такой авторитетный исследователь, досконально изучивший данный вопрос, как профессор А.К. Бороздин, писал: «Вполне восстановить картину этих споров представляется

весьма затруднительным... Подлинных сочинений Аввакума нам неизвестно в целом их составе, и об их содержании мы можем судить или по показаниям Фёдора, или по сообщениям православных полемистов, или по тем выпискам, которые находятся в сборниках Императорской Публичной библиотеки и Черниговской духовной семинарии, выпискам, сделанным тоже с полемической целью обличить заблуждения Аввакума и его последователей».

Однако учёные уже давно разоблачили подложность так называемых догматических писем Аввакума. Профессор Н.Ю. Бубнов пишет: «Значительное число “ложных догматических писем Аввакума” появилось уже в 1680–1690-е годы, вскоре после огненной казни протопопа Аввакума и его соратников. Это произошло вследствие использования старообрядцами “дьяконовского согласия” пустозёрского старообрядческого архива, вывезенного вдовой попа Лазаря — Домницей — на Керженец. Туда же попали рукописи Аввакума и диакона Фёдора, посылавшиеся в Москву и другие города, в частности, хранившиеся у друга Аввакума Симеона (Сергия Крашенинникова). Из-за этих “Аввакумовых писем” в Керженских скитах в конце XVII — начале XVIII века разгорелись многолетние споры и распри. К сожалению, Пустозёрский архив не сохранился. Однако появление в старообрядческой письменности документов из этого архива сильно усложнило положение с авторством Аввакума и других пустозёрских писателей ряда приписываемых им сочинений. Трудность состоит в том, что многие из “Аввакумовых писем”, хотя и действительно полностью или частично принадлежат перу этого автора, писались им по частным поводам многочисленным корреспондентам и далеко не всегда предназначались для широкой огласки и распространения... Вызывают сомнение также некоторые аспекты богословской полемики, происходившей в Пустозёрске между протопопом Аввакумом и диаконом Фёдором Ивановым, следы которой сохранились в сочинениях этих авторов. Характерно, что большая часть этих сочинений дошла до нас лишь в поздних копиях, выписках и документах, восходящих также к Пустозёрскому архиву. На основании этих документов и материалов, попавших в Керженские скиты, местные книжники составляли многочисленные сборники и компиляции».

«Расвирепела буря никониянская...»

После 1670 года новая волна гонений на сторонников древнего благочестия прокатилась по всему Русскому государству. 7 июля 1675 года отрубили голову юродивому Киприану «Нагому» за проповедь старой веры в селении Ижма Пустозёрского воеводства. *«И прочих наших на Москве жарили и пекли, — пишет Аввакум. — На Москве старца Авраамия, духовного сына моего, Исаию Салтыкова в костре сожгли. Старца Иону казанца в Кольском рассекли на пятеро. На Колмогорах Ивана юродиваго сожгли. В Боровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрельца Илариона сожгли. А по Волге той живущих во градах, и в селех, и в деревеньках тысяща тысящами положено под меч нехотящих принять печати антихристовы. А иные ревнителю закона суть, уразумевшие леств отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающиеся во дворы с женами и детьми, и сожигаются огнем своею волею».* Наконец дошла очередь и до духовной дочери Аввакума, его любимой ученицы и собеседницы — боярыни Морозовой.

Благодаря заступничеству царицы Марии Ильиничны, весьма благоволившей своей родственнице, боярыню долгое время не решались трогать. По указу от 1 октября 1666 года ей даже были возвращены отнятые у неё ранее вотчины. Но, получив возвращённое имение, боярыня с ещё большим рвением принимается за дела благотворительности и благочестия. Под влиянием монашеских настроений Морозова начинает ещё больше удаляться от светской жизни, от всего земного. Молодая боярыня ведёт крайне аскетический образ жизни: отказывается от всяких удовольствий, соблюдая строгий пост, под одеждой носит власяницу. Вместе с тем она не устаёт обличать своих родных и близких, принявших новую веру.

После смерти в 1669 году царицы Марии Ильиничны Морозова лишилась своей главной защитницы и покровительницы. Царь Алексей Михайлович призвал боярыню к себе и попытался склонить её к новой вере. Однако она осталась непреклонна: *«Вашему царскому величеству всегда покорны бехом, и есмы, и будем: от прародителей бо сему наказаномся, и от апостола учимся Бога бояться и царя почитати. К новинам же Никона патриарха пристати никогда же дерзнем, ибо от благочестивых родителей рождени во благочестии воспитахомся, измлада*

священных навыкохом писмен, от пелен Божиим научихомся законом; не отвержемся оных, ими же добре обучихомся».

Родственники Морозовой, близкие ко двору, также пытались всеми способами воздействовать на неё, не гнушаясь откровенным шантажом. *«Ох, сестрица-голубушка, — говорила ей троюродная сестра Анна Михайловна Ртищева, страстная поклонница патриарха Никона, — смутили тебя старицы и о сыне не радишь. Одно у тебя чадо и кто не подивится красоте его. Ох, сестрица, многия скорби примешь, и сына твоего нищим сделаешь».* *«Ивана я люблю, — возражала на это Морозова, — и молю о нем Бога безпрестанно. Но Христа люблю более сына... Знайте, если вы умышляете сыном меня отвлекать от Христова пути, прямо вам скажу: выводите сына моего на лобное место, отдайте его на растерзание псам, — не помыслю отступить от благочестия, хотя бы и видела красоту, псами растерзанную».*

Нашёптывал и троюродный брат Ф.М. Ртищев («шиш антихристов», по словам Аввакума): *«Сестрица, потешь царя-тово и перекрестися тремя перстами, а втайне, как хочешь, так и твори. И тогда отдаст царь холопей и вотчины твоя».*

Феодосия всё чаще стала задумываться об иноческом постриге. Припадая к матери Мелании, она со слезами умоляла её благословить на этот подвиг. Но мудрая Мелания не спешила. Она прекрасно понимала, что при высоком положении боярыни такое событие не удастся утаить в доме и что рано или поздно весть об этом дойдёт до самого царя. При этом пострадают и те, кто совершил постриг, и те, кто вообще был близок к боярыне. С другой стороны, в брачную пору входил сын Морозовой Иван, и необходимо было сначала его женить и передать управление имением в его руки. Заниматься же устройством свадьбы — дело отнюдь не иноческое.

Но боярыня неотступно умоляла об иноческом постриге, и тогда мать Мелания, видя её горячую веру и великое усердие в делах благочестия, уступила. В 1670 году в Москву прибыл один из влиятельнейших вождей староверия игумен Досифей. Некоторое время он жил в Куржецкой пустыни в Поморье, затем был игуменом Никольского Беседного монастыря близ Тихвина, а после Собора 1666–1667 годов был вынужден скрываться от преследований на Дону. Он-то и совершил тайный постриг Морозовой в конце 1670 года. При постриге Феодосия Прокопьевна получила имя инокини Феодоры. Теперь она начала предаваться ещё большим подвигам благочестия: более строгим стал пост, увеличилась продолжительность келейной молитвы, всё чаще она стала прибегать к исихастской практике священнобезмолвия.

На 22 января 1671 года был назначен день свадьбы царя с молодой красавицей Натальей Кирилловной Нарышкиной (будущей матерью Петра I). Морозова как старшая боярыня обязана была присутствовать на свадьбе, но, будучи инокиней, она по церковным канонам не могла участвовать в придворных церемониях. Тем более по своей должности она должна была, произнося титул царя, называть его «благоверным», целовать его руку и подходить под благословение никонианских архиереев. На такую сделку со своей совестью боярыня Феодосия Прокопьевна пойти не могла; тем более не могла инокиня Феодора. Сославшись на болезнь ног, она отказалась присутствовать на царской свадьбе. Этим она нанесла глубокое оскорбление царской фамилии. *«Вем, яко загордилася!»* — кричал разгневанный царь Алексей Михайлович. С этого момента Морозова стала для него личным врагом.

Предчувствуя неминуемую опалу, Морозова приказала старице Мелании и другим инокиням скрыться из Москвы. В ночь на 16 ноября 1671 года боярыню вместе с сестрой, княгиней Евдокией Урусовой, взяли под стражу. Чудовский архимандрит Иоаким с «великою гордостью» вошёл в покои боярыни и приказал ей встать. *«Как, — спрашивал он, — крестишься и как молитву творишь?»* В ответ Морозова сложила персты по древнему апостольскому преданию и произнесла: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас!»* То же самое повторила княгиня Урусова. Гневу архимандрита не было границ: *«Понеже не умела еси жити в покорении, но в прекословии своем утвердилася еси, сего ради царское повеление постиже на тя, еже отгнати тя от дому твоего. Полно тебе жити на высоте (то есть в покоях боярских. — К.К.), снуди долу; встав, иди отсюда!»*

На сестёр надели цепи и насильно выволокли из комнат. Со слезами на глазах провожал мать юный сын Иван Глебович. Он видел её в последний раз.

18 ноября сестёр Феодосию и Евдокию уже допрашивали в Чудовом монастыре «духовные власти». Никонианские архиереи ловко сыграли на личной ненависти царя к Морозовой и в споре о вере прямо поставили вопрос: *«В краткости вопрошаем тя, — по тем служебникам, по коим государь царь причащается и благоверная царица и царевичи и царевны, ты причастиши ли ся?»* Морозова столь же прямо отвечала: *«Не причащуся»*. Обе сестры отказались причаститься даров, освящённых по никоновским служебникам, назвав властей предержавших еретиками.

Все попытки повлиять на сестёр были тщетны, и тогда их заковали в ошейники с цепями и повезли по улицам Москвы. Власти хотели публично

опозорить высокородных сестёр. Но и это их не сломило. Их позор обернулся настоящим триумфом. За санями с боярыней-инокиней следовало множество народа (именно эту сцену запечатлел в своей гениальной картине художник В.И. Суриков). *«Она же седши и стул близ себе положи (то есть тяжелую колоду, к которой были прикованы цепи. — К.К.). И везена бысть мимо Чюдова под царския переходы, руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изобразивши сложение перст, висоце вознося, крестом ся часто ограждаше, чепию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходех царь смотрят победы ея, сего ради являше себе не точию стыдетися, ругания ради их, но и зело услаждатися любовию Христовою и радоватися о юзах».* «Смотрите, смотрите, православные! — кричала она. — Вот моя драгоценная колесница, а вот цепи драгие... Молитесь же так, православные, вот сицевым знаменем. Не бойтесь пострадать за Христа».

После этого сестёр заключили по разным монастырям: Феодору на подворье Псково-Печерского монастыря, находившееся в Белом городе, на Арбате, а Евдокию в Алексеевский Зачатьевский девичий монастырь на Пречистенке. Там они подвергались всяческому лишению.

Вскоре на долю Морозовой выпало новое испытание: её сын Иван Глебович, ещё совсем молодой юноша, *«от многия печали впаде в недуг... и так его улечиша, яко в малех днях и гробу предаша».* Зарыдала боярыня и *«падши на землю пред образом Божиим, умильным гласом с плачем и рыданием вещаше: увы мне, чадо мое, погубишата отступницы!».* Да, в XVII веке в Аптекарском приказе лекари были отменные, и уж что-что, а «залечить» умели!

Теперь царь мог легче расправиться с неудобной боярыней. После смерти Ивана всё огромное морозовское имущество было распродано, вотчины розданы другим боярам, а братья Морозовой Феодор и Алексей Соковнины высланы подальше из Москвы.

Для увещания боярыни к ней явился сам патриарх Питирим. *«Дивлюся аз, — говорил он ей, — яко тако возлюбила еси чепь сию и не хочещи с нею и разлучитися».* — *«Воистину возлюбих, — отвечала Морозова, — и не точию просто люблю, но ниже еще насладихся вожделеннаго зрения юз сих! Како бо и не имам возлюбити сия, понеже аз таковая грешница, благодати же ради Божия сподобихся видети на себе, купно же и поносити, Павловы юзы, да еще за любовь единороднаго Сына Божия!»* Тогда патриарх сказал: *«Доколе имаши в безумии быти? Доколе не помилуеши себе, доколе царскую душу возмущаеши своим противлением? Остави вся сия нелепая начинания и послушай моего совещания, еже,*

милуя тя и жалея, предлагаю тебе: приобщися соборней церкви и российскому собору, исповедався и причастився». — «Некому исповедатися, — отвечала Морозова, — ниже от кого причастится... Много попов, но истиннаго несть». Разгневался патриарх и, «ревый, яко медведь», закричал своим слугам: «Поверзите ю долу, влеките нещадно! И яко пса за выю влачаще, извлеките ю отсуду! Вражия она дщерь, страдница (каторжница), несть ей прочее жити! Утре страдницу в трубу!» Боярыню начали избивать и прямо по полу потащили за цепь. «И сице ей влекоме с лестницы, все степени главою своею сочла».

Зимой 1673 года инокиню Феодору, Евдокию Урусову и их единомышленницу Марию Данилову подвергли жестоким пыткам. Их, полуобнажённых, поднимали на дыбу, встряхивали и выворачивали руки. Боярыню *«держали на тряске долго, и ремнём руки до жил протерли»*. Когда начали бить пятью плетью Марию Данилову, Морозова не выдержала и стала говорить мучителям: *«Это ли христианство, чтобы людей так мучили?»* После пытки раздетых страдалиц бросили прямо на снег. Так они пролежали часа три, а в это время на Болотной площади — напротив Кремля за Москвой-рекой, куда выходил государев сад, где казнили еретиков и преступников и устраивали кулачные потехи, — стали готовить срубы, наполненные соломой... *«Патриарх же вельми просил Феодоры на сожжение, да бояре не потянули»*. Бояре боялись всенародной казни родовитой узницы, поскольку это могло создать нежелательный для них прецедент.

Убедившись в непреклонности Морозовой, царь через три дня после пытки прислал к ней стрелецкого голову со следующими ласковыми словами: *«Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица! Молю тя аз сам, послушай совета моего. Хочу тя аз в первую твою честь вознести. Дай мне таковое приличие людей ради, что аки недаром тебя взял: не крестися треме персты, но точию, руку показав, наднесе на три те перста! Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица! Послушай, аз пришлю по тебя каптану (карету) свою царскую и со аргамаками своими, и придут многие бояре, и понесут тя на головах своих. Послушай, мати праведная, аз сам, царь, кланяюся главою моею, сотвори сие!»* Но боярыня не вняла этим льстивым словам, решившись страдать до конца.

Вскоре суд Божий постиг патриарха Питирима — 19 апреля 1673 года он скончался; как свидетельствует диакон Феодор, *«у живаго у него прогнило горло и вскоре умре от тоя лютыя болезни»*. Новым патриархом стал новгородский митрополит Иоаким. Боярыню перевели в Новодевичий

монастырь, где её содержали под строгим началом и насильно заставляли присутствовать при никонианских богослужениях. Но это возымело противоположный эффект: к Новодевичьему монастырю стало стекаться множество представителей знати и простого народа, которые приезжали не для службы, а чтобы лично увидеть знаменитую страданицу и поклониться ей. Тогда царь повелел перевести её в Хамовную слободу, во двор старосты. Сестра царя, царевна Ирина Михайловна, просила его не мучить Морозову. *«Он же зарыча гневом великим и рече: “Добро, сестрица, добро! Коли ты дятчишь об ней, тотчас готово у мене ей место!”»*

Этим местом стал тюремный острог в Боровске, куда все три узницы были отправлены в заточение. Начало заточения Морозовой в Боровске относится к концу 1673-го — началу 1674 года. Здесь уже находилась заточённая «тоя же ради веры» инокиня Иустина. Несколько позже в Боровск доставили княгиню Урусову и Марию Данилову. В сырой и тёмной земляной тюрьме Боровска они провели около двух лет.

Но всё же первое время узницы жили в остроге относительно спокойно. Охранявшие их сотники были ещё в Москве задобрены Иоакинфом Даниловым — супругом Марии Даниловой, «чтобы не свирепы были». Узниц посещали племянник Данилова Иродион, их наставница мать Мелания и другие, сочувствовавшие им. Однако как только об этих посещениях стало известно в Москве, был составлен указ о расследовании того, что делается в тюрьме (23–24 марта 1675 года). В Боровск внезапно прибыл подьячий Павел, который «с пристрастием» расспрашивал сотников. В результате у узниц отобрали книги, иконы, одежду и пищу, а охранявших их сотников сослали простыми солдатами в Белгород на «вечное житьё». Положение заточённых резко ухудшилось. Худая одежда их за это время истлела, яма кишела насекомыми и гадами. Пищу им давали самую скудную: *«а когда ясти подадут, тогда пить не дают; а когда пить подадут, тогда ясти не подадут»*. Но и в этих нечеловеческих условиях мученицы продолжали творить непрестанную молитву, навязав из тряпиц пятьдесят узлов вместо отобранных четок и по ним, словно по «небесовосходной лестнице», устремляясь в иной мир.

Вскоре началось новое расследование. 29 июля 1675 года был прислан дьяк Феодор Кузмищев, который «мучениц истязал». В конце июня 1675 года на площади в срубе были сожжены 14 боровских узников, в том числе бывший слуга Морозовой Иван и её соузница инокиня Иустина. По распоряжению дьяка Кузмищева боярыню Морозову и княгиню Урусову из опустевшего после казни острога перевели в новоустроенную земляную тюрьму, в «пятисаженные ямы», а Марию Данилову поместили в тюрьму,

где «злодеи сидят». Под страхом смерти охранникам запретили давать заключенным пищу и питьё...

Первой не выдержала княгиня Евдокия Прокопьевна Урусова — она скончалась 11 сентября 1675 года. *«Феодора тремя нитьма во имя единосущныя Троицы пови тело любезныя сестры своя и союзницы Евдокии, и увязав вервью»*. Стражи извлекли за веревку её тело из земляной ямы и сначала хотели тайно зарыть в лесу. Но и после смерти она не давала покоя мучителям. Не только живую, но и мёртвую они боялись выпускать её на волю. Тело княгини, по указу царя, закопали внутри острога.

К Морозовой, уже измождённой от *«глады и жажды, и от задухи, и вшей»*, перевели Марию Данилову. Чувствуя приближение смерти, боярыня в последний раз «взалкала», проявив человеческую слабость, призвала стражника и попросила: *«Рабе Христов! Есть ли у тебя отец и мати в живых или преставилися? И убо аще живы, помолимся о них и о тебе, аще же умроша — помянем их. Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогах от глады и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика»*. Стражник же отвечал: *«Ни, госпоже, боюся»*. Тогда боярыня снова попросила его: *«И ты поне (хотя бы) хлебца»*. — *«Не смею»*, — отвечал стражник. Умоляла боярыня дать ей «мало сухариков», яблочко, огурчик и всякий раз слышала отказ. Тогда она попросила исполнить её последнюю просьбу: похоронить рядом с сестрою. Позвав другого стражника, она отдала ему свою рубашку и попросила постирать её на реке: *«Се бо хочет мя Господь пояти от жизни сея, и неподобно ми есть, еже телу сему в нечисте одежди возлещи в недрах матери своя земли»*. Стражник пошел к реке, *«платно (полотно) мьяше водою, лице же свое омываше слезами»*.

В ночь с 1 на 2 ноября 1675 года старице Мелании, находившейся в отдалённой пустыни, было видение: явилась к ней во сне инокиня Феодора, одетая в схиму и куколь «зело чюден», сама же была «светла лицом и обрадованна». В своём схимническом облачении Феодора была прекрасна. Чудный свет исходил от неё. Она осматривалась по сторонам и руками ощупывала свои новые одежды, удивляясь красоте небесных риз. Также она непрестанно целовала образ Спасителя, который находился рядом с ней, и кресты, вышитые на схиме. И делала она это долго, пока старица Мелания не пробудилась от сна...

В эту ночь в Боровской темнице святая преподобномученица Феодора умерла от голода. Тем самым духовный поединок между царём и боярыней закончился. В глазах народа она навеки осталась победительницей. *«Народ воспринимал борьбу царя и Морозовой как духовный поединок (а в битве духа соперники всегда равны), — писал А. М. Панченко, — и, конечно, был*

всецело на стороне “поединицы”. Есть все основания полагать, что царь это прекрасно понимал. Его приказание умерить Морозову голодом в боровской яме, в “тме несветимой”, в “задухе земной” поражает не только жестокостью, но и холодным расчётом. Дело даже не в том, что на миру смерть красна. Дело в том, что публичная казнь даёт человеку ореол мученичества (если, разумеется, народ на стороне казнённого). Этому царь боялся больше всего, боялся, что “будет последняя беда горши первая”. Поэтому он обрёк Морозову и её сестру на “тихую”, долгую смерть. Поэтому их тела — в рогоже, без отпевания — зарыли внутри стен боровского острога: опасались, как бы старообрядцы не выкопали их “с великою честью, яко святых мучениц мощи”. Морозову держали под стражей, пока она была жива. Её оставили под стражей и после смерти, которая положила конец её страданиям».

*

Получая в далёком Пустозёрске скупые известия о судьбе боровских страдалиц, Аввакум восхищался подвигами Морозовой и её союзниц, называя их в своих посланиях «святыми» и обращаясь к ним в таких, исполненных высокой поэзии словах, уже приближающихся по своему звучанию к церковным гимнам:

«Херувимы многоочития, серафими шестокрильнии, воеводы огнепальныя, воинство небесных сил, тричисленная единица Трисоставнаго Божества, раби вернии: Феодора в Евдокее, Евдокея в Феодоре и Мария в Феодоре и Евдокее! Чюдной состав — по образу Святыя Троицы, яко вселенстии учителя: Василий, и Григорий, Иоанн Златоустый! Феодора — огненный ум Афанасия Александрскаго, православия насаждь учения, злославия терние иссекла еси, умножила семя веры одождением Духа. Преподобная, по Троицы поборница великая, княгиня Евдокея Прокопьевна, Свет Трисиянный, вселившийся в душу твою, сосуд избран показа тя, треблаженная, светло проповеда Троицу Пресущную и Безначальную. Лоза преподобия и стебель страдания, цвет священства и плод богоданен, верным присноцветущая даровася, но яко мучеником сликовна, Мария Герасимовна, со страждущими с тобою взываше: “ты еси, Христе, мучеником светлое радование”. Старец, раб вашего преподобия, поклоняюся главою грешною за посещение, яко простросте беседу довольную и напоили мя водою животекущею. Зело, зело углубили кладезь учения своего о Господе, а ужа моя кратка,

досягнути немошно, присенно и прикровенно во ином месте течения воды».

«Увы, Феодосья! Увы, Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладкоглаголивья, две маслицы и два свещника, пред Богом на земли стояще! Воистинну подобни есте Еноху и Илии. Женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприявше, диявола победиша и мучителей посрамиша, вопиюще и глаголюще: “приидите, телеса наша мечи ссецыте и огнем сожгите, мы бо, радуясь, идем к жениху своему Христу”».

О, светила великия, солнца и луна Руския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющыя пред Господем Богом! О, две зари, освещающыя весь мир на поднебесней! Воистинну красота есте Церкви и сияние присносущныя славы Господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома Господня, возбраняете волком вход во святая. Вы два пастыря, пасете овчье стадо Христово на пажетех духовных, ограждающе всех молитвами своими от волков губящих. Вы руководство заблуждшим в райския двери и вшедшим — древа животнаго наслаждение! Вы похвала мучеником и радость праведным и святителем веселие! Вы ангелом собеседницы и всем святым сопричастницы и преподобным украшение! Вы и моей дряхлости жезл, и подпора, и крепость, и утверждение! И что много говорю? — всем вся бысте ко исправлению и утверждение во Христа Исуса.

Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления! Древле говаривал и ныне то же говорю: киот священия, скрижали завета, жезл Ааронов прозябший, два херувима одушевленная! Не ведаю, как назвать! Язык мой короток, не досяжет вашея доброты и красоты; ум мой не обымет подвига вашего и страдания. Подумаю, да лише руками возмахну! Как так, государыни, изволили с такя высокая степени ступить и в бесчестия вринути? Воистинну подобни Сыну Божию: от небес ступил, в нищету нашу облечеса и волею пострадал. Тому ж и здесь прилично о вас мне рассудить».

На смерть святых боровских страсотерпиц Аввакум написал «О трех исповедницах слово плачевное». В этом слове высокаторжественная поэзия сочетается с искренней и человеческой задушевностью. Аввакум вспоминает свою любимую ученицу такими словами: «Бывало, сижю с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать. И нитки — свои труды — ночью по улицам побредет, да нищим дает. А иное рубах

нашьет и делит. А иное денег мешок возьмет и роздаст сама, ходя по кресцам, треть бо имения своего нищим отдая. Подробну же добродетели ея не достанет ми лето повествовати, сосуд избранный видеша очи мои».

Аввакум искренне оплакивает смерть своих любимых духовных дочерей, и за этикетными формулами, заимствованными из кладезей древнерусской книжности, слышится его неподдельная скорбь: «Увы мне, осиротевшему! Оставиша мя чада зверям на снадение! Молите милостиваго Бога, да и меня не лишит части избранных Своих! Увы, детоньки, скончавшиися в преисподних земли! Яко Давыд вопию о Сауле царе: горы Гельвульския, пролившия кровь любимых моих, да не снидет на вас дождь, ниже излиется роса небесная, ниже воспоеет на вас птица воздушная, яко пожерли телеса моих возлюбленных! Увы, светы мои, зерна пшеничная, зашедшия под землю, яко в весну прозябшия, на воскресение светло устрящу вас! Кто даст главе моей воду и источник слез, да плачу друзей моих? Увы, увы, чада моя! Никтоже смеет испросити у никониян безбожных телеса ваша блаженная, бездушна, мертва, уязвенна, поношеньми стреляема, паче же в рогожи оберченна! Увы, увы, птенцы мои, вижду ваша уста безгласна! Целую вы, к себе приложивши, плачущи и облобызающи! Не терплю, чада, бездушных вас видети, очи ваши угаснувшии в дольних земли, их же прежде зрях, яко красны добротою сияюща, ныне же очи ваши смежены, и устне недвижимы».

Свою похвалу трём боровским мученицам Аввакум заканчивает такими торжественными словами:

«Оле, чудо! о преславное! Ужаснися небо, и да подвижатся основания земли! Се убо три юницы непорочныя в мертвых вменяются, и в бесчестном худом гробе полагаются, им же весь мир не точен бысть. Соберитесь, рустии сынове, соберитесь девы и матери, рыдайте горце и плачите со мною вкупе друзей моих соборным плачем и воскликнем ко Господу: “милостив буди нам, Господи! Приими от нас отшедших к Тебе сих души раб Своих, пожерших телеса их псами колитвенными! [73] Милостив буди нам, Господи! Упокой душа их в недрах Авраама, и Исаака, и Иякова! И учини духи их, иде же присещает свет лица Твоего! Видя виждь, Владыко, смерти их нужныя и напрасныя и безгодныя! Воздаждь врагом нашим по делом их и по лукавству начинания их! С пророком вопию: воздаждь воздаяние их им, разориши их, и не созиждеши их! Благословен буди, Господи, во веки, аминь”».

«Соловецкое сидение»

Главным оплотом сопротивления никоновским реформам на севере Руси оставался Соловецкий монастырь, с которым Аввакум в первые годы своей пустозёрской ссылки стремился установить связь через юродивого Феодора. На Феодора он возлагал важное поручение: *«В Соловки те Федор хотя бы подъехал; письма те спрятав, в монастырь вошел, как мочно тайно бы, письма те дал, и буде нельзя, ино бы и опять назад совсем»*. Однако поручение это Феодору выполнить не удалось — как уже говорилось выше, в марте 1670 года он был повешен на Мезени.

Еще в 1666 году соловецкий архимандрит Варфоломей отправился на собор в Москву, где открыто перешёл на сторону никониан. Здесь он донёс властям об упорстве соловецких иноков, не желавших принимать никоновскую реформу. В ответ была снаряжена особая комиссия во главе с архимандритом Спасо-Ярославского монастыря Сергием, которая 4 октября того же года прибыла на Соловки.

По прибытии комиссии в обитель вновь был созван «чёрный» собор, на котором соловецкие иноки говорили: *«Прежде от Соловецкого монастыря вся Русская земля просвещалась всяким благочестием, и ни под каким зазором Соловецкий монастырь не бывал, сиял как столп и утверждение. А теперь вы учитесь новой веры от греков, когда греческие учителя сами лба перекрестить по подобию не умеют и без крестов ходят»*. После долгих споров и пререканий о вере архимандрит Сергей несолоно хлебавши возвратился в Москву.

Вслед архимандриту была послана царю челобитная (вторая по счету), в которой говорилось: *«Прислан к нам с Москвы в твое царское богомолье, в Соловецкой монастырь, Ярославля Спаского монастыря архимарит Сергей с товарищи учить нас церковному закону [по] преданным книгам... И милости у тебя, великого государя, вси со слезами богомолцы твои и раби твои государевы молим и просим: помилуй нас, благочестивый, милосердый великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, послы нам, якож Отец Небесный, всецедрую свою и великую милость, не вели, государь, ему, священноархимариту Сергею, прародителей твоих государевых, благоверных царей и благочестивых великих князей, и начальников наших и великих чудотворцов, преподобных и богоносных отец*

Зосимы и Саватия и Германа и преосвященного Филиппа, митрополита Московского и всея Руси, предания нарушать. И вели, государь, в том же предании быти нам, в коем чудотворцы наши и прочии святии отцы, и отец твой, великого государя, благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаило Федоровичь всея Руси, и дед твой государев, блаженный Филарет Никитичь, Московский и всея Руси патриарх, богоугодным своим житием препроводиша дни своя, чтоб нам, богомолцам твоим и трудником, врознь не разбрестися и твоему, великого государя, богомолю, украинному и порубежному месту, от безлюдства не запустеть».

Но царю было не до преподобных русских чудотворцев и не до своего «украинного и порубежного богомолия». Он уже грезил о литургии в храме Святой Софии Константинопольской и мысленно примерял византийский венец. Челобитная соловецких иноков была оставлена без ответа. Вместе с тем власти удовлетворили их просьбу о смещении прежнего архимандрита Варфоломея. Однако новым архимандритом монастыря был поставлен не Никанор, которого желала видеть на этом месте монастырская братия, а совсем иной человек. 23 июля 1667 года был принят патриарший указ о поставлении новым соловецким архимандритом бывшего московского строителя Иосифа, единомышленника Варфоломея. Ему было поручено ввести в Соловецком монастыре новые обряды. Узнав об этом, соловляне послали соборных старцев навстречу новому архимандриту с прямым вопросом: по каким книгам он будет служить в монастыре — по старым или по новым?

Когда соловецкие иноки узнали о том, что Иосиф — сторонник новообрядцев, то под благословение к нему не подошли. 15 сентября 1667 года в Спасо-Преображенском соборе монастыря состоялось заседание «чёрного» собора, на котором присутствовали и миряне. Теперь, после публичного, с участием «вселенских» патриархов, проклятия старых обрядов в Москве на печально знаменитом Соборе 1666–1667 годов, стало ясно, что проводить прежнюю политику игнорирования церковной реформы уже не удастся. Надо было принять определённое и прямое решение. Соловецкий «чёрный» собор категорически отверг новые книги и обряды и отказался признать Иосифа своим архимандритом.

Вдобавок вскрылись ещё кое-какие факты: прибывшие в Соловецкий монастырь архимандриты Варфоломей (бывший) и Иосиф (нынешний, не принятый «чёрным» собором) пытались тайно провезти в монастырь целую ладью вина для спаивания братии. «А как к нам приехали, ей тебе, великому государю, пишем не затевая, малых и средних и больших вина 39

бочек, да меду и пива бочек с пятнадцать. И в том твоя, великаго государя, воля, то питье мы у них пред монастырем на пристанищи, по прежнему монастырскому чину, по преданию чудотворцев, розбили все».

В день собора Иосифу была вручена общая челобитная о вере, в которой говорилось о бесполезности присылки новых увещателей и о готовности соловецких иноков стоять насмерть: *«И вели, государь, на нас свой меч прислать царьской, и от сего мятежнаго жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие; а мы тебе, великому государю, не противны».*

И случилось неслыханное: в ответ на смиренные просьбы соловлян 3 мая 1668 года царским указом для приведения в повиновение мятежной обители на Соловки была послана воинская команда. Началась чудовищная по своему святотатству восьмилетняя осада главной православной святыни Русского Севера.

22 июня 1668 года стрельцы под командованием стряпчего Игнатия Волохова высадились на Соловецком острове. Иноки заперлись в обители, причём на одном из общих собраний предложили всем колеблющимся братьям, а также мирянам заблаговременно удалиться из монастыря. Таких оказалось немного — около сорока человек. Остальные, числом до полутора тысяч человек, решили стоять насмерть за старую веру и *«будущих святых сладости получить»*, нежели, приняв новоустановленные предания, временно пребывать в сладости земного жития.

Целых четыре года Волохов со стрельцами стоял под монастырём, весной и летом «разныя озлобления... творяше», обстреливая его из пушек и пищалей. Осенью же отходил к берегу, в Сумской острог, не давая выходить из монастыря, приказывая хватать служебных старцев и слуг и после различных мучений предавать смерти. Однако местное население активно помогало осаждённым инокам, поставляя в монастырь необходимые съестные припасы и уведомляя о военных приготовлениях к осаде. Да и сами стрельцы, набранные в основном из жителей северных городов, неохотно участвовали в блокаде святого места. Ладьи с солью, рыбой и хлебом, направлявшиеся из района Сумского острога в Архангельск, постоянно «сбивались с пути» и приставали к Соловецким островам. Летом 1670 года Волохов разослал во все соловецкие усолья «наказные памяти», угрожавшие смертной казнью «безо всякого милосердия и пощады» за поездки в монастырь и письма туда. Но и это не помогло. Поморы не прекращали поддерживать осаждённый монастырь. В результате Волохов, «ничтоже успев», царским указом был отозван в Москву.

Вместо нерешительного Волохова на разорение Соловецкой обители в 1672 году Тишайший послал сотника московских стрельцов Климента Иевлева, человека лютого и немилостивого. К прежним 225 стрельцам было прибавлено ещё 500. За два года Иевлев сотворил «зельнейшую тесноту» и «горчайшую нужду» святому месту: пожёг вокруг монастыря все келии, «устроенные для упокоения иноков», скотный двор вместе с животными, находившийся на острове Большая Муксалма, рыболовецкие снасти, тем самым пытаясь взять затворников измором. Но жестокий сотник принял за свои злодеяния справедливую кару от Бога: «поражён язвою согнотия» и в болезненных страданиях взят в Москву.

В 1674 году «пришёл под киновию» новый воевода Иван Мещеринов *«и с ним воинов тысяща триста... со многими стенобитными хитростями»*. При этом Мещеринову от царя был дан строгий указ: *«И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, и ты б по прежнему и по сему нашему великого государя указом, над соловецкими мятежники чинил промысл с великим радением, а с Двины ратные люди к тебе посланы; и как к тебе, против сего нашего великого государя указу, ратные люди соберутся, и ты б потому же чинил над мятежниками радетелной промысл и был на Соловецком острове безотступно, чтоб их мятеж искоренить вскоре; и ты б работных людей, которых ты взял с собою для малолюдства, отпустил в Сумской острог, а оставил бы у себя кормициков сколько надобно; и буде ты учнеш над мятежниками чинить нерадетелной промысл, и тебе за то быть от нас великого государя в смертной казни без всякия пощады»*.

При этом «неблагодатные» стрелецкие начальники были заменены «новокрещёными иноземцами» рейтарского строя (майор Келин, ротмистр Буш, поручики В. Гутковский и Ф. Стахорский). Царь прекрасно понимал, что сердце пришлых наёмников, с трудом изъяснявшихся по-русски и крестившихся, как правило, в корыстных целях, не дрогнет перед осквернением православной святыни. *«Обитель неблагодатно восхоте разорити и собрать... богоборну и злочестиву, немца и поляков»*.

Теперь, когда прибыли настоящие специалисты военного дела, осада монастыря стала вестись по всем правилам военного искусства того времени. Близ неприступных крепостных стен построили городки и шанцы, и обстрел монастыря стал постоянным и целенаправленным. Одновременно под три монастырские башни велись подкопы.

Но, несмотря на жестокую осаду, соловецкие иноки продолжали богослужения. Отчаявшись в помощи и милости человеческой, «с горькими слезами и воплем» просили они помощи и заступления у Бога, Пречистой

Владычицы Богородицы и преподобных Зосимы и Савватия. Молитвами и слезами и «дненощенными богостоянии противу ратных вооружахуся». В обители пелось по два молебна каждый день, чтобы солдаты не поимели «дерзновения внити во ограду монастыря».

И тогда произошло настоящее чудо: «премилостивый Господь, близ всем призывающим И (Его. — К.К.) воистину, посла на ня (них. — К.К.) мор великий, знаменами язв являемый». За три-четыре дня умерло около семисот человек. Испуганные этим знаменем, многие из оставшихся в живых стрельцов постригались в иночество и покаянием очищали свои души. Незримое заступничество преподобных отцов Зосимы, Савватия и Германа ограждало обитель от многих приступов и пушечных выстрелов.

Веру соловецких иноков укрепляли и иные многие чудеса, происходившие в то время в богоспасаемой обители. Об одном из них пишет протопоп Аввакум:

«И ныне явился новой святой, Илинарх в Соловецком монастыре, — вместо же праха взыдет мирсина. Зрите и разумеите: не прах ли был Илинарх-от, в земле лежал, кто ево знал, земля ино земля, а ныне яко мирсина взошел, зело завонял во всю Русскую землю. Мирсина бо есть древо райское, обретається к восточным странам, посреде кедров и кипарисов, и зело древо уханно, еже есть вони исполнено благой, издалеца приходящаго обвеселит. Тако и Иринарх во всей земли верных возвеселил, а никониян взбесил своим и скорбь им наведе явлением. Понеже старья наша изгнанья православныя веры крин процвете, на обличение никонияном новолюбцам, врагом и отступником от Христа и от Пречистой Богородицы и от соловецких чудотворцов. Как вы, никонияне, скрыть чудо сие умыслите? Али сице рцете, яко вашего ради достояния земля Иринарха отца изведе из недр своих ради ваших новых блядивых молитв? Гордоусы! — обмишулились, — не так, не так! не лгите на истину: пение в Соловках церковное и келейное по старому православию и книги имеют старопечатные, вашим блядям противятся, того ради от вас в осаде сидят седьмь годов милые, алчни и жадни, наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя. Того ради, утешая их, Бог изведе из земля старого игумна Иринарха, бывшаго древле в православной вере при благочестивом царе Михаиле Федоровиче всея Руси. И будет Имя Господне во знамение вечно, рече Господь: еще же и не оскудеет, по словеси Божию, старое наше православию молитвами святых отец».

Но воевода Мещеринов не останавливался ни перед чем. В безумном ослеплении приказал он своим приспешникам нацелить пушку в самый алтарь соборной церкви монастыря и стрелять. Ядро, пролетев через окно,

ударил в образ Всемиловитого Спаса, находившийся в самом алтаре. Но этого показалось мало. Обстрел обители начался сразу из трёх орудий (на 160, 260 и 360 железных ядер). После первых двух выстрелов ядра, пролетев над самыми крестами монастырских церквей, рвались на пустынном месте, а после третьего — одно разорвалось у гробницы преподобного Германа. В это время в церкви преподобных Зосимы и Савватия свещевозжигатель увидел «старца святолепна», подходившего к священным ковчегам со словами: *«Братие Зосимо и Саватие, встаните, идем к Праведному судии Христу Богу, суда праведна на обидяция ны (нас. — К.К.) просити, котории нам покоя и в земли дати не терпят». Преподобные же, восставши в своих раках (гробах. — К.К.), отвечали: «Брате Германе, иди почивай прочее, уже отмщение обидящим ны посылается». И вновь возлегши, почили, и «пришедши святолепными старецу невидим бысть».*

Отцы Соловецкой обители отслужили благодарственные молебны Господу и преподобным чудотворцам, и ещё на долгое время обитель оставалась не только недоступной воинам, но и «стреляния пушек и писчалей» не вредили ей, и никакие создаваемые трудности не могли поколебать духа иноков в их сопротивлении.

Убедившись в бесполезности артиллерийского обстрела обители, Мещеринов избрал иную тактику. Стрельцы копали рвы, делали подкопы, в которые закладывали порох, строили башни и лестницы высотой с монастырскую стену. Тогда «некий белец» (то есть мирской человек), соловецкий служитель Димитрий с высоты монастырской ограды крикнул осаждающим: *«Почто много, о, любезнии, труждаетея, и толикыя подвиги и поты туне (напрасно. — К.К.) и всуе проливаете, приступающе ко стенам града? Зане (ведь. — К.К.) и пославый вы государь царь, косою смертною посекаяя, света сего отходит».* Осаждавшие не приняли этих слов всерьёз, посчитав их пустым юродством. Но слова эти оказались пророческими.

Зимой 1675/76 года Мещеринов со стрельцами остался под стенами обители, рассчитывая на скорый успех зимней кампании. 23 декабря 1675 года он совершил «великий приступ». Однако надежды его не оправдались. Потеряв поручика Гутковского и свыше ста стрельцов, Мещеринов вынужден был отступить. Монастырь, казалось, был неприступен...

Но, как пишет старообрядческий историк Симеон Денисов, случается *«домом великим от домашних развращатися, случается и исполином храбрым от приближенных умерщвятися, случается градом крепким и непреборимым от своих соплеменник предаватися».* Нашёлся предатель.

Некий монах по имени Феоктист ночью приходит в стан врага, оставив *«обещание свое и отеческую обитель»*, *«оставляет и древлецерковное благочестие, лобызает Никоново новопредание»* и подобно Иуде предает затворников в руки палачей, указывая тайный проход через стену.

Хотя предатель пришёл в полк к Мещеринову ещё 9 ноября 1675 года и обещал без труда овладеть обителью, но из-за светлости ночей воины не осмеливались в неё войти. И лишь в ночь на 22 января 1676 года несколько десятков стрельцов под командованием майора Степана Келина проникли в монастырь через указанное Феоктистом окно под сушилом у Белой башни. В эту ночь разыгралась страшная буря, лютый мороз объял северную землю, а обильно падавший снег заграждал видимость. Соловецкому сотнику Логину, спавшему в своей келии, был голос: *«Логине, встани, что спиши, яко воинство ратующих под стеною, во град будут скоро»*. Пробудившись и никого не увидев, Логин перекрестился и снова заснул. Во второй раз голос пробудил его от сна: *«Логине, встани, что беспечально спиши? Се воинство ратник во град входит!»* Встав, он проверил стражу и, вновь осенив себя крестным знаменем, уснул. Когда же в третий раз он услышал: *«Логине, встани, воинство ратующих уже во град вниде!»*, то, разбудив отцов обители, поведал им о своём троекратном явлении. Старцы собрались в церкви принести молебное пение Господу, Пресвятой Богородице и преподобным чудотворцам, а затем, отслужив полунощницу и утреню и не видя опасности, разошлись по келиям.

В первый час ночи предатель Феоктист и воины, собравшиеся в сушильной комнате под крепостной стеной, сбили замки, открыли монастырские ворота и впустили оставшееся войско в святую обитель. Услышав шум, мужественные стражи Стефан, Антоний и прочие стражники и иноки числом до тридцати вышли навстречу ворвавшимся, но тут же были убиты. Затворившимся по келиям инокам было обещано, что им не будет причинено никакого зла, и тогда монастырские отцы, *«веру емше лису тому»*, вышли навстречу *«победителям»* с честными крестами и святыми иконами. Однако воевода, забыв про свое обещание, нарушил клятву и приказал отобрать кресты и иконы, а иноков и бельцов развести по келиям под караул.

Проникнув в обитель, стрельцы начали жестокую расправу над иноками, расправу, которой, наверное, позавидовали бы даже зверствовавшие впоследствии на Соловках большевики. Мещеринов лично допрашивал старцев, задавая им один и тот же вопрос: *«Почто противились самодержцу и воинство посланное отбивали от ограды?»* Первым был приведён сотник Самуил, который мужественно отвечал: *«Не*

самодержцу аз противихся, но за отеческое благочестие и за святую обитель мужествовах, и хотящих разорити преподобных отец поты не пущах во ограду». Мещеринов приказал стрельцам избивать Самуила до тех пор, покуда тот не предал свою душу Богу. Тело его было брошено в ров.

Архимандрита Никанора, который от старости и многолетних молитвенных трудов уже не мог передвигаться сам, на допрос привезли на «малых саночках». Престарелый архимандрит бесстрашно отвечал мучителю: *«Понеже (потому что. — К.К.) Божиих неизменных законов, апостольских и отеческих преданий посреде вселенныя живущим соблюдать не попускают нововнесенные уставы и новшества патриарха Никона, сих ради удалихомся мира, и в морский сии оток (остров. — К.К.) в стяжание преподобных чудотворцев вселихомся... Вас, иже растлители древлецерковныя уставы, обругали священныя отец труды, разрушити богоспасительныя обычаи пришедших, во обитель праведно не пустихом».*

Не постеснявшись ни иноческого образа, ни «святолепных» седин старца, ни его великого священнического сана, воевода стал осыпать отца Никанора *«бесчестною бранию и нелепыми словесы».* Но и этого показалось мало. Мещеринов, лично избив старца тростью и выбив у него зубы, приказал за ноги вытащить его за монастырскую ограду и бросить в ров, на лютый мороз, в одной сорочке. Всю ночь страдалец боролся с ранами и морозом, а с рассветом *«изыде дух его от тьмы настоящей жизни в немерцающий присносущный свет, и от глубочайшаго рва в превысочайшее Небесное Царство».*

Следующим был допрошен соборный старец Макарий, смело обличавший кощунственные поступки стрельцов. Он также был избит до полусмерти немилосердным воеводой, с издёвками выволочен стрельцами за ноги и брошен замерзать на лёд. Искусным монастырским мастерам древорезцу Хрисанфу и живописцу Феодору с учеником Андреем отсекали руки и ноги, а затем отрубили и головы. Одних иноков и бельцов за шеи и «междуребрива» подвешивали на острые крюки, других, привязав за конские хвосты, волочили по острову, *«дондеже (пока. — К.К.) души испустят».* Пощады не было даже для больных и немощных — их за ноги волочили на морской берег. Там во льду была вырублена огромная яма без воды. Туда, связав по двое, посадили 150 человек и начали медленно пускать воду. На дворе стоял жестокий мороз, и все страдальцы были заморожены живьём. И лишь немногих, предварительно избив, бросали в подвалы или отправляли в ссылку.

Ярости и жестокости мучителя не было границ. По списку, поданному

Мещериновым новому, назначенному из Москвы настоятелю, в живых значилось лишь 14 иноков. Всего же в обители было замучено порядка пятисот иноков и бельцов! Земля и камни острова обагрились кровью неповинных страдальцев соловецких. Морская губа, омывающая монастырь с запада, вся была завалена телами убитых, заживо замороженных и казнённых монахов и бельцов. Во множестве их тела валялись около монастырских стен и болтались на виселицах и деревьях. После расправы тела убиенных и разрубленных на части мучеников ещё с полгода лежали непогребёнными, пока не пришел царский указ — предать их земле.

Но этого было Мещеринову мало. Казни и убийства сопровождались кощунственным разграблением монастырских святынь (предвосхищение будущего «изъятия церковных ценностей»). Он «экспроприировал» не только собранные за много веков пожертвования и казну, но и бесценные монастырские святыни, в том числе церковную утварь и иконы. И лишь когда обитель была полностью разорена, Мещеринов посылает к царю гонца, возвещая о «победе».

Однако царю уже не суждено было об этом узнать: на следующий же день после взятия Соловецкого монастыря, 23 января 1676 года, он внезапно заболел, а неделю спустя, в ночь с 29 на 30 января, в день воспоминания Страшного Суда Божия, умер. В сочинении «Возвещение от сына духовного ко отцу духовному» неизвестный автор, близкий к царскому двору, сообщал своему духовному отцу протопопу Аввакуму тщательно скрывавшиеся властями подробности последних дней Тишайшего:

«Царя у нас Алексея в животе не стало февраля ^[74] в 29 день числа, в ноци 4-го часа, на тридесятое число в субботу против воскресения. А по Триоди тот день Страшного суда. А скорбь-та ево взяла того же февраля назад в 23-м числе. А как в болезни той был, так говорил: “Трепещет де, и ужасается душа моя сего часа, что по Триоди Судной день именуется”. И спешили всяко со тцанием, как бы чем хоть мало помощь сотворить: лекарствами и волшебными хитростьми, и ничто же успели. Так уже схваталися за ризу Господню, однако смертнаго часа не отстояли. Да как преставился, тот же час из него и пошло: и ртом, и носом, и ушьми всякая смрадная скверна, не могли хлопчатой бумаги напасты, затыкая. Да тот же час и погребению предали, скоро-скоро, в воскресение то поутру, с обеднею вместе.

А до болезни той, как схватило его, тешилъ всяко, различными утешении и играми. Поделаны были такие игры, что во ум человеку

невместно; от создания света и до потопа, и по потопе до Христа, и по Христе житии что творилось чудотворение его, или знамение кое, — и то все против писма в ыграх было учинено: и распятие Христово, и погребение, и во ад сошествие, и воскресение, и на небеса вознесение. И таким играм иноверцы удивляясь говорят: “Есть, де, в наших странах такие игры, комидиями их зовут, толко не во многих верах”. “Иные, де, у нас боятся и слышати сего, что во образ Христов да мужика ко кресту будто пригвозждать, и главу тернием венчать, и пузырь подделав с кровию под пазуху, будто в ребра прободать. И вместо лица Богородицы — панье-женке простерши власы, рыдать, и вместо Иоанна Богослова — голоусово детину сыном нарицать и ему ее предавать. Избави, де, Боже и слышати сего, что у вас в Руси затияли”. Таково красно, что всех иноземцов всем перещипали. Первое — платьем да ухищрением, чинами, потом уже и верою-тою всех земель иноверцов перехвастали. Да топерь уже то все улеглось, еще не до игрушки. Воспомяя прежнее веселие, слезами обливаются все».

Царь умирал тяжело. «А цар-ет до смерти-тое за день — за другой крепко тосковал, четверг-от и пятницу-ту, да без зазору кричал сице: “О господие мои, помилуйте мя, умилитесь ко мне, дайте мне мало время, да ся покаюсь!” Предстоящи же ему вопрошают его со слезами: “Царь-государь, к кому ты сия глаголы вещаешь?” Он же рече им: “Приходят ко мне старцы соловецкие и пилами трут кости моя, и всяким оружием раздробляют составы моя. Прикажете свободить монастырь их”. И после того субботу ту уже не говорил ничего, лише тосковал, и пены изо рта пуцал. Да сидя в креслах и умер. А до мучения тово, что ему было, видение видял страшно зело. Да одной царице сказал и заповедал никому не сказывать. И о том несть слуху подлинно. А по ево приказу послали было отступить велеть от Соловков-тех. Да на дороге вестник стретил, что уже и тех в животе несть. Ин и ево не стало».

Ранняя смерть царя была воспринята на Руси как Божия кара за гонения и отступничество от древлего православия. Предание говорит о позднем раскаянии царя Алексея Михайловича: заболев, он счёл свою болезнь Божьей карой и решил снять осаду с монастыря, послав своего гонца с вестью об этом. И как раз в день смерти царя у реки Вологды оба гонца встретились: один с радостной вестью о прощении обители, а другой — о её разорении...

Промыслительным образом были наказаны и святотатцы, разорившие Соловецкую обитель. Новый царь, Феодор Алексеевич, расследовав обстоятельства штурма и разграбление монастырских богатств, велел

наказать Мещеринова за превышение полномочий и заточить его на тех же Соловках. Предатель же Феоктист, посланный после взятия монастыря приказным старцем в Вологду, повредился умом и ударился в блудную страсть, после чего заболел неизлечимой болезнью и сгнил заживо.

Несбывшиеся надежды

Итак, в ночь на 30 января 1676 года наступило «умертвие» царя Алексея Михайловича, так и не надевшего на своё чело византийского венца, ради которого было пролито столько крови неповинных русских людей. Весьма показательно, что официальная традиция называет днём смерти самодержца не 30-е (как в летописцах XVII века), а 29 января и связывает это событие с днём памяти святого Игнатия Богоносца, а не с воспоминанием Страшного Суда.

Умирая, царь в своём духовном завещании просил прощения у бывшего патриарха Никона: *«От отца моего духовного, великого господина, святейшего Никона, иерарха и блаженного пастыря, аще и не есть на престоле моем, Богу тако изволившу, прощения прошу и разрешения»* и даже высказывал желание, чтобы тому был возвращён патриарший сан. Характерно, что, узнав о смерти царя, Никон прослезился, но письменного прощения так и не дал. *«Воля Господня да будет, — говорил Никон. — Если государь здесь на земле перед смертью не успел получить прощения, то мы будем судиться с ним во Второе Страшное Пришествие Господне. По заповеди Христовой я его прощаю, и Бог его простит. А на письме прощения не дам, потому что он при жизни своей не освободил нас из заключения».*

Получив известие о смерти царя, Никон *«во всю Четыредесятницу (Великий пост. — К.К.) пил до пьяна и, напився, монастырских всяких чинов людей мучил безвинно».* Он понимал, что теперь все его амбициозные планы потерпели окончательный крах. Вскоре положение его ухудшилось. На соборе в мае 1676 года патриарх Иоаким при поддержке других архиереев поднял вопрос о недостойном поведении Никона. Ему предъявлялись следующие обвинения: 1) Никон продолжал называть себя патриархом; 2) бьёт слуг и монахов; 3) редко ходит в церковь; 4) не молится за царя и патриарха; 5) уже четыре года, как не имеет отца духовного; 6) живёт не по-монашески: во всю Четыредесятницу после смерти царя Алексея пил допьяна; 7) морил людей своими лекарствами; 8) стрелял в птицу, которая у него таскала рыбу. В результате бывшего патриарха перевели в Кириллов монастырь.

Стоит сказать о том, что судьба осуждённых Собором 1666–1667 годов была различной. Если сторонников старой веры изувечили и сослали за

полярный круг, где они были заживо погребены в земляных срубах и в течение многих лет испытывали всевозможные лишения, то судьба Никона была совсем иной. Фактически его отправили в почётную ссылку. После соборного осуждения он жил в Ферапонтовом монастыре, ни в чем не испытывая недостатка — не так роскошно, как в свою бытность патриархом, но и отнюдь не по-монашески.

Сохранились бумаги приказа Тайных дел, отражающие реальную жизнь бывшего патриарха в Ферапонтовом монастыре. *«На содержание Никона шло: из Кириллова монастыря сена 20 возов, дров 15 сажен; из Спасокаменного — сена 12 копен, дров 8 сажен да служба с лошадью для посылок; из Спасоприлуцкого — сена 15 копен, дров 8 сажен да повар. Из Корнильева — сена 8 копен, дров 7 сажен, один приспешник. Из Павлова — сена 8 копен, дров 7 сажен, один портной; Троицкой Устьшекснинского — сена 12 копен, дров 10 сажен, служба с лошадью; Кириллова Новоезерского — сена 10 копен, дров 10 сажен, один псаломщик; Никитского и Благовещенского — сена 5 копен, дров 5 сажен, 1 келейник. У Никона было 11 лошадей, 36 коров. Пристав Шайсунов писал, что Никон держит у себя на рыбных ловлях и по другим службам 22 человека»* (Соловьёв). При этом «великий подвижник» писал царю: *«Помираем с голоду, наги и босы ходим»*.

«182 года (1674. — К.К), ноября 18, посылка стряпчего Кузьмы Лопухина. Послано было для рождения царевича Петра древо сахарное, ковришка на орёл, хлебец чёрный; от царевны Натальи Алексеевны — денег 200 рублей, ковришка сахарная, ковришка пряничная, хлебец чёрный. Для поминовения царевича Алексея денег 200 рублей; послано было также арбузов тамбовских, арбузов белгородских, яблок нежинских, яблок московских. Лопухин объявил, что велено давать ему, Никону, из белозёрских монастырей запасов в год: 15 вёдр вина церковного, 10 вёдр романи, 10 ренского, 10 пуд патоки на мёд, 30 пуд мёду-сырцу, 20 вёдр малины на мед, 10 вёдр вишен на мёд, 30 вёдр уксусу, 50 осетров, 20 белуг, 400 теш межжукосных, 70 стерлядей свежих, 150 щук, 200 язей, 50 лещей, 1000 окуней, 1000 карасей, 30 пуд икры, 300 пучков вязиги, 20000 кочней капусты, 20 вёдр огурцов, 5 вёдр рыжиков, 50 вёдр масла конопляного, 5 вёдр масла орехового, 50 пуд масла коровья, 50 вёдр сметаны, 10000 яиц, 30 пуд сыров, 300 лимонов, полпуда сахару головного, пуд пшена сорочинского, 10 фунтов перца, 10 фунтов инбирю, 5 четвертей луку, 10 четвертей чесноку, 10 четвертей грибов, 10 ч. репы, 5 ч. свёклы, 500 редек, 3 ч. хрену, 100 пуд соли, 60 четвертей муки ржаной, 20 ч. пшеничной, 50 ч. овса, 30 ч. муки овсяной, 30 ч. ячменю, 50 ч. солоду ржаного, 30 ячного, 10

овсяного, 15 ч. круп гречневых, 50 ч. овсяных, 3 ч. проса, 12 ч. гороху, 5 ч. семени конопляного, 20 ч. толокна, да работникам 40 стягов говядины, или 150 полоть ветчины» (Соловьёв). Комментарии, как говорится, излишни...

*

После смерти Алексея Михайловича и восшествия на престол его пятнадцатилетнего сына Феодора появилась робкая надежда на восстановление старой веры. Эта надежда укреплялась и некоторыми переменами, произошедшими при царском дворе. Так, первым назначением нового царствования стало выдвижение самого ревностного старовера в Думе, родного брата замученных в Боровске боярыни Морозовой и княгини Урусовой, — думного дворянина Феодора Прокопьевича Соковнина на ключевую должность главы Челобитного приказа. (Кстати, вполне возможно, что именно он и был тем «сыном духовным», который сообщил Аввакуму подробности последних дней и смерти царя Алексея.) Ведущие роли при дворе вновь заняли Милославские, сочувственно относившиеся к старой вере. Возглавляла сторонников Аввакума при дворе крестная мать царя Феодора царица Ирина Михайловна. Она была старшей в царской семье, в 1676 году ей исполнилось 69 лет.

Новый царь Феодор Алексеевич был очень болезненным юношей, страдал сильной цингой, с трудом мог ходить, опираясь на палку, и большую часть времени вынужден был проводить во дворце. В уже упомянутом выше сочинении «Возвешение от сына духовного ко отцу духовному» автор характеризует нового царя следующими словами: *«Да после его державы дал нам Бог царя, сына ево Феодора, млада суца верстою, да, слышать отчасти, смыслом стара. Как то Бог управит живот и царство! Да ногами скорбен зело: от степеней-тех вверх пухнет, уже мало и ходит; так и носят, куды изволит. Всяко бы, аще Бог изволил, чаять, не посяхщик бы он был на веру-ту. Авось молитв ради ваших, батюшко, и побаратель по истинне будет. Да молодой человек, мало деют по ево хотению; приказ его править князь Юрью Долгорукому, да мало от него, слышать, добра. А се патриарха еще слушают. А Яким-от, знаеш ты, коих мер лаготь. И Феодору-то (Морозову. — К.К.) с сестрами — хто што: не он своим приговором учинил».*

В послании также сообщалось о видениях Феодору Алексеевичу Богородицы, призывавшей царя следовать житию его благочестивого деда Михаила Феодоровича, и святых боровских мучениц. *«И паки потом мало*

дней мимошедши, — сообщает автор «Возвещения», — той же царь Феодор видит сном тонким в ложницу его некую доброродну жену идущу и одеяние иноческое на себе носящи, и по обе страны создаи ея две жены святолепны грядущи, и на плещу своею разноцветно одеяние носящи. И пришедши к нему, реша ему: “Царю младодержавный, здравствуеши ли?” Он же отвеща: “Сокрушен есмь болезнию”. Они же реша: “Чим скорбиши?” И отвеща им: “Ноги отягченны имею”. И паки реша: “Знаеши ли ны?” Он же отвеща: “Ни, како же могу знати, аще не поведите ми?” И глагола едина от них, первая: “Аз есмь Феодора, иже в мире бех Феодосия Морозова, и прежде смерти за пять лет приях сей ангельский образ еще в дому моем. А другая, иже со мною, сестра моя Евдокея, третья же Мария нарицается, иже без правды отец твой муча и томя нас, живых в землю погрузи, и прежде смерти умори, и по смерти заключи телеса наша, да и сам ныне заключен до дни суднаго тако же. Ты же не ревнуй пути его, да не приидеши в место его и прежде времени не погубиши живота своего. А буде хоцещи здравие получитьи, возми телеса наша с честию в царствующий град и повели по старопечатным книгам пение в церквах Божиих пети — и вскоре исцеление получиши. Аще же сего не сотвориши — узриши хотящая быти”. И паки реша: “Ну, мир ти, чадо”. И возвратишася, и отъидоша, им же путем приидоша».

Царь поведал о своём сне патриарху Иоакиму и просил его совета, уповая на то, что перенесение тел святых мучениц в Москву принесёт долгожданное исцеление. «Патриарх же, помрачен сый неверием и необратне и неисцелне недугуя, рече ему: “Царю самодержавне, не достоит ти веры яти таковому сновидению, еже взяти телеса их и пременити предание вселенских патриарх и отец наших, и тем навести на себя клятву отца своего, и по смерти тем его и нас под зазором положить. Ни, царю, ниже помышляй о сем, ниже внимай таким сновидением, веси убо о них, како отвержени от соборныя церкви и от отца твоего осуждены. А ты тем их оправдаеши, а отца своего по смерти поругаеши. Престани убо от такова начинания. А о вере, еже паки переменити, и не помышляй: не я один, и ниже ты, но собором так учинено, и руками закреплено, и царскою печатаю запечатлено. Быть тому уже так”. Да на том и остановил ево Яким-от, не умилился на скорбь-ту ево, опсел ево кругом, и он и положился на том, да стражет теперь ножками зело. А лекарства, де, приносить отказал и не принимает: “Уш-то, де, Бог судил так мне страдати”».

Все эти события при царском дворе вселяли в сторонников древлего благочестия определённые надежды, и Аввакум, охваченный

противоречивыми чувствами, пишет письмо новому царю Феодору Алексеевичу, призывая его вернуться к заветам родной старины и по справедливости наказать виновников чудовищного истребления русского народа.

«Помилуй мя, страннаго, устранишагося грехми Бога и человек, — обращается к молодому царю Аввакум, — помилуй мя, Алексеевич, дитячко красное, церковное! Тобою хочет весь мир просветиться, о тебе люди Божия расточенныя радуются, яко Бог нам дал державу крепкую и незыблему. Отради ми, отрасль царская, и не погуби мене со беззаконными моими, ниже в век враждовав, соблюдеши зол моих, зане ты еси царь мой, и аз раб твой; ты помазан елеем радости, а аз обложен узами железными; ты, государь, царствуешь, а аз во юдоли плачевной плачюся. Увы мне! Кого мя роди мати моя! Проклят день в онь же родихся, и ночь она буди тьма, еже изведе из чрева матере моя...

Царю, послушав, от лют мя избави: един бо еси ты нашему спасению повинен. Аще не ты по Господе Бозе, кто нам поможет? Столпи поколебашася наветом сатаны, патриарси изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо — Бог весть! — али и умроша. Увы, погипе благоговейный от земля и несть исправляющего в человецех! Спаси, спаси, спаси их, Господи, ими же веси судьбами! Излей на них вино и масло, да в разум приидут!

А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрья Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никониян. Князь Юрья Алексеевич, не согрешим, небось, но и венцы победныя примем!..

Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от Спаса; то ему за свою правду. Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творили. Своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку, да и моего Алексея в безумии поддержали, костельники и шиши антихристовы, преллагатаи, богоборцы!

Князь Юрья Алексеевич, здрав буди, а благословение мое есть на главе твоей. Помнишь, и дважды благословил тя да и ныне так же. Прости и моли о мне, грешнем, Бога, да не разлучит нас во царствии своем в день века. Мои, светлы, вы все, князи и боляре, отступником до вас нет дела. Говорите Иоакиму патриарху, престал бы от римских законов: дурно затеели, право. Простой человек Яким-от. Тайные те шиши, кои приехали из Рима, те ево надувают аспидовым ядом. Прости, батюшко Якимушко!

Спаси Бог за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми, с Павлом и Ларионом.

Чюдо! Чюдо! Заслепил диявол! Отеческое откиня, им же отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиша, извратишася. Не я своим умыслом, скверной, затеваю, ни, ни, никакo же, но время открьет, яко чаша в руце Господни неразворенна исполнь растворения и уклони от сея в сию, обаче и дрождие его не искидашася. Псалмопевец глагола: “и дрождей не кинет даром, но испиют е вси грешнии земля”.

Рече Господь: “имеяй уши слышати, да слышит!”

Прости, прости, прости, державне, пад, поклоняюся. Прости, Господа ради, в чем согрубил тебе, свету. Благословение тебе от Всемогущия Десницы и от меня, грешнаго, Аввакума протопопа. Аминь».

*

Какова была реакция царя на послание Аввакума? Одно можно сказать с определённоcтью: царь был не на шутку напуган. 25 августа 1676 года Разрядный приказ послал в Новгородский приказ память, в которой повелевалось перевести «раскольников протопопа Аввакума с товарищи» из Пустозёрского острога в архангельский Кожеозёрский и вологодский Спасо-Каменный монастыри и «*держатъ их в тех монастырех под самым крепким началом с большим бережением*». Грамота об этом была составлена 7 сентября и 20 сентября отослана в Пустозёрск.

Обычно принято считать, что власти, отдавая этот приказ, хотели ужесточить режим заключения пустозёрских «сидельцев» и пресечь их связи с внешним миром. Однако, как убедительно показал историк П.В. Седов, такое предположение представляется сомнительным. «*Замена жестокого заточения в яме Пустозёрского острога на жизнь в монастыре, даже и “под самым крепким началом”*, была бы громадным облегчением для узников. Так держали в монастырях десятки сосланных, виновных подчас в весьма незначительных преступлениях. Царский указ предполагал самый обычный режим их содержания лишь с тем, чтобы они не могли писать за монастырские стены. Да, похоже, и это теперь волновало власти меньше, чем прежде, поскольку перевод лидеров старообрядцев из удалённого от центра Пустозера ближе к Москве не мог преследовать цель отрезать их от сообщников».

«Устрашённый загробной участью своего отца и окружённый в

первые годы царствования тайными сторонниками старой веры, царь Феодор, видимо, колебался. Именно в это время было задумано облегчить участь Аввакума и его союзников. Возможно, к этому же времени относится и челобитная Аввакума царевне Ирине Михайловне...» (Седов)

Обращаясь к царевне, Аввакум просит её «взыскать старая вера» и предлагает наказать никониян за отступление от отеческих преданий: «Ты у нас по царе над царством со игуменом Христом, игуменья. Якоже он, надежа наша, изсек римскою властью любоплотный род еврейский, подобает, государыня, и здесь любоплотным по тому же уставу быть. Не страша же глаголю, но предлагаю законопреступникам збывшееся издревле во Израили. Егда в законе поbledят, тогда и разорение, егда же обратятся ко Господу Богу, тогда им милость и ужитие мирно и безмолвно. Но виждь, предобрая, что над собою и греки учинили, ко псу езда, на Флоренском соборе, истиннее рещи на сонмище жидовское, руки приписали, Мануилович ^[75] с товарищи, что наведе греческой державе? Помнишь ли, свет, реченное или запамятовала?»

Далее Аввакум просит, чтобы ему дали с «никонияны» суд «праведный», без притеснений и насилий, на котором бы каждая сторона, не стесняемая ничем, могла бы свободно и полно изложить свою веру: «да известна будет вера наша христианская и их никониянская». «Воистинну, государыня, никониянская вера и устав не по Бозе, но по человеку. Умыслил Никон оружием и пищальми и со дрекольми на противныя, не разумех пророка вопиюща: “не на лук бо мой уповаю и оружие мое не спасет мене”». Осуждая Никона и его последователей за применение силы к не принявшим «новшества», Аввакум выступает сторонником веротерпимости.

В конце письма Аввакум рисует перед царевной символическую картину боя Христова воинства с тёмными силами дьявола, изображая её как борьбу с «турским» «Салтан-царём»:

«Иду, раб ваш, братися с турским по Святей Божии Церкви, взявши братию мою страждущих повсюду. Не надобе нам ни пищали, ни сабли, ни ино что от таковых, но токмо облекусь в ризы священныя; попы и дияконы со кресты и с фимияном. а черньцы в черныя ризы и схимы. И всяк возраст мужеска полу и женска плачюще и восклицаяюще горце: “Владыко, не остави нас сиры, но прииди и стани с нами, да воспоем песнь раба Божия Моисея: ‘Коня и всадники фараоновы вверже в море, избранныя всадники потопа в Чермном мори’ ” и прочая. Надеюся на Господа, яко Ияков Никейский прогнав перскаго царя комарами.

А никонияня, патриархи и митрополиты и архиепископы со

архимандриты и игумены, пускай против варвара своим сонмом пойдут. Как знают, так и молят по-своему Бога. В молитвах их напечатано: “Молимся тебе, дух лукавый”. Пускай оне с лукавым духом, а мы, христиане, со Христом Исусом. Нам оне, поганцы, в товарищы не надобны. Мы пойдём на турская полки от десных, в руках победное оружие, крест, держа, а никонияня пускай да идут о левую, с крыжсами и с партесным пением. Оне пускай против воевод идут турскаго, а мы на самого диявола и Салтана-царя. Я хошу о Христе Бозе моем, яко Давыд на Голияда, тако и Салтана-царя патрахилю обявав, в Москву притащу ти и пред царя моего поставлю, яко пса, и благословение царю-государю подам.

Пойду в пустыню, куды очи несут, направляем Христом и Пречистою Богородицею, а избранное Христово воинство, куды кто хочет, туды и поди, Бог благословит. А никонияня назад не возвратятся, тако глаголет Дух Святый, истреблени будут, яко Мадиям и Сисара и Авим в потоце Кисове, со иноплеменники брашася, погибнут вси, потребятся, яко древле во Аендоре, будут яко гной земный. Да больше того полно говорить, будет так, яко же рекох».

Основной целью этого обращения протопопа Аввакума к влиятельной старшей царевне, сочувствовавшей старой вере, было добиться «праведного суда» над сторонниками Никоновых реформ, чтобы ниспровергнуть возведённую на старообрядцев клевету, закреплённую решением «разбойничего» Собора 1666–1667 годов. Такого же «праведного суда с никонияны» требовали в свое время в челобитных царю инок Авраамий, поп Лазарь, диакон Феодор и другие вожди староверия.

5 октября 1676 года от имени «соловецких остальцев» с челобитной о возвращении старой веры к царю обращается ещё один лидер староверов — чёрный диакон Игнатий Соловецкий. «Похвално же в доброй воле к покаянию прибегаю, — писал Игнатий. — Мы же, бедныя, вины благословныя своей пред царем своим самодержцем никаковы вины не знаем, ни же крымскому, ни турскому, ни к литовскому, ни к немецкому, ни к коим иноверцам не прибегаем и вестьми о управе и жалобами не пересылаемся и никоего злохитрства над царством вашим ни помыслити нам невозможно. К своему царю, самодержцу, к вам прибегаем, о всяких своих нуждах возвецаем, помышляя обрести пристанище тихое и покров крепок, и в скорбех настоящих и напастех ищем обрести расправу разумну. Единова просим и молим у него — благаго дара получитьи».

Любопытно, что Игнатий Соловецкий был также автором жития святой благоверной княгини Анны Кашинской, канонизированной незадолго до начала раскола в 1650 году. «В начале царствования Фёдора

Алексеевича это житие стало предметом оживлённой полемики, — пишет П.В. Седов. — В 1675–1676 годах был создан сборник из четырёх литературных памятников: житие Анны Кашинской, жены тверского князя Михаила Ярославича, и статей с дополнениями о явлении княгини пономарю Герасиму, обретении и перенесении её мощей из деревянной церкви Успения в кашинский Воскресенский собор. В житии было указано, что при обретении мощей правая рука святой была “согбена, яко благословящая”, то есть двуперстно».

19 ноября 1676 года царь Фёдор Алексеевич отправляется в свою первую дальнюю поездку — в Троице-Сергиев монастырь и Переславль-Залесский. Оттуда царский поезд должен был ехать в Углич, Кашин, Дмитров и Звенигород. Весьма характерно, что в приказных документах этот поход называется «кашинским», поскольку именно Кашин был главной целью. *«Кажется, кто-то в ближайшем окружении царя подталкивал его к возврату двуперстного крещения. Вид мощей святой Анны, чьи персты во гробе были сложены по дониконовскому обряду, мог произвести огромное впечатление на юного царя»* (Седов).

Однако резко ухудшившееся здоровье не позволило царю посетить Кашин. Царский поезд вернулся в Москву, и пока Фёдор Алексеевич болел, патриарх Иоаким не терял времени зря и нанёс упреждающий удар. Он отправил в Кашин комиссию во главе с митрополитом Рязанским и Муромским Иосифом и архиепископом Тверским и Кашинским Симеоном. 24 февраля 1677 года комиссия доложила о результатах осмотра мощей святой благоверной княгини Анны на церковном соборе. Собор исключил Анну Кашинскую из лика святых и издал постановление, чтобы её память не почиталась и с молитвой к ней не обращались. Житие Анны Кашинской было объявлено ложным. Иконы и покров с изображением святой предписывалось взять в Москву для рассмотрения, а церковь во имя святой Анны была переименована в церковь Всех Святых ^[76].

В этот же день царь (видимо, не без влияния патриарха) приказал вернуть Аввакума обратно в Пустозёрский острог: *«И февраля в 24 день, по памяти из Стрелецкого приказа послана великого (государя) грамота в Пустоозерский острог к воеводе. Велено, как Аввакума протопопа с товарищи из монастыря в Пустоозерский острог привезут, и их велено посадить по-прежнему о тех тюрем, где преж сего сидели. Воеводе сее учинить по грамоте, какова прислана будет из Стрелецкого приказа»*. Из-за дальности расстояния московские власти не знали, что вожди староверов не только ещё не были переведены в монастыри, но что даже царские грамоты об этом переводе не были получены в Пустозёрске — они дойдут

только 14 марта 1677 года!

Тем самым надежды на восстановление старой веры рухнули. Вскоре умерла крестная мать Феодора Алексеевича царица Ирина Михайловна (1679), и её место занял давний оппонент Аввакума, униат и иезуитский выученик Симеон Полоцкий. В июле 1680 года молодой царь женился на полячке Агафье Грушецкой, окончательно подпав под влияние нового окружения. Он начал активно внедрять в государстве западные порядки и обычаи: уже через несколько месяцев после свадьбы последовали изменения в мужской и женской одежде, *«начали в Москве волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польские носить, школы польские и латинские закладывать»*. В ближайшем окружении царя появились иностранцы.

Вместе с тем, несмотря на возражения патриарха Иоакима, под влиянием своего латинствующего окружения и второй своей тётки царицы Татьяны Михайловны, горячей поклонницы Никона, царь в 1681 году решил вернуть низложенного патриарха в Воскресенский монастырь. По-видимому, это было связано с новым царским «проектом», о котором сообщает В.Н. Татищев в «Истории царя Феодора Алексеевича»: *«Царь Феодор Алексеевич по представлению учителя его Симеона Полоцкого, который с патриархом Иоакимом великую злобу имел... умыслил учинить в Руси папу выше греческих патриархов и в Руси учинить 4 патриархов, где прежде были митрополиты и 70 архиепископов и епископов, в папы призвать сверженного Никона, Иоакима патриархом в Новгород и пр. Иоаким, уведав о сем своем низвержении, просил многих вельмож об отвращении онаго и, согласясь, Андрею Лызлову велели предложение сочинить, которое со многими обстоятельством, показующими немалый вред государства, а паче оскорбление чести царя Алексея Михайловича и судивших Никона, чрез что оно отвращено, токмо Иоаким 12 митрополитов учинил и 2 епископа прибавил»*. Несмотря на скептическое отношение историков к этому сообщению Татищева, оно подтверждается рядом других источников (в частности, донесениями иностранных посланников в Москве).

В письме к Никону царь Феодор Алексеевич называл его патриархом и своим отцом, просил у него благословения, а когда тот 17 августа на полпути в Воскресенский монастырь умер, приказал отпевать его по архиерейскому чину. При этом царь приказал к похоронам Никона сшить всему духовенству новые ризы из богатых китайских тканей, вылить свечи в сажень длиной и, идя за гробом, пел сам со своими «верховыми» певчими стихеру шестого гласа.

Теперь речи Аввакума о «родной старине» могли лишь привести царя в раздражение. В 1679 году патриархом Иоакимом была напечатана «Присяга хотящим взыти на степень священства». В ней, в частности, говорилось: *«Аз же проклиная расколочалников и отступников бывших, и смутителей церковных: Аввакума протопопа, Никиту Пустосвята, Лазаря попа и лжемонаха Сергия, и с прочими последователями. И кто их почитает страдальцами и мучениками, а не отступниками святыя Церкви, и не проклинаяет их, да будут проклята и анафема».*

Пустозёрский костёр

Тем временем жизнь пустозёрских «сидельцев» шла своим чередом. 2 сентября 1679 года в Пустозёрске была получена царская грамота, предписывающая содержать «Аввакума с товарищи» в тюрьме «с великою крепостью», и, если их тюремные помещения пришли в ветхость, «укрепить тотчас».

А тюрьмы действительно обветшали. Согласно отписке пустозёрского воеводы А.Т. Хотенева, поданной 7 февраля 1681 года в Москве, «...в Пустоозерском же, государь, остроге тюрьмы, где сидят ссыльные Аввакум с товарищи, все худы и розвалились же, а починить тех тюрем нельзя ж, все згнили, а вновь построить без твоего, великого государя, указу не смею». По этой отписке грамотой от 2 марта велено было: «тюремной двор построить вновь, буде починить не мочно. А строить велеть тот тюремный двор с великим береженьем, чтоб ис тюрьмы ис колодников кто не ушол, а строить преж велеть тюремной тын, а избы после с великим же остерегательством». Приказывалось также снести с приказом Большой казны, которому по этому поводу 11 февраля была послана соответствующая память.

Согласно сведениям Пустозёрской переписной книги и письму местного воеводы Гаврилы Яковлевича Тухачевского, в остроге в это время имелось «на посаде и в жирах посадцких, тягловых, с монастырскими, опричь церковных причетников пятьдесят три двора, да нищих и вдов восемь дворов, а людей в тех дворах двесте шездесят восем человек, да без дворных и нищих сто семь человек». Кроме того, имелось шесть дворов причетников, в которых проживал 21 человек, и 23 пустых двора, жители которых сбежали или умерли. В Пустозёрске было четыре церкви — Введенская, Никольская, Спасская и Пречистенская и подворье Красногорского Пинежского монастыря — «для рыбного промыслу». Любопытно, что священником пустозёрской Введенской церкви был ученик и последователь Аввакума отец Андрей, служивший по старопечатным службникам и живший в Пустозёрске еще в 1713 году.

20 января 1680 года в Пустозёрск были присланы «воры и мятежники» во главе с Логином Степановым, схваченные после подавления восстания в Соловецком монастыре: Игнашко Иванов, Митька Борисов, Данилко Терентьев, Васька Иванов, пушкарь Климка Фёдоров, Тишка Малафеев,

Федька Семёнов, Петрушка Кузьмин и Федотка Микитин. В это время в Пустозёрске также находились «ссылные люди» Ондрюшка Олонец с сыном и Стенька Мезенец с женою. До 9 октября 1680 года в Пустозёрске жил сосланный сюда после смерти Алексея Михайловича боярин А.С. Матвеев с сыном Андреем. В Пустозёрском остроге в отдельном доме проживала также супруга попа Лазаря Домна.

Несмотря на новые строгие запрещения властей, сочинения Аввакума и всей «великой четверицы» по-прежнему переписывались «добрым письмом», из них составлялись полные сборники и рассылались «верным». Сочинения Аввакума можно было теперь приобрести «из-под полы» даже в Москве в книжных рядах на Красной площади. Власти это всё больше и больше беспокоило.

*

6 января 1681 года, в праздник Богоявления Господня, в Москве произошло событие, которое, по-видимому, окончательно предрешило судьбу пустозёрских страдальцев.

В этот день каждый год с участием царя и высшего духовенства совершался торжественный крестный ход из Кремля на Москву-реку. *«Из всех официальных праздников это был самый пышный, из всех царских выходов — самый торжественный, — пишет А.М. Панченко. — “Чающие движения воды” съезжались в столицу со всего государства. На кремлёвском холме собиралось до трёхсот-четырёхсот тысяч человек. Около полудня начинался крестный ход, который направлялся из Успенского собора к Тайницким воротам. Напротив них на Москве-реке устраивалась иордань. Шествие открывали стрельцы в цветных кафтанах, с золочёными пищалями, копьями и протазанами — по четыре человека в ряд, сто восемь рядов в описываемый день. На ложах сверкали перламутровые раковины, с обтянутых жёлтым и красным атласом древков свисали шёлковые кисти. За стрельцами, в преднесении икон, крестов и хоругвей, следовало священство в богатейших облачениях, от младших степеней — к старшим, с патриархом позади. Потом шли московские чины, начиная приказными дьяками и кончая стольниками, за ними царь в окружении бояр, поддерживаемый под руки двумя ближними людьми... На царе была порфира с жемчужным кружевом, на плечах — бармы, или диадима, большой крест на груди и Мономахова шапка с соболиной опушкой. Всё это блистало драгоценными камнями; даже*

бархатные или сафьянные башмаки были густо унизаны жемчугом. На иордани, в “царском месте” (оно представляло собой миниатюрный расписной пятиглавый храм) государь переодевался в другое, столь же роскошное платье. Смена одежд была символической и имела прямое отношение к идее праздника — обновлению человека, призванного к чистой и безгрешной жизни. Во время богоявленских торжеств “орошалась душа”; наглядно это подчеркивалось окроплением и купанием в крещенской проруби. Однако нашлись люди, которые восстали против показного официального благополучия».

Торжественный ход праздника был нарушен бунтом, о котором власти позднее вспоминали с содроганием. Вот как об этом сообщается в синодском «объявлении» 1725 года, написанном по поводу отобранной у московских старообрядцев иконы с ликом пустозёрского страдальца: *«Долголетно сидя в пустозерской земляной тюрьме, той безсовестный раскольник (Аввакум. — К.К.)... утоля мздою караул, посылал ко единомысленным своим в Москву, котории во время царствования... Феодора Алексеевича, пришествии его величества на иордань в день святого богоявления, безстыдно и воровски метали свитки богохульня и царскому достоинству безчестныя. И в то же время, как татие, тайно вкрадучися в соборныя церкви, как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальныя свечи ставили, не умаяся ничим от святокрадцев и церковных татей. Сея вся злодеяния быша в Москве от раскольников наущением того же расколочальника и слепаго вождя своего Аввакума. Он же сам, окаянный изверх, в то же время... сидя в вышеозначенном юдоле земляныя своя тюрьмы, на берестяных хартиях начертывал царския персоны и высокия духовныя предводители с хульными надписании, и толковании, и блядословными укоризнами».*

Итак, совершилось нечто неслыханное! Во время Крещенского водосвятия, когда на кремлёвском холме и по берегам Москвы-реки собрались сотни тысяч людей, включая царя Феодора Алексеевича, противники никоновских реформ устроили разгром в опустевших Успенском и Архангельском соборах — главных храмах государства Российского. «Это был не столько разгром, сколько символическое осквернение. Сальные свечи в церковном обиходе не употреблялись; их считали нечистыми... Дёготь — общеизвестный знак позора, им мажут ворота гулящей девке. В глазах бунтарей официальная церковь утратила непорочность, уподобилась блуднице и не могла претендовать на духовное руководство» (Панченко).

В то же самое время старообрядец Герасим Шапочник поднялся на

колокольню Ивана Великого и «метал» оттуда в толпу свитки с политическими карикатурами и «хульными надписями», обличающими царя, светских и духовных властей во главе с патриархом Иоакимом. Как выяснилось, оригиналы на берестяных хартиях изготовил сам протопоп Аввакум. Одна из таких карикатур, выполненная на бумаге, дошла до наших дней. На ней изображён круг «верных», а вне этого круга даны схематические изображения физиономий «вселенских» патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и трёх русских новообрядческих иерархов — Никона, Павла Крутицкого и Илариона Рязанского. Подписи под изображениями гласят: «окаянный», «льстец», «баболоб», «сребролюбец», «продал Христа». Такого публичного позора власти простить не могли. Вскоре последовало решение об учреждении следствия по данному делу.

6 февраля 1682 года, в понедельник, в Москве открылся церковный собор. На нём присутствовали патриарх Иоаким, 8 митрополитов, 3 архиепископа, 1 епископ, 12 архимандритов и 10 игуменов. На рассмотрение собора правительство царя Фёдора Алексеевича предложило план широкой, почти что революционной перестройки всей системы русской иерархии, который, впрочем, во всей полноте осуществлён тогда не был. Для противодействия старообрядчеству правительство желало увеличить число архиереев, с подчинением их патриарху и митрополитам, но собор предпочёл учредить несколько новых независимых епархий для избежания распри между архиереями об их сравнительной «высости».

На Соборе 1682 года, как и на прежних соборах, делались от царя вопросы или предложения, на которые следовали соборные приговоры. 8 февраля 1682 года царь Фёдор Алексеевич в письме собору спрашивал: «*Как следует поступать с раскольниками?*» — и получил разрешение собора поступать с ними «по государеву усмотрению». Тем самым собор передал в руки светской власти противодействие старообрядчеству, прося в то же время государя не давать своих грамот на строение вновь пустыней, уничтожить в Москве палатки и амбары с иконами, называемые часовнями, в которых священники совершают молебны по старопечатным книгам, и запретить продажу у Спасских ворот и в других местах «листочков» и «тетрадок» с выписками будто бы из Божественных книг. Вместе с тем особый отдел постановлений собора был направлен непосредственно против защитников древлего благочестия, которым запрещалось собираться на молитвы в частных домах и которых духовенство должно было отсылать к государственному суду для последующего наказания. Царская грамота

того же 1682 года давала епископату новые, расширенные полномочия по борьбе с «расколом». Одним из итогов собора стало издание указа о старообрядцах, предписывавшего разыскивать их и сжигать в срубках.

Вскоре решения церковного Собора 1682 года, предающие старообрядцев «градскому суду», были воплощены в жизнь. В Пустозёрск был направлен капитан стрелецкого стремянного полка И.С. Лешуков, который провёл спешный сыск по поводу распространения Аввакумом из земляной тюрьмы «злопакостных» и «злохульных» писаний, направленных против царя и новообрядческих иерархов.

14 апреля 1682 года, в Страстную пятницу, по настоянию патриарха Иоакима, Аввакум был сожжён в деревянном срубе вместе со своими единомышленниками и союзниками — священником Лазарем, диаконом Феодором и иноком Епифанием. В литературе об Аввакуме можно часто встретить следующую мотивацию приговора о смертной казни пустозёрских страдальцев: «...за великия на царский дом хулы». Однако эти слова взяты не из официального документа, а из записок графа А.А. Матвеева, написанных уже после 1716 года. Что касается официального приговора о казни Аввакума и его союзников, то таковой до сих пор не обнаружен. Вполне возможно, что его попросту не было — расправа творилась втайне, чтобы не вызвать нового возмущения среди последователей древлего благочестия.

И подобные опасения были небезосновательны, как покажут последующие события весны — лета 1682 года. *«Теперь мы знаем, что крещенская “замятня” была не случайным эпизодом, не актом отчаяния, не предприятием одиночек, — пишет А.М. Панченко. — Это было грозное предвестие знаменитой “Хованщины”, стрелецкого восстания весны и лета 1682 года. В нём переплелись социальные и конфессиональные мотивы. Активнейшим его участником был любимый ученик Аввакума, посадский человек из Нижнего Новгорода Семён Крашенинников, в иночестве Сергей».*

К месту казни собрались пустозёрские жители — увидеть и услышать в последний час великих учителей древлеправославия, апостолов Заполярья, и попрощаться с ними. Протопоп Аввакум благословился у своего духовного отца инока Епифания, попрощался со своими союзниками и сам благословил их на предстоящий мученический подвиг. Книги свои и прочее скудное имущество они заранее раздали местным жителям и единомышленникам. Все четверо попрощались с народом и низко поклонились, после чего их привязали по четырём углам деревянного сруба. *«И обложиша сруб весь смольем и берестом, и соломою, и смолою, и*

зажгоша огнем». Сруб запылал. Горевшие заживо мученики единогласно запели задостойник «Владычице, приими молитву раб Своих». В пламени костра Аввакум сумел высвободить руку и, сложив её в двуперстное крестное знамение, высоко поднял над собой, в последний раз обращаясь к народу: «Будете таким крестом молиться — во веки не погибнете!»

В «Сказании о кончине блаженного Епифания и прочих с ним страдалцев в Пустозерском городке, како скончались» говорится о чуде, произошедшем в момент казни: «Огнь же велми возшуме и возгореса великим пламенем на воздухе; они же стояще в пламени и до конца допевше стих той, и поклонишася в землю, и пламень объят их. Народ же весь Пустозерскаго городка, около стояща, и воины, и неции боголюбивии мужие видеша из сруба и из пламени — отец инок Епифаний подняся на воздух, аки носим Божественною некою силою, в верх к небеси, и невидим бысть. Онии же указующе друг другу, и овья видеша, а овии не видеша. И егда сгоре сруб, и пламень умалися, и обретоша страдалцев трех телеса не згоревша, токмо опалишася, протопопа Аввакума, и священника Лазаря, и диакона Феодора, и от риз их овья части не сгореша; а отца Епифания не обретоша тела, ниже от риз его что обретше, и удивишася сему. И которые видевшие преславное сие чудо из сруба с пламенем отца Епифания на воздухе вознесенна в верх к небеси, сказавше свое видение, и начаша дивитися сему преславному Божию милосердию, и прославиша Бога, дивнаго в чудесех Своих, яко и в нынешняя последняя времена Бог прославляет и укрепляет древлецерковное благочестие».

Перед смертью Аввакум предсказал скорую кончину царя Феодора Алексеевича. Пророчество это в точности сбылось: две недели спустя, 27 апреля 1682 года, молодой царь неожиданно скончался. Народ увидел в этом событии Божие возмездие за казнь пустозёрских страдалцев.

С казнью «великой четверицы» стояние за старую веру не закончилось. Зарево пустозёрского костра озарило и всколыхнуло всю Россию. На Дону, где проповедовал игумен Досифей, поднялось мощное народное движение за возвращение к древлеправославию. Начались выступления и в столице, а вскоре здесь вспыхнет знаменитая «Хованщина» — последняя попытка преодолеть раскол Русской Церкви и вернуть Московское государство к вере отцов. «Сожжение Аввакума также, вероятно, послужило толчком к выступлению в Москве. Аввакум был широко известен среди московского люда, в том числе и среди стрельцов, своими духовными посланиями. Он также был знаком и с князем Хованским. Пользуясь борьбой придворных партий и слабостью власти, князь Хованский и некоторые старообрядческие руководители с

помощью стрельцов предприняли попытку восстановить старую истинную веру» (Безгодов). Однако этой попытке не суждено было увенчаться успехом...

*

После смерти Аввакума Анастасия Марковна до января 1693 года (с октября 1664-го) жила с семьёй в Холмогорах и в Окладниковой слободе на Мезени. При содействии князя В.В. Голицына семье Аввакума 4 января 1693 года царским указом было разрешено выехать с Мезени, и Марковна с сыновьями Иваном и Прокопием поселились в Москве. Около года она жила в Елохове у «свойственника своего», посадского человека Меркула Лукьянова, в приходе Богоявленской церкви, в последующее время проживала в собственном доме, в приходе Троицкой церкви, «что на Шаболовке», на участке капитана Якова Тухачевского. Умерла в 1710 году и погребена при той же церкви. В XIX веке её надгробная плита ещё сохранялась.

Старший сын Аввакума Иван вместе с братом Прокопием был освобождён 14 января 1693 года на «добрые поруки» в город Романов. До своего освобождения прослужил дьячком при церкви Богоявления Господня в Окладниковой слободе. Однако когда братья явились в Стрелецкий приказ, боярин И.Б. Троекуров «приказал им словесно жить в Москве свободно». Живя в Москве, Иван Аввакумович, по-видимому, выступал тайно в роли старообрядческого наставника. В 1717 году Иван был арестован по делу о «распространении раскола», осуждён «в Кирилов монастырь в вечное пребывание» и, измученный допросами и переездами, умер 7 декабря 1720 года в возрасте семидесяти шести лет, находясь в Петербурге в Петропавловской крепости за караулом. Прокопий, судя по всему, в 1717 году был ещё жив и проживал в Москве. Он отличался меньшей стойкостью в приверженности к старой вере. О судьбе других детей протопопа Аввакума нам ничего не известно.

*

В XVIII веке Пустозёрский острог пришёл в запустение и постепенно исчез с лица земли. Но память о страдальцах за старую веру долго ещё жила среди пустозёрцев; известно было и место, где они сгорели. На месте

казни мучеников был поставлен памятный крест, который существовал ещё в начале XX века. Согласно надписи на нём, крест был поставлен «1788 года марта 1 дня... тщанием господина мезенского купца Петра Протопопова».

Последние жители покинули это место в 1960-х годах. Сегодня на месте Пустозёрска голый песок, мох да низкий кустарник. Лишь кое-где виднеются останки деревянных восьмиконечных крестов. Официально городище Пустозёрск является государственным памятником архитектуры под открытым небом. Ещё в 1960-е годы благодаря учёному-археографу, исследователю печорской старины В.И. Малышеву здесь был поставлен каменный обелиск исчезнувшему городу, сложенный из фундамента последней пустозёрской церкви. В 1989 году краевед из Нарьян-Мара Михаил Фещук вместе с товарищами собственноручно изготовили и установили памятный знак в честь мучеников за древнее благочестие — бревенчатый сруб, из которого поднимаются к небу две резные шестиметровые лиственницы, символизирующие двуперстие, увенчанные узорным навесом, удивительно напоминающим поморские намогильные кресты-голбцы. Между столбами на цепях подвешен колокол, звонящий в память о мучениках за старую веру. В 1991 году группа староверов-поморцев из Рижской Гребенчиковской общины установила древлеправославный восьмиконечный крест из лиственницы на месте сожжения пустозёрских отцов, а в 2007 году в Нарьян-Маре была построена и освящена старообрядческая часовня во имя протопопа Аввакума и пустозёрских мучеников, которую первоначально предполагали установить на месте казни пустозёрских страдальцев, но по ряду причин так этого сделать и не смогли. Возможно, это удастся в будущем, поскольку и в наши дни к этому поистине святому месту не иссякает поток паломников со всех концов России.

Эпилог

Роль Аввакума в русской истории трудно переоценить. Как немислимы русская история и культура без старообрядчества, так непредставима история старообрядчества без Аввакума.

О роли старообрядцев в истории России очень хорошо сказал философ В.В. Розанов: *«Если на всемирном суде русские будут когда-нибудь спрошены: “Во что же вы верили, от чего вы никогда не отреклись, чему всем пожертвовали?” — быть может, очень смутясь, попробовав указать на реформу Петра, на “просвещение”, то и другое ещё, они найдутся в конце концов вынужденными указать на раскол: “Вот некоторая часть нас верила, не предала, пожертвовала”...»*

Да, страшно себе представить, но если бы не нашлось тогда в XVII веке таких людей, как Аввакум, епископ Павел Коломенский, боярыня Морозова, не побоявшихся открыто выразить свой протест против незаконных никоновских реформ и пожертвовать за свои убеждения жизнью, то государства с названием Россия, может быть, уже и не существовало бы на карте мира.

В наши дни становится очевидным, что раскол был неизбежен. Как бы то ни было, трещина в русском обществе XVII века, разделившая его на старообрядцев и новообрядцев, проходила гораздо глубже собственно обрядовых различий, сколь бы ни были они важны для средневековой картины мира. *«Смысл раскола сосредотачивался вокруг реформ Никона, связанных с исправлением книг религиозного содержания и изменением некоторых обрядов. Однако эти конкретные факты, случись они раньше или позже, могли бы оказаться незамеченными. Значит, в них проявилось нечто большее, а именно, столкнулись две традиции в понимании веры и в видении церкви, а следовательно, две картины мира, которые культурному канону в его средневековом варианте удавалось примирять. То, что раскол имел такой общественный резонанс, означает, что на новом витке истории, когда не только государство, но и вся русская цивилизация переживала надлом, когда в этой цивилизации становится предельно активной личностью, притягательной оказывается традиция в русском православии, являющаяся демократической (то есть старообрядчество. — К.К.). Если проводить параллели с XX веком, то, по сути дела, уже в XVII веке Россия переживала нечто, предвосхищающее революцию начала*

нашего столетия и последующую за ней гражданскую войну, сопровождавшуюся истреблением огромной массы соотечественников, изгнанием их в другие страны, переселением на другие территории» (Хренов).

С никоновскими реформами, устлавшими путь последующим преобразованиям Петра I, жизнь русского человека сильно изменилась. Началась десакрализация культуры, десакрализация жизни. Никоновская реформация явилась началом того широкомасштабного процесса, который не будет преувеличением назвать «раскрещиванием Руси». Этот процесс начался с сомнения в вере, некогда принятой предками при святом князе Владимире, и последующего отказа от неё, продолжился религиозным скептицизмом XVIII и нигилизмом XIX веков, а закончился воинствующим атеизмом XX и неоязыческим материализмом XXI веков. Под воздействием западной культуры произошло постепенное обособление русской культуры от церкви (секуляризация, обмирщение) и превращение светской, обмирщённой культуры в автономную область. Это повлекло за собой расслоение русского общества. Если раньше русское общество (при всех различиях в социальном положении) в культурно-религиозном плане было однородным, то западное влияние, по словам историка В.О. Ключевского, разрушило эту нравственную цельность: русское общество, не одинаково проникаясь западными влияниями, раскололось наподобие неравномерно нагреваемого стекла.

Со времён раскола и последовавших за ним петровских преобразований в России, по сути дела, существовало две культуры: светская — прозападно ориентированная, укоренившаяся в центре культурной и общественной жизни, и религиозная — ориентированная национально, которая ушла на периферию национально-исторического развития. Когда говорят о русской культуре XVIII–XX веков, то подразумевают преимущественно первую, лишь вскользь упоминая о второй или вообще о ней не упоминая. Русский мыслитель Г.П. Федотов, писавший с позиций господствующей церкви, говорит: *«Вместе с расколом большая, хотя и узкая, религиозная сила ушла из Русской Церкви, вторично обескровливая её... 0 (ноль) святости в последнюю четверть XVII века — юность Петра — говорит об омертвлении русской жизни, душа которой отлетела»*. Всё сказанное всецело относится к господствующей церкви, в которой за двести лет, прошедших с Петра I до восшествия на престол Николая II, официально было канонизировано всего четыре человека (причем все четверо — епископы, представители высшей церковной власти)!

Что касается старообрядчества, то очевидно, что с конца XVII века в нем начинается самый настоящий расцвет святости, причём святости несомненной. Мы встречаемся здесь с такими подвигами исповедничества и мученичества за веру, какие можем встретить разве что в первые века христианства, во времена жесточайших гонений на христиан, организованных языческими императорами. Мученическая смерть за веру всегда почиталась высшим христианским подвигом и даже вменялась в таинство крещения, если пострадавший за веру ещё не был крещен («крещение кровью»). Как известно, первыми русскими святыми стали именно князья-мученики Борис и Глеб, причём их всенародное почитание предупредило церковную канонизацию. Вполне естественно, что в сознании старообрядцев подвиг стояния за освящённые веками церковные предания уравнивал новых страдальцев с древними. Так, например, диакон Феодор в своём Послании из Пустозёрска сыну Максиму и «прочим сродникам и братьям по вере» писал о своих соузниках: *«Подвижники они и страстотерпцы великия, и стражуют от никониян за церковныя законы святых отец доблественне, и терпение их и скорби всякия многолетняя болши первых мучеников мнятся ми воистину»*.

Для старообрядцев кровь новых мучеников, пролитая за Христа, не только приравнивала их к первым христианам, но и служила верным доказательством сохранения старообрядцами истинной православной веры: *«Блаженна еси, земле Российская, на конец веков обагрившаяся мученическою многоговеиною кровию, честнейшею паче Авелевы, славнейшею паче Науфеевы, святейшею паче Захарины. Сии бо пресвятии страдальцы исполниша лишение скорбей Христовых в плоти своей (по апостолу), коих бо ран не понесоша, коих болезней не претерпеша, коих страстей не подъяша! Древнии бо мученицы различныя терпяху болезни, яже во узах и темницах, яже во алчбе и жажди, яже во огни и дыме, яже во мразе и воде, яже на колах и крестех, яже в конобех (котлах) и на сковрадах. Но и сии пресветлии венечницы всеми виды горчайших мучений не сравниша ли ся древним страдальцем, новии сии страстотерпцы? Ей, сравнишася! Не тыяжде ли проидоша муки и страсти? Воистинну тыяжде. Не теми же ли скончашася смертьми? Ей, воистинну теми же. Темже и славу получиша туюжде, и венцы прияша тыя же, и царство наследоваша то же»*.

Вместе с тем нельзя не видеть в церковном расколе середины XVII века проявления неизреченного Божия Промысла. Выброшенная на периферию магистрального развития русской культуры, та часть русского народа, которая не пожелала принять никоно-петровской реформации и

получила у историков название «старообрядцев», а у своих гонителей — презрительную кличку «раскольников», чудесным образом сумела сохранить прежний духовный идеал, вдохновлявший наших предков со времён Крещения Руси, и пронести его сквозь века до начала третьего тысячелетия. Это была самая убеждённая и самая здоровая часть русского народа — «последние верующие» (как метко назвал их В.В. Розанов).

Однако две культуры, образовавшиеся в России после церковной реформации, несмотря на резкое расхождение между собой, никогда не были абсолютно изолированы друг от друга, и мы имеем многочисленные примеры их взаимовлияния. Староверы всегда представляли собой мощную силу, с которой власти не могли не считаться. Немецкий путешественник барон Август Гакстхаузен, посетивший Россию в середине XIX века, писал: *«Староверы имеют большое нравственное влияние на Россию и на правительство. При каждом новом законе, в вопросах церкви, внутренней политики, при предложениях каких-либо улучшений или изменений, — всегда ставится втайне вопрос: что скажут на это староверы?»* Что уж говорить о широких массах простого русского народа, среди которого нравственный авторитет староверия был необычайно высок! В старообрядцах всегда видели подлинно духовных учителей, всем своим образом жизни следовавших по пути, заповеданному Христом. Вопреки всем запретам и гонениям, практически не прекращавшимся со времён царя Алексея Михайловича, они стойко продолжали придерживаться веры своих отцов.

Так что не высохла река русской святости, не иссякла, но ушла в сокровенные глубины народные, продолжая во многом влиять на жизнь простого русского крестьянства. Недаром к середине XIX века в защиту самобытности русской культуры выступили уже представители дворянского сословия — славянофилы, недаром тогда же начался настоящий всплеск интереса среди «образованных слоев» общества к национальному стилю в искусстве, интереса к своей собственной истории и культуре. Оценена была и личность протопопа Аввакума. Выражая мнение многих выдающихся деятелей русской культуры того времени, профессор К.Ярош писал в конце века: *«Народ, способный породить в своём лоне подобные личности, имеет в себе великие задатки».* Ну а на исходе XX века наконец-то пришла очередь по-настоящему оценить ту выдающуюся роль, которую сыграло старообрядчество в деле сохранения православной веры и национальной культуры. Время разбрасывать камни прошло — наступило время собирать камни.

Протопоп Аввакум глубоко почитается всеми старообрядцами,

несмотря на существующие в самом старообрядчестве разделения. Ещё в конце XVII века появились первые иконописные изображения Аввакума, предстоящего Спасителю (в собрании Государственного исторического музея в Москве), а в начале XVIII века на Выге была составлена служба святым исповедникам и новым российским страдальцам — протопопу Аввакуму, епископу Павлу Коломенскому и другим.

Русской Православной Старообрядческой Церковью (белокриницкой иерархии) и Русской Древлеправославной Церковью (новозыбковской иерархии) Аввакум канонизирован как священномученик — соответственно в 1916 и 1988 годах.

В мае 2006 года в Санкт-Петербурге проходил Третий Всероссийский собор Древлеправославной Поморской Церкви, собор, которого ожидали почти сто лет... Среди многих других насущных вопросов на соборе староверов-поморцев — наиболее последовательных продолжателей дела протопопы Аввакума — поднимался и вопрос о канонизации епископа Павла Коломенского, протопопы Аввакума и с ним сожжённых иерея Лазаря, диакона Феодора и инока Епифания, пострадавших за святую веру. В соборных Деяниях содержится такое решение: *«Древлеправославная Поморская Церковь безусловно почитает память страдальцев за благочестие и несомненно верует в их святость, однако в настоящее время как безиерархическое церковное общество, следуя благорассуждению прежде бывших поморских пастырей и учителей, не дерзает произвести причисление их к лику святых. Предлагаем христианским обществам праздновать дни памяти мучеников служением соборных панихид».*

В первый же день собора, по окончании заседаний, была отслужена заупокойная лития в память о пострадавших за древнее благочестие, среди которых особенно почитается протопоп Аввакум. Во время соборных заседаний с 4 по 7 мая в храме Знамения в Рыбацком находилась величайшая святыня староверия — наперсный священнический крест протопопы Аввакума, чудом сохранившийся до наших дней и привезённый из далекой Сибири.

История этого скромного на вид креста из красной меди по-своему уникальна. Надпись на оборотной стороне гласит: *«Распятие Господне бе у страсотерпца Аввакума протопопа в заточении, по сожжени же святаго взято бе стрельцом, иже и храни и (его. — К. К.) честно. Аз же смиренный Андрей Дионисиев сын Вторушин, сушу ми на Москве, стяжах и за мало нечто у сына стрельца того и принесох и во обитель нашу на вечное поклонение в лето 7222».*

Крест был отлит из медного сплава в 1612 году, о чём есть указание на самом кресте. Дата весьма символичная — год спасения Святой Руси от поляков-латинщиков, год триумфа свободного русского духа. Возможно, этот крест Аввакум получил из рук последнего благочестивого патриарха... После сожжения протопопа Аввакума в Пустозёрском остроге крест достался одному из стрельцов, а позже по наследству перешёл к его сыну, жившему в Москве. В конце XVII века на Севере России, в Поморье, возник крупнейший духовный центр староверия — Выгорецкая киновия (общежительство). Руководители киновии, заботясь о процветании монастыря, старались приобретать старые иконы, книги и другие предметы, необходимые для церковной жизни. Киновиарх Выгорецкого общежительства Андрей Дионисиевич, пребывая по делам обители в Москве, выкупил этот крест у стрелецкого сына и привёз его на Выг на вечное поклонение, о чём и была сделана гравировка на оборотной стороне. Можно предположить, что крест хранился в обители до самого разорения монастыря в середине XIX века, а позже был вывезен и стал храниться в одной из христианских семей. Вновь становится известно о кресте Аввакума в начале XX века. В ходе коллективизации началось раскулачивание, и многие семьи стали вынужденными переселенцами. В это время Аввакумов крест перешёл на хранение в другую семью. Теперь крест оказался в Сибири, в Кемеровской области, где передаётся по наследству как родовая реликвия и хранится до настоящего времени в семье староверов-поморцев.

6 мая на праздник святого великомученика Георгия, по окончании службы, крест был вынесен в зал храма Знамения, и все прихожане и участники собора имели возможность подойти ко кресту и поклониться. В те майские дни 2006 года и мне выпало величайшее счастье поклониться Аввакумову кресту. Думалось тогда: вот, тихо и незаметно, без шумной трескотни и завываний прессы, в город, выстроенный на костях многих тысяч русских людей и призванный, по замыслу его неистового основателя, перечеркнуть всю прежнюю историю столь любимой Аввакумом Святой Руси и начать собою историю новой цивилизации, прибыла эта величайшая святыня, омытая потом и кровью святого мученика, прошедшая с ним через все его мытарства и чудом сохранённая до наших дней, прибыла, чтобы вновь напомнить нам среди мирской суеты о самом главном, о том, ради чего люди не щадили своих жизней и не колеблясь шли на костёр, о том, что невозможно никогда и ни за что уничтожить... И не случайно, глубоко символично, что этой величайшей святыней, сохранившейся от Аввакума, стало то, что для каждого христианина дороже всех земных сокровищ —

Крест Христов. Воистину: *«Мне же да не будет хвалиться, токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне весь мир распяся, и аз всему миру»* (Гал. 6, 14). Да, Аввакум донёс свой крест до наших дней. Сумеем ли мы пронести его дальше?

Начато 14 апреля 2009 года, в Страстной вторник — окончено 30 октября 2010 года

Краткая библиография

Сочинения

Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. М., 1991.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подг. текста и коммент. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, А.С. Елеонской, А.И. Мазунина, В.И. Малышева, Н.С. Сарафановой; вступ. ст. В.Е. Гусева; под общ. ред. Н.К. Гудзия. М., 1960.

Памятники истории старообрядчества XVII века. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1.

Памятники старообрядческой письменности / Подг. текстов Н.Ю. Бубнова, Н.С. Демковой, О.В. Чумичёвой. СПб., 2000.

Протопоп Аввакум. Житие. Челобитные к царю. Переписка с боярыней Морозовой. Париж, 1951.

Пустозёрская проза: Сборник / Сост., предисл., коммент., перев. отдельных фрагментов М.Б. Плюхановой. М., 1989.

Пустозёрские узники — свидетели Истины: Сборник/ Сост., предисл., коммент., оформл. под общ. ред. епископа Зосимы. Ростов н/Д., 2009.

Пустозёрский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Елифания / Изд. подг. Н.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, Л.И. Сазонова. Л., 1975.

Литература

Бороздин А.К. Протопоп Аввакум: Очерк из умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд. СПб., 1900.

Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995.

Демкова Н.С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998.

Денисов С. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном

- Дионисиевичем (князем Мышецким). М., 2003.
- Заволоко И.Н. Странник, идущий в гору. Рига, 2004.
- Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. В 2 т. М., 2006.
- Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриарха Иосифа. М., 2003.
- Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. М., 1996.
- Кириллов И.А. Правда старой веры. Барнаул, 2008.
- Клибанов А.И. Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление // История СССР. 1973. № 1. С. 76–98.
- Кожурин К.Я. Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., 2007.
- Кутузов Б.П. Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. М., 2003.
- Мальшев В.И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума» // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 277–322.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Н. И. Субботиным. М., 1874–1895. Т. I–IX.
- Мякотин В.А. Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. СПб., 1893.
- Никольский В.К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Учёные записки Института истории (РАНИИОН). М., 1927. Т. 2.
- Панченко А.М. Аввакум как новатор // Русская литература. 1982. № 4. С. 142–152.
- Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. М., 2010.
- Понырко Н.В. Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010.
- Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963.
- Шашков А.Т. Из истории сибирской ссылки протопопа Аввакума // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2004.
- Ярош К. Характеры былого времени: Протопоп Аввакум. Харьков, 1898.

Основные даты жизни и деятельности протопопа Аввакума Петрова [\[77\]](#)

1620, 25 ноября — рождение Аввакума в селе Григорове Закудемского стана Нижегородского уезда, в семье священника местной церкви Петра Кондратьева и его супруги Марии.

1636 — смерть отца Аввакума попа Петра.

1638 — женитьба семнадцатилетнего Аввакума на четырнадцатилетней дочери григоровского кузнеца Анастасии Марковне.

1642 — Аввакум рукоположён в диаконы церкви Рождества Христова в селе Лопатищи.

1644 — Аввакум поставлен в священники лопатищинской церкви. В этом же году у него родился старший сын Иван.

1645, июнь (?) — рождение дочери Аввакума Агриппины.

12 июля — смерть царя Михаила Феодоровича.

13 июля — вступление на престол царя Алексея Михайловича. В Москве образуется кружок «боголюбцев».

1647, лето — первое бегство Аввакума в Москву.

Сентябрь — возвращение Аввакума в Лопатищи.

1648 — рождение сына Аввакума Прокопия.

1649, 17 января — приезд в Москву Паисия, патриарха Иерусалимского, указавшего на различия в церковных обрядах русских и греков.

19 марта — Никон посвящён в митрополиты Новгородские.

1651, 9 февраля — введение единогогласного пения в монастырях и приходских церквях.

1652, 23 марта — Аввакум назначен протопопом в собор Входа Господня во Иерусалим в городе Юрьевец-Повольский.

15 апреля — смерть патриарха Иосифа.

Май — бегство Аввакума в Москву.

25 июля — митрополит Никон возведён в патриархи.

1653, 11 февраля — выход Псалтыря с молитвословом, где были исключены разделы о 16 поклонах при произнесении молитвы преподобного Ефрема Сирина во время великопостной службы и о крестном знамении.

Между 20 и 27 февраля — «Память» патриарха Никона протопопу

Казанского собора Ивану Неронову о введении трёхперстного крестного знамения и об уменьшении числа земных поклонов при исполнении молитвы Ефрема Сирина во время великопостной службы.

С августа — начало разгрома движения «боголюбцев», сослано более 10 протопопов, лидеров движения. По стране сослано множество священников и мирян, сторонников «боголюбцев», некоторые из сосланных казнены.

4 августа — арест Ивана Неронова и заключение в Новоспасском монастыре «под крепким началом».

После 7 августа — Аввакум и Даниил Костромской пишут челобитную царю, прося за Ивана Неронова.

12 августа — Аввакум в Казанском соборе «...чел поучение на паперти... лишние слова говорил, что и не подобает говорить».

13 августа, «на завтрене первого часа» — Аввакум был взят под стражу Борисом Нелединским со стрельцами из сушила во дворе Неронова во время совершения «всенощного» и доставлен на Патриарший двор, где посажен на цепь.

14 августа — скованный Аввакум отвезён на телеге в Андроньев монастырь.

1 сентября — написана память Патриаршего двора — по указу царя и по приказу Никона «Входу Иеросалимского отставленаго протопопа» Аввакума с семьёй «за ево многое безчинство» сослать в «Сибирский город на Лену» в «Якутский острог».

8 сентября — рождение у Аввакума сына Корнилия.

15 сентября — Аввакум привезён в Успенский собор для расстрижения, но по просьбе царя расстрижение не состоялось.

17 сентября — Аввакум с семьёй отправился в ссылку в Сибирь.

Конец декабря — прибытие Аввакума в Тобольск.

1654, февраль — май — собор в Москве об исправлении церковных книг. Павел, епископ Коломенский, арестован и сослан в Новгородский край.

С мая — патриарх Никон фактически становится правителем Русского государства в отсутствие царя, отправившегося на войну с Польшей.

2 августа — полное солнечное затмение, истолкованное в народе как предзнаменование будущих несчастий Русского государства.

25 августа — бунт против Никона во время чумы. Один из лозунгов восставших: «Патриарх ненадёжен в вере и действует не лучше еретиков и иконоборцев».

1655, 25–31 марта — церковный собор в Москве против двоеперстия.

27 июня — в Тобольске получена царская грамота о переводе Аввакума с семьёй под стражей в Якутский острог с запрещением служить литургию.

29 июня — Аввакум с семьёй отправлен в Енисейский острог. Аввакум живёт в Енисейске, где в это время формируется даурский полк воеводы А.Ф. Пашкова.

1656, 3 апреля — мученическая кончина епископа Павла Коломенского.

23 апреля–2 июня — на соборе в Москве одобрена новопечатная книга «Скрижаль», осудившая двоеперстие, и провозглашено отлучение не повинующимся церкви последователям двоеперстия.

18 июля — экспедиция Пашкова отправилась в путь.

15 сентября — Аввакум прибыл в отряде Афанасия Пашкова на Долгий порог, где был бит палачом кнутом по спине и по бокам (72 удара) за «малое писанейце», посланное Пашкову и осуждающее воеводу за грубость и жестокость в обращении с людьми.

1 октября — отряд Пашкова прибыл в Братский острог. Аввакум заключён в «студёную тюрьму» — башню Братского острога, где сидел до Филиппова поста (15 ноября).

1657, лето — прибытие отряда Пашкова на Байкал.

Октябрь — полк Пашкова добрался до озера Иргень.

1658, конец зимы — весна — Пашков выходит к реке Ингоде.

Начало июня — полк Пашкова достиг устья реки Нерчи. Голод, смерть малолетнего сына Аввакума.

10 июля — Никон оставил патриаршество.

1660, начало весны — остатки отряда Пашкова уходят обратно на Иргень.

1662, 12 мая — сын боярский И.Б. Толбузин, назначенный нерчинским воеводой вместо А.Ф. Пашкова, принял от последнего в Иргенском остроге его даурский отряд и привёз царскую грамоту с приказом Аввакуму «ехать на Русь».

25 июля — восстание в Москве (так называемый Медный бунт).

Лето — Аввакум на Байкале.

Конец года — Аввакум со спутниками достигает Енисейска.

1663, конец июня — Аввакум прибыл в Тобольск, где оставался до середины февраля 1664 года.

1664, весна — прибытие Аввакума в Москву.

Лето — Аввакум имел «наедине» беседы с царским духовником протопопом Лукьяном Кирилловым, архиепископом Иларионом и

окольничим Ф.М. Ртищевым «о сложении перстов, и о трегубой аллилуии, и о прочих догматах» старых и «нынешних нововводных».

27 июля — окольничий Ф.М. Ртищев обратился к Аввакуму с вопросом: «достоит» ли «учиться риторике, диалектике и философии?». Аввакум ответил письмом («Собрание от божественных писаний протопопа Аввакума Петрова»).

29 августа — Аввакума с семьёй и домочадцами повезли в Пустозёрский острог.

Октябрь — Аввакум «с великою нуждею доволочся до Колмогор» и отсюда написал челобитную царю (третью) с просьбой не везти его с семьёй в Пустозёрск из-за трудности зимнего пути, а оставить «зде, на Колмогорах» или «как твоя государева воля».

21 ноября — юродивый Киприан подал царю третью челобитную Аввакума.

29 декабря — Аввакум привезён с семьёй и домочадцами (всего 12 человек) на Мезень.

1665 — у Аввакума родился младший сын Афанасий.

Конец 1665 — начало 1666 — арест вождей старообрядческой оппозиции (священник Лазарь, диакон Феодор, поп Никита Добрынин, игумен Сергей Салтыков, старец Герасим Фирсов, архимандрит Антоний, старец Ефрем Потёмкин).

1666, 1 марта — Аввакум привезён в Москву вместе с сыновьями Иваном и Прокопием.

Между 1 и 9 марта — Аввакум находился на увещании у митрополита Павла Крутицкого.

9 марта — Аввакум послан «под начал» в Боровский Пафнутьев монастырь.

29 апреля — открытие первой части Московского собора под председательством царя Алексея Михайловича. На соборе были подтверждены Никоновы нововведения и преданы анафеме защитники старых обрядов.

13 мая — Аввакум и диакон Феодор были расстрижены и преданы церковному проклятию в Успенском соборе. В свою очередь, Аввакум и Феодор при всём народе проклинали своих гонителей.

15 мая — Аввакум привезён с попом Никитой Добрыниным и диаконом Феодором в Никольский монастырь на Угреши и помещён под церковью в отдельную «палатку студёную над ледником».

24 мая — видение Аввакуму (в «Вознесенъев день», в полночь, во время чтения наизусть утреннего Евангелия) Богородицы и Христа с

«силами многими», сказавшего: «Не бойся, Аз есмь с тобою!»

8 июля, «на зоре» — Аввакума тайно навестили и имели с ним разговор через окно сыновья Иван и Прокопий и племянник Макар.

3 сентября — Аввакум выехал из Угрешского монастыря под конвоем стрелецкого полуголовы Г.О. Салова, четырёх стрельцов (десятника Никифора Данилова, трёх рядовых) и двух денщиков в Боровский Пафнутьев монастырь.

28 ноября — открытие Большого Московского собора 1666–1667 годов с участием «вселенских» патриархов.

12 декабря — низведён с патриаршества Никон.

1667, 30 января — диакон ярославский Козьма от имени Павла Крутицкого и Илариона Рязанского уговаривал Аввакума «и приходил к нему пьян ночью, хотел извести его».

10 февраля — возведён в патриархи Иоасаф II.

Между 10 февраля и 10 июля — напечатан «Жезл правления» Симеона Полоцкого, в котором даётся характеристика деятельности протопопа Аввакума и его единомышленников: «...ныне же новоявлшимися отступники Никитою, Аввакумом, Лазарем, Феодором, Феокистом, Спиридоном со суемудренными пустынниками и прочиими оторгнувшимися от единства церкви и своя богоненавидимая блядилища составляющими и строящими... Велия буря и нестерпимое волнение ударяет ныне на храмину божественныя церкви чрез злохульныя уста Никитины и его единомысленников: Лазаря попа, Аввакума, Феодора диакона и прочих, клеветующих, яко несть предание святых отец, еже тремя персты первыми крест святой на себе вообразати православным людем».

13 мая — на Большом Московском соборе были торжественно преданы проклятию древлеправославные церковные чины и обряды, свято хранимые Русской Церковью до лет патриаршества Никона. Начало раскола Русской Церкви.

17 июля — приговор собора в отношении Аввакума, Лазаря («паки... проклятию предаша») и инока Епифания («проклятию предаша, и иночества обнажиша, и острищи повелеша, и осудиша отослати к грацкому суду»).

5 августа — допрос архимандритами Филаретом Владимирским, Иосифом Хутынским и Сергием Ярославским Аввакума, Лазаря и Епифания. «А по допросу Аввакум подал письмо своей руки».

26 августа — указ о ссылке протопопов Аввакума и Никифора, попа Лазаря и инока Епифания в Пустозёрск с сотником Фёдором Акишевым и десятью стрельцами приказа Василия Бухвостова.

30–31 августа — Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания из села Братошина повезли на «ямских подводах» в Пустозёрский острог.

12 декабря — Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания привезли в Пустозёрск и поместили «порознь, очистя пустозёрских крестьян избы, по одному человеку в ызбе», за караулом сотника Ф. Акишева и девяти стрельцов.

1668, 22 июня — стряпчий Игнатий Волохов начал осаду Соловецкого монастыря. Начало «Соловецкого сидения». Пустозёрской четвёркой одобрена книга диакона Феодора «Ответ православных».

1669, в ночь с четверга на пятницу второй недели Великого поста — видение Аввакуму (после более десятидневного воздержания от пищи): Бог «за темничное сидение» «вместил» в него («покорил» ему) «небо и землю, и всю тварь».

1670, вторая половина марта — казнь (через повешение) Феодора Юродивого и Луки Лаврентьевича на Мезени. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий, также приговорённые к повешению, «повинились» и были вместе с матерью «закопаны в землю» (посажены в земляную тюрьму); у Анастасии Марковны и сыновей, Ивана и Прокопия, «взяты скаски за руками» в Сыскной приказ о том, что она и дети «соборней и апостольской церкви ни в чем не противны».

Около 10 апреля — приезд в Пустозёрск стрелецкого полуголовы И.К. Елагина «со стрельцами» для совершения казни узников.

14 апреля — Аввакум взят полуголовой Иваном Елагиным из тюрьмы вместе с Епифанием, Лазарем и Феодором и поставлен перед плахой для зачтения приговора и исполнения публичной казни («перед всем народом пустозёрским»). Указано Аввакума «вместо смертной казни» содержать в земляной тюрьме на хлебе и воде. Лазарю, Феодору и Епифанию вырезали языки (второй раз) и отсекли пальцы правой руки.

21 апреля — видение иноку Епифанию Богородицы и отсечённых перстов.

Конец года — казнь инока Авраамия в Москве, на Болоте.

1672, 17 февраля — смерть патриарха Иоасафа II.

7 июля — возведён в патриархи Питирим.

1673, 19 апреля — смерть патриарха Питирима.

1674, 26 июля — на патриаршество возведён Иоаким.

1675, с 1 на 2 ноября — мученическая смерть боярыни Ф.П. Морозовой в Боровской темнице.

1676, 22 января — взятие царскими войсками Соловецкого монастыря.

29 января — «умертвие» царя Алексея Михайловича.

30 января — вступление на престол царя Феодора Алексеевича.

25 августа — Разрядный приказ послал в Новгородский приказ память о переводе Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания из Пустозёрского острога в Кожеозёрский и Спасо-Каменный монастыри.

1677, 24 февраля — сделана запись в Новгородском приказе о посылке грамоты в Пустозёрск о возвращении протопопа «с товарищи» из монастырей в тюрьму Пустозёрского острога.

1681, 6 января — в день Богоявления, во время крещенского водосвятия, в присутствии царя Феодора Алексеевича на «иордани», старообрядцы «безстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству безчестныя... тайно вкрадучися в соборныя церкви, как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальные свечи ставили... наущением того же расколначальника и слепаго вождя своего Аввакума. Он же сам... на берестяных хартиях начертавал царския персоны и высокия духовныя предводители с хульными надписаними, и толкованими, и блядословными укоризнами весьма запретительными, не токмо от всего Священнаго Писания, но от божественных уст Спасителя нашего...».

17 августа — смерть бывшего патриарха Никона.

1682, март — первая половина апреля — капитан И.С. Лешуков вёл сыск в Пустозёрске по поводу распространения Аввакумом из земляной тюрьмы «злопакостных» и «злохульных» писаний, направленных против царя и высшего духовенства.

14 апреля — казнь (сожжением на костре) протопопа Аввакума, инока Епифания, иерея Лазаря и диакона Феодора.

27 апреля — смерть царя Феодора Алексеевича. По народному преданию, записанному в XVIII веке, протопоп Аввакум предсказал царю скорую кончину после своей казни.

Иллюстрации

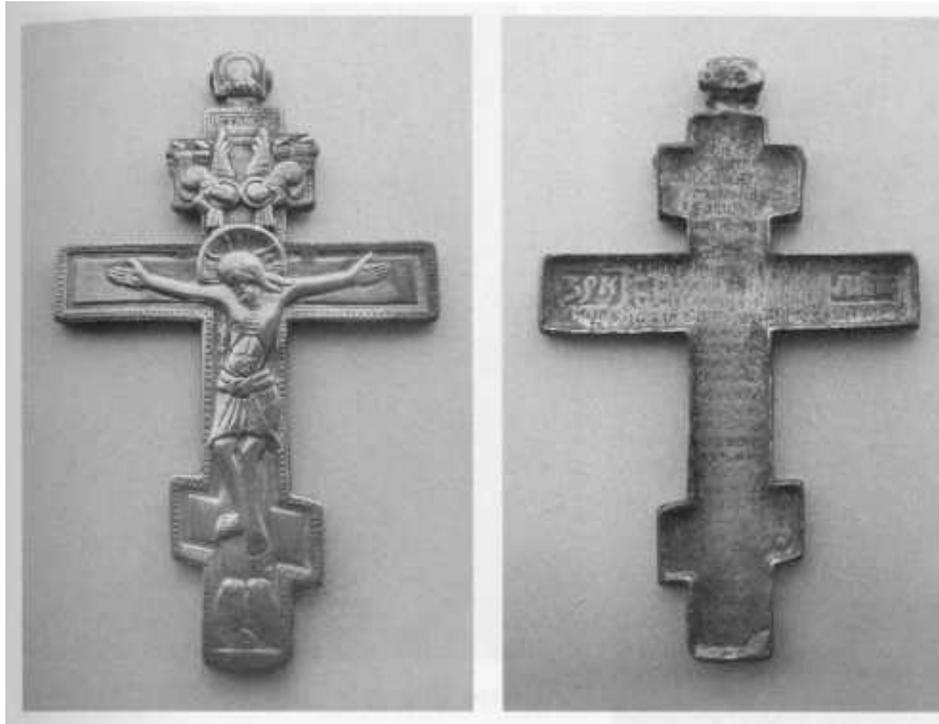
01. Протопоп Аввакум. Икона. XVIII в.

02. Пять патриархов Русской церкви

03. Макарьев Желтоводский монастырь

04. Священнический крест протопопа Аввакума

05. Вид Юрьевца-Повольского. Н.Чернецов. 1951 г.

06. Патриарх Иосиф

07. Епископ Павел Коломенский

08. Красная площадь в Москве. А.М.Васнецов

09. Царь Алексей Михайлович

10. Царица Мария Ильинична

11. Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке. А.М.Васнецов

12. Казанский собор на Красной площади

13. Московский Печатный двор

14. Чудов монастырь в Кремле

15. Московский Кремль в конце XVII века. А.М.Васнецов

16. Суд над патриархом Никоном. С.Д.Милорадович. 1906 г.

18. Патриарх Никон. С.Д.Милорадович

19. Видение преподобного Елеазара Анзерского о Никоне

20. Собор 1654 года. Старообрядческая миниатюра

21. Собор 1654 года. С картины А.Д.Кившенко

22. Царь Алексей Михайлович и Никон, Митрополит Новгородский у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Московского. Д.Литовченко

23. Сожжение епископа Павла Коломенского

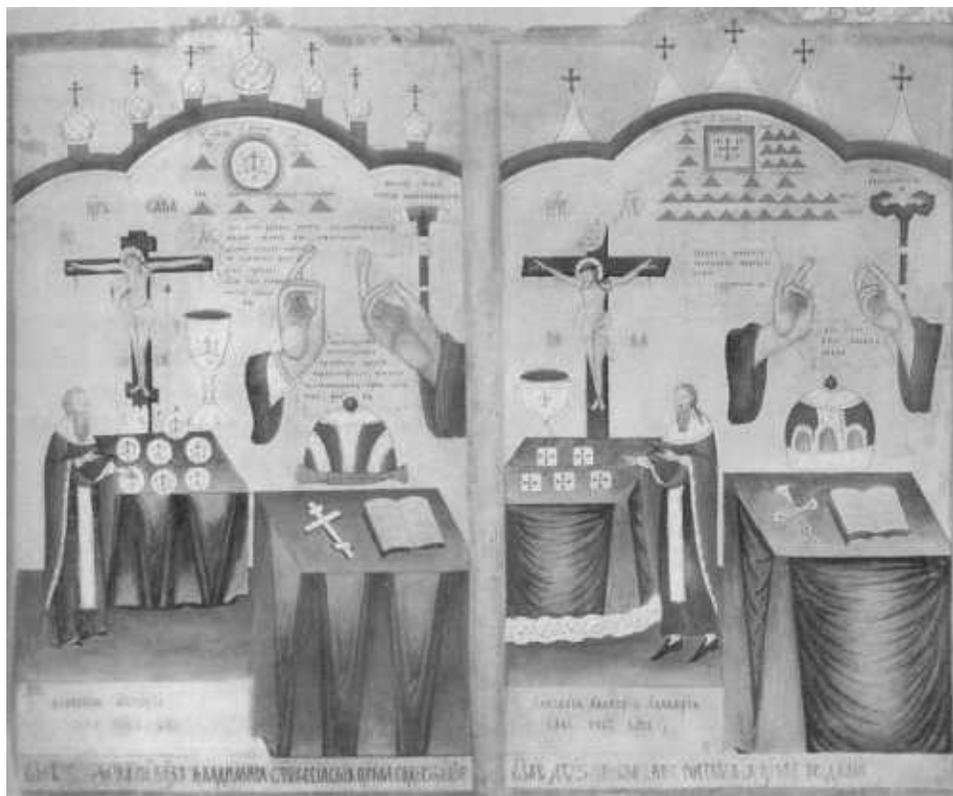
24. Сожжение старообрядческих книг. К.В.Лебедев

25. Аввакум в Даурии. С.Д.Милорадович

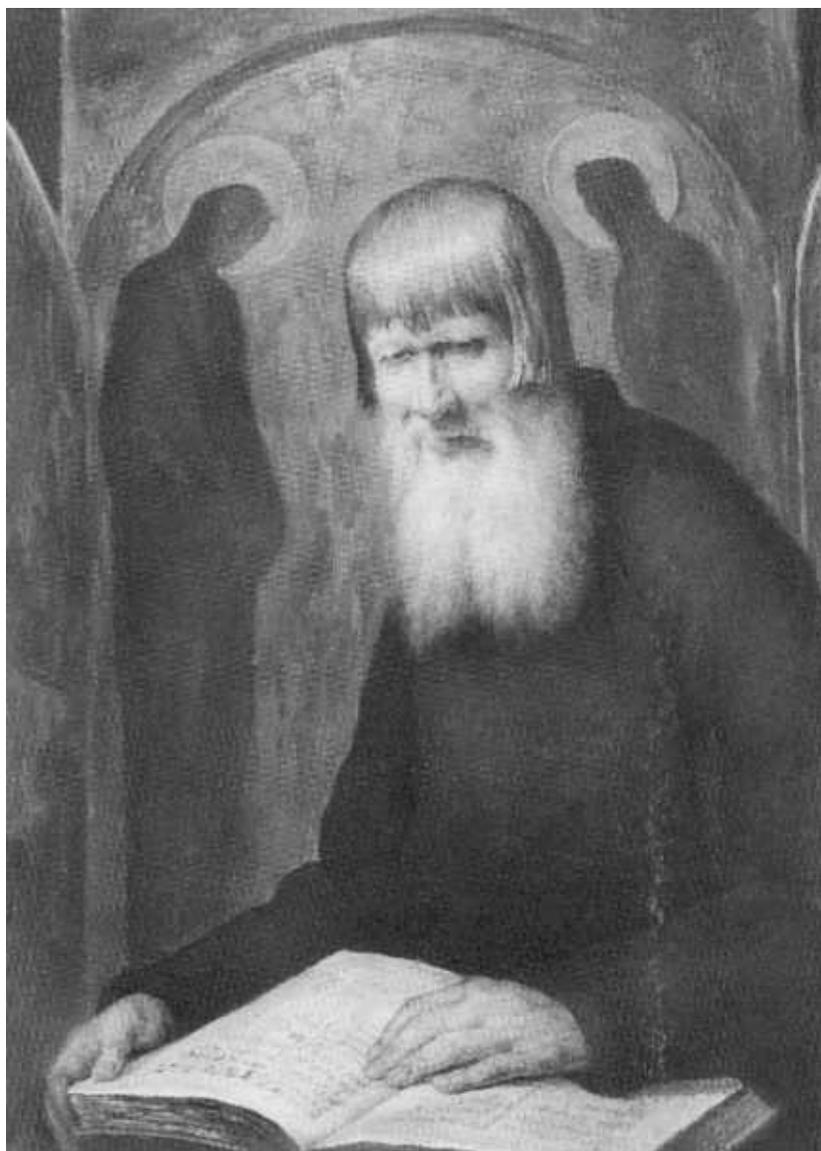
26. Башня братского острога 1654 года, в которую был заключён протопоп Аввакум

27. Различия между старыми и новыми обрядами. Старобрядческая миниатюра

28. Никон в Новом Иерусалиме. В.Г.Шварц

29. Старовер. М.П.Боткин. 1877 г.

30. Мезень в XIX веке

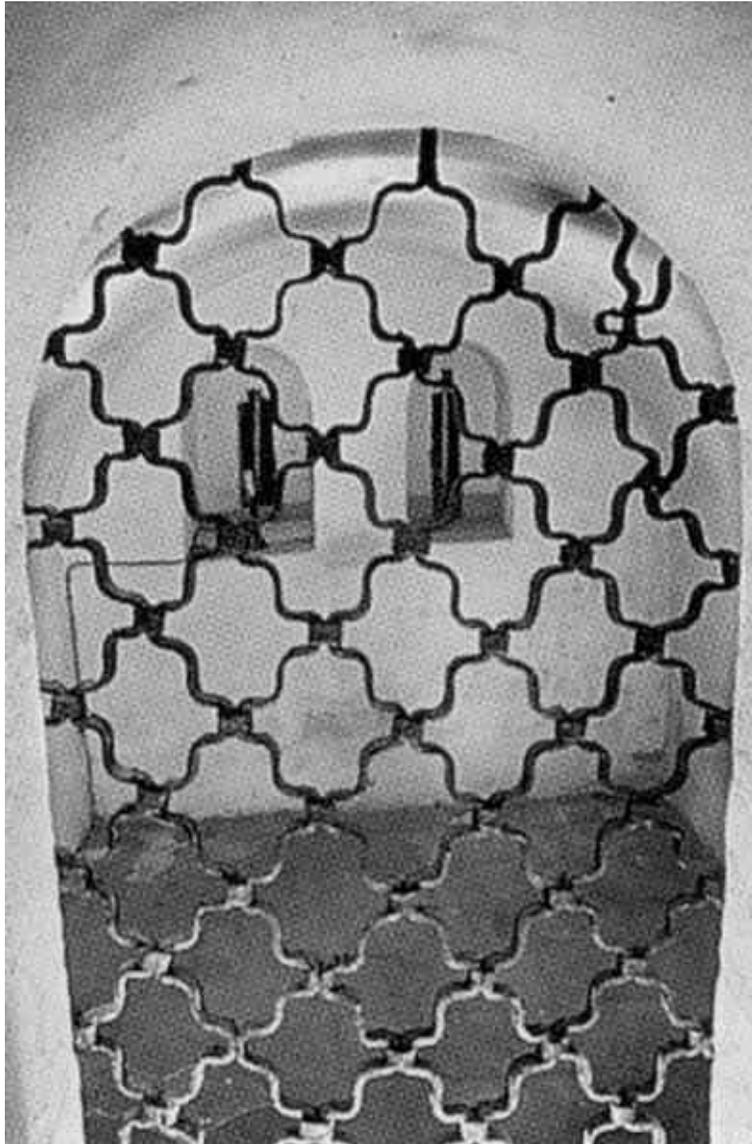
31. Протопоп Аввакум. Миниатюра А.А.Великанова

32. Место заточения Аввакума в Андрониковом монастыре

33. Николо-Угрешский монастырь в XVII веке

34. Место заточения протопопа Аввакума в Боровске

35. Башня Боровского Пафнутьева монастыря, в которую был заключён протопоп Аввакум

*36. Боярыня Морозова посещает протопопа Аввакума в тюрьме.
Миниатюра А.А.Великанова*

37. Протопоп Аввакум. К.А.Вещилов. Эскиз. 1906 г.

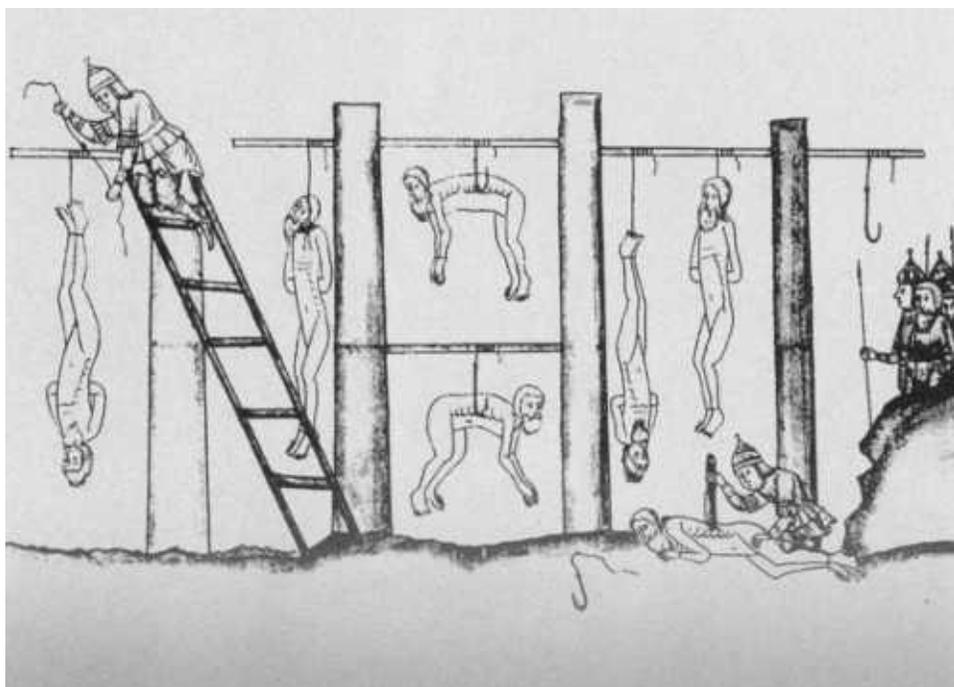
38. Священномученик Аввакум. Гуслицкая икона начала XX в.

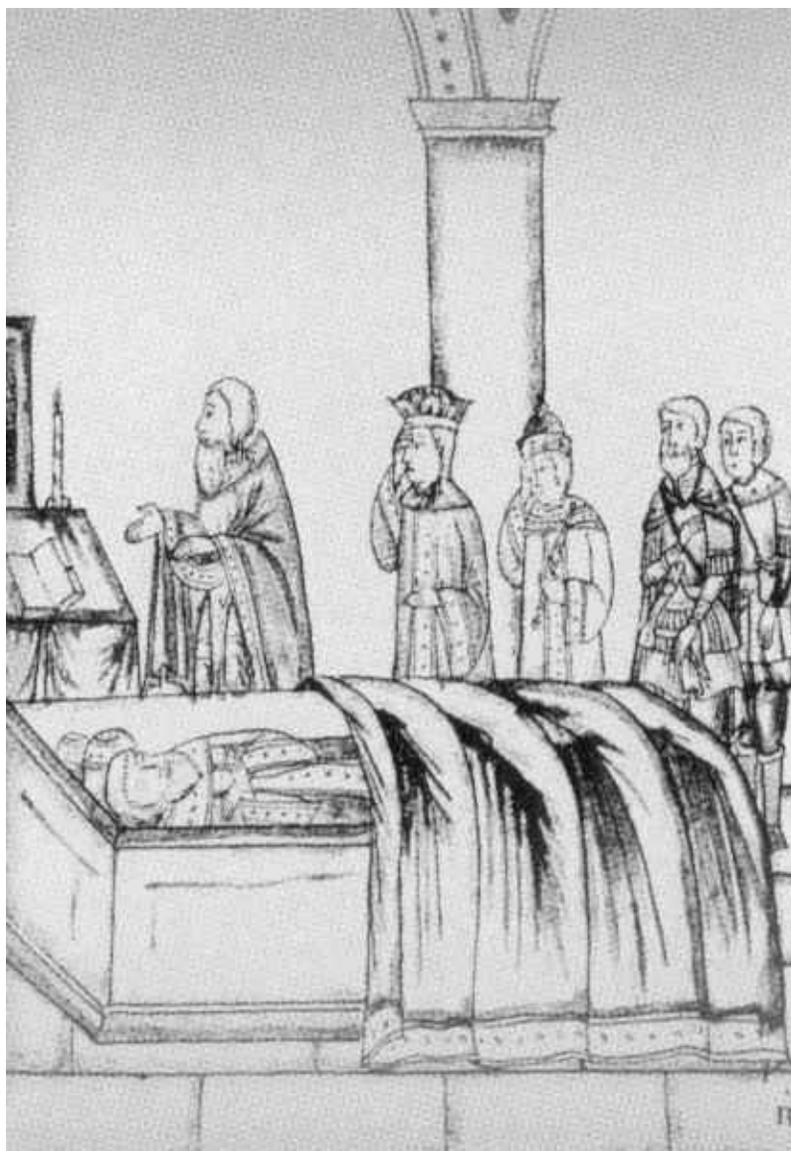
39. Соловецкий Чёрный собор. С.Д.Милорадович

40. Соловецкие иноки отвергают никоновские новшества и исправление церковных книг

41. Казни соловецких иноков

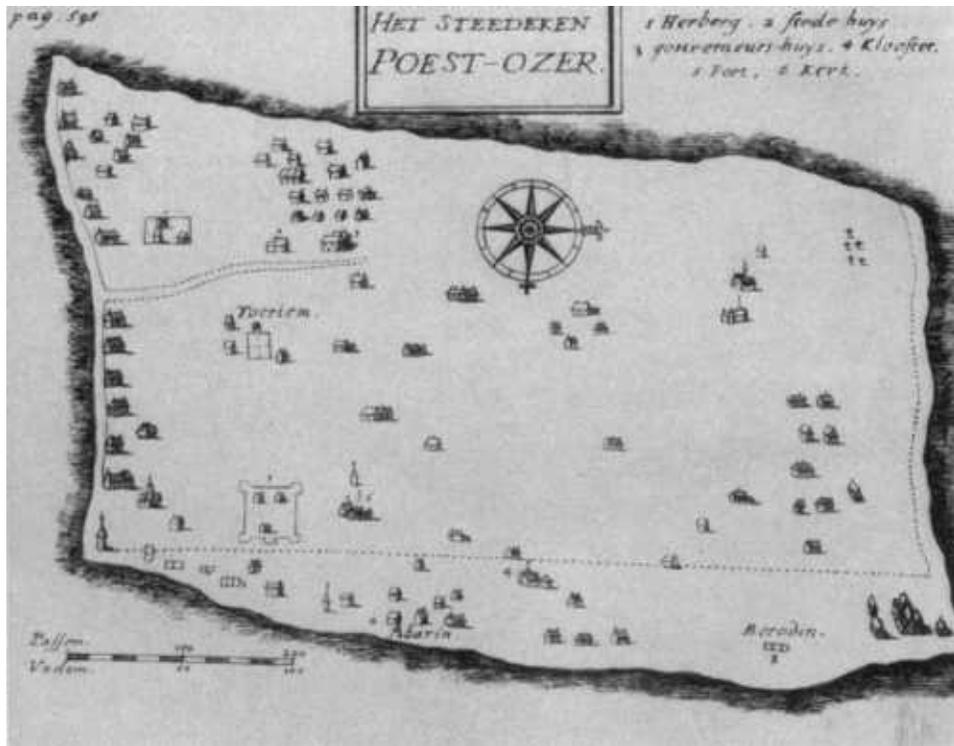
42. "Умертвие" царя Алексея Михайловича

43. Соловецкий монастырь

44. Инок Епифаний

45. Изображение Пустозёрска XVII века

и прираде блуднице
каже се ся таже за
лапа. А оти сани е я по
хала сь за то. јѣ др
ран пора сванте. сван
грехоторно а учикиль.
јѣ мекя прошите. ав
ае црковному предаки
кспротично јно јта сь
лако. вошь дам јм
сто ѡстапилъ приши
те спое рбко дмк јжк
моу јаотери јли прощ
е јли еактики. паксже
кѣ за ѡко поровали ѡ
рши члвца јхорокиж
јца ево поца рнија крѣ
судите же та сь что др
хс кс та сь сванте ка
нажь сван. сего др
ниши же что др

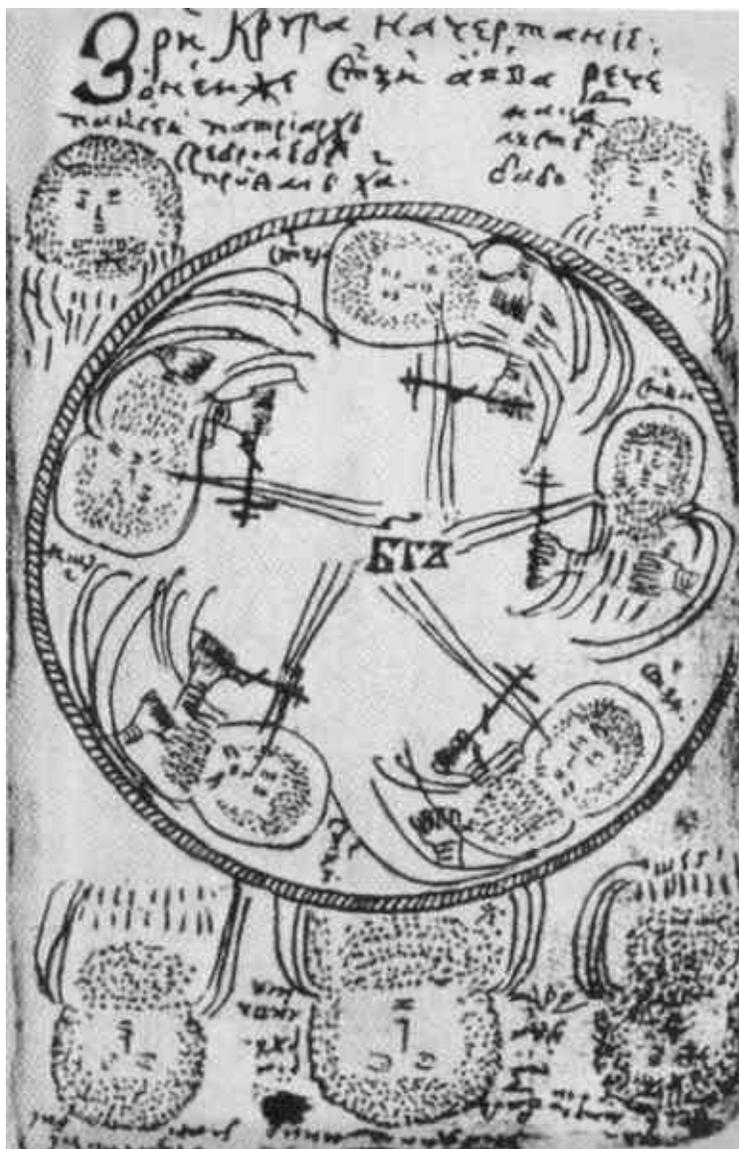
46. Автограф "Жития" протопопа Аввакума

***48. Реконструкция Пустозёрска. Автор — академик архитектуры
А.В.Ополовников (при участии А.Е.Ополовниковой)***

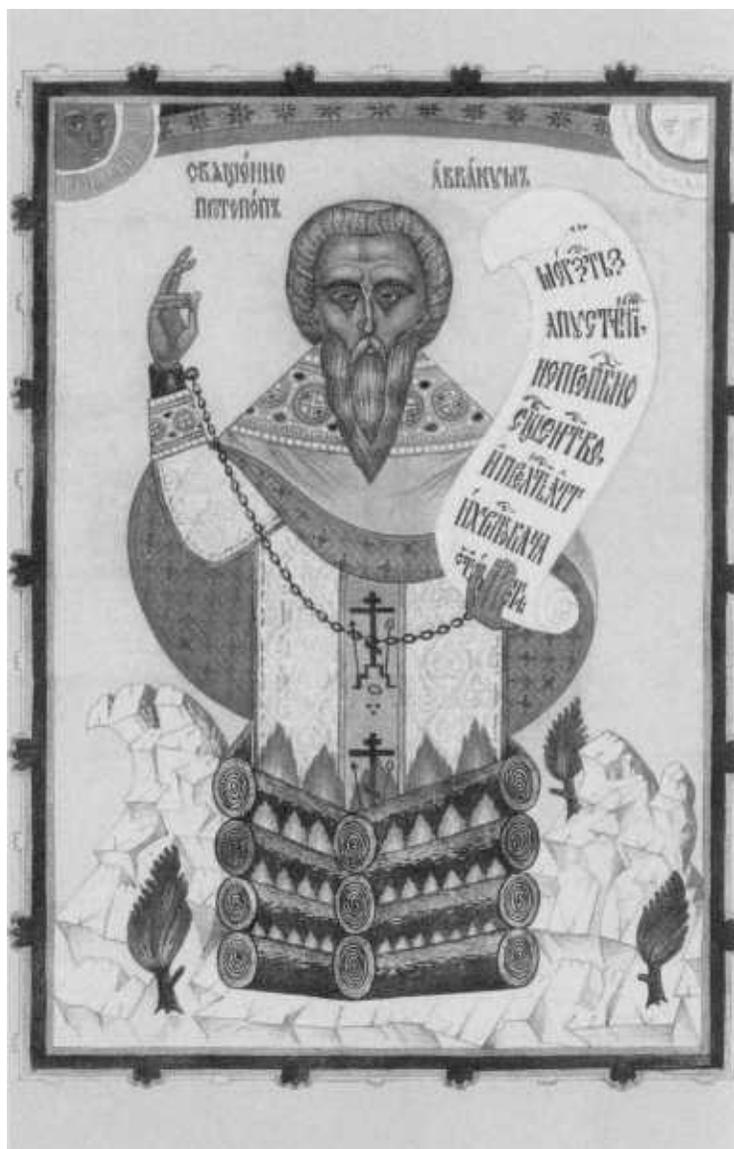
49. Аввакум и его соузники. Старобрядческая икона XIX в.

50. Автограф Аввакума с карикатурами на никонианских архиереев

51. Аввакум пишет "Житие". Миниатюра А.А.Великанова

52. Священно протопон Авакум. Образ современного иконописца И.Е.Валетова

*53. Сожжение священномученика Аввакума. Миниатюра
И.Н.Шуршакова*

54. Сожжение протопопа Аввакума. П.Е.Мясоедов. 1897 г.

**55. Спас Благое Молчание и сожжение священномученика Аввакума.
Современная икона**

**56. Протопоп Авакум. Икона работы И.И.Михайлова. Середина XX в.
Вильнюс**

57. Автор у памятного знака, установленного на месте сожжения протопона Аввакума с союзниками в Пустозёрске. Фото краеведа М.Фещенко. 2006 г.

notes

Примечания

1

Село Григорово расположено юго-восточнее Нижнего Новгорода за рекой Кудьмой, правым притоком Волги. Существует и по сей день, входит в состав Большемурашкинского района Нижегородской области.

Имеется в виду следующее пророчество Аввакума: «Зане смокви плода не сотворят, и не будет плода в виноградех. Солжет дело маслинно, и поля не сотворят яди. Оскудеша овцы от пищи, и не будет волов при яслех» (Авв. 3,17). Блаженный Феодорит Кирский в толковании на этот стих пишет: «В каждом из сих изречений заключается иносказание. Ибо смоковницею пророк назвал Иеросалим... Виноградом же Божественное Писание многократно именовало народ Божий... А недающею плода маслиною не погрешив назовет иной фарисеев и саддукеев, которые, величаясь присвоаемым ими себе именем праведности, вовсе не приносили плодов ея... Полями бесплодными пророк нарицает покорных сим наставникам... И овцами называет пророк подчиненных, которым угрожает голодом. Ибо сказано: се пошлю глад на землю, не глад хлеба, ни жажды воды, но глад слышания слова Божия (Амос. 8, 11). Сие же: не будет волов при яслех, говорит пророк о иереях, без которых остались пусты именитые древле жертвенники. Как волы обрабатывают землю, так иереи возделывают души людей, как некую пищу собирая с них приносимое к божественным жертвенникам, как к неким яслям». Впоследствии старообрядцы неоднократно указывали на это пророчество как на явное указание о прекращении православного священства. Любопытно, что об этом пророчестве говорит союзник протопопа Аввакума по пустозёрскому заточению диакон Феодор в послании к родным Аввакума: «Да помните ли вы, что глаголет чюдный пророк Аввакум в песне своей: оскудеша овцы от пищи и не будет волов при яслех? То христиане от причастья оскудеют неправыя ради службы; а волов при яслех не будет (толк) попов достойных и православных в олтаре не будет. Волы — попы, ясли — олтарь или церковь. Глаголет Писание: будет бо — что поп, то винопица и пияница; что чернец, то вор».

3

Имеется в виду римский папа.

Папский нунций (посланник) на Востоке, иезуит Антонио Поссевино.

Игнатий (ок. 1540–1620) — церковный деятель греческого происхождения, де-факто патриарх Московский и всея Руси при Лжедмитрии I. Выходец с Крита. Прибыл в Москву в 1595 году в составе миссии Константинопольского патриархата и остался в России. Принимал участие в коронации Бориса Годунова. В 1603 году стал митрополитом Рязанским и Муромским. После смерти Годунова, как и большая часть высокопоставленных иерархов Русской Православной Церкви, примкнул к сторонникам Лжедмитрия. Приводил к присяге царю «Дмитрию Ивановичу» народ в Туле. Был возведён самозванцем на патриарший престол вместо сосланного Иова. Короновал Лжедмитрия I и венчал его с Мариной Мнишек. На следующий день после убийства Лжедмитрия — 18 мая 1606 года был лишён сана и заточён в Чудов монастырь. Так как попытка быстро избрать нового патриарха не увенчалась успехом (Ермоген был избран только 3 июля), Василий Шуйский венчался на царство митрополитом Исидором 1 июня 1606 года вообще без патриарха. После избрания Ермогена на Руси фактически оказалось сразу три патриарха. В 1611 году Игнатий был освобождён поляками и отправился в Речь Посполитую, где принял униатство. Последние годы провел в Троицком монастыре в Вильно.

Древняя разновидность чётков, сохранившаяся до наших дней у старообрядцев.

Нижегородская епархия была учреждена лишь 24 марта 1672 года определением Московского собора. Вопрос об учреждении митрополичьей кафедры решался довольно длительное время, и ускорило это решение опасное для господствующей церкви умножение сторонников старообрядчества в «Низовской земле», где во множестве находили себе убежище московские старообрядцы, а также разинцы — участники крестьянской войны 1670–1671 годов.

По данным академика Е. Е. Голубинского, в XVI — начале XVIII века практика отправления богослужений в приходах принципиально не менялась: обычный приходской священник совершал в год в среднем 50 воскреснопраздничных служб, то есть далеко не каждое воскресенье. По свидетельствам иностранцев (Герберштейн, Олеарий, Майерберг и др.), священник в городе обязан был служить два — три раза в неделю, а на селе — только в воскресенья и праздники.

Ручной блуд.

Евангельская стихера 1-го гласа: «На гору учеником идушим, за земное вознесение, предста Господь, и поклонишася Ему. И в данную власть всюду научивше, в поднебесную посылаются, проповедати еже из мертвых воскресение, и еже на небеса вознесение, имже и вечно спребывати неложны обещася, Христос Бог и Спас душам нашим».

Именно так писалось и произносилось его отчество в то время.

Правый приток Волги.

Несомненно, в XVII веке это выражение звучало менее грубо, чем теперь (слово «блядь» попросту означало «ложь»), и было обычным ругательством. Так, например, архидиакон Павел Алеппский, посетивший Россию в 1656 году, замечает: «В этой стране у патриарха, царя и вельмож главное ругательство, обыкновенно: “мужик, блядин сын”, то есть крестьянин, безумный...»

По поводу их деятельности В. О. Ключевский пишет: «Выписанные учёные, кроме исполнения главного заказанного им дела, должны были удовлетворять и другим потребностям московского правительства и общества. По приказам царя или патриарха они составляли и переводили разные образовательные пособия и энциклопедические сборники, географии, космографии, лексиконы; все такие книги стали бойко спрашиваться московским читающим обществом, особенно при дворе и в Посольском приказе; такие же книги выписывали через русских послов из-за границы, из Польши. Епифаний перевёл географию. Книгу врачебскую анатомию. Гражданство и обучение нравов детских, т. е. сочинение о политике и педагогии. Сатановский перевёл книгу О граде царском, сборник всякой всячины, составленный из греческих и латинских писателей, языческих и христианских, и обнимавший весь круг тогдашних ходячих познаний по всевозможным наукам, начиная богословием и философией и кончая зоологией, минералогией и медициной». Что касается главной цели, ради которой киевские книжники официально были приглашены в Москву, — перевода Библии, — то он действительно был издан в 1663 году. Однако на поверку оказалось, что это было лишь переиздание Острожской Библии 1581 года, с незначительными исправлениями и поновлениями языка.

Кинопс (греч.) — языческий жрец («волхв»), выступивший против проповеди святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова на острове Патмос. Похвалялся тем, что доведет апостола до гибели, и при помощи бесов творил всевозможные лжечудеса. Однако святой Иоанн разрушил все бесовские козни, и Кинопс бесславно погиб в морской пучине («якоже древнии фараон погрязнув окаянно»)

Что касается широко распространённого мнения о том, что в качестве справщиков в это время на Печатном дворе работали видные деятели старообрядческого движения (Аввакум, Лазарь, Никита Добрынин и другие), то оно не имеет под собой никаких оснований и не подтверждается никакими архивными материалами. Некоторые историки допускают лишь косвенное влияние протопопов Стефана Внифантьева и Иоанна Неронова на исправление книг при патриархе Иосифе.

Наглядным примером умеренного, или «разумного», многогласия может служить современная богослужebная практика старообрядцев-беспоповцев, наиболее строго сохраняющих дониконовские традиции. Так, кафизмы на воскресной и праздничной утрeне исполняются у них следующим образом: избранные стихи из псалмов пропеваются хором, в то время как чтец «втай», то есть про себя, прочитывает всю кафизму. При этом сохраняется и благочиние службы, и сокращается время богослужения. Этот принцип издавна был известен во Вселенской Церкви.

Юрьево-Повольский, или Юрьево-Поволжский — город бывшей Костромской губернии, ныне в составе Ивановской области. Расположен на правом берегу Волги (Горьковское водохранилище), в 66 километрах к юго-востоку от железнодорожной станции Кинешма, в 168 километрах к северо-востоку от Иванова.

Впоследствии блаженный Симон Юрьевецкий станет жертвой чудовищной волны деканонизаций древнерусских святых, начатой никоновскими реформами. В 1722 году по распоряжению Синода почитание блаженного в господствующей церкви было прекращено.

В Первой челобитной царю Алексею Михайловичу Аввакум называет имя воеводы — Дионисий Крюков.

В этом смысле характерен эпизод, описываемый учёным хорватом Юрием Крижаничем. Ехавшего в Россию Крижанича нагнал в Нежине «некий Софоний, назвавший себя митрополитом Филиппополя и Драмы» (Македонская епархия). Софоний ехал на Русь для сбора милостыни, но не имел для этого соответствующих грамот. Нуждаясь в попутчике, который бы знал русский язык, он стал уговаривать Крижанича поехать с ним, а чтобы усыпить бдительность пограничных таможенных застав, — сочинить подложные грамоты якобы от имени патриарха Иоанникия — «по общим нуждам церковным». «Когда я не хотел этого исполнить, — пишет Крижанич, — он, вместе с одним другим митрополитом, хотел меня отстегать и, конечно, сделал бы это, если бы, вырвавшись, я не убежал к городскому писарю. Впрочем, признаюсь в своей вине: впоследствии я сочинил ему помянутые грамоты, боясь за свою жизнь».

В 1721 году царь Пётр Алексеевич, реформировавший господствующую церковь по англиканскому образцу, объявит Россию империей, а Сенат удостоит его титулами «Великий» и «Отец отечества».

В 1682 году царь Фёдор Алексеевич отменит местничество — древнюю систему распределения служебных мест в Русском государстве.

Впоследствии эту идею также осуществит Пётр I, основав в 1703 году близ западной границы Санкт-Петербург и перенеся сюда столицу в 1712 году.

Личность этого человека, бывшего одним из главных вдохновителей никоновской церковной реформы, достаточно хорошо характеризует следующий факт: в результате его интриг в 1651 году погиб патриарх Константинопольский Парфений Младший. В октябре 1651 года архиепископ Фессалийский Даниил в особой отписке царю Алексею Михайловичу сообщал: «Грех ради наших сказывают, что Иеросалимский патриарх прислал денег немало тут же на помощь, чтоб ево, патриарха Парфения, сослали, потому что они имели меж себя недружбу». Дело закончилось тем, что патриарха Парфения обвинили в заговоре против Порты и повесили на Решётчатых воротах в Константинополе.

Получившим этот сан, думается, не в последнюю очередь благодаря его, Паисия, стараниям. Так, в частности, патриарх Паисий писал царю: «Еще пребываючи аз при вашей милости в прошлые дни, говорил есми со преподобным архимандритом спасским Никоном, и полюбилась мне беседа его; и он есть муж благоговейный, и досуж, и верный царствия вашего; прошу да будет имети повольно приходитьи к нам беседовати по досугу, без запрещенія великаго вашего царствия».

Арсению Суханову (1600–1668), хорошо знавшему греческий язык, далеко не случайно была поручена эта миссия. Ему и прежде доводилось выполнять поручения Посольского приказа — в 1637–1640 годах он ездил в составе посольства в Кахети к царю Теймуразу I. В своём подробном отчете Арсений Суханов отметил множество отступлений грузинского богослужения от русского. По мнению С.А. Белокурова, в 1649 году Арсений Суханов был послан на Восток для того, чтобы проверить, насколько соответствовал действительности отзыв о греках и их благочестии, содержащийся в недавно изданной в Москве «Книге о вере».

Иеродиакон Иона Маленький, сопровождавший Арсения Суханова в его экспедиции и посетивший вместе с ним в 1652 году Иерусалим, замечает по поводу небесного огня: «А того не ведомо, как у него (патриарха Паисия. — К. К.) те свечи засветятся: огонь вещественн, как есть огонь». Характерно, что сам Арсений Суханов, всегда столь внимательный к деталям, описывая церемонию небесного огня, ни слова не говорит о том, как он появляется и каковы его свойства. Возможно, что ответ на этот вопрос он предпочел дать в Москве в устной форме.

Впоследствии все аргументы Арсения Суханова в его полемике с греками будут почти буквально воспроизведены старообрядцами в их спорах с греками и в челобитных царю Алексею Михайловичу. В частности, эти аргументы приводил и протопоп Аввакум в споре со «вселенскими» патриархами на соборе 1666–1667 годов.

Здесь нужно отметить, что в дониконовской Русской Церкви при поставлении архиерея в более высокий сан (например, епископа в архиепископа или в митрополита), а также при поставлении на патриаршую кафедру над кандидатом полностью повторялось архиерейское рукоположение. Особый чин поставления патриарха появляется лишь начиная с Никона.

Для сравнения: в середине XVII века за год (!) тяжёлой крестьянской работы на хозяйском довольствии молодой крепкий мужчина получал пять рублей, женщина — два с полтиной, а лошадь стоила полтора рубля.

Нужно сказать, что на совести патриарха Никона не одна только эта смерть. Не менее жестоко поступил он с другим епископом — сербским митрополитом, приехавшим в Россию не для вступления в русское подданство, а для получения пожертвований. В 1654 году в Москве оказался митрополит Арсений Успенского Требинского монастыря. Он привёз «вестовые письма» и рассчитывал на получение даров для своей обители. Сохранившееся до наших дней дело описывает его приём у царя, выплату жалованья, пересказывает привезённые им политические известия и даёт совершенно неожиданную информацию: «...и по указу патриарха Никона тот митрополит сослан с Москвы в Павловский монастырь под начало. И в том монастыре умер». На погребение Арсения патриарх Никон распоёрился выделить деньги архимандриту Митрофану, в монастыре которого во время «исправлений» скончался митрополит. 6 апреля 1657 года патриарх Никон указал выделить 2 рубля архимандриту Михаилу на гроб преставившемуся сербскому митрополиту Арсению.

Любопытно, что вопреки соборному решению русские иерархи продолжали принимать католиков через крещение. Сам Никон благословил в январе 1656 года перекрестить взятого в плен польского великого гетмана Павла Потоцкого. Однако на Соборе 1656 года решение об отмене крещения для католиков будет приниматься вновь.

Впрочем, на Соборе 1667 года это безумное постановление низложенного патриарха было отменено. Собор признал, что это никоновское учение и распоряжение — «вся суть еретическая пребеззаконная и вне Церкви Христовой».

Папарты — белые воздушные ленточки, изображаемые на иконах возле ушей ангелов — знак слушания Бога.

Это произошло в Неделю Православия, 4 марта 1655 года, в Софийском соборе Тобольска. В памяти из Патриаршего приказа в Сибирский от 1656 года об этом анафематствовании говорится следующее: «Да ево, Ивана, архиепископ Симеон без государева патриарша указу проклял и от Церкви Божии отлучил и священником в дом ево с святынею и со всякими потребами приходить и от него никакова приношения в церковь примать не велел».

В XVII веке Даурской землёй называлось Восточное Забайкалье и частично Приамурье в бассейне рек Шилки, Аргуни, Зеи, Буреи, отчасти Сунгари и Уссури.

Доцаник (доценик) — плоскодонное судно с одним деком (палубой). Большие доцаники могли поднимать до пятидесяти человек с военными и съестными припасами. На них ходили по рекам вниз на веслах, а вверх на парусах, а если не было ветра, то тянули бечевой.

Индейки.

Пеликаны.

41

Топорик с узким продолговатым лезвием и обухом в виде молотка.

Перекладину.

Уступа.

Ружьё с колёсным замком.

Пожалуйста; прошу тебя.

46

Пытка на дыбе с прижиганием огнём.

Однобортный кафтан.

Двадцать пять.

По-видимому, Корнилий и ещё один сын, родившийся уже в Сибири.

Ез — плетень поперёк реки для ловли рыбы.

«Повалушей» называлась обширная часть деревянных городских хором, предназначавшаяся для пиров и праздников; эта часть дома имела вид башни.

Морской заяц — поморское народное название наиболее крупного тюленя северных морей (длина до 3 метров, вес до 350 килограммов).

«Медведем» называли залежалый товар.

Характерно, что на печатном гербе Никона имелось не только изображение латинского четвероконечного креста, но и папской тиары.

Иов, 3, 23.

Он был родным прадедом знаменитого князя Г. А. Потёмкина-Таврического, сделавшего немало полезного для старообрядчества и, по преданию, хорошо помнившего о своих корнях.

Имеется в виду Воскресенский монастырь под Москвой, отстроенный Никоном с большой пышностью и названный им «Новым Иерусалимом».

Лк. 19, 40.

Лк. 12, 32.

Афедрон (греч.) — задний проход.

Пс. 114, 3.

Алексей Михайлович воспринимал эти слова льстивого грека буквально: после своего разрыва с Никоном, примерно с 1662 года, он стал причащаться за литургией по чину священнослужителей, то есть непосредственно в алтаре и отдельно — телу и крови Христовой, подобно тому как это делали священники и диаконы. Такой порядок причащения Алексея Михайловича соответствовал древней византийской практике причащения императора, о чём ему, вероятно, сообщил услужливый Паисий.

Имеется в виду двоеперстие, в котором сложение всех пяти пальцев имеет глубокий догматический смысл: два протянутых — указательный и средний — означают две природы во Христе, а три сложенных вместе остальных — Святую Троицу. По новому толкованию, введённому Никоном, смысл имели лишь три первых пальца, сложенные в честь Святой Троицы, два же остальных оставались «праздны», то есть ничего не означали. Впоследствии, под влиянием старообрядческой критики, в новообрядческих книгах два, прежде «праздных», перста тоже стали толковаться как две природы во Христе.

Сир. 16, 3.

Евр. 7, 26.

1 Коп. 4, 10.

2 Кор.6, 15.

Иов 3, 23.

2 Тим. 2, 24.

Мф. 5, 4.

Деян. 14,22.

Мр. 13, 13.

Убойными.

В дошедшей до нас рукописи явная описка переписчика. Надо читать «января».

Имеется в виду Иоанн VIII Палеолог, византийский император (1425–1448), сын императора Мануила II, принимавший активное участие во Флорентийском соборе 1439 года.

Лишь в 1909 году святость Анны Кашинской была вновь признана господствующей Церковью, а её почитание восстановлено.

При составлении краткой хронологии жизни протопopa Аввакума была использована работа В.И. Малышева «Материалы к «Летописи жизни протопopa Аввакума»» (Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопopa Аввакума» //Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 277–322).